

Юрий Яньшин

Формула Бога. Восхождение

Юрий Витальевич Яньшин

Формула Бога. Восхождение

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70531060

SelfPub; 2024

Аннотация

Приключения Ангела-Хранителя Захарии в Раю продолжаются. Он пытается спасти человечество, находит новых друзей, свою любовь и наконец встречается с самим Создателем. (обложка книги создана автором с помощью нейросети Кандинский 3.0).

Юрий Яньшин

Формула Бога.

Восхождение

Книга вторая

Посвящается моему любимому читателю,
Моей маме – Морозовой Тамаре Павловне.

Когда бог, спустившись с неба,
вышел к народу из Питанских болот,
ноги его были в грязи.

(Стругацкие А. и Б. «Трудно быть Богом»)

XIV

На другом конце Вселенной. Вчера, а может миллион лет назад. Все относительно в этом мире... Жил-был Бог. Бога звали Господь, и он принадлежал к расе «сиренийцев» с незапамятных времен населявших и обживавших этот кусок видимой части Вселенной. Отца у него не было. Вернее он был, но скорее всего, погиб в гравитационном разрыве, изучая взаимодействие нашей и соседней с нею Вселенной. Гравитационный провал между Вселенными это не то же,

что Складки Времени, из которых если повезет, то можно выбраться через какую-нибудь пару-тройку тысяч лет. Здесь надежды на возвращение практически не было. Бог тогда был еще совсем маленьким и отца почти не помнил. Его мать – Алфея, хоть и красивая, но простая женщина, несмотря на поступавший с разных сторон предложения второй раз замуж выходить не стала из-за опасений, что «любимый сыночка» может не поладить с отчимом. Ни у нее самой, ни у покойного мужа близких родственников не было, которые бы могли помочь в трудную минуту. Нельзя было сказать, что они с матерью как-то материально бедствовали. Такого на Сирении просто не могло быть. Просто жизнь в перенаселенной столице накладывала некоторые ограничения бытового характера. Можно было, конечно, жить в куда более комфортных условиях, где к их с сыном услугам были на выбор целые куски многочисленных планет, разбросанных в окрестностях местного светила. Но мать считала, что только находясь в столице и вращаясь в столичном обществе можно было обратить на себя внимание и тем самым чего-то добиться в жизни. Так и поднимала сына «на ноги» в гордом одиночестве, хлестаясь с утра до позднего вечера на двух работах. Как и всякая порядочная, но одинокая мать она души не чаяла в своем единственном отпрыске, поэтому комплекс «наседки» и ее не обошел стороной. Пытаясь заменить ему безвременно ушедшего отца, она буквально растворялась в своей ненаглядной «лапушке», «рыбоньке», «ласточ-

ке», «сердечке», «солнышке» и еще куче эпитетов коими она беспрестанно сопровождала свою речь, обращаясь к сыну. Сдувая пылинки со своего обожаемого чада, она беспричинно опасаясь за его здоровье, с детства кутала в невероятное количество одежды, так что он походил скорее на маленький и неуклюжий сугробик, чем на мальчишку его возраста. До пятого класса провожала его в школу, чтобы он ненароком не встретился по дороге с хулиганами, считая такими почти всех дворовых ребяташек. Ошибочно считая, что главное в воспитании – это питание, постоянно пичкала его всевозможным съестным, включая, ненавидимые им «до печенок» всякие там поливитамины. Чуть позже, когда он немного подрос, она уже с нехорошим прищуром оглядывала подружек и одноклассниц сына, посмевших приблизиться к нему ненароком и попавших под прицел ее бдительных глаз. А оставшись с ним наедине с едким ехидством, на которое способны только закаленные в боях со снохами свекрови и одинокие матери, высмеивала все видимые и мнимые их недостатки. Из всего вышесказанного вовсе не следует, что Господь стал эгоистичным и самовлюбленным «маменькиным сынком». Нет, напротив, вся нерастраченная материнская любовь отобразилась в его чертах мягкостью и терпеливостью характера, даже можно сказать застенчивостью. Зная как матери тяжело поднимать его без отца, он как мог, старался помочь ей из всех своих детских силенок. С удовольствием делал работу по дому, начиная от мытья посуды и

кончая уборкой, в их оставшейся от отца хоть и большой, но скудно обставленной квартире, бегал с различными поручениями, изредка даваемыми матерью, а главное старался во всем не огорчать любимую мамочку. Поэтому никогда не употреблял матерных слов, не пел у подъезда под бренчащую гитару блатных песен, не водил дружбы с местной шпаной, и не научился втихаря смолить, недокуренные кем-то сигареты. Природная застенчивость не позволяла ему выражать к матери свою любовь такими же пылкими методами, как она выражала свою, но можно было не сомневаться, что мать в жизни сына занимала основополагающее место без всякого преувеличения. В общем и целом, отношения в их маленькой ячейке общества, безусловно, носили гармоничный характер. В положенный срок Господь окончил школу с золотой медалью и без всякого напряжения, не слушая посторонних советов, поступил на дневное отделение глобального института «Макротел Вселенной», того самого, что когда-то окончил и его отец. Правда, по стопам отца не пошел, как надеялись многие знакомые, которые хорошо знали его в свою бытность, а выбрал кафедру под названием «Морфология наиболее распространенных во Вселенной биологических структур» биохимического факультета. Окончив с отличием (кто бы сомневался при такой-то маме) вышеозначенный вуз, остался на той же кафедре, где уже спустя четыре года защитил кандидатскую диссертацию по теме «Классификация живых организмов на основе угле-

родосодержащих молекулярных соединений». Саваоф, заведующий кафедрой, лысый и худенький старичок с вечным ехидным выражением на лице, любимцем которого Господь являлся, еще, будучи студентом первого курса, не без оснований считал молодого кандидата своим естественным преемником на этом посту. Мать, сияя от осознания того факта, что ее любимый сыночек «выбился в люди» без посторонней помощи и протекции, а исключительно своим умом и талантом, уже рисовала в своей голове радужные картины будущего. Она уже не была против того, чтобы сын обрел свое семейное счастье. Однако выбор будущей невесты целиком и полностью возложила на свои хрупкие плечи, считая, что такое ответственное дело ни в коем случае нельзя доверять ребенку.

Бог был молодым, а значит амбициозным и самоуверенным до крайности, поэтому не стал долго раскачиваться после защиты кандидатской диссертации, почивая на лаврах. Не долго стряпая, он решил приступить к написанию докторской. Еще в стадии написания кандидатской он обратил внимание на богатое разнообразие форм жизни, ключевую роль в которых играют соединения углерода. Его способность образовывать полимерные цепочки привело к тому, что органические соединения, в которых он присутствует в качестве главного элемента, получили наибольшее распространение во Вселенной. На сотню миллиардов галактик, находящихся во Вселенной, количество планет, где присутствует жизнь

на основе углерода, на несколько порядков превышает количество планет с жизненными формами на основе кремния. Что уж тут говорить про радиоактивный нуклид кремния ^{32}Si , на основе которого зиждется жизнь сиренийцев? В этом плане сиренийцы представляли собой уникальнейшую форму жизни, нигде более не встречающуюся как на планете Сирения. Однако, несмотря на свою грандиозную распространённость, жизнь на основе углерода, а тем более разумная жизнь имела свою, достаточно специфическую эволюционность. Ни одна из известных сиренийцам планет, где господствовала «углеродная» жизнь, не смогла развиваться в цивилизацию хоть сколько-нибудь пригодную для осуществления контакта с ней. Всякий раз, казалось бы, вот-вот, уже совсем скоро представители такой цивилизации овладеют тайной атомного ядра, преодолению гравитацию и выйдут в космическое пространство, где их с распростёртыми объятиями встретят братья по разуму. И всякий раз, примерно на этом этапе развития, каждая из таких цивилизаций прекращала свое существование. Она сама, без постороннего вмешательства, уничтожала себя. Это всегда происходило в результате войн с применением ядерного, химического, бактериологического, либо еще какого-нибудь способа массового самоуничтожения. Складывалось впечатление, что как будто бы кто-то умный и жестокий специально ставил таймер самоуничтожения именно на пороге перехода цивилизаций на новую ступень развития. Сиренийцы, движимые чувством

любви к братьям по разуму, много раз пытались вмешаться в этот страшный процесс. Нарушая все принятые ранее табу на общение с цивилизациями не достигшими определенного уровня развития, вступали в контакты с представителями миров, находящихся на краю бездны, как через посредников, так и напрямую, отговаривая и уговаривая последних от опрометчивых шагов. Но все было напрасно. А когда после некоторых таких «переговоров» сами сиренийцы, участвующие в этом процессе оказывались в числе пострадавших, то махнули рукой и отступились, признав данное поведение неразгаданной закономерностью. Некоторые из ученых пытались объяснить данный феномен «бесконфликтностью» самого углерода, а именно способностью атомов углерода к образованию двойных и даже тройных связей, что приводит не только к разнообразию его форм, но и их усложнению, в конечном итоге приводящее к неустойчивости самой системы. Иными словами, при подходе к образованию наиболее сложных форм атомарных связей, углеродные соединения приговорены самой природой к саморазрушению в виду «утяжеления конструкции» и запаздывания реакции этих связей на внешнее воздействие. Объяснение, конечно, довольно туманное, но другого толкового объяснения пока не находилось. Исследования в данной области признали бесперспективными, а наблюдатели в очередной раз с глубоким вздохом сожаления вычеркивали еще одну планету из реестра предцивилизаций, видя в квантовые телескопы очередной

взрыв на месте такой планеты.

Видя, что данная тема порядком всеми подзабыта и заброшена, Господь, с присущим ему молодым задором решил взяться за нее как следует. Вполне здраво рассудив, что все попытки повлиять на цивилизации подобного типа проваливались в результате слишком запоздалого вмешательства, когда механизм самоликвидации уже запущен, он решил осуществить это вмешательство на ранней стадии развития местной жизни. Это позволило бы ему без всяких дипломатических церемоний с увещеваниями и уговорами, грубо и нагло вмешаться в процесс путем генетических изменений, в организмах некоторых представителей будущей цивилизации. Но сначала было необходимо посоветоваться со стариком Саваофом. В официальных стенах кафедры он постеснялся ошарашивать своего учителя о своей задумке, поэтому не нашел ничего лучшего для себя, как напроситься к профессору в гости, тем более он и так частенько там бывал и старик всегда принимал его у себя с гостеприимством и дружеской теплотой, исключаяющей какую-либо субординацию. Мысленно настроившись на волну учителя, представив его образ, послал запрос на контакт. Ответ был получен тотчас же.

– Здравствуйте, учитель!

– Здравствуй, Господь!

– Учитель, мне настоятельно необходимо с вами встретиться и переговорить по очень важному делу. Согласитесь

ли вы меня принять у себя в неформальной обстановке?

– С чего это ты перешел на такой суконно-канцелярский язык?! Что-то я не упомню, когда ты со мной так говорил?! – недоуменно и слегка обиженно проворчал Саваоф.

– Извините, учитель, так вышло. Просто я сильно волнуюсь, – пробормотал он мысль.

– Ладно-ладно, чего уж там... Видимо дело действительно не мешкотное. Если тебя не смущает дикая орава варваров, бегающих по квартире, то милости просим.

– Спасибо, учитель. Тогда я сейчас подойду, – пропустив мимо ушей, предупреждение о варварах спешно сообщил Господь.

Уже через пару минут, он стоял у дверей с никелированной табличкой «профессор Саваов» и нажимал на, неприятный до жути, дребезжащий звонок. Тут же из-за двери слышались детские крики и шаркающие шаги. Дверь открылась и на пороге появилась сухощавая как у кузнечика фигура профессора в халате с атласным отворотом и в стоптанных шлепанцах. За спиной старика наперебой раздавались детские голоса:

– Деда! Деда, кто там?! Деда, это баба пришла?!

– Кыш-кыш, огольцы, никакая это не баба! Не видите что ли, это дядя Господь ко мне пришел?! – отмахиваясь от стайки ребятишек, проорал он, впуская гостя. – Проходи-проходи, не бойся, это не банда, а всего лишь внуки, которых нам со старухой подбросили на время сыночек со снохой.

Господь прошел в прихожую, намереваясь разуться. Ребя-тишки, которым было примерно от пяти до семи лет, с та-кой скоростью крутились возле его ног, что у него зарябило в глазах, и он даже не смог четко уяснить для себя, сколько же их тут на самом деле – четверо или целый взвод. Дед что-то там еще орал на внуков, но его никто не слушал. Нако-нец, дождавшись, когда гость переобуется в специально при-готовленные для подобного случая тапки, старик ухватил его за лацкан пиджака и потащил за собой на кухню. Там, отды-шавшись и закрыв за собой поплотнее дверь, продолжил:

– Молодые, понимаешь, уехали на курорт куда-то в об-ласть Пояса Ориона, а нам вот подбросили эту орду. И ста-руха моя куда-то запропала, ведь сказала же, что на минутку к соседке и обратно. Видимо тоже решила передохнуть хотя бы часок, – как бы оправдываясь, поведал профессор своему любимцу.

– Да ничего-ничего, не волнуйтесь вы так! Она непременно скоро придет, вот увидите! – поддержал его ученик.

– В кабинет не зову, эта банда настроила там баррикад и регулярно устраивает штурм. Если эта вакханалия продлит-ся еще пару дней, то буду ночевать на работе, – сокрушенно произнес он. – Ты проходи, садись. Тебе чаю или кофе?

– Мне, пожалуйста, водички. Холодной. Можно?

– Ого! – воскликнул профессор, пожимая плечами и ка-чая головой, но все же наливая кипяченой воды из чайника в массивный граненый стакан. Присел напротив. – Раз не чай

и не кофе, значит разговор очень серьезный.

– Да, профессор, – согласился Господь и без всяких околичностей сразу перешел в атаку. – Что вы можете сказать об эволюции органических существ на основе углеродистых соединений?!

Пожевав старческими бескровными губами, тот опять невольно пожал плечами, отмечая, что уже во второй раз за последнюю минуту делает этот, в общем-то, несвойственный ему жест:

– А что я могу сказать, кроме того, что уже не раз было сказано на различных научных форумах?! Только то, что, несмотря на многообразие углеродистых соединений, которое на первоначальном этапе развития помогает сохранить популяцию белково-углеродистой жизни от неблагоприятных превратностей среды. При дальнейшем развитии и усложнении форм, препятствует ее эволюции, в чем мы имели несчастье убедиться во множестве раз.

– Учитель, вы прекрасно знаете, как я к вам отношусь. Вы мне в какой-то мере заменили отца, которого я никогда не знал. Я вас очень-очень уважаю...

– Так-так, – насторожился старик.

– Но давайте заглянем правде в глаза. Как называется наша с вами кафедра?! – и тут же сам себе ответил. – Морфология наиболее распространенных во Вселенной биологических структур. Звучит претенциозно и многозначительно, а на деле, по сути своей, представляет собой замшелую

и никому не интересную отрасль науки с вечным недобором студентов, желающих вздремнуть на скучной лекции. Нечто среднее между археологическим музеем и статистическим управлением. Чем мы занимаемся?! Наблюдаем и регистрируем, наблюдаем и регистрируем. Никаких новаций, никаких идей! Прямо болотная трясина какая-то!

– А ты что же, принес за пазухой камень, который собираешься кинуть в это, как ты говоришь, болото? – с иронией произнес профессор. Подобные разговоры для него были не в новинку.

– В некотором смысле.

– Киданием камней в болото, ты его не очистишь от тины и не осушишь, а вот лягушку, сидящую на болотной кочке и мирно дремлющую в ожидании выхода на пенсию, можешь этим камнем и прибить. И чую я, что роль этого несчастного земноводного уготовлена мне, по твоей милости, – с какой-то обреченностью в голосе заметил он.

– Да нет же! Нет! – вскричал Господь. – Напротив, учитель, я предлагаю открыть новые горизонты, до сих пор неисхоженные тропы и новые научные методы.

– А просто дождаться моего ухода на пенсию никак нельзя?!

– Вы же меня знаете, учитель, что я не дам вам спокойно умереть в постели в окружении любящих и скорбящих домочадцев! – весело воскликнул он.

– Да уж, – прокряхтел старик. – Это точно. Наверное,

только находясь в гробу, я смогу отдохнуть от твоих эскапад. Ну, выкладывай, что там у тебя?

– Да, так вот, профессор, к тому, что вы сейчас сказали об углеродистых структурах, – сбил его с печальной темы непоседливый ученик. – Это всем известные факты. И с ними не поспоришь, но это все относится к объективным эволюционным процессам, а я хотел бы затронуть тему направленной эволюции...

Саваоф поглядел на своего ученика с интересом врача психиатрической клиники при виде нового пациента:

– То есть как, направленной? Что ты имеешь в виду?

– Я имею в виду, что все наблюдаемые нами доселе цивилизации, основанные на углероде, как основном элементе всех молекулярных преобразований, прекращали свое существование, так и не достигнув хоть сколько-нибудь значащих успехов в своем развитии. Так может быть попробовать вмешаться в этот процесс, хотя бы чисто из альтруистических побуждений?!

– Что значит попробовать вмешаться?! А мы разве не делали попыток вмешаться? Делали! И ты наверняка прекрасно об этом знаешь, а так же и то, к чему это приводило всякий раз!

– Да, знаю, профессор! – поморщился Господь. – Но это было не вмешательство, в прямом смысле этого слова, а, простите меня, соплежуйство с элементами невразумительной дипломатии. Да и то, на стадии, когда что-либо предприни-

мать уже было поздно.

– Погоди! Что ты предлагаешь, не пойму никак!

Господь схватил граненый стакан и жадно, как будто во рту у него все пересохло от многодневной жажды, выхлебал его до дна и с явным сожалением поставил на стол. Саваоф тут же налил по новой. Ученик опять припал губами к стеклотаре, но уже без ярости, а как бы смакуя каждый сделанный глоток, а затем отставив его в сторону, продолжил:

– Я тут на досуге посидел, покопался в информатории и сепарировал информацию за последние сто миллионов лет. И любопытная картина сложилась у меня в голове. Все эти цивилизации прекратили свое существование не в результате сбоя химических процессов внутри их тел и не в результате «рухнувших» углеродных конструкций вследствие их чрезмерного усложнения, как нам вещает наша официальная наука. Нет. Разрушение цивилизаций происходит в результате противоречий, накопленных политико-экономической формацией. Иными словами, разрушение происходит в умах, а не телах. Ведь вы только посмотрите статистику? Они уничтожают сами себя в результате экономических, идеологических, социально-расовых и в конце концов религиозных противостояний, объективных предпосылок к большинству из которых просто не существует.

– Эка невидаль?! Изобрел велосипед! Да это и так всем известно, – фыркнул профессор. – А официальная теория принята в таком виде, чтобы горячие головы, вроде твоей,

уберечь от соблазна с оружием в руках отстаивать право и справедливость на далеких планетах. И чтобы ваши мамки не рыдали по ночам в подушку от страха за судьбу сыночка, ринувшегося в эту свистопляску.

– Ладно-ладно, – замахал на него Господь руками. – Я согласен, что эта очевидность лежит на поверхности, просто всем стало удобно ее не замечать.

Саваоф опять поморщил свой остренький носик от напористости своего визави, но промолчал, а тот продолжал свою мысль, плотнее прикрывая дверь в комнату, откуда стали доноситься уже истошные вопли:

– Я ведь что предлагаю? Я предлагаю осуществить вмешательство не просто на ранней стадии развития цивилизаций, а когда они еще даже не проявляют сколько-нибудь значимых зачатков самосознания. Причем осуществить вмешательство, скажем так, хирургическими методами, путем перепрограммирования их генетического кода.

Тут профессор даже не выдержал, и всплеснул своими маленькими ручками, ударяя себя по карманам халата.

– Да вы батенька авантюрист, как я погляжу! – перейдя на «вы», что выдавало в нем крайнюю степень взбудораженности, воскликнул он, но быстро взял себя в руки и, склонив голову набок, поинтересовался. – Тебе что-нибудь известно о теории детерминизма?!

– Обижаете, учитель! – насупился ученик. – Теория божественной предопределенности исторических, политических,

экономических и биологических процессов, мне известна достаточно хорошо, чтобы отвергнуть ее.

– Вот как? – опешил от неожиданности старик. – Стало быть, многочисленные примеры самоуничтожения цивилизаций, не несут в себе никакой преопределенности?

– По этой теории, всякое развитие не имеет никакого смысла, если кому-то уже и без того известен результат, а все изменения на пути развития тщетны по своей сути. Так можно договориться и до самого отрицания нашего с вами развития, но, тем не менее, мы живем, развиваемся...

– И что? Разве наше развитие не укладывается в эту теорию? – съехидничал профессор, прерывая собеседника. – Просто мы плывем по указанному нам течению. Кто сказал, что развитие нашей цивилизации не преопределено свыше?!

– То есть, я так понимаю, что и наше развитие и самоуничтожение иных форм цивилизации уже зафиксировано? Одним, стало быть, жизнь и процветание, а другим, увядание и смерть, и хоть тресни головой об стену, ничего с этим не поделаешь? – и, дождавшись не слишком уверенного кивка учителя, продолжил. – А где, смею вас спросить, находятся те критерии, по которым происходит подобный отбор? Так ведь можно договориться, черт знает до чего, вплоть до расовой сегрегации. А это, уж извините меня, никакая не теория детерминизма, а настоящий фашизм получается.

Профессор побурел от такой наглости. Еще никто и нико-

гда не осмеливался бросать ему такие обвинения, хоть и в завуалированной форме. Но своему любимцу он готов был простить еще и не такое. И они оба об этом знали. Тут на кухню со слезами и криками вбежал малыш, лет пяти и захлабываясь от горя и несправедливости с порога начал кричать:

– Деда, деда, Ингуаль у меня отнял лошадку!!

Вслед за ним туда же прибежал еще один, примерно такого же возраста, держа в одной руке и протягивая ее деду, что-то похожее на игрушечную зверушку, а другой, размазывая по лицу слезы и сопли, начал жаловаться:

– Деда! Рассей, оторвал голову у моей лошадки!

Первый малыш моментально развернулся и уже хотел наброситься с кулачками на второго, но Господь вовремя сориентировался и успел ухватить того за рубашонку, вылезшую наполовину из колготок, удерживая малыша от схватки. Кулачки замахали в пространстве, не достигая соперника. Дед, тем временем проделал подобную операцию со вторым драчуном.

– Это еще что такое?! Как вам не стыдно?! – загремел профессор, пытаясь переорать крики непримиримых сторон. – Внуки профессора Саваофа устраивают драки! Какой позор! Да я не знаю, что сейчас с вами сделаю!? Н-е-е-т! Я знаю, что я с вами сделаю! Я пожалуюсь на вас бабушке!

Угроза привлечь к разбирательству бабушку, имела, впечатляющий эффект. Оппонентов будто разом окатило хо-

лодной водой и превратило в каменные изваяния. Дед, таким незамысловатым способом, нанес удар ниже пояса, сразу зайдя с козырей. Такой подлости от него противоборствующие стороны никак не ожидали. Ненадолго повисла гробовая тишина. Молчали, сидя в окопах вражеские стороны, удерживаемые руками взрослых дядь. Молчали, шмыгая носами и не решаясь переступить порог кухни, немногочисленные свидетели и зрители, привлеченные сюда дедовскими криками. После не в меру затянувшейся театральной паузы, прокурор продолжил, строго вперив взгляд в провинившуюся сторону:

– Рассей, ты зачем оторвал голову у лошадки?!

– Я не отрывал, – чуть слышно пролепетал подсудимый.

– Говори громче! Я не слышу, что ты там себе бормочешь под нос! – заявил председатель военно-полевого суда.

– Я не отрывал, – чуть более громко заявил «расчлени-тель».

– Как это не отрывал?! А это что, по-твоему?! – кивнул он на игрушку с полуоторванной головой, лежащую на столе.

– Я не отрывал, – упрямо тянул свое подсудимый. – Я просто хотел посмотреть, что у нее там внутри и отчего она кивает головой.

– А-а-а, так ты, значит, у нас исследователь?! – догадался дед

Рассей неуверенно кивнул головой. Тут послышался шорох вставляемого в дверь ключа. Это пришла к судье под-

мога, в лице бабушки. Несказанно обрадованный таким оборотом дела, профессор, держа за шкурку одного из бузотеров, подошел к ученику, взял за шкурку другого и молча, потащил на расправу, снимая с себя груз ответственности за все дальнейшее. Господь взял со стола плюшевую игрушку, при большой фантазии напоминающую пони. Голова действительно была почти оторвана и болталась исключительно на остатках шовного материала. Через пару минут профессор вернулся и с порога огорошил:

– Господь, а ты почему до сих пор не женат?! Я в твои годы уже нянчился с первенцем.

– Да я как-то еще не задумывался над этим, – промямлил тот, не ожидая такой резкой смены тематики беседы.

– Зря. Об этом всегда надо думать, – усмехнулся Саваоф.

– Маменька, кажется, этим занимается. Мне не досуг, – вяло отмахнулся он.

– И мне уже, к сожалению, не до них, – без тени усмешки сообщил старик и чтобы не развивать далее неловкую тему тут же продолжил. – Так на чем мы остановились?

– На фашизме, – пробормотал внимательный ученик.

– Ах, ну да, ну да, – подтвердил тот, опять морщась, как от зубной боли и кивнув на несчастное животное с оторванной головой, произнес. – А ты не находишь аналогии между собой и моим любознательным внучком?

– Не вижу аналогии, – надулся Господь.

– А я вижу, – ухмыльнулся профессор. – Не разобрав-

шись, как следует в причинах и механизмах, ты берешься скальпелем решить все проблемы, буквально копаясь в мозгу у несчастных троглодитов, не осознавая, что можешь просто оторвать им голову, по незнанию и неосторожности.

– Я много думал над этой проблемой, анализировал, сверял и перепроверял. Я же не прибежал к вам с только что родившейся идеей.

– Ты, мой дорогой, неудовлетворенный объективным ходом исторических процессов, решил изменить ход эволюционных процессов, путем пинка в зад, для придания им нужного направления и ускорения.

– Что-то я не пойму вас, учитель. Еще минуту назад вы говорили про скальпель, а теперь откуда-то взяли пинки в зад, – с явной обидой заявил ученик.

– Ну-ну, не обижайся, – похлопал старик его по плечу. – Не ты первый, не ты последний с революционными идеями в голове. Просто я хочу тебя предостеречь.

– От чего?

– Вмешиваясь таким радикальным способом в чужую жизнь, ты лишаешь ее права на самостоятельное развитие, превращая ее персонажей в игрушку, подобную этой несчастной лошади. Даже если у тебя что-то и удастся, то ты обрекаешь самого себя на вечную заботу о тех, кого приручил таким образом. И к тому же это уже будет не их история, а твоя, навязанная им извне.

Рука профессора все еще лежала на плече ученика. Гос-

поднял на собеседника свои голубые и чистые как бирюза глаза, полные решимости:

– Во-первых, учитель, это будет не их история и не моя игрушка. Это будет наша история. Во-вторых, мы с вами знакомы уже немало лет, во всяком случае достаточно для того, чтобы оценить мою решимость и ответственность. А в-третьих, учитель, не упрекайте меня за то, что в вопросе выбора между жизнью и смертью я выбрал жизнь.

Старик при последних словах ученика отдернул руку от его плеча, словно прикоснулся до раскаленной сковородки. Простые слова Господя, хлестнули старого профессора прямо по сердцу.

– Хорошо. Предположим, что все это так. Что ты намерен предпринять конкретно в этом направлении? – тихо и с какой-то обреченной грустью проговорил он.

Господь, чувствуя, что слегка «перегнул» в дискуссии с преподавателем, с явным удовольствием стал развивать дальше, поднятую им тему.

– Для начала, учитель, выбираем планетарную систему, с уже существующей на основе углерода жизнью в высших ее формах, в прямой видимости от нас, для удобства канализирования двухсторонней связи. Естественно, когда я говорю о высших формах жизни, я ни в коей мере не подразумеваю под этим разумную жизнь. Для начала будет вполне достаточно хорошо развитых инстинктов у ее наиболее «продвинутых» обитателей. Полагаю, что с этим не возникнет ника-

ких проблем. Несколько планетарных систем можно взять из каталога, а астрономы помогут выбрать оптимальную из них. Они же помогут сориентировать и сфокусировать энергоканал, направленный на нее.

Господь замолчал, давая передышку своим голосовым связкам и ожидая реакции профессора.

– А дальше? – кивнул тот.

– Дальше... Я тут как-то разговорился с приятелем, работающим на кафедре «Высшей нервной деятельности» Института Генной инженерии. Так вот, этот знакомый, зовут его Яхве, похвастался мне, что имея на руках образец ДНК исследуемого организма, без труда сможет синтезировать и вживить в эту цепочку полиморфный ген, заданной направленности и заложенными свойствами. Причем гарантировал, что он не будет отторгаться организмом реципиента, вследствие заложенной в него толерантностью.

В пылу полемики оба не заметили, как на пороге кухни появилась маленькая и такая же сухонькая как у хозяина квартиры, фигурка пожилой женщины.

– Здравствуй, Господь! – поздоровалась она.

– Здравствуйте, тетя Энэя! – поздоровался тот в ответ, вставая.

– Ты что же, старый скаред, – напустилась она на деда, – позвал гостя в дом, а сам только стакан ему и дал, да и то, как я вижу, пустой?! Хоть бы чаю согрел!

– Да что вы, тетя Энэя!? Я ненадолго и сугубо по делам, –

отнекиваясь, замахал Господь руками.

– А я предлагал. Он сам отказался, – начал было оправдываться Саваоф.

– Ладно-ладно, – примирительно сказала она, беря в руки чайник и ставя его на плиту. – Дайте, я хоть чайник поставлю, а то он совсем у вас холодный стоит.

– Ты мать иди. У нас тут мужской разговор. Для женщин вообще неинтересный, – стал выпроваживать супругу с кухни профессор. – А за чайником я послежу сам.

Хмыкнув и еще раз, с видимым неудовольствием окинув пустую столешницу, тетя Энэя вышла из кухни, закрывая за собой дверь.

– И какого же свойства ген ты собираешься внедрять? – возвращаясь к прерванному разговору, поинтересовался профессор с хитрым, свойственным только ему, прищуром.

– Я все продумал. Мы не станем перегружать внедряемый ген излишней функциональностью. Он будет до примитива прост, неся в себе всего лишь одну функцию, – тут он сделал паузу и хитро прищурился, дожидаясь нетерпеливой реакции профессора, которая не замедлила наступить.

– Какую?!

– Он будет нести в себе функцию, регулирующую сомнение в совершенных поступках подопытного объекта. Иными словами, он будет отвечать за СОВЕСТЬ.

Эээ... – протянул профессор неопределенно.

– Я ведь когда изучал историю самоликвидации всех этих

цивилизаций, меня все время не покидала одна и та же мысль: «Ну, где же у них совесть, в конце то концов?! Разве можно так угнетать, красть и обманывать?!» Ведь у них ни то, что совести, даже ни капли сомнения не было в пагубности своих проступков, особенно у власть предержащих. А следуя теории естественного отбора, именно такие и находились у власти. Впрочем, для вящей справедливости отметим, что и у простого обывателя она находилась в полудремотном состоянии.

– Ты полагаешь, что этого будет достаточно, для организации спасения подобных форм жизни?

– Нет, не достаточно. И тут есть еще один немаловажный аспект.

– Какой? – спросил Саваоф, наливая воды из чайника уже для себя.

– Внедрение полигена это только начальный и далеко не главный, как оказалось, шаг в деле проведения спасательной операции.

– Ну-ну, – подбодрил профессор уже в нетерпении.

– Я отдаю дань официально принятой нашей наукой версии, о неспособности к эволюции углеродных соединений. При всем этом я выяснил, не без помощи знакомых с кафедры Органической химии, что при некоторых не слишком сложных воздействиях на эти соединения, они способны превратиться в подобные им соединения, но уже на основе другого элемента, также широко распространенного во

Вселенной. И этот элемент – КРЕМНИЙ!

– Подожди-подожди! Ты хочешь сказать, что можно эволюционировать на совершенно иных, доселе никем не рассматриваемых принципах?! И к тому же собираешься наделить испытываемых качествами, которыми не обладают даже многие из нас и ты в том числе?! Только не говори мне, что дело, задуманное тобой, ограничится внедрением всего лишь одного гена. Это ведь всего лишь начальный этап, не так ли?

– Да! Вот именно!

Теперь уже профессор выхлебал стакан воды, держа его, слегка трясущейся рукой. Да и самого его начинало слегка потряхивать.

– Одним махом перескочить с одной эволюционной ветви на другую, – задумчиво проговорил Саваоф, все еще держа пустой стакан в руках. – Это действительно, что-то новенькое.

– А я, вам, о чем и толкую, вот уже битый час! – хлопнул себя по коленке Господь.

– Тридцать пять.

– Что тридцать пять?

– Наш разговор с тобой длится тридцать пять минут, – уточнил профессор. Он был педант до мозга костей. Затем возвращаясь к теме разговора, продолжил:

– Ну-тес, и как же ты планируешь ставить эксперимент? Внедрение искусственного модификатора в малое количе-

ство испытуемых не принесет нужных результатов, априори. Тут нужно ставить эксперимент сразу в больших масштабах.

– Да я знаю, – несколько уныло произнес Господь. – Тут, как минимум, нужно будет обработать несколько сот особей. Но я ведь не сороконожка, у меня всего две руки, к сожалению. Попробую заинтересовать и привлечь в качестве добровольных помощников студентов.

– И еще один немаловажный момент...

– Какой?

– После внедрения этого гена, назовем его для краткости, «С-ген», и удачного завершения первой стадии эволюции, если таковое конечно будет, куда ты планируешь переправлять особи для перестройки организма на кремниевую основу? Ведь на той планете, которую ты подберешь для проведения полигонных испытаний, оставить их будет нельзя. Из-за элементарной невозможности.

– Почему, учитель? Можно же ведь будет найти на планете какой-нибудь остров, там и поселить их.

– У тебя, что было в школе по химии? По неорганической химии, – уточнил Саваоф.

– Пятерка, – с недоумением ответил ученик, не зная, куда клонит профессор.

– Жаль. Я бы поставил двойку. Жирная двойка, как утопшая лягушка, убитая твоим камнем.

– Это еще почему?! – насупился Господь.

– А потому, – скорчив гримасу и подражая интонации уче-

ника, заявил профессор. – Ты же сам сказал, что изучал подробную статистику по углеродной жизни. Следовательно, не мог не заметить, что она в девяносто процентов случаев распространена на кислородосодержащих планетах. Именно он является окислителем и катализатором всех жизненно важных процессов.

– Да-да, я уже понял, – перебил его Господь. – При окислении получается кремнезем, а это очень хрупкая структура. А что же делать?! К нам нельзя, наш нуклон радиоактивен...

– Нужна еще одна структура. Платформа в виде небесного тела, пригодного для жизни будущих пациентов. Нечто вроде перевалочной станции или эвакуопункта, – задумчиво почесывая подбородок с редкой старческой щетиной, произнес завкафедрой.

– Еще раз убеждаюсь, что правильно сделал, когда решил прийти к вам за советом, – подольстился Господь, потупив хитрые глазки в пол.

– Не подлизывайся! – шутливо погрозил собеседнику пальцем Саваоф. – Сделаем так. Распределим обязанности.

Господь мигом наострил уши, не ожидая такого проявления энтузиазма от старого учителя. А тот, продолжал:

– Ты и те с кем сумеешь договориться и привлечь к сотрудничеству занимаетесь подыскиванием подходящей планеты с учетом возможности канализирования энергопотоков нужной частоты и объемов, разработкой С-гена, его сертификацией в плане безопасности, а также разработкой меха-

низма преобразования углерода в кремний. Я в свою очередь беру на себя организационные функции по выбиванию фондов на организацию Платформы и прикрываю вас до поры до времени от всевидящего ока контрольно-ревизионного управления.

– Спасибо, учитель. Честно скажу, что не ожидал от вас такого. Эта работа ляжет в основу моей будущей докторской диссертации. Я уже приблизительно знаю ее тему и название. Нечто вроде «Эволюционных процессов направленного действия». Как-то так, в общем. И я непременно укажу вас, как ее соавтора.

– Пустое! – отмахнулся старик, тем не менее, польщенный. – С возрастом я растерял большую часть тщеславия, да и твоя слава, боюсь, будет сомнительной. А вот...

– Что?! – подался вперед Господь

– Я уже стар, и мне давно пора было сойти с ума. Почему бы не сделать это сейчас?! – горько усмехнулся профессор. – Кстати, когда члены ВАКа за волосы потащат тебя на костер публичного осмеяния и остракизма, вменяя тебе в качестве вины – явное еретичество, не забудь позвать меня с собой.

– Зачем, учитель? – удивился Господь, тщательно приглаживая топорщащиеся в разные стороны упрямые пряди волос.

– А затем, чтобы тебе там одному не слишком скучалось! – со вкусом ввернул тот.

Потом прищурился и, склонив голову набок, как иногда

любил делать, произнес уже вполне серьезным тоном:

– Мне сейчас в голову ударила одна мыслишка, – помолчал, пожеывая губы, и продолжил. – Уж не хочешь ли ты стать богом у тех существ, которых собираешься вывести таким оригинальным способом?

– В общем-то, нет. А разве это плохо?

И увидев, удивленно вскинутые брови профессора поправился:

– Я имею в виду, что разве плохо участвовать в создании того, что должно быть гораздо лучше и светлее самого создателя?! А уж кем они там будут меня считать, так ли уж важно?

– Не знаю, не знаю, – покачал головой профессор.

Уже в прихожей, провожая неожиданного гостя. Профессор хлопнул себя по лбу сухонькой ладошкой:

– Кстати! Когда будете внедрять этот свой С-ген, то не вздумайте сделать его доминантным!

– Почему?

– Ну как же! Вы же не хотите, чтобы несчастные троглодиты умерли с голоду, проливая слезы над каждой убитой тушкой какого-нибудь зверя!

– Хорошо, мы обязательно учтем этот момент, профессор. Спасибо, – сказал он и аккуратно притворил за собой входную дверь.

Саваоф еще постоял какое-то время перед закрытой дверью, собираясь с мыслями, а затем прошептал, ни к кому не

обращаясь:

– Он или сумасшедший, или гений. Хотя одно не исключает другого. В любом случае он еще не догадывается, какой груз пытается взвалить на себя...

На кухне засвистел забытый всеми чайник.

XV

Противно верещащий звонок комтора, словно катапульта подбросил Захарию с дивана кверху. Он и не заметил, как выйдя из кабинета, где медитировал почти до самого утра, уснул в гостиной на диване, даже не утруждая себя раздеванием. Пока соображал, где находится, пока искал глазами источник неприятных звуков, прошло еще несколько секунд. Комтор не унимался и продолжал настойчиво трезвонить. Наконец, найдя место, куда его вчера сам засунул на подзарядку, взял в руку и нажал на кнопку приема вызова. На маленьком цветном экране появилось лицо шефа.

– Привет отпускнику и кавалеру! – пророкотала красная от возбуждения физиономия шефа. – Ну, ты и дрыхнешь! Я уже третий раз звоню. Думал, что случилось, хотел, уже было, посылать к тебе спасотряд.

Захария скосил глаза на стену, где висели часы, но они стояли. Хозяина не было почти три десятка лет, поэтому их заводом никто не озаботился, даже бабка Лукерья не додумалась.

– А сколько времени?! – вместо положенного в таких случаях приветствия начальству поинтересовался он, забыв о часах на руке.

– Кири-куку! Царствуй, лежа на боку! – не совсем к месту процитировал шеф Пушкина. – Уж полдень близится, а Германа все нет!

– Полночь, – поправил он начальника машинально, так как тоже любил русскую классику.

– Полдень! Выгляни в окно, засоня! – у архангела было явно приподнятое настроение.

Захария последовал совету и глянул в окно. Светило, которое местные жители ради удобства называли Ярилом, стояло почти в зените. «Ого! Вот это я сыпанул!» – подумал про себя он, а вслух озабоченным голосом поинтересовался:

– Что случилось, товарищ генерал?!

– Что случилось, что случилось?! – с напускной ворчливостью в голосе передразнил его Гавриил. – Стоило один день побывать в отпуске, и уже потерял оперативную хватку! Ну и кадры у меня! Ты не слышал, что я назвал тебя «кавалером»? Или, как всегда, пропустил мимо ушей, что изволит сообщить начальство?!

– Эээ, – проблеял полковник сакраментальное междометие, издревле употребляемое незадачливыми подчиненными, когда им нечего было сказать что-либо более толковое.

– Вот тебе и «э»! – опять передразнил его генерал. – В общем, дело такое. Я тебе говорил вчера, что буду писать пред-

ставление о награждении тебя орденом Ангельской Звезды и Тернового Венца с Косицами? Так вот, сразу после твоего ухода я написал представление и направил в канцелярию для передачи Самому через серафимов. Те, конечно, известное дело покривились, но представление, судя по всему, забрали, раз уже ответ пришел. Я думал, что будет как всегда – месяц, а то и больше станет кочевать мое представление туда-сюда, с нашей-то бюрократией, а то и вовсе заныкают куда-нибудь. Ан, нет. Сегодня утром уже прислали положительную резолюцию, минуя канцелярию, прямо моей секретарше на стол. Сколько помню себя, никогда такого не было. Уже вечером состоится награждение, а так как такое событие, дело, сам понимаешь, неординарное, то и состоится оно не у нас, а в Межсекторальном Центре, в Штаб-квартире объединенной ангельской службы.

– Ого! – чуть не присвистнул лауреат.

– Да-с! Награждение состоится вечером в 18.00 по времени нашего сектора. Форма парадная. Если крылья надо почистить, то еще успеешь сдать их в нашу ведомственную химчистку. И прежние награды не забудь надеть. После награждения состоится торжественный ужин, на который ты имеешь право пригласить одного из своих друзей, – при последней фразе Гавриил фривольно прищурился, и на его грубом лице появилась сардоническая улыбка.

– Хорошо, товарищ генерал, я все сделаю и постараюсь не подвести нашу контору! – бодро, как по писаному отчеканил

он положенные в этом случае слова.

– Да, и еще вот что, – спохватился шеф. – Сейчас приводи себя в порядок. Сколько тебе нужно времени, чтобы избавиться от остаточных чар Морфея и насытить желудок, чтобы на торжественном ужине не выглядеть «голодающей Самарой»?

– Примерно около часа, – ответил Захария слегка, задумавшись.

– Отлично! Через час жду тебя в кабинете. Зайдешь за напутствием. Явка за напутствием – строго обязательна.

– А вы разве не будете в Штаб-квартире?

– Буду, конечно. Но там нам вряд ли удастся перекинуться хоть парой слов.

– Хорошо, шеф.

– Ладно. Давай, приводи себя в порядок, да смотри не опаздывай, – сказал шеф и моментально отключился.

«Если шеф специально оговаривает невозможность опоздания, значит, дело предвидится гораздо более серьезным, чем может показаться на первый взгляд. А значит опаздывать действительно не стоит» – подумал он. Захария положил комтор и побежал в ванную. Полежать в теплой воде и понежиться, опять не пришлось. Наскоро приняв душ и почистив зубы, направился на кухню, не забыв прихватить по дороге банковскую карту. Уже примерно зная как обращаться со «столом заказов», не стал морочить себе голову гастрономическими фантазиями, поэтому просто заказал триви-

альную «глазунью» из трех яиц с жареной «любительской» колбасой, от вкуса которой уже отвык, три здоровенных ломтя еще горячего, видимо только что из печи хлеба и большого стакана либерики – сорта любимого кофе. Скромное пиршество обошлось, судя по счету, в сумму чуть больше чем пол райала. Вымыв, по привычке, за собой посуду, начал собираться. Он хорошо помнил, что в шкафу спальни была шелковая парадная тога, правда со знаками отличия подполковника, что явно не годилось для такого случая. С сожалением покачал головой, быстро зашнуровывая новенькие сандалии у колен. Взглянул на часы. До назначенной аудиенции у шефа оставалось полчаса. Опаздывать не следовало. Подполковничью тогу все-таки пришлось надеть. Цеплять награды, полученные в прошлом, вопреки рекомендациям генерала не стал, посчитав для себя неприличным выглядеть среди белого дня как новогодняя елка. Сунув банковскую карточку в одну из ее складок, выбежал на улицу. За углом, у телепортера, к счастью народа не было, поэтому очереди ждать не пришлось. Все-таки, пропустив вперед себя пожилого горожанина, задержался еще на десяток секунд, прежде чем сам оказался у гостеприимно распахнутых дверей громадного здания Ангелторга. Этот специализированный универмаг, где в основном продавались товары для находящихся на службе ангелов, хорош был уже тем, что никогда не закрывался на обед и работал до позднего вечера. Здесь можно было приобрести любое обмундирова-

ние и сопутствующие ему знаки отличия, средства спецсвязи и офисную технику, приспособления для чистки крыльев в домашних условиях, разные бутафорские аксессуары типа нимбов, лир, копий и «карающих» мечей, на лицезрение которых так падки новенькие из «обращенных» и прочие сувениры. Здесь также продавалась специальная историческая и тематическая литература, необходимая для повышения ангельской квалификации и многое другое, что необходимо в их повседневной жизни. На первом этаже покупателей было немного. Несколько курсантов Академии о чем-то яростно споря между собой выбирали учебные пособия. Еще несколько молодых райанок рассматривали полки с сувенирами. Отдел, где продавались, как он помнил ангельские знаки отличия, находился немного правее от входа, поэтому он сразу ринулся туда, где за стеклянной витриной прилавка стояла и о чем-то неспешно беседовала со старичком в капитанской тоге, дородная райанка, обмахивающаяся костяным веером. Сложная конструкция прически, на ее голове, обильно утыканная шпильками и булавками делала ее похожей на карикатурное изображение японской гейши. Старичок видимо основательно ей поднадоел своими расспросами, поэтому она живо обратила свое внимание на импозантного подполковника, подходившего к ним спешащей походкой. Старичок, повернувшись на шаги приближающегося Захарии и разглядев подполковничью снаряду подошедшего, неумело козырнул. Одновременно с этим попытался вы-

править свою осанку и втянуть в себя кругленький животик. «Интендант» – подумал Захария, окинув того беглым взглядом и козыряя в ответ.

– Девушка, – обратился он к расплывшейся в улыбке толстухе, протягивая свою банковскую карточку. – Мне, пожалуйста, парадную полковничью пряжку общего назначения. И если можно, то побыстрее, а то я очень спешу.

– Конечно-конечно, – закивала она. – Вам с винтом или с защелкой?

– Без разницы.

– С винтом – долговечней, а с застежкой – немного дороже.

– На ваше усмотрение.

Продавщица кивнула и молча полезла пухлыми руками в чрево витрины, откуда достала массивную круглую пряжку размером чуть меньше мужской ладони средней величины, изготовленную из золота наивысшей пробы с изображением львиной головы в ее центре. Как он успел заметить, с обратной ее стороны виднелась застежка с проушинами. «Работники торговли везде одинаковы» – мысленно констатировал он жизненную аксиому. Приложила пряжку к фотоблинкстеру торгового терминала, считывая скрытый код товара, затем взяла из рук Захарии карточку и приложила ее туда же, списывая деньги за покупку.

– Двести тридцать два райала, – торжественно, будто на партсобрании произнесла она.

– Спасибо, девушка, – сказал он, взяв в одну руку покупку, а в другую карточку, начиная поворачиваться спиной к прилавку в намерении покинуть ее, но не тут-то было.

– Вы себе или в подарок?

– Себе.

– Вам завернуть или в коробочку положить?

– Н-е-е-т! – проскрежетал он.

– У вас есть купонная карта нашего магазина? – не унималась она, не зная, чем ей это грозит, так как не видела его глаз в это время. Старичок, все еще стоявший рядом, млел от счастья, видя происходящее.

– Вам оформить? – спросила кандидатка в камикадзе.

– Н-е-е-т! – уже не скрежеща, а рыча во весь голос, как лев, что был изображен на пряжке, проорал он. «Если она сейчас спросит, не нужен ли мне пакет, то я развернусь и убью ее, а там, хоть трава не расти» – подумал он, догадываясь, кем была она в прошлой жизни и как закончила свои земные дни. Боясь, что действительно может наговорить всяких гадостей, он пулей выскочил из зала, и едва не запинаясь в длинных полах тоги, побежал по лестнице вверх, где находился отдел по продаже ангельских мундиров. А вслед ему издевательски доносилось:

– Приходите еще! Будем рады!

Красный, как рак, он пушечным снарядом влетел на второй этаж. И там столкнулся, едва не сбив с ног, выходящего Левушку. Впрочем, нет, не выходящего, а скорее выползаю-

щего. Тот обеими руками бережно держал, прижимая к груди новенькие майорские крылья. Вид у Левушки был ужасный. Мотающийся в разные стороны, с потрескавшимися губами, бледно-зеленого цвета кожи, с нервно ходящим кадыком от постоянных глотательных движений, он скорее походил на измученное привидение, а не на майора ангельской службы.

– Оба-на! Левушка! Ты что это тут делаешь? – воскликнул Захария, миглом начиная приходить в себя от недавней перепалки.

– Да, вот, мне приказали обновить крылышки, пока обед не кончился, а то мои поистрепались что-то, – голосом умирающего лебедя буквально простонал он, сдерживая рвотные позывы и благородно умалчивая об истинной причине, толкнувшей его на покупку обновки.

– Левушка! Что с тобой?! Кто приказал? Что за срочность? – воскликнул полковник, разом забыв, зачем сам сюда так спешил. – Ты посмотри на себя в зеркало! Краше в гроб кладут!

– А-а, – вяло отмахнулся он головой, при этом едва не падая.

Захария не зря дослужился до полковника. Его на мякине, как опытного воробья не проведешь и на козе не объедешь, поэтому он профессионально покрутил носом, словно заправский гаишник и шумно втянул в себя воздух, резюмируя:

– Никак спиритус вини?! – ахнул от неподдельного изумления он. – Левушка, ты же трезвенник! Где это ты так вчера набрался, дорогой?! А главное, с кем?!

– Да-а, было дело, – все так же вяло протянул он, явно не желая выдавать имя собутыльника.

– Вот уж от кого, от кого, а от тебя не ожидал. Ты же пить совсем не умеешь. Вон, до сих пор ноги в коленях дрожат, – указывая на чуть подрагивающие складки тоги, заметил полковник. – Домой иди! Не позорь контору!

– Не могу, мне приказали идти за крыльями, – голосом сомнамбулы поведал он.

– Да кто приказал?! Что ты городишь тут?!

– Слушай! – будто очнувшись от спячки, прошептал он потряскавшимися и спекшимися губами. – Ты мне как раз нужен. Я хотел с тобой еще ночью связаться...

– Ночью?! Ого, как припекло видать тебя. Да я и сам хотел к тебе забежать. А что случилось-то?

– Поговорить надо. По нашему делу, – чуть слышно проговорил Левушка.

– Да?! Что-то интересное накопал?!

– Накопал. Ик, – икнул он и его чуть не вырвало на приятеля, вовремя отшатнувшегося. – Тсс! – туманно намекая на что-то, приложил он палец к губам. – Когда сможешь зайти?

– Сейчас по-быстрому переоденусь в парадное, а то шеф уже ждет через двадцать минут, и как освобожусь, так сразу к тебе.

– Добро, – простонал майор и, не прощаясь, двинулся вниз по лестнице, осторожно переступая ногами.

Захария крутанулся на месте, ориентируясь среди вешалок на колесиках и манекенов одетых в тоги разного размера и расцветки. Ринулся к скоплению продавщиц, крича на ходу:

– Девочки! Миленькие! Не до разговоров! Тогу! Парадную! Полковничью! Общего образца! И крылья! Срочно!

Молодые девчонки-продавщицы, разом вникая в сложность ситуации, разделились на две щебечущие стайки воробьев. Первая стайка шementом метнулась к одной из передвижных вешалок, на которой висели полковничьи тоги, попутно прикидывая на «глазок» габариты клиента, а вторая к такой же вешалке, но с крыльями. Пыхтя, выдвинули их из общего ряда.

– Вот это должна подойти, – сказала одна из бойких девиц. Снимая с вешалки и протягивая ему сверкающую белизной и шелковистостью с золотой оторочкой по краю тогу. – Кабинка для примерки вон там.

Он сунул ей карточку в руки и кинулся по указанному направлению. Заскочив в кабинку, одним рывком сорвал с себя старую, и, держа золотую пряжку в зубах, стал лихорадочно переоблачаться. Уже через тридцать секунд, сверкая горной белизной снегов и золотом Солнца на пряжке, выходил из кабинки. Несмотря на спешку, с удовольствием отметил восхищенные взоры молодок. Тут же подъехала и порция кры-

льев. Он не долго думая, выбрал светло-серые, со стальным отливом на концах. Решительно снял с вешалки.

– Девчонки, помогите старику пристегнуть амуницию! – весело гаркнул он, понимая, что уже никуда не опаздывает.

– Нам бы всем таких старичков! – со смехом накинулись они на него, помогая разобраться с застежками.

– Будут-будут, это я вам обещаю! – так же смеясь, сказал Захария, послушно поворачиваясь в умелых женских ручках.

Когда процедура одевания закончилась, он подошел к кассе, где кассирша, наведя на него раструб сканера, сообщила:

– Сто двадцать четыре райала.

Он кивнул, и она провела карточкой вдоль черной матовой пластинки торгового терминала. Засовывая карточку в складки тоги, и явно боясь, что и тут его начнут донимать ненужными предложениями, заторопился к лестнице, крикнув напоследок:

– С меня всем по шоколадке!

– Мы запомним! – весело хором ответили ему, когда он уже резво скатывался вниз, подобрав повыше подол.

Так, в полной парадной форме, с развевающимися за плечами, как флаги на ветру метровыми крыльями он выскочил из здания универмага и во всю прыть понесся к ближайшему телепорту. Ангелы практически никогда не выходили в Город в своем «обмундировании», так как считалось дурным тоном всяческое выпячивание своей принадлежности

к службе, занимающейся спасением Миров. Говорят, что в мирное время вид бегущего генерала вызывает смех, а в военное – страх. Райанцы от рождения были очень воспитанными, а воевать им было не с кем. Поэтому вид сломя голову бегущего ангела, причем, судя по экипировки в немалых чинах, вызывал у всех встречных прохожих вполне понятную оторопь. Эта оторопь решительно сыграла ему на руку, так как небольшая очередь у телепорта, завидев бегущего полковника, разом, расступилась, пропуская его вперед.

– Спасибо, друзья! – крикнул он, помахав рукой на прощание, немногочисленным очевидцам этого зрелища, исчезая в круге телепорта.

Уже через минуту он стоял возле двери приемной Начальника Ангельской Службы Шестого Сектора генерал-лейтенанта Архангела Гавриила. Обед еще не кончился, а значит, до означенного срока аудиенции оставалась еще пара минут – ровно столько, чтобы перевести дыхание и уравновесить внутричерепное давление с пульсом. Открыв туговатую дверь, вошел в приемную. Вопреки ожиданиям увидеть пустую приемную, Захария не без некоторого удивления обнаружил наличие все той же молоденькой секретарши, сидевшей на своем рабочем месте. В руках она держала остатки бутерброда, а на столе перед ней стояла большая чашка с еще неостывшим кофе. Видимо она только что откусила от бутерброда приличный кусок, поэтому щеки ее раздулись, делая ее похожей на симпатичного хомячка. При виде его, та-

кого импозантного, да еще в парадной форме, глазки секретарши распахнулись в немом восхищении, а щечки покраснели от смущения. Понаблюдав, улыбаясь за тем, как она делает судорожные глотательные движения в надежде поскорее проглотить слишком большой кусман, он не нашел ничего лучшего, чем сказать, положенную в таких случаях банальность:

– Неправильно ты дядя Ирий бутерброд ешь, его колбасой на язык надо класть...

Сделав над собой последнее усилие, она, наконец, проглотила так не вовремя откусанный ломоть и, пропустив мимо ушей явный «баян» уже смогла улыбнуться ему не только глазами и уже на выдохе, чуть придушенным голосом ответила невпопад:

– Ой, товарищ полковник, а я и не думала, что вы вспомните мое имя!

– Как же я мог вас забыть, ведь я обещал! – бархатно-медовым голосом проговорил он.

От этих его донжуановских интонаций ее щеки в мгновение приобрели пунцовый цвет, а брызнувшее из глаз обожаение, забрызгало его с ног до головы, образуя небольшую лужицу. Он знал, что обладает таким даром очарования, к тому же более чем достаточный опыт общения с людьми давал о себе знать. Правда следует отметить, что к подобным методам использования своего шарма, он прибегал лишь в крайних случаях.

– Ох! – только и смогла выдохнуть она, прижмурившись на мгновение от удовольствия.

– А вы почему тут обедаете, а не в столовой? – поинтересовался он, между прочим.

– Да, – неопределенно махнула рукой Ирия. – Столовая далеко, а пока в очереди на внутренний телепорт отстоишь, да еще в столовке на раздаче пока очередь дойдет, так и обед закончится.

– Всухомятку есть – желудок себе испортите.

– А я с кофе, – кивнула она на чашку с робустой.

– Шеф-то у себя? – спросил он, кося глазами на дверь кабинета.

– Шеф всегда у себя! – услышал он за спиной баритон Гавриила, вошедшего в приемную. – Проходи, давай! Молодец, что вовремя.

С этими словами он открыл дверь в свой кабинет и сделал Захарии приглашающий жест. Захария не чинясь, вошел в кабинет первым. Шеф вошел следом, дав указания секретарше:

– Я занят. Ко мне пока никого не пускать.

Пройдя в кабинет вслед за полковником, указал тому, на то же самое, золоченое креслице, что уже принимало в себя Захарию вчера утром. Сам не стал садиться напротив, предпочтя на этот раз свое начальственное место. «Эге, – подумал гость, – разговор, стало быть, ожидается официальным». Умастив кое-как по бокам от спинок кресел свои крылья,

стороны помолчали. Взгляд у шефа был каким-то замученным и затравленным, как у загнанного, в кольцо красных флажков, матерого волчары. « Не знает с чего начать... » – пожалев шефа, решил Захария. Тот еще раз обозрев ладно скроенную фигуру подчиненного, откашлявшись в сторону, перешел с места в карьер:

– А ты что же, милок, без наград? Я ж велел быть при полном параде, – вполне буднично и миролюбиво начал он.

– Во-первых, одевать было некогда. Во-вторых, у меня их слишком много, не хотелось быть похожим на рождественскую елку. А в-третьих, решил не ставить в неловкое положение представителей комитета по наградам...

Гавриил вопросительно вскинул бровь.

– Если я их все надену, то куда они Ангельскую Звезду цеплять станут? Она ведь тоже немалых размеров, – охотно пояснил он немой вопрос шефа.

– Согласно Уставу и статуту о награждениях, на сей счет имеются орденские планки! – рыкнул шеф.

– Имеются, – кивнул Захария и взглянул почти дерзко Гавриилу прямо в глаза. – А только ведь я из тех, кто читает книги полностью, а не их демо-версии.

– Опять умничаешь? – не стал ввязываться в перепалку начальник, чем немало удивил своего подчиненного. – Впрочем, поступай, как знаешь, чай не младенец уже. Собственно говоря, я позвал тебя вот зачем...

Как бы собираясь с мыслями он взял со стола карандаш

и начал вертеть его и так и эдак в своих длинных узловатых пальцах, что выдавало в нем крайнюю степень озабоченности и растерянности. Захария не стал помогать ему наводящими на конкретику вопросами, а просто молча смотрел на неловкие телодвижения шефа. Наконец, видимо устав от всех этих недомолвок и неопределенностей, Гавриил все же решил продолжить тяжелый для него разговор:

– Послушай Захария, мы ведь с тобой тут считай с самого начала. Почти две тысячи лет. Съели, понимаешь, не один пуд соли. И ты знаешь, как я всегда по-отечески к тебе относился.

Дождавшись утвердительного кивка со стороны искренне недоумевающего подчиненного, продолжил:

– Бывало, что и распекал за всякое, не без этого, конечно. Но в чинах и наградах не ужимал, верно ведь?

– Товарищ генерал, – перебил его Захария. – Вы все правильно говорите, и про чины с наградами, и про отношение ваше ко мне. Но я никак не пойму, куда вы клоните? У меня такое ощущение, что вы затаили на меня какую-то обиду... Я прав?

Гавриил вперил свой взгляд в столешницу, продолжая нервно теревить карандаш.

– И да, и нет, каким-то бесцветным голосом отозвался шеф. – Я просто хочу понять, о чем ты думаешь, и что тобой при этом движет?

– Товарищ генерал, – уже начиная невольно раздражаться

от этих увиливаний шефа. – Скажите честно и напрямую, где и в чем я вас обидел? И я в свою очередь попытаюсь развеять ваши сомнения на мой счет!

– Видишь ли, Захария, – тихо проговорил он, уже глядя в окно, по-прежнему избегая смотреть в сторону собеседника. – Я тут недавно получил сведения, из источников внушающих определенное доверие, что ты метишь на мое место. Я сам, как ты знаешь, никогда не скрывал ни от кого, что числю тебя в своих преемниках, но как-то не думал, что это все может обернуться таким вот образом.

– Ага! – совсем не по-уставному воскликнул Захария. – И что же это за источники такие у нас появились, если не секрет?!

– Пока секрет, но поверь мне, что они весьма авторитетны.

– Шеф, – обратился он к Гавриилу, совсем уже пренебрегая Уставом. – Я вас знаю так же хорошо, как и вы меня. Вы не станете прислушиваться даже к очень авторитетному мнению, если оно не подкреплено еще чем-то, не так ли?! Сведения, какого характера подтолкнули вас на эту мысль?

– Я уже говорил. Меня очень смутила та невероятная скорость, с которой было рассмотрено мое представление о вашем награждении. Все указывает на то, что без «мохнатой» лапы здесь не обошлось.

– О чем вы говорите товарищ генерал?! Какой лапы? Откуда ей взяться-то, если я не вылезаю из командировок?! На

том иерархическом уровне, на котором находимся мы с вами, для нас есть только одна лапа. И вы прекрасно осведомлены о ней! – при этих словах, Захария кивнул в сторону пустой портретной рамы, висящей над головой шефа.

– Но ведь сведения, полученные мной, тоже на чем-то базируются, – попробовал возразить Гавриил.

– Я не знаю на чем они там базируются, но давайте разберем ситуацию конкретно и на пальцах.

– Не возражаю. Давай, – кивнул шеф и перебрался из своего начальственного кресла, в стоящее напротив.

– Хорошо. Только прошу без особой нужды не перебивать меня.

– Договорились, – вновь согласился начальник.

– Начну с того же, что и вы. За две с лишним тысячи лет, что я нахожусь в вашем непосредственном подчинении, я ни разу не был отмечен какими-то служебными взысканиями и совершенно не замечен в каких-либо корпоративных интригах. У меня не было для этого ни желания, ни времени. Излишним честолюбием я также не страдал, принимая спокойно и откровенно не сулящие ничего хорошего командировки и награды за них. Вы согласны со мной?

– Да. Не спорю. Претензий никогда не высказывал. И по углам не шушукался, – согласился генерал.

– Спасибо. Продолжаю с вашего позволения. Звание полковника заслужил не на паркете, а в «поле». И звание это получил в автоматическом режиме, в соответствии с Уставом

– совершив девяносто девять «выходов» без единого провала. Мое представление о присвоении очередного звания, совершенное вами является абсолютно формальным и прошло без моего участия, вы согласны со мной?

– Да. И тут с тобой не поспоришь. Звания свои ты не вымолил и не высидел.

– Хорошо, кивнул Захария. – А теперь напомните мне, пожалуйста, в соответствие с так любимым вами Уставом, чтобы занять кресло начальника ангельской службы сектора каким критериям должен соответствовать соискатель этой должности?

– Звание не ниже генеральского, опыт руководителя каким-либо из структурных подразделений службы не менее пятидесяти лет, – невольно начиная прояснять лицом, перечислял Гавриил, а затем, словно спохватившись, добавил, опять темнея ликом. – За исключением чрезвычайных обстоятельств, требующих срочного изменения кадрового персонала.

– А вы можете припомнить и перечислить подобные форс-мажорные обстоятельства?

– Н-нет, пожалуй, – с запинкой проговорил шеф. – Не припоминаю такого, да и представить затрудняюсь. На моей памяти, по крайней мере, такого никогда не случилось нигде.

– И я не серафим, чтобы управлять случаем, – развел руками Захария.

Шеф невольно вздрогнул при упоминании серафима, но

Захария и бровью не повел, делая вид, что ничего не приметил.

– Теперь, что касается последнего награждения, – продолжил полковник. – Исходя из положений, все того же Устава и статута, Орденом Большой Ангельской Звезды с Терновым Венцом и Косицами награждаются в том числе «полевые» агенты, совершившие девяносто девять абсолютно удачных командировок по внедрению, либо лица особо отличившиеся перед Господом. Причем, последний пункт требует Его особенного согласования. Верно, цитирую?

– Близко к тексту, – усмехнулся архангел. – Я и сам в свое время был награжден этим орденом. За особые, так сказать, заслуги.

– Знаю. Так вот. Инициатива принятия решения о представлении моей скромной персоны исходила, насколько помню, от вас, и повлиять на вас в этом плане я никак не мог, ибо находился в реабилитационной камере в это время, как минимум. И к тому же, девяносто девять выходов я все-таки действительно совершил, причем, насколько я понимаю, все они были успешными. Следовательно, и здесь с моей стороны, не наблюдается, какая бы то ни была злокозненность.

– Так-то оно конечно так. Ты убедил меня, что ни в коей мере не причастен к этому делу, но дело, видишь ли, в чем? – тут шеф опять замялся.

– В чем?! – воскликнул Захария, ловя себя на непреодолимом желании дать шефу хорошего волшебного пенделя под

зад, для придания ускорения его мыслеизвержениям.

– Дело в том, сынок, что я не поленился оторвать свою пятую точку от кресла, и не доверяя селекторному общению, только что вернулся из канцелярии. . .

– И?! – не удержался от возгласа полковник.

– И мне сообщили, что мое вчерашнее представление о твоём награждении все еще находится у них, так как серафимы вчера не забирали почту, предназначенную Ему для рассмотрения.

В кабинете повисла липкая и от того неприятная тишина, нарушаемая только тиканьем больших напольных часов, стоявших в углу. Так продолжалось около минуты, потом они, не сговариваясь, повернули свои головы к пустой раме. Обоим почему-то показалось, что рама улыбалась и корчила им рожицы. По всему выходило, что представление отослано еще не было, а положительная резолюция на него уже была получена.

– Шеф, поверьте, – начал было Захария, все еще не отрываясь взглядом от рамы.

– Да, верю-верю, – отмахнулся рукой шеф. – Но и ты согласись, что дело-то более чем странное.

– Да. Тут я с вами, совершенно согласен, – подхватил он.

– Вот и я о том же. Подумай, вспомни, может у тебя были, какие-нибудь странные происшествия за прошедшие сутки. Пусть даже незначительные.

Захария задумался. Для усиления мозговой деятельности

даже попытался свести глаза в кучу, но голова закружилась, и от этой затеи пришлось отказаться.

– Вроде ничего такого особенного не наблюдалось... Ну разве что...

И тут он во всех подробностях описал поход в операторскую службы наблюдения и контроля, где стал участником такого необъяснимого явления как первая межпланетная связь на ментальном уровне. Рассказывал подробно, сопровождая свое повествование бурной жестикуляцией, передавая в лицах диалог с Левушкой. Шеф внимательно слушал его, всем телом подавшись вперед, и казалось порой, что даже и не дышал, боясь упустить какую-нибудь важную деталь рассказа. А когда Захария, в конце рассказа упомянул, что направляясь сегодня к начальству, встретил Левушку в довольно странном для него виде и настаивавшем на встрече для прояснения неких важных обстоятельств, то шеф зачастил в несвойственной для него манере:

– Да-да, непременно-непременно, обязательно зайти к нему. И чем скорее, тем лучше. Чую, что здесь кроется какая-то загадка. И обязательно, слышишь, обязательно держи меня в курсе. Хотя, что я говорю? Вечером на церемонии увидимся, может и удастся перекинуться парой слов.

Они поговорили еще минут пять о предстоящей церемонии, после чего, уже вполне дружно расстались, вполне довольные выясненными отношениями.

Выйдя из кабинета шефа, Захария хотел тотчас посетить

с визитом Вершинина и решительным шагом направился к выходу из приемной, но вдруг неожиданно остановился. Мысль, внезапно пришедшая ему в голову, так понравилась, что Захария круто развернулся и подошел к столу, за которым сидела Ирия. Несмотря на то, что она занималась сортировкой бумаг, лежащих на столе перед ней, девушка то и дела бросала короткие взгляды на бравого полковника. Когда же он подошел к столу вплотную и остановился, то девушка перестала изображать из себя чрезвычайно занятого работника и уставилась на него круглыми как совенка глазками. Откашлявшись в кулак, чтобы вновь придать голосу бархатистые интонации, Захария начал свою партию:

– Ирия, дорогая, – сказал он и запнулся.

Запнулся от того, что при слове «дорогая» он тут же отметил, как ее тельце буквально встрепенулось, словно бабочка сложила на миг и вновь распахнула свои невесомые крылышки.

– Ирия, дорогая, – вновь повторил он опять отмечая тот же эффект от произнесенных слов. – Вы же ведь ангел! Не по службе, а по самой сути. Я же это вижу.

– Не знаю, – растерялась девушка от неожиданности.

– А я знаю, – мягко подкрался он, делая при этом печально-просительные глаза Кота в Сапогах из «Шрека». – И как всякий ангел, вы просто обязаны, оказывать посильную помощь окружающим.

– Да. Наверное, – в еще большей растерянности согласи-

лась она.

– Умоляю вас, спасите меня! – почти трагически заламывая руки, провыл он.

– Кто вас обидел?! Шеф?! – с испугом в голосе спросила она.

– Шеф?! Ну что вы?! Он у нас и мухи не обидит!

– А от кого тогда спасать? – немного приободрилась она от мысли, что не надо будет вступать в конфликт с начальством.

– Почему сразу от кого?! – удивился Захария, поняв, что и так уже слегка перебрал с драматургией провинциального театра, поэтому перешел на более деловой тон. – Ни от кого, а в чем. Видите ли, Ирия, сегодня вечером намечается некое небольшое мероприятие в объединенной штаб-квартире, на которое я получил официальное приглашение...

– Да-да, – перебила она его, улыбаясь. – Я в курсе. Лично принимала гравиграмму оттуда. Вас будут награждать орденом. Кстати, я вас поздравляю!

– Спасибо, Ирия! – ответил он, отмечая про себя, что ему все больше и больше нравится произносить ее имя. – Так вот, в приглашении, если вы помните, сказано, что я могу взять с собой на мероприятие кого-то еще одного по личному усмотрению.

– И вы... – начала, было, она.

– Да! – подхватил он с жаром. – И я очень прошу вас, если конечно это не составит вам труда и не отвлечет от чего-то, более важного, составить мне компанию.

– Но почему я? – опять растерялась она, заливаясь краской смущения. – Я думаю, что многие хотели бы оказаться на моем месте.

– Знаете, что, Ирия, – уже без театрального пафоса проговорил он. – Как-то так сложилось, что за почти три тысячи лет, пока я не вылезал из командировок, у меня совсем не оказалось друзей. Приятелей, знакомых, сослуживцев, соседей полно, а вот с друзьями дело не сложилось. Я вот вчера вернулся домой из последней командировки, а встретить-то меня и некому было, хотя многие, я уверен, знали, что это моя последняя отлучка. Ни письма в почтовом ящике, ни смс-ки. И так, понимаете, муторно на душе стало, что и словами не передашь.

– Да. Я вас хорошо понимаю, – кивнула она задумчиво.

– А тут вы вчера... И ваша улыбка... Единственная такая искренняя улыбка за весь день, что мне показалось, будто вы единственная кто по настоящему рад моему возвращению, хоть я и не знаком был с вами.

– Да, – опять согласилась она. – Это очень плохо, когда тебя не встречают и хоть изредка не улыбаются. Я тоже пережила нечто подобное в свое время. Конечно, мои переживания – ничто, по сравнению с вашими переживаниями, но они были и оставили след в моей памяти.

– Вот я и подумал обратиться к вам. Это раньше, можно было отсутствовать по пятьдесят лет, и вернувшись застать то же самое, что было до командировки. А сейчас, прошло

всего почти тридцать лет, а я себя чувствую, как слепой в незнакомом ему месте. Мир так стремительно меняется вокруг нас, что мне без вашего кураторства никак не обойтись.

– И в качестве кого вы меня приглашаете на это торжество? – с легким испугом поинтересовалась она.

– В качестве ангела-хранителя, конечно.

– Ну, я еще могу понять, что в быту вам необходима помощь, пока вы не привыкнете к новой обстановке, но там – в штаб-квартире, что вам может угрожать? – с лукавинкой в голосе спросила девушка.

– Скажу вам по секрету, даже полковники нуждаются в охране. А уж тем более такие одинокие, как я. Мы, я имею в виду, прежде всего себя любимого, являемся самой уязвимой частью общества, – почти серьезным голосом сообщил Захария, чуть понизив голос. – Не верите? Спросите у шефа.

Тут как по заказу открылась дверь из кабинета, и на пороге приемной появился Гавриил:

– Ты почему все еще здесь? – обратился он к Захарии. – Я куда тебе велел идти не мешкая?!

– Да, вот, – открыл рот полковник, но генерал не дал сказать.

– Не успел вернуться, как следует, а уже охмуряет нашу любимую секретаршу?! – воскликнул он, и приоткрыв сильнейшей дверью в свой кабинет и крикнул в его пустое пространство. – Остап Ибрагимович, там ксендзы нашего Козлевича охмуряют!

– Какую-какую секретаршу?! – принимая игру шефа, нарочито оттопырив рукой ухо, спросил Захария.

– Нашу! Любимую! – притворно набычился шеф.

– А Олимпиада Дормитонтовна в курсе, что она наша и любимая? – настырничал тот, кого называли ксендзом.

– Что?! – громыхнул генерал. – Имеет место грубый шантаж со стороны внеземного противника!

Ирия, красная, как только что сваренный рак, недоуменно переводила взгляд с одного актера разговорного жанра на другого и решительно ничего не понимала из их малопонятного диалога. Нужно было проработать с шефом, бок о бок, не одно столетие, для того чтобы привыкнуть к его манере общения. Наконец «театр у микрофона» закончился, и Гавриил перешел к кинофильмам, спросив с интонацией хулиганистого подростка:

– А что это вы тут делаете?

– В картишки дуемся, – опять подхватил Захария, но решил дальше не продолжать испытывать на прочность нервную систему девчонки, а потому закончил. – Вот, предлагаю Ирии быть моим ангелом-хранителем на вечернем мероприятии.

– А она что ответила?

– Пока не знаю. Не успела сказать.

Гавриил повернулся всем телом к уже начинающей оправляться от пережитого стресса девушке, и страшно вращая в разные стороны выпученными глазами, скомандовал:

– Младший лейтенант Литвинова!

Девушка, заученно вскочила с места и вытянулась по стойке «смирно», прищелкнув под столом туфлями.

– Приказываю немедленно принять вышеназванный объект под личную охрану! – начальственным тоном повелел он, а затем, оглядев «объект» сверху донизу, добавил пояснительно, как бы самому себе. – Принять со следующими характеристиками: качества среднего, не бывшего в употреблении, пробега немалого, в капремонте не нуждающегося, не битого не крашеного, без опознавательных знаков и инвентарных номеров.

– А че сразу среднего качества-то?! – уныло прогнусавил «объект».

– Объект, помолчите! – сурово оборвал его шеф, и уже обращаясь к вновь начинающей наливать краской девушке, произнес. – К охране приступить после окончания рабочего времени.

– Есть приступить! – все еще алея маковым цветом, вскинула руку к виску.

Однако шеф не унимался, и напоследок решил выжать максимум из этого эпизода, вконец добивая Ирию своим солдафонским юмором:

– Инвентарный номер проставите сами после апробации и взаимного обмена поршневыми кольцами в соответствии с правилами органов записи гражданского состояния.

Захария затаил дыхание, не решаясь в это время подни-

мать на нее глаз, так как даже кожей ощущал идущий от девушки жар смущения и немого негодования.

– А ты тут не задерживайся надолго, у тебя еще важная встреча предстоит сейчас, – уже совершенно серьезно обратился генерал к нему и ушел в кабинет, прикрывая за собой дверь.

Когда дверь за начальником закрылась, Захария позволил себе немного глотнуть свежего воздуха. Вдох был каким-то неубедительным и больше походил на всхлип младенца. Девушка по-прежнему стояла столбом, лишь слегка ослабив осанку. Уже проклиная в душе все на свете, а паче того шефа с его шутками ниже пояса, Захария прервал неловкое молчание:

– Вы уж простите его. Он у нас такой. Не понимает разницы между мужчинами и женщинами. Солдафон одним словом.

– Да нет, – возразила она, очнувшись от пережитого и усаживаясь на свой стул. – По-моему, он то, как раз все хорошо понимает. Во всяком случае, больше чем некоторые.

Захария из чувства самосохранения не стал развивать дальше, эту опасную для него тему. Однако и уйти не мог, не получив ответа на свое предложение, а потому робко спросил:

– Так как насчет того, чтобы помочь мне?

– Ааа... Вы про это?! Да. Согласна. Только я забыла, во сколько там начинается?

– В шесть вечера, – моментально подсказал он ей.

– Вот и хорошо. Мы работаем до пяти, так что у меня еще будет время, чтобы заскочить домой и переодеться.

– Давайте я зайду за вами сюда к пяти часам? – предложил он.

– Зачем? – удивилась она. – Чтобы потом целый час мотаться у меня под окнами в ожидании, когда я закончу с переодеванием? Нет. Лучше давайте встретимся прямо там, без пяти минут шесть. У «пеликана». Знаете где это?

Он кивнул. Скульптура пеликана стояла слева от центрального входа в штаб-квартиру и служила неофициальным его символом.

– А сейчас идите, у вас, кажется, намечена еще важная встреча, – деловито и как-то по-хозяйски распорядилась она. – Да и у меня еще тут дела есть.

– Спасибо, Ирия! – он нагнулся корпусом вперед через стол, намереваясь поцеловать ей руку, но она предостерегающе погрозила ему пальчиком. От этого он еще больше смутился, и неловко повернувшись, побрел к выходу из приемной. И уже подходя к двери, в спину услышал:

– Не бойтесь. Я обязательно приду, – и, замешкавшись на секунду, добавила чуть слышно. – Принимать вас по акту.

Захария резко дернулся и моментально обернулся. Она не смотрела на него, уткнувшись в свои бумаги, но он разглядел улыбку на ее лице.

– Верю, – так же еле слышно проговорил он в свою оче-

редь, закрывая тугую дверь за собой.

Левушку он застал на его рабочем месте. Он сидел, вернее почти лежал, навалившись всем туловищем на столешницу, в своей стеклянной выгородке, уныло обхватывая голову руками. Там же, на столе стоял пустой граненый стакан с каплями влаги на стенках. Захария понюхал стакан. Ничем не пахло. Стало быть этот придурок, мучимый жаждой, не нашел ничего лучшего, чем нахлебаться простой воды, от которой его еще больше развезло. При виде столь удручающего зрелища, Захарии только и оставалось, что сожалеющее поцокать языком.

– Что ты вчера пил, чешуекрылый?! – строгим, но с ноткой братского сочувствия голосом спросил полковник.

– Фалернское, – простонала жертва «зеленого» змия.

– Ого! – воскликнул Захария, перебирая варианты возможных собутыльников майора. – Фалернское?! Это тебе брат не «три топора», такое, где попало, к столу не подают. Бубликович?

– Он самый, – не задумываясь «слил» на этот раз со всеми потрохами своего шефа Левушка, кивая и одновременно постанывая.

– Тоже мне, нашел с кем тягаться?! Да он таких сопляков, как ты, дюжину перепьет. Чтобы его свалить с ног, нужен, как минимум, эскадрон изюмских гусар.

– Весь вечер небось квасили, до самой ночи? – с тенью зависти спросил Захария.

– Не-е, – совсем уж плаксивым голосом ответил Вершинин. – До утра...

– Ого! – уже начал было он удивляться мужеству незакаленного организма майора. – Как же это вас угораздило?

– Сначала мы пили у него, потом он пошел меня провожать, потом я его, потом... не помню, а потом мы нашли круглосуточный ларек...

– А потом? – с ехидством спросил полковник.

– А потом мы пришли ко мне домой, а он и говорит: «Я подремлю у тебя, а ты срочно иди в магазин за новыми крыльями, потому как честь конторы не терпит своего умаления». Завернулся в ковер и уснул, а я пошел.

В общем и целом картина была ясна. Старому ангелу было скучно в усадьбе сажать петрушку, поэтому он ухватился за первую попавшуюся возможность поразвлечься, устроив соревнования подобного рода. Молодой, а потому глупый ангел, решил во всем не отставать от своего шефа. Итогом соревнований стало банальное алкогольное отравление новоиспеченного адепта храма Зеленого Змия.

– Пальцы в рот совал? – деловитым тоном поинтересовался он у Левушки.

– Совал.

– Ну и?! – нетерпеливо спросил Захария.

– Уже весь пустой.

– Чем лечишься?

– Ничем. Я слышал, что рассол надо попить огуречный, да

нету его, – печально констатировал врио начальника отдела.

– Балда! Рассол – это после водки. В аптечке есть что-нибудь?

– Н-нет, ничего нет, кроме «зеленки».

– Ага! К твоей и без того зеленой роже, только еще ее не хватало. Ладно, сиди, я сейчас.

Захария вышел из закутка и прошел в середину обширного зала. Там, слегка откашлявшись, громко заговорил, так, чтобы его слышали в самых дальних уголках операторской.

– Попрошу минутку внимания, товарищи! – произнес он и сделал паузу, чтобы убедиться, что стал объектом всеобщего внимания. Убедившись, что его персоной заинтересовались, продолжил, насупив брови и потрясая в воздухе кулаком:

– Все присутствующие здесь были отвратительными людьми на Земле, родились от скверных людей, стали негодными ангелами и потомство оставят такое же никчемное!

Общее «благородное» собрание будто окатило ведром холодной воды. Все застыли в немой растерянности гоголевского «ревизора». Еще никто и никогда не разговаривал с ними в таком обличительном и уничижительном тоне. А Захария, тем временем, продолжал свою пламенную речь, приговоренного к повешенью «народовольца»:

– Про толстокожих носорогов, близоруко уставившихся в тубусы ПВ-сканеров и по нелепой случайности, называющих себя мужчинами, я молчу. Они, как говорится, безнадежны и неоперабельны. Но вы, я обращаюсь к потомкам, имеющим

происхождение от брака самки шимпанзе с ехидной, которые взяли на себя смелость называться женщинами, неужели вы в конец потеряли остатки, так и не приобретенной в «комиссионке» совести?! Вы же все видели, в каком состоянии пребывает ваше руководство, положившее остатки своего здоровья на алтарь борьбы с разгильдяйством и бездорожьем! Ему может жить-то осталось – всего ничего, до первого чиха! Почему никто из вас не оказал ему первую медицинскую помощь?! Искусственное дыхание рот в рот, например или массаж предстательной железы?!

Только он успел закончить свой неоднозначный по смыслу спич, как все повскакали со своих мест с душераздирающими криками:

– Ах! Ой! Что случилось?! Где?! Как?! Что с ним?! Скорую, скорую вызывайте! – ревела толпа, со всех сторон обступая оратора. Кажется, что они даже не вникли в смысл его слов, иначе бы это закончилось для Захарии приличной трепкой.

– Не волнуйтесь граждане Севериновки! – сделал он успокаивающий жест руками. – Первую необходимую помощь я уже ему оказал. Появилась слабая надежда на то, что он выживет. Но расслабляться рано, от вас тоже требуются некоторые усилия в этом направлении.

– Говорите! Что делать?! Куда нести?! Чего нести?! Воздуха, побольше воздуха! Откройте окна! Лекарства! Где! Какое?! – зашелся в экстазе персонал отдела.

– Тише граждане! Успокойтесь! Мы делаем все что можем. Дежурная бригада реаниматологов борется изо всех сил за его жизнь! Но нужны дополнительные медикаменты. Если у кого-то есть с собой цитрамон или на худой конец аспирин, то попрошу поделиться в срочном порядке!

После этой просьбы мужчины остались неловко и виновато стоять на месте, так как никогда не носили с собой никаких лекарств, а женщины все поголовно кинулись рыться в своих дамских сумочках, судорожно шаря в поисках нужного снадобья. Хотя нет. Не все и уж тем более не судорожно. Захария краем глаза отметил, что одна из ангелиц с самого начала необычного диалога не проявляла никаких эмоций. Красивая, с длинными волосами цвета «вороного крыла» и грудью никак не меньше четвертого номера, она сидела за своим столом и отвернувшись смотрела в окно, никак не участвуя в разразившейся панике, словно бы все происходящее вокруг, ее никак не касалось. Такое поведение очень сильно контрастировало с окружающей обстановкой и поэтому не могло быть незамеченным. Между тем, первые из «геологов» уже нашли в залежах своих необъятных кладовых нужные препараты и уже начали протягивать Захарии со всех сторон пузырьки, тубики и облатки с названным медикаментом. «Надо же! У них и здесь у всех голова болит! Ну, бабы!» – подумал он с искренним восхищением перед стойкостью женской натуры. Всем вдруг непременно захотелось поучаствовать в спасении жизни своего врио, по-

няв этот душевный порыв, Захария не посмел никого обидеть отказом, поэтому собрав в охапку все подношения от пристыженной паствы, невольно расчувствовался и принял-ся на правах старшего по званию, благословлять всех подряд «приносящих дары», бормоча, обращаясь к каждой:

– Бог с тобой, дочь моя! Прости тебя, Господь! Будь благословенна! Оставь свой номер телефона! Тьфу, что я говорю?! Следующая! Счастья тебе, милая! Молись и воздастся тебе! Бог тебя не оставит! Ну, все что ли?! Уфф!

Собрав, положенную дань, развернулся и пошел к выгородке. Но дойдя до нее, обернулся на рыдающую от счастья толпу, и уже совсем деловым и будничным голосом бросил:

– Да, вот еще что. Организуйте-ка для умирающего чаю. Крепкого. С лимоном, но без сахара! Ясно?

Сотрудники дружно закивали. Захария, пятясь, открыл задом дверь в стеклянную конторку и скрылся из вида. Войдя внутрь, отдуваясь, как от непосильной ноши ссыпал на стол все, что насовали сердобольные женщины:

– На! – Произнес он, глядя на все еще сжимающего голову Левушку. – Этого тебе хватит на целый год беспробудного пьянства.

– Ну и к чему ты устроил весь этот балаган?! – со стоном спросил все слышавший Вершинин.

– А к тому, скотина ты безрогая, чтобы ты впредь знал, с кем, когда и как надо пить, и не являлся на службу в таком непотребном состоянии, – с угрозой в голосе ответил

полковник. После этого подошел к кулеру, стоявшему в углу помещения, и набрал из него в стакан холодной воды. Затем, поставив стакан перед носом начинающего алкоголика, вскрыл один из пузырьков и высыпал оттуда две небольших таблетки. Молча кинув их в стакан, дождался, когда они быстро растворятся, поднес к губам страдальца.

– Пей! – приказал он, сидевшему.

Левушка залпом осушил стакан с содержимым, ни капли не пролив, несмотря на трясущиеся руки. Тут же вошла девушка в звании прапорщика, неся перед собой поднос с восемью стаканами почти черного от крепости чая, с плавающими на поверхности кружочками лимона. Осторожно поставила на стол и уже собралась что-то сказать, но встретившись с взглядом Захарии, передумала и вышла, так и не проронив ни слова.

Через каких-нибудь полчаса, Левушка уже настолько хорошо себя почувствовал, что оказался в состоянии здраво и связно излагать свои мысли. Опять пришлось доставать флэшку. Опять пришлось испытывать нервную систему Захарии просмотром трагического эпизода, делая остановки для покадрового разбора и высказывания различных гипотез. Попутно пришлось рассказать Захарии о чехарде и неувязках в приказах, а так же о диалоге с Борисовым из отдела ПВ-перемещений. И, конечно же, пришлось поведать об итогах его расследования со своим начальником – Тацитом, вылившихся в безобразную пьянку, но, тем не менее, проливших

кое-какой свет на это более чем темное дельце.

– Скажи, – теребил Вершинин настойчиво полковника. – Может тебе показалось тогда что-то странным? Может быть, предчувствие какое-то тебя беспокоило перед происшествием?

– Да вроде ничего такого не было, – вспоминая уже в который раз вчерашнее злополучное утро отвечал ему Захария. – Вроде все как всегда. Хотя...

– Ну-ну, – подбодрил его майор.

– Сердчишко у нас, в смысле у меня с Кругловым, с утра побаливало, да крепенько так, что мы даже в больничку хотели пойти после детского сада. Никогда такого не было, а тут вдруг как прихватит, аж в глазах темно было.

– Да-да, аппаратура зафиксировала редкий случай рецидивного инфаркта.

– Как, рецидивного? – не понял полковник.

– Ну, так. Видимо первый раз тебя еще дома шандарахнуло, а ты вместо того, чтобы вызвать и мирно ждать приезда «скорой», поперся кандибобером в садик, а когда увидел, несущийся на вас джип, то второй инфаркт вас и добил.

– Ну да, наверное, так и было, – согласился он с доводом Левушки.

– Это все понятно. А я тебя о странностях спрашиваю, – не унимался тот.

– Странностях?! – выпятив нижнюю губу в задумчивости проговорил Захария. – Ну, вот разве что... собачонка. Вер-

нее щенок. От нашей дворовой собаки Фуфайки. Колобком его все звали.

– Так-так, продолжай, – с интересом стал нажимать Левушка. Все восемь стаканов чая, приятелями были уже давно выпиты, поэтому допрос «с пристрастием» приходилось проводить всухую.

– В принципе ничего такого особенного, просто, когда мы с дочкой выходили со двора, откуда-то из кустов к нам выскочил щенок. Инесса часто играла с ним, из дома кое-что таскала, чтобы подкормить. Я не возражал. Милый такой, косолапый и весь кругленький, – при этих словах Захария невольно улыбнулся, и его улыбка передалась Левушке. – Мы остановились. Она как всегда принялась тискать его и упрашивать меня разрешить взять его домой. Я ей сказал, что мама непременно будет ругаться, и просто предложил ей продолжать подкармливать щенка и дальше при полном моем содействии или отправить в Реутов, к бабушке. Она держала его на руках, и я нагнулся, чтобы погладить его...

– И что, он цапнул тебя за руку?! – в нетерпеливом недоумении воскликнул майор.

– Право слово, уж лучше бы он меня тяпнул. Я вдруг почувствовал такой холод, пробирающий до костей, как будто меня запихали голого в морозилку.

– Так-так, – проронил Левушка.

– Что, так-так?!

– Ничего-ничего, ты продолжай.

– А потом он на меня взглянул... и меня охватил такой ужас, какого я доселе никогда не испытывал, а ты меня знаешь, я не из пугливых. Как будто сама Смерть заглянула мне в глаза. Мы ведь тут со смертью, вернее с ее проявлениями, сталкиваемся чрезвычайно редко. Я еще не встречал случая смерти райанца от старости, разве что в результате какого-нибудь несчастного случая, что встречается крайне редко. А тут, понимаешь, нос к носу встретился с «безносой».

От предельного внимания и боязни упустить хотя бы мельчайшую деталь повествования, Вершинин, как ребенок слегка приоткрыл рот. Зрачки его глаз при этом расширились, как у завязтого кокаинщика. А полковник, не обращая на него внимания, весь погруженный в свои воспоминания продолжал:

– Щенок, тоже видимо понял каким-то только ему ведомым чутьем, что его взгляд вселяет ужас, поэтому быстро отвел его и больше на меня не глядел. Так я его и не погладил. А потом он как-то выкрутился из ее рук и юркнул куда-то в кусты, мы же пошли дальше своей дорогой. В общем-то, вот и все, ничего особенного, – закончил он свое короткое повествование.

– Ничего особенного говоришь?! Ну-ну, – хмыкнул Вершинин.

– А что? – насторожился Захария.

– Сколько примерно длился ваш контакт с собачонкой? – деловито поинтересовался Левушка.

– Пару минут, не более.

– Пару минут, – задумчиво повторил за ним Левушка. – А если бы вы не задержались возле этого щенка на эти пару минут, то и ДТП возможно бы не случилось. Так?

– Так.

– Разница в двух приказах по отделу, тоже составила как раз эти пару минут. Никакой аналогии не просматриваешь?

Захария пожал плечами. Все это конечно выглядело более чем странно, но он никак не мог понять, на что намекает в разговоре его собеседник.

– Контакт со щенком сопровождался общим понижением температуры окружающей среды, как и в случае с «темноочкастым» хлыщом и дурацким джипарем?

– Ну да, выходит так, – промямлил полковник.

– Щенок-то, небось, был черного цвета? – подмигнул он Захарии.

– Да. А какое это имеет значение? – изумился тот.

– Да никакого. Ты случайно не помнишь, какая эмблема, там, на Земле, олицетворяет Нечистого? – как бы, между прочим, спросил он вконец растерявшегося Захарию.

– Ну, козел с копытами, летучая мышь.

– Так, а еще, – подводил его к какой-то мысли Левушка.

– Ну, еще муха с пентаграммой.

– Правильно, а еще?

– Число зверя.

– Нет. Я тебя не про числовое значение спрашиваю, а про

эмблему.

– Ой, даже и не соображу сразу.

– А я подскажу... Ты читал, наверное «Мастера и Маргариту» Булгакова?

– Читал. Но ведь это беллетристика...

– Не скажи, брат. Так медальон с изображением кого повесил Воланд на шею Маргарите?

– Пса. Черного, – уверенно произнес Захария.

– Вот! – подняв указательный палец вверх, констатировал Вершинин.

– Левушка, это смешно, делать научные выводы на основе фантазий писателя, – попробовал было возмутиться Захария.

– Подожди, – перебил его майор. – Ты ведь у нас, как я знаю, числишься большим знатоком античной литературы, не так ли?

– Ну, не то чтобы так уж, – поскромничал Захария.

– Так вот, – продолжал свое наступление Вершинин. – Кто там охранял ворота в ад, согласно греческой мифологии?

– Цербер. Пес о трех головах. Согласно Гекатею, Филохору и Плутарху, – оттарабанил он, как отличник на уроке истории.

– Молодец. Возьми с полки пирожок. Только и мы не лыком шиты, – ухмыльнулся Левушка. – Упомянув Цербера, ты забыл, что псов, охраняющих ад, на самом деле было двое. И второго пса, которого в схватке задушил Геракл, звали Орф.

– Да. Согласно Палефату, – подтвердил Захария.

– А как он расправлялся с незваными гостями, не помнишь? – с хитрецей в голосе спросил безжалостный допрашиватель.

– Убивал, предварительно замораживая своим взглядом, – упавшим голосом выдал из себя полковник.

– Вот именно! – торжествуя воскликнул второй знаток античной мифологии.

– То есть ты хочешь сказать, что я столкнулся с самим воплощением зла?! – с нескрываемым ужасом и отвращением выпалил Захария.

– Ну, с самим не самим, этого я утверждать не берусь, тем более, как показывает анализ событий, встреча с ним никак не отразилась на тебе. По крайней мере, ничего плохого оно тебе не причинило. Даже наоборот, вроде как помогло, и ты смог пообщаться с дочерью.

– Ничего себе помогло?! Сунуло меня под машину! – возмутился полковник.

– Ты все равно бы помер через пару минут, – отмахнулся от него Левушка. – Просто не так триумфально.

Захария поежился. Цинизм доморощенного гностика выбивал его из привычной колеи мироощущения и морально-этических установок.

– К тому же, – продолжал Вершинин, как бы отвечая на немой протест со стороны своего визави. – Категория абсолютного добра и абсолютного зла, присуща только нам – про-

стейшим организмам Вселенной. Кто его знает, какими понятиями привыкли оперировать там, наверху?

– И какой, по-твоему, из всего этого можно сделать вывод? – поерзал на стуле Захария, устав от долгого сидения на месте.

– Да, никакого, – тускло ответил ему Левушка. – Кроме того, что дело это очень темное и в нем замешаны весьма разнородные персонажи. Помимо загадочных артефактов и серафимов, там еще присоседился и наш разлюбезный шеф.

– Кстати, когда я ему сообщил, что ты назначил мне сегодня встречу, то горячо поддержал меня, велел тотчас же доложить о ее результатах.

– Вот даже как? – выгнув бровь, удивился майор.

– Да. Сегодня в 18.00 я увижу его в штаб-квартире, но там вряд ли удастся перекинуться хотя бы парой фраз, а вот на завтра он пригласил меня к себе в гости и там, я думаю, и должна состояться расстановка всех точек над I.

Помолчали еще немного. Потом Захария глянул на свои часы и присвистнул:

– Ой, время-то как быстро пролетело! Вот уже и рабочий день подходит к концу. Пора мне выметаться отсюда. Да, вот еще что, – тут он потер лоб в раздумье. – Мне для завтрашнего разговора с шефом, наверняка потребуется привести убедительные доводы нашей подозрительности, поэтому, ты скачай мне на какую-нибудь флэшку, все вчерашние видеозаписи. Дашь?

– Хорошо, сейчас скачаю. Минутку, – с этими словами он открыл один из ящичков стола, пошарил там рукой и вытащил съемный носитель в форме маленькой «золотой рыбки», который и сунул в разъем компьютера. Эти действия, Левушка не преминул сопроводить ворчаньем:

– Уже нигде в Раю не пользуются ни «клавой», ни «мышкой», ни съемными носителями. Все уже перешли давно на нейроуправление. И только ангельская служба Шестого сектора, благодаря пещерному ретроградству своего начальника, вынуждена пользоваться этой архаикой.

Поводил «мышкой» по экрану, пощелкал клавиатурой, и вытащив «золотую рыбку» протянул ее Захарии. Тот моментально спрятал ее в складках своей тоги, словно боясь обжечь об нее свои пальцы. Тепло попрощались.

– Обязуюсь держать в курсе по мере возможности, – бросил он Левушке с порога, не поворачивая головы.

Выйдя в общий зал операторской, начал пробираться к выходу. Время было 16.54, поэтому все сотрудники были уже на «низком» старте. Проходя между столов, заметил ту самую девушку, которая так необычно вела себя во время массовой истерии. Она, как и все окружающие уже начала потихоньку собираться на выход, что-то укладывая в сумочку. Подошел к ней и остановился. Бросив на него косою взгляд, она перестала копаться в сумке и нарочито отвернулась, поджав губы. Тогда он нагнулся к ней и чуть слышно прошептал в самое ухо:

– Это конечно не мое дело, милая девушка, но мне почему-то кажется, что именно в вашей поддержке он нуждается больше всего на свете.

Затем резко выпрямился и быстрым шагом направился прочь. Она неторопливо обернулась в его сторону. На ее длинных и пушистых ресницах поблескивали капельки слез, но он их, к счастью, уже не застал.

В приемную к Ирии заходить не стал, чтобы лишний раз не мозолить ей глаза, да и она сама могла расценить это как проявление недоверия к ее обещанию. А рисковать, только что зарождавшимся и многообещающим отношениям с хорошей девушкой, никак не входило в его планы. Поэтому где-то нужно было «убить» почти целый час. Бесцельно бродить по коридорам громадного здания в это время было до чрезвычайности опасным занятием, так как дикая орда никем и ничем неуправляемых ангелов, спешащая с работы по домам, подобно «девятому валу» сметала все на своем пути к заветной раздевалке, что напрямую угрожало целостности его только что приобретенных парадных крыльев. Раскинув умом, которого у него была целая палата, он вполне здраво рассудил, что лучшего убежища от надвигающегося шторма, или правильнее сказать штурма, чем туалет, трудно было себе представить. Тем более выпитый накануне чай, настоятельно требовал своего естественного выхода.

Минут через пять, рассчитав промежуток временного затишья между штурмами внутреннего телепорта и раздевал-

ки, Захария без особой толчеи вышел из здания, а еще через несколько минут уже стоял в семидесяти тысячах километрах отсюда.

XVI

Город, в котором оказался Захария располагался приблизительно на равном удалении от всех секторов и имел короткое, но емкое название – Центр, что объясняло его сущность и предназначение. Его особый статус заключался, во-первых, в том, что он не подчинялся ни одному из секторов, во-вторых, в нем не было ни одного жителя, и в-третьих, он был очень маленьким. Первое объяснялось тем, что именно в нем по всеобщей договоренности располагались центральные аппараты всех Коллегий, комитетов и собственно штаб-квартира Ангельской Службы. Они не обладали всей полнотой власти и их решения носили скорее рекомендательный характер для исполнительных властей секторов, но по устоявшейся традиции, к их рекомендациям прислушивались на местах. Также в нем находились наиболее важные культовые сооружения основных религиозных течений выходцев с Земли. По мнению Захарии это было очень разумным решением, так как выбивало почву из-под ног у всяческих религиозных сепаратистов, которых впрочем и так не наблюдалось, но все-таки... Второе обстоятельство вытекало из первого. Так как в нем находились лишь административные и культовые объ-

екты, то надобность в постоянных жителях отпадала. Сюда (хотел сказать приезжали) прибывали только исключительно по работе и на торжественные общесекторальные мероприятия. Раньше, когда телепортация еще не была освоена, люди жили в этом городе на основе «вахтового» метода, но с приобретением возможности мгновенного перемещения, необходимость в этом отпала и жилые помещения, в основном просто пустовали, либо переделывались под небольшие гостиницы для туристов. Одно время существовала идея сделать из Центра полноценную столицу, обсуждались и согласовывались проекты и сметы, но от этой идеи решили пока воздержаться в связи с тем, что самосознание «обращенных» еще не дотягивало до того уровня, чтобы признать себя единым народом. Разумеется, со временем и этот вопрос потеряет свою остроту и будет решен, но пока этого не случилось, решили не форсировать события.

Площадь, на которой Захария очутился, имела почти идеальную круглую форму, в центре которой располагался громадный фонтан, окруженный кольцеобразной чашей из розового с черными прожилками порфира. Сам фонтан, представлял собой террасообразную структуру из центральной части, которой, была вверх, едва не на пятьдесят метров мощная струя прохладной воды. Каждая из ступеней террасы тоже изливала свои струи, но поменьше. Внутренняя подсветка, постоянно менявшая свою цветовую гамму, делала фонтан похожим на ожившую радугу. Ночью, когда из-

менчивая гамма подсветки синхронизировалась с тихо звучащей музыкой, зрелище приобретало феерическую окраску и пользовалось большой популярностью у молодоженов, только что заключивших брак в одном из городских храмов. Несмотря на всю свою красоту, фонтан имел неофициальное, но признанное в народе до обиды некрасивое прозвище – «Ромовая баба». Несколько десятков разновозрастных ребятешек, словно стайка воробьев обступила фонтан, сидя на краю его чаши и бултыхая ногами в воде. Зоркие мамы, сидя на лавочках, невдалеке, бдительно наблюдали за тем, чтобы они не лезли в воду и уж тем более не лезли под падающие с большой высоты тугие струи воды. Захария постоял у фонтана, облокотившись о выступающие края чаши, жмурясь и испытывая наслаждение от того, что редкие капли попадали на лицо. Думать ни о чем не хотелось, тем более о чем-то плохом. Поэтому все свои помыслы он посвятил оставшейся на Земле дочери, которую несмотря ни на что он считал исключительно своей. Площадь с фонтаном полукругом опоясывало здание штаб-квартиры. Повернувшись лицом к зданию, он наблюдал, как к нему начали подходить и скрываться внутри важные персоны. И хотя из-за расстояния он не мог разглядеть их лица, яркая пестрота и размер крыльев входящих, четко указывал на их немалый ранг в ангельской иерархии. Поглядев на циферблат своей «Чайки» и удостоверившись, что до мероприятия осталось не более десяти минут, не спеша побрел к центральному входу. У ос-

нования ступенек, ведущих ко входу, слева и справа расположились две скульптурные композиции. Слева – пеликан, олицетворяющий собой самопожертвование и родительскую любовь, а справа – стилизованная скульптура ангела, несущего на руках ребенка. Обе скульптуры были сделаны из белоснежного мрамора. Подойдя к «пеликану», остановился и стал оглядываться по сторонам, ища взором Ирию. Но как ни вглядывался, приставляя ладонь козырьком ко лбу, так и не смог разглядеть долгожданную фигуру. «Может дела нашлись или родители не отпустили, а может...» – верить в то, что у него может иметься соперник, неприятно кольнула его мозг. Скорбно вздохнув, уже собрался было подниматься по ступеням, как сзади услышал:

– Я не сильно опоздала?!

– Нет-нет! Что вы?! – моментально обернулся он и замер от восхищения. Он рассчитывал увидеть ее в скромной тоге младшего лейтенанта ангельской службы с маленькими розовыми крылышками за спиной, а перед ним неожиданно возникла красавица. Нет, даже не так. КРАСАВИЦА. Перед ним стояла невысокая, стройная девушка с точеной до идеальной формы фигурой шахматного ферзя, с пышными локонами белых волос, почти касающихся оголенных гладких плеч. Плечи были настолько округлыми и гладкими, что глазу не за что было уцепиться, и он все время соскальзывал с них. Шею девушки с настолько нежной и белой кожей, что даже видно было, как бьется под ней родничок, украшал про-

стой медный крестик на веревочном гайтане. Но даже он в их компании не казался чем-то чужеродным. Легкая, почти детская припухлость нижней губки, едва тронутая бледно-розовой помадой, только подчеркивала ее девичью невинность. Вечернее платье длиной чуть ниже колен из золотистой, почти невесомой ткани с большим вырезом на груди, открывавшим божественные по своей красоте и целомудрии холмики с аккуратной ложбинкой между ними и такими же золотистыми туфельками, довершали ее наряд. «Наверное, так могут выглядеть только феи в сказках» – пронеслась у него в голове мысль. В полной мере насладившись, его обалделым видом, она продолжила:

– Я просто решила немного осветлить волосы, фен куда-то делся, а они никак не хотели сохнуть, – решила она объяснить свою мнимую задержку. – А вы давно уже тут меня ждете?

– Н-нет! – с трудом выдавил он из себя и для вящей убедительности помотал своей головенкой, из которой будто сквозняком выдуло все давешние мысли и переживания. Но все-таки справился с собой и чтобы не стоять столбом брякнул первое, что пришло на ум:

– Простите, пожалуйста, за мой глупый вид, просто я думал, что вы будете в форме...

– А в приглашении не было сказано, что гости должны обязательно быть из числа ангельских служащих, – лукаво парировала она и, сунув свою ручку в его локтевой сгиб без

приглашения повлекла его за собой вверх по ступеням.

В просторном вестибюле, где по стенам висели громадные полотнища картин, посвященных суровым будням ангельской службы, было не протолкнуться. От одновременно раздававшихся со всех сторон голосов и хлопанья крыльев создавалось впечатление переполненного вокзала, на который опаздывало сразу несколько поездов. Многих из присутствующих Захария знал лично, встречаясь по делам службы, некоторых знал просто в лицо, о некоторых только был наслышан. Встречаясь глазами со знакомыми – здоровался кивком головы. Среди знакомых были Назиат и Нашитат, представляющие азиатский сектор. Тут же присутствовала неразлучная тройца – Юйцин, Тайцин и Шанцин. Они всегда и всюду появлялись вместе и являлись бессменными делегатами китайского сектора на всех подобных мероприятиях. Так как они казались Захарии все на одно лицо, то он затруднялся точно определить кто из них кто. Задрапированные в оранжевые одежды тела Амогасидхи и Вайрочана колоритно выделяли их на фоне других. И уж совсем экзотически выглядели Аколмистли и Камаштли – представители ангельской службы из южно-американского сектора, в своих плащах обильно украшенных перьями и раскрашенными лицами. И это только те, которых Захария разглядел в толпе и был знаком лично. Впрочем, несмотря на пестроту собравшихся, обстановка была праздничной. Настроение у присутствующих было приподнятое. Отовсюду доносились

смех, шутки и непринужденные разговоры на абсолютно отвлеченные темы. Ровно в 18.00 прозвенел звонок, створки больших позолоченных дверей распахнулись, и делегаты с гостями начали вливаться в актовый зал. Иерархия не соблюдалась, поэтому садились, кто, где хотел. По прикидкам Захарии в зале набралось вместе с гостями почти четыре сотни особей обоих полов, включая серафимов и херувимов. Недолго думая, Захария с Ирией выбрали себе места с краю в середине рядов, для того, чтобы награжденному было легче выходить на церемонию награждения. По уже давно сложившейся традиции, места в президиуме занимали серафим Израэль в качестве председательствующего и заменивший на этом месте Метатрона, впавшего в окончательный маразм от старости, Кецалькоатль справа от него и херувим Элохим слева. Дальше по обе стороны сидели валькирия Гель – толстая бабища, с тремя подбородками, Шакьямуни со своей вечной ухмылкой на круглом лице, сухонький, как кузнечик с длинной бородой Лао-Цзы и притулившийся с самого края, но от этого не менее счастливый архангел Гавриил. А вот это уже была неожиданность из разряда сенсаций. Обычно это место занимал архангел Михаил из евро-американского сектора, а тут такие пертурбации. Видимо не напрасно ходят слухи о слиянии «русского» и «европейского» секторов. От удивления Захария даже привстал со своего места, чтобы найти взглядом «проштрафившегося» Михаила. Тот сидел в первом ряду и со спины казалось не испытывал никаких

комплексов по этому поводу. Привставшего со своего места Захарию тотчас же увидел Гавриил, и сияя как медный пятак показал ему большой палец оттопыренный кверху. Сам же архангел, с венцом и увешенный сверх всякой меры всевозможными наградами походил, скорее всего, на «позднего» Брежнева, разве что без маршальских погон. Захарии казалось, что будь такая возможность, то Гавриил с удовольствием нацепил бы на себя все значки «ГТО», медаль «лучший собаковод» и орден «мать-героиня» всех степеней. Сзади слышался громкий шепот:

– Это он тебе показывает большой палец?

– Да, – ответил он, оборачиваясь, к сидевшей Ирии и усаживаясь сам. – Это он от восхищения и зависти.

– Почему от зависти? – чуть кокетливо поинтересовалась она.

– Потому что вы самая красивая из всех кто находится в этом зале, и сидите не рядом с ним, а рядом со мной.

– Но Олимпиада Дормидонтовна тоже весьма импозантная женщина, – из чувства женской солидарности заявила она.

– Верно. Именно поэтому он и показал его. При ней он бы не посмел решиться на такие вольности, – с улыбкой заметил он своей спутнице.

Тем временем рассаживание в зале закончилось, и наступила официальная и торжественная тишина. Председательствующий взял слово и зачитал по бумажке повестку дня.

Захария, как и ожидалось, не был единственным, кого в этот день ждала награда. Орденов за «1000-летний непорочный труд» достаивались несколько ангелов и ангелиц из различных секторов. Еще несколько ангелов из подразделений специального назначения достаивались ордена «До последней капли крови», за многократно проявленное мужество и героизм. Долгожданное звание проконсула (соответствует званию генерал-лейтенант в «русском» секторе) получал, наконец, архангел Автроил. Провожали на пенсию ангела Адоэля, решившего, ни с того ни с сего, заняться всерьез мемуаристикой. Это означало то, что место главного энергетика Рая теперь было вакантным. Мероприятие начали с проводов. Ораторы, один за другим, сменяясь на трибуне, восхваляли, как могли, нового пенсионера и притворно вздыхали о понесенной утрате в их рядах. Закончилось все вручением адресов и памятных подарков, приобретенных из ассигнований бюджета. Затем перешли к вручению званий. Автроил, поднявшись на подиум, расплакался от счастья, как ребенок. Женская половина зала поддержала его своими дружными всхлипами в неумном порыве умиления. Ирия крутила головой из стороны в сторону, как любопытный галчонок, но плакать решительно отказывалась. Этим она еще больше расположила к себе Захарию, который не любил подобные изъятия чувств на публике. Вслед за этим началось и награждение. Награды вручал Лао-Цзы. «Ну, правильно, – подумал Захария, – кому же еще поручить награждение, как не

всесоюзному старосте дедушке Калинину? Тьфу! Дедушке Лао». Тряся козлиной бородкой, в приступе паркинсонизма, тот прикреплял награды к тогам, невнятно шамкая положенные по данному случаю дежурные пожелания. Каждое из награждений сопровождалось бурными и продолжительными овациями. Захария за всем этим не расслышал, как назвали его имя, поэтому не сразу понял, что подошла его очередь. Лишь увидев, как Гавриил со своего места призывно машет ему рукой и, ощущая подталкивающие движения со стороны Ирии, понял, что пора выходить и ему. Бодро взбежал на авансцену, где его уже ожидал, держа в руках Золотой Терновый Венец, дедушка Лао. Нагнувшись к старику, чтобы тому было сподручней надевать на голову венец, Захария скосив глаза в зал отметил про себя искренний восторг в глазах девушки, ставшей за такой короткий срок. очень необходимой для него. Шипы с внутренней стороны венца были подпилены, поэтому хоть и причиняли некоторое неудобство, но за рамки терпимого это не выходило. За венцом последовала Большая Ангельская Звезда, размером чуть меньше чайного блюдца, вся усыпанная чистейшими бриллиантами. Когда и с этим было покончено, он уже хотел было развернуться и спуститься на свое место в зале, но тут, ломая весь регламент, неожиданно из-за стола выскочил Гавриил и набросился на него с поцелуями и объятиями. «Иудин поцелуй» – невольно подумал Захария, но уворачиваться от объятий шефа не стал. Зал гремел аплодисментами. Красный от

эскапады шефа он спустился со сцены и провожаемый овациями и одобрительными возгласами занял свое место в зале. Потом гостей мероприятия пригласили на фуршет в банкетный зал. Столы стояли вдоль стен по периметру, поэтому в центре образовалось обширное пространство для желающих потанцевать. Шампанское уже было налито в высокие и узкие фужеры, которые стояли плотными рядами на подносах. Они с Ирией взяли по фужеру, намереваясь отойти с ними куда-нибудь в сторонку, чтобы в обществе друг друга насладиться виноградными дарами, но желавших чокнуться с новоявленным кавалером было столько, что уже через пятнадцать минут у него онемела рука, сжимавшая фужер, а шампанское от многочисленных чоканий, почти все расплескалось по полу. Единственное, что примиряло его с действительностью, было присутствие рядом любимой, он уже в этом почти не сомневался, девушки. Гавриил тоже счел своим долгом почтить окрыленного счастьем полковника своим присутствием.

– Ты не забыл, что обещал прийти к нам в гости завтра?! – пророкотал он, нависая над подчиненным.

– Нет, товарищ генерал, никак не забыл. Приду непременно, – отрапортовал Захария.

– И подружку с собой приводи! – подмигнул архангел.

– Ой, – вскинулась та, – а я завтра не могу. У меня секция по субботам.

Услышав это, Захария облегченно выдохнул. Ему очень

не хотелось, чтобы она присутствовала при завтрашнем неприятном для сторон разговоре.

– Очень жаль, – сказал шеф, мигом почуввав какую-то напряженность со стороны Захарии. И уже обращаясь к нему, спросил. – Ты что-нибудь нарыл новенькое?

Захария коротко кивнул.

– Ладно, веселитесь. Не смею мешать, – с сухостью в голосе сказал начальник и отошел в сторону стоявшей кучкой группы генералов.

Захария глядя на свой почти пустой фужер, из которого он так и не смог сделать ни единого глотка, решил взять со стола другой, но там его ждало разочарование. На столе громоздились лишь пустые фужеры. Крякнув с досады, он уже хотел присоединить к ним и свой, но Ирия, у которой фужер оставался почти полным, остановила его.

– Давайте я с вами поделюсь, – предложила девушка, осторожно переливая часть содержимого своего фужера к нему.

– А вы не боитесь?! – лукаво спросил он у нее.

– Чего?!

– Того, что я смогу узнать то о чем вы думаете сейчас, – подмигнул он ей.

– Нет. Не боюсь ни капельки, – со смехом поведала она ему. – Мама говорит, что у меня на лице и так все написано.

– И что же у вас написано на лице? – продолжил свой допрос полковник.

– А вот это уже вам виднее. Я же не вижу со стороны свое

лицо, – слегка краснея, парировала она его вопрос.

Они чокнулись и медленно-медленно пили шампанское, одновременно осушая фужеры.

– Ну, что, вы узнали все мои сокровенные мысли? – чуть слышно спросила она.

– Да, – также тихо ответил он ей.

– И о чем же я думаю?

– Не скажу.

Она слегка прикрыла ресницы и уже совсем тихо сказала:

– Спасибо. Пусть это будет нашей с вами тайной, – затем помолчала и добавила. – Первой.

Поставив опустевший фужер на стол Захария взял ладонь Ирии в свою руку, для того чтобы сказать может быть самые главные слова в своей жизни, но тут неожиданно для них обоих негромко зазвучала музыка. Он с первых же тактов узнал мелодию. Это был вальс из кинофильма «Мой ласковый и нежный зверь». Все, кто находился в банкетном зале, немедленно расступились и отошли поближе к столам, освобождая его центр. Сразу начали формироваться пары, порой весьма экзотические. Решил не отставать от них и Захария, предлагая тур вальса своей очаровательной спутнице, потому что ни на секунду не сомневался в том, что такая красивая девушка может не уметь танцевать.

– А вы не оттопчите мне ноги, а то мне бы не хотелось, чтобы они превратились в лягушачьи лапки?! – со смехом спросила она.

– Мадемуазель! – воскликнул он, делая наигранно обидчивое выражение лица. – Да будет вам известно, что в свое время я с отличием окончил пажеский корпус Его Императорского Величества, а уж там знали толк в этом деле.

С этими словами он взял ее руку и повел в центр зала. Там, не отпуская ее левую руку подняв свою правую, а левой обхватив ее талию, а на самом деле лишь только чуть прикасаясь, медленно закружил в ритме чарующего вальса, все убыстряя и убыстряя темп с каждым кругом. Со стороны казалось, что для этих двоих разом, как по мановению палочки, перестали существовать и зал с многочисленной публикой, и танцующие рядом пары, и вся окружающая обстановка. Были только они, вальс и Вселенная, наполненная звездами, где они кружили среди них, не замечая ничего вокруг. Двигаясь абсолютно синхронно, они создавали впечатление о себе как о паре уже давно и успешно занимающейся балльными танцами. Никто бы не поверил тому, что высокий и атлетически сложенный ангел (это было не скрыть даже драпировкой тоги) и его невысокая, но чрезвычайно стройная райанка, танцуют свой первый в жизни совместный танец. Если бы он был самим Богом, то не желал бы для себя ничего кроме бесконечно продолжающейся музыки и вальса, чтобы чувствовать в своей руке ее ладонь, ощущать аромат ее дыхания и слышать, как трепещет ее сердечко. Эта пара в своей неудержимой страсти настолько сильно контрастировала со всеми окружающими, что они в большинстве своем просто

поспешили освободить центр зала, скромно танцуя по его периметру. Все взоры окружающих были направлены только на них и не на кого более. Их завораживающему танцу не мешали даже его громадные крылья, чего он втайне опасался. Напротив, наличие крыльев делало их танец похожим на полет большой красивой бабочки. Он обманул ее опасения насчет лягушачьих лапок, а она в свою очередь подтвердила его уверенность в ее танцевальных способностях. К разочарованию обоих, музыка закончилась. Раскрасневшиеся и улыбающиеся, они отошли к столам, чтобы передохнуть. Пока все танцевали, кто-то незаметно опять наполнил все фужеры новой порцией живительной влаги. К легким закускам, кажется никто так и не прикоснулся. Следующий танец решили пропустить, чтобы немного передохнуть и отдышаться. Захария взял два фужера, один из которых протянул Ирии. С наслаждением, словно утоляя давнишнюю жажду выпили.

– Вы мне сейчас напомнили Наташу Ростову на новогоднем балу, – едва сдерживая свои чувства, проговорил он.

– Да?! – удивилась она, по-прежнему улыбаясь, но уже немного отойдя от пережитых впечатлений. – Вот уж никогда не ассоциировала себя с этим персонажем.

– Почему?! Мне кажется у вас много общих черт, – удивился он.

– Нет уж, спасибо! – весело улыбаясь, но при этом, отрицательно качая головой, возразила девушка. – Меньше всего в жизни я хотела бы походить на это аморфное создание,

похожее на губку, которой все равно какую влагу впитывать и постоянно подстраивающуюся под окружающую ее обстановку. Этаким маленький хамелеончик. Ей ведь по сути все равно, у какого огня греться и как его зовут, то ли Анатолий, Андрей, Пьер – без разницы, лишь бы в попу не поддувало...

Захария с нескрываемым удивлением воззрился на свою юную (юную ли?) спутницу. Слегка задумался, припоминая перипетии знаменитого романа, а затем не слишком уверенно кивнул:

– Да. Пожалуй, вы в чем-то правы. Есть в ней что-то не горячее и не холодное, а так... нечто тепленькое.

Теперь уже она с интересом посмотрела в его глаза, что-то решая про себя. Затем кивнула и неожиданно спросила, все также улыбаясь:

– А хотите, я вам скажу, какой вопрос вертится у вас на языке?

– Хочу! – так же неожиданно согласился он на предложение.

– У вас на лбу санспарелем написано: «Сколько же ей лет?»

– Да нет, ну что вы, право... – попробовал он поотнекиваться.

– Так вот, – не слушая его, продолжила она. – Мне три дня назад исполнилось... семьдесят шесть...

– Ой, как замечательно! – радостно выдохнул он, невольно выдавая свое беспокойство по этому поводу.

– А вы чего боялись?! – прямо спросила девушка.

– Я?! – по-еврейски отвечая вопросом на вопрос, желая как-то стусевать момент и перевести его в шутку, но взглянув в глаза ей, решил все же не лукавить. – Я на миг испугался, что вы можете быть намного старше меня, из-за того, что вы так по-взрослому рассудительны.

– А если бы и так то что бы было? – все так же лукаво смотря на своего спутника, спросила она.

– То тогда плохи были бы мои дела. Как опытной женщине с возрастом, вам скоро бы надоели ухаживания такого молодкососа, как я.

И они тут же, не сговариваясь, громко засмеялись. В его смехе Ирия сразу уловила нотки облегчения. И вновь зазвучала музыка. На этот раз это был Исаак Шварц со своей «Звездой пленительного счастья». Такой вальс было грех пропускать, и они вновь закружились по залу, целиком растворяясь в музыке, и друг другу. Были и другие танцы в этот вечер, и конечно же, среди них не могло не быть «белого». И не стоит даже задаваться вопросом, кого в партнеры она выбрала для него. Время летело незаметно. В очередной раз, взглянув на часы, электронное табло которых висело под потолком и показывало время 22.45, Ирия вздохнув, произнесла:

– Я конечно не Ростова, а всего-навсего бедная Золушка, поэтому мне, как и каждой порядочной Золушке, пора вовремя остановить безудержное веселье и вернуться к своим

метелкам и поварешкам.

– Но как же... – хотел он ей возразить, но она пресекла на корню его возражения, приставив свой пальчик к его губам в воспрещающем жесте.

– Так надо, – улыбнулась она ему, – иначе карета Золушки превратится в тыкву. А если серьезно, то я обещала родителям к одиннадцати быть дома.

– Тогда можно я вас провожу?!

– Не возбраняется, – хитренько подмигнула она ему.

Как можно незаметнее они постарались ретироваться из зала. Прохлада ночи освежила их лица. «Ромовая баба» подсвеченная изнутри прожекторами разного цвета, на темном фоне окружающей среды, выглядела еще более великолепно, чем днем. Очень хотелось хоть на минутку задержаться возле нее, но время, к сожалению, поджимало, поэтому они быстрым шагом, но держась за руки, проследовали мимо нее к ближайшему телепорту.

– Где вы живете?

– В Простоквашке. В высотке, что на углу Циолковского и Пиленко.

– А-а-а, кажется, знаю. Это напротив Музея Земного Растениеводства?

– Верно. А вы хорошо ориентируетесь в Городе, несмотря на тридцать лет отлучки, – на ходу заметила она.

Подойдя к телепорту, светившемуся ради ночного времени бледно-оранжевым светом они, не разжимая рук, встали в

его центр, зажмурившись и рисуя в воображении конечный маршрут путешествия. Уже через мгновение они оказались в нужном для них месте. Простоквашинский «молодежный» район, в отличие от остального Города, не любил спать даже по ночам, поэтому народу на улице было довольно много. До указанной высотки было рукой подать. Они преодолели это расстояние за каких-нибудь полминуты. Подойдя к единственному подъезду небоскреба, остановились.

– Ирия! Я еще раз хочу поблагодарить вас за этот незабываемый вечер, который вы мне подарили. Правда. Я еще никогда не был так счастлив, как сегодня. И еще, знаете?...

– Знаю. Но всему свое время, – обещающе ответила она на его невысказанные слова. – И как мне кажется, у нас его с вами будет еще предостаточно.

Она испытующе посмотрела на него. Он судорожно закивал, не найдя, что ответить. Наконец он спохватился:

– Ирия, запишите мой номер коммуникатора.

– Говорите, я запомню.

– Захария-19.

– Простой номер. Мой будет посложней – Ирия-286. Запомните или вам куда-нибудь записать?

– Запомню. Терранций.

– Что-что? – не поняла девушка.

– Я говорю. Терранций. Это 286-й элемент периодической системы Менделеева. Терранций – Земля. Терра – так иногда мы между собой называем Землю. Разве такое забу-

дешь?!

– А вы еще и химик! – улыbnулась она. При этом она слегка подалась к нему, вставая на цыпочки и вытянув губы для прощального поцелуя, но не завершив, этого, казалось бы, естественного движения, резко развернулась и быстро застучала каблучками к подъезду. «Почти поцеловала. Какой-никакой, но прогресс» – улыbnулся про себя Захария.

XVII

После того приснопамятного разговора на кухне между Господем и Саваофом, работа закипела буквально на следующий день. Не откладывая дело в долгий ящик, Саваоф направился в деканат с заявкой на создание и монтаж Платформы для проведения в спроектированных условиях эксперимента по направленной эволюции живых организмов. Дабы не возбуждать общественность раньше времени, профессор в заявке не стал уточнять эволюцию каких именно организмов предстояло искусственно простимулировать. В деканате настолько обрадовались этой заявке, что даже не стали обращать своего пристального внимания на такие мелочи. А все дело в том, что кафедра, руководимая Саваофом, и так числилась в разряде отстающих по освоению фондов, а это в свою очередь, наводило ректорат на подозрения в низкой эффективности своей работы, раз в она не нуждается ни в каких материалах и оборудовании.

Господь тоже не сидел, сложа руки. Сунув подмышку мнемокристалл последнего выпуска «Каталога звездных систем» он направился к знакомому в НИИ «Астрон», где изучались все космические объекты, находящиеся в этой части Вселенной. Мыслеграмму решил тому не посылать, а представившись вахтерше, попросил ее вызвать заведующего лабораторией, изучавшей планетные системы. Через пару минут он уже попал в медвежьи объятия завлаба Одина:

– Здорово, чертушка! – тискал он Господя в своих лапшах. – Я как чуял, что ты нагрнешь! Что так долго собирался?! Уже неделя прошла с тех пор как ты мне обещал зайти! Это ко мне, – кивнул он вахтерше, увлекая приятеля к себе в лабораторию.

В детстве, играя с пацанами в войнушку, ему из рогатки выбили левый глаз. Несколько лет пришлось ходить со специальной регенерирующей повязкой, пока зрение не восстановится. Зрение восстановилось, а вот привычка щурить глаз осталась навсегда, придавая лицу Одина вечно саркастическое выражение.

Уже сидя в кабинете завлаба на старом и продавленном диване, приятели продолжили начавшуюся беседу.

– Слушай, Берыч, – обратился Господь к хозяину кабинета по отчеству, – тут такое дело, я тебе вкратце уже говорил о нем...

– Да, помню. А что это у тебя подмышкой?! Каталог? Последний выпуск? Выбрось.

– Почему? – недоуменно спросил гость.

– Все эти каталоги к моменту их издания безнадежно устаревают. Обстановка меняется прямо на глазах, мы и сами-то порой не успеваем за событиями.

– А что же тогда делать?! Как быть?! – явно испуганно пролепетал Господь.

– Помнится, ты спрашивал, имеется ли в зоне прямой видимости планета с уже существующей, но неразвитой жизнью основанной на углеродистых соединениях.

– Да-да. Именно эти планеты меня сейчас интересуют больше всего, – подтвердил он слова приятеля.

– Так вот, – продолжил тот. – Я тут пошарил на досуге, с телеметристами покалякал. Они в один голос утверждают, что такая планета имеется в заглазнике. Причем недалеко от нас. В соседнем рукаве нашей Галактики. Расстояние левое. Всего каких-то пятьсот парсеков. Если хочешь, я даже могу сказать тебе ее шифр в кодификаторе.

При этих словах он встал с дивана и подошел к столу, заваленному какими-то мнемокристаллами, трубочками, палочками, астролябиями и вообще предметами непонятного назначения. Долго копошился среди всего этого, с точки зрения Господя, абсолютно бесполезного хлама и все-таки отыскал маленький – в половину пальца кварцевый кристаллик.

– На, держи! – протянул он его Господю. – Здесь вся информация, что я смог раскопать по этой планете.

– Спасибо, друже, – сказал он Одину, – но это еще не все, что мне от тебя нужно.

– А что еще?! – вскинув брови и прищуривая левый глаз больше чем обычно, спросил он.

– Видишь ли, мне еще нужно организовать туда Луч Прямого Канала.

– Ого! А у тебя не сиротские запросы, как я погляжу! – воскликнул Один. – Зачем, интересно знать?!

– Для подробного исследования на месте, – туманно пояснил Господь.

– Ты, темнила, не юли со мной! Я тебя, скрытника, еще по школе знаю! А ну выкладывай, все как есть! Седалищем чувствую, что ты, затеял какое-то дельце, тихушник! – пророкотал Один, доставая из висящего на вешалке рабочего халата непечатую пачку сигарет. Распечатав, предложил гостю, но тот, замотав головой, отказался. Щелкнул зажигалкой, закурил, весь обратившись во внимание.

Господю ничего не оставалось, как только посвятить в свои грандиозные планы приятеля, знакомого ему еще со школьной скамьи. Уже через час импровизированная пепельница из-под жестянки с надписью «килька в томатном соусе» была доверху наполнена окурками, а в маленьком кабинете дым от выкуренных сигарет стал настолько плотным, что смазывал лица собеседников. Молоденькая лаборантка, невзначай сунувшая нос кабинет, смогла только придушено пискнуть, быстро прикрыв дверь и напрочь забыв о цели

своего визита. А хозяин кабинета, утопая в табачном дыме, прохаживался взад и вперед, то и дело натываясь на офисную немудрящую мебель, слушал своего гостя. Один был очень увлекающимся (хотел сказать человеком), поэтому его чрезвычайно легко можно было подбить на любую авантюру. Господь знал об этой его черте характера, и не стесняясь воспользовался этим в полном объеме.

– Честно скажу, – вещал Один, закуривая очередную сигарету, – именно от тебя я и ждал всегда чего-то подобного. Ты у нас всегда был выдумщиком и мечтателем в отличие от нас грешных. Мы и сами с коллегами не раз обсуждали тему спасения гибнущих миров, находящихся у Порога. Но дальше разговоров, как сам понимаешь, дела не шли, ибо пресловутый закон о невмешательстве в естественный ход развития Вселенной даже помыслить не давал о подобном. А ты вот взял, и сломал устои.

– Еще ничего не взял, и уж тем более не сломал, – поморщился Господь, – а ты бы вот лучше форточку открыл, а то не продохнешь.

– Форточку-то я открою, – осклабился Один, еще сильнее при этом прищуривая левый глаз, – а тебя не продует? Как бы маменька твоя потом меня не заругала!

При упоминании маменьки, Господь опять поморщился. Ему было неприятно, когда кто-нибудь из друзей детства напоминал ему об его тепличном воспитании.

– Ладно, сейчас открою, не морщись. – Сказал завлаб, по-

тягивая на себя фрамугу окна. – Ты мне только вот что скажи. Кто еще в курсе твоей затеи, и с кем из руководства, хотя бы вашего института, это согласовано.

– По совести говоря, – замялся гость, откашливаясь в кулак от очередной порции дыма, – полностью в курсе замысла только мой непосредственный руководитель – заведующий нашей кафедрой, профессор Саваоф.

– Это тот, что на сверчка похож?! Знаю такого. Он как-то делал доклад у нас в институте, как раз по проблемам пороговых цивилизаций.

– Да. Он самый, – подтвердил Господь. – Он не только в курсе, но и целиком поддержал мой проект, впрочем, явно пока не афишируя в нем своего участия. Он сейчас как раз, пробивает в деканате финансирование сооружения Платформы. В общем, пока действуем в полулегальном режиме.

– Ну, я так и знал! – хлопнув себя по коленке, воскликнул астроном. – И все-таки я тебе завидую. Завертеть такое дело, никому ничего не сказав, это надо быть авантюристом высшей марки!

– Почему никому?! – слегка обиделся Господь. – К тебе вот пришел. Еще к генетикам надо будет сходить, их заинтересовать. Аспирантов буду привлекать, старшекурсников. Всем дел найдется. Тут ведь главное – начать, а там уж как-нибудь провернется со скрипом...

– Ну, хорошо. Считай, что одного ты уже привлек на свою

сторону. Теперь перейдем к конкретике, – доставая очередную пачку сигарет из ящика стола, произнес он. – Создать Прямой Энерго-Информационный Ротонный Луч и канализировать его в точку с четко заданными координатами это дело вполне исполнимое, хоть и требующее кропотливой отладки. Расстояние там не критическое, всего лишь соседний рукав, да и то с края. С этим, я полагаю, трудностей возникнуть не должно. Но мне, сам понимаешь, в одиночку с этим никак не справиться. Для этого придется привлечь сотрудников моей лаборатории. Но у них ведь тоже и своя работа имеется. Придется вносить изменения в регламент. Энтузиазм энтузиазмом, но это не моя частная лавочка, и у меня тоже есть свое начальство. Нужна официальная заявка на проведение таких работ. Твой наставник может организовать такую заявку в авральном порядке?

– Не знаю, – пожал плечами Господь, – но я сейчас могу спросить у него. Подожди минутку.

Произнеся эти слова, он выпрямился, откинувшись спиной на спинку дивана, чинно сложа руки на коленях и замер в позе сфинкса. Один отвернулся к окну, не мешая сеансу ментальной связи. Постоял минуты две, наблюдая, как осенний ветер треплет оставшуюся на деревьях листву. Затем, услышав шевеленье сзади, обернулся.

– Учитель сказал, что после обеда он вышлет официальный запрос. И еще он сказал, что деканат подписал заявку на монтаж Платформы.

– Отлично! – воскликнул приятель, бодро потирая руки. – Кажется, ты ухитрился родиться под удачной звездой! За мной дело тоже не станет. Сразу после обеда начну формировать команду. Да, кстати, раз уж ты упомянул о Платформе, значит, тебе понадобится не один, а два Луча.

– Да. Пожалуй, что так – согласился гость.

– Где ты собираешься ее располагать?

– Ну-у, – выпятил губу в раздумьях Господь, – скорее всего где-то на полпути к этой планете.

– Это хорошо, – кивнул Один. – На полпути это значит в межзвездном пространстве Галактики. Там, как раз, звездная разреженность, поэтому ничто не помешает разместить Платформу с полным комфортом. А если Платформа будет сооружена по классу «люкс», то есть, со своим светилом, то на этом можно будет сэкономить в плане энергетики Луча, настраивать аппаратуру гораздо проще. Ну да это, как говорится, уже не твои заботы, а мои. Так что ты там подскажи своему «сверчку», чтобы Платформу заказал с учетом этих требований. А то они подсунут ему в базовой комплектации, так потом не расхлебаемся.

С последним произнесенным словом, Один уловил себя на мысли о том, что уже не отделяет себя от столь грандиозного проекта.

– Да. И вот еще что, – опять вспомнил упущенное Один. – Где ты панируешь размещать нашу аппаратуру? Потребуется приличные площади.

– У нас в подвале полно подсобных помещений, которые обживают только пауки. Места много свободного.

– Разговоры пойдут... Ведь незаметно мы ее разместить там не сможем. Слишком много ее будет, да и громоздкая очень.

– А-а-а, – беззаботно отмахнулся Господь, – на первых порах отмолчимся или на крайний случай, отбросимся. А дальше уж как получится. Или уволят меня к чертовой бабушке, или «победителей не судят». Ты-то возьмешь меня к себе, если что, хотя бы лаборантом?! Только учти, я по вашей части ничего не знаю и не умею!

– Неа, – смеясь, помотал головой завлаб, – не возьму. Ты ведь со своим неумным характером обязательно захочешь разобраться, что там не так с центром нашей Галактики и почему звезды, образуя такие мощные скопления на ограниченном участке, не валятся в кучу по законам всемирного тяготения и не взрываются. Начнешь расшвыривать их туда-сюда, чтобы избежать Мирового коллапса... И уже тогда нам вдвоем придется искать место работы в каком-нибудь ЖЭКе... дворниками.

– А что, разве существует какая-то опасность коллапса звездных масс?! – озабоченно спросил Господь. – Я этого не знал... Ну-ка просвети!

– Так! Все! А ну-ка иди отсюда! – притворно замахал на него руками Один. – Язык мой – враг мой!

И тут они оба дружно расхохотались. Они были еще очень

молодыми, и как все в их возрасте считали, что любые проблемы, встретившиеся на их пути, вполне решаемы. Оба почувствовали, что колесо со скрипом сделало свой первый оборот, поэтому будущее представлялось им исключительно в розовых красках.

Саваоф тоже не терял времени даром. Переговорив со своим учеником по поводу запроса в «Астрон» он наспех составил и отправил ее по назначению гравипочтой «с уведомлением» на институтском бланке. Сам же, пользуясь тем, что сегодня у него не было лекций, направился в Трест «Даль-КосмоСтрой» на встречу с генеральным директором Демидургом. Несмотря на «шапочное» знакомство с руководителем треста, берущее свое начало с участия в совместных форумах, а так же нечастых лекциях профессора, когда-то прочитанных в стенах этой серьезной конторы, он вполне себе рассчитывал на успех. К тому же, уверенности ему придавала подписанная от лица декана заявка на строительство Платформы. Глава треста принял знаменитого на весь мир профессора у себя в кабинете незамедлительно, как только тот назвал свое имя секретарю в приемной. Войдя в кабинет, профессор невольно стал озираться вокруг. Просторное, но скудно обставленное, на грани аскетизма, помещение явно контрастировало с представлением Саваофа о космических возможностях этой конторы. Коротко, но тепло поприветствовали друг друга.

– Не смотрите так, дружище, – пророкотал директор, уло-

вив недоумение во взгляде посетителя, – только вчера сюда переехали. Еще не обжились на новом месте после ремонта.

Вид хозяина кабинета не понравился профессору. Мешковато сидящий пиджак (видимо его обладатель резко похудел за короткое время), землистый цвет лица, мешки под глазами и сами глаза, красные, как у кролика, все это наводило на мысль о нездоровом образе жизни и о хронической усталости от постоянного недосыпа организма руководителя треста.

И действительно, проблем на конец пятилетки накопилось, как говорится, выше крыши. В созвездии Волос Вероники с недавних пор возникло мощное реликтовое излучение, поэтому появилась настоятельная необходимость в строительстве капитально оборудованного лагеря для наблюдателей этого редкого явления. Галактика Андромеда вдруг ни с того, ни с сего резко увеличила скорость сближения с Млечным Путем, и надо было буквально в авральном порядке сооружать Глобальный Временной Провал на линии их сближения, дабы встретившиеся галактики просто мирно разошлись во времени, не касаясь друг друга. Внезапно «запыхла» UY Щита, что создавало реальную угрозу ее взрыва. Такой бадабум, грозил «сносом» чуть ли не половине светил в округе на сотни парсек. Из-за этого пришлось отзывать часть рабочих занятых на других объектах и строить отводные энергетические тоннели, для сброса излишне накопленной энергии звезды. А тут еще, как на грех, поми-

мо, уже известной черной дыры «А Стрельца», рядом образовалось еще несколько таких же, правда, размером поменьше. Все говорило о том, что какая-то вновь образовавшаяся Вселенная активно начинает «высасывать» из нашей звездное вещество и пространство. И опять приходится тресту привлекать рабочие силы для «штопанья» черных дыр путем размещения по их краям гравитационных стяжек. Прямо не «ДальКосмоСтрой», а МЧС какое-то. И это еще не считая строительства и обслуживания десятков Платформ, разбросанных там и сям и служащих для геологов, темпорологов, спасателей, пространственников, промышленности, связанной с опасным производством, всяческих экспериментаторов, да и просто жителей Сирении, которым захотелось пожить вдали от родной планеты. И всем нужно, и всем срочно, и всем только дай-дай, а тут конец пятилетки, полно незавершенки. И постоянные в своей бесконечности комиссии по СтройНадзору с их вечными придирадками и угрозами. Вот и этот «старый гриб», как мысленно назвал про себя профессора Демиург, наверняка ведь приволокся за какой-то корыстью. И точно, как в воду глядел...

– А я ведь к вам, уважаемый Демиург, по «шкурному» делу, – начал Саваоф, потирая руками свои острые старческие колени.

– А к нам по другим поводам и не приходят, – в тон ему ответил директор, сложив руки на столешнице, как примерный ученик. – Слушаю вас.

– Тут, видите ли, такое дело, что заявка у нас к вам. На строительство Платформы.

Демиург от этих слов старика поморщился, как от зубной боли. Он втайне надеялся, что просьба профессора будет носить менее объемный характер.

– Всем нужны Платформы, – с усталой грустью произнес он и кивнул на противоположную стену, где находилась интерактивная карта с масштабированным изображением первоочередных строящихся объектов. – Вы у меня уже сегодня третий, с подобной заявкой. У меня и так новая пятилетка на носу, и план по сдаче горит.

– Вы меня не поняли, – не стал обращать внимания упрямый старик на робкие потуги директора отвязаться от очередного заказчика. – У меня заявка на сооружение Платформы, подписанная в деканате нашего вуза.

– Голубчик, миленький, это не я, это вы меня не поняли. Я вам на чистом сиренианском языке пытаюсь объяснить, что в обозримом будущем, мы не будем обладать необходимыми мощностями для выполнения заявок непрофильных организаций. У нас конец пятилетки, а мы все еще не наверстали наше отставание от плана за прошлую, – уже с какой-то мольбой проговорил трестовец, но профессора, закаленного многолетним общением с хронически неуспевающими студентами, не так-то просто было разжалобить минорными нотками в голосе.

– Я хорошо себе представляю вашу загруженность и обес-

покоенность сроками выполнения принятых на себя обязательств, – чеканным голосом продолжал неумолимо гнуть свою линию «грибообразный» субъект. – Но я так же хорошо себе представляю и ваши возможности в этом плане.

– Да поймите же вы меня уже, наконец! – уже начиная терять остатки терпения, а потому повышая голос, проговорил Демиург. – Все чем я располагаю в данный момент – это вон секретарша в приемной, которая не сможет для вас ничего соорудить более сложного, чем чашка капучино! И то половину расплещет, пока донесет!

– Не кричите так на меня, уважаемый, – не повышая голоса, ответил профессор. – Я стар, но еще не окончательно оглох. А вот вы – гораздо моложе меня, но выглядите, на мой взгляд, совершенно жутко.

– Извините, профессор. Сорвался. Но и вы должны меня понять...

– Именно потому, что очень хорошо понимаю, я и пришел к вам с этой заявкой, а не в Министерство Развития, откуда вам бы просто спустили резолюцию о безусловном исполнении, ничуть не входя в ваше и без того сложное положение. Уж поверьте мне старику, моего авторитета вполне бы хватило, чтобы без особого труда раздобыть подобную резолюцию.

Директору нечем было крыть столь крупный козырь, поэтому он только немо разевал рот, будто рыба, выброшенная на берег и разводил руками. А неумолимый, как бульдозер

старик продолжал, меж тем, хитро прищурившись:

– Смежники подводят, как всегда? Комиссии и надзорные инстанции, наверняка, всю душу вымотали со своими претензиями? Что их не устраивает? Недоделки, выявленный при эксплуатации брак и очковтирательство при подписании актов о сдаче? А тут еще министерство постоянно капает на мозги по поводу хронических отставаний от запланированных графиков, так?

– Вы прямо-таки читаете мои мысли, уважаемый Саваоф! Откуда вам только знакома вся эта терминология? – удивился Демиург.

– Богатый жизненный опыт, голубчик. Ну да, ладно, я не об этом. Знаете, чем я особенно знаменит среди коллег?!

Демиург развел руками и помотал головой, признаваясь, что понятия об этом не имеет.

– Так вот. Я знаменит тем, что за почти пять тысяч лет моего руководства кафедрой я ни единого раза ничего не просил у своего руководства. Это конечно не подвиг, но что-то героическое в этом, безусловно, присутствует. Поэтому, когда в деканате получили мою просьбу об оказании помощи по оформлению заявки на Платформу, там поняли, что уж если за пять тысяч лет я решился о чем-то просить, то к этому нужно отнестись очень серьезно, что они и сделали, к вящему моему удовлетворению.

– Что, настолько все серьезно? – с ноткой обреченности в голосе спросил директор.

– Да. Не вдаваясь глубоко в детали, скажу, что намечаемый нами эксперимент, в случае успешного завершения, в чем я ни капли не сомневаюсь, способен будет перевернуть все наши взгляды на эволюционные процессы, протекающие во Вселенной. И возможно в какой-то момент спасет нашу цивилизацию от естественного умирания. Да-да, голубчик, – поймав на себе недоуменно вопросительный взгляд хозяина кабинета, подтвердил Саваоф, – все цивилизации рано или поздно оканчивают свой предначертанный Судьбой путь. А я, как и все те, кто участвует, так или иначе, в эксперименте, этого решительно не желаем. Мы хотим, чтобы наша цивилизация существовала вечно! Слышите? ВЕЧНО! Не правда ли, амбициозно?!

Директор был буквально раздавлен зловещими перспективами, которые могут претвориться в жизнь в случае его отказа от выполнения заявки. Раздавленный, он все еще пытался робко повилать хвостом, в надежде как-то смикшировать ситуацию в свою пользу:

– Но как же смета?! Там уже все сверстано, даже уже на четверть столетия! Я не имею право вносить в него коррективы. Это будет считаться должностным преступлением!

– Да что вы, в самом деле?! Неужто я ничего не понимаю! Нас вполне устроит включение нашей заявки в график первой пятилетки будущего столетия.

Лицо Демиурга при этих словах несколько просветлело, но как оказалось ненадолго.

– Да-да, следующего столетия, – подтвердил еще раз профессор, а затем добавил, – но зато в приоритетном порядке и к тому же Платформа должна будет относиться к классу «экстра-люкс».

– Люкс, да еще Экстра?! – выпучил на него глаза Демиург. – Да вы представляете себе, что это вообще такое?!

– От чего же не представлять?! Вполне себе представляю. Не щи лаптем хлебаем.

– Уж лучше бы щи из печкой! – с пафосом повторил за ним директор. – Но я все же возьму на себя смелость напомнить вам, что сие означает. Люкс, в данном случае означает, сооружение планетообразной Платформы с полным набором химических элементов периодической системы, обеспечивающим полную автономию всех жизненных процессов для населения около 80 миллиардов особей, на длительную перспективу, включая флору и фауну. А Экстра означает, что вышеозначенная Платформа, после сдачи в эксплуатацию должна уметь в автоматическом режиме увеличивать свои размеры по мере необходимости и пополнять расходующиеся в процессе эксплуатации элементы за счет преобразования окружающего пространства. То есть, по сути своей, обладать неким искусственным интеллектом. Это, я вам скажу, не вшивенький пятизвездочный отельчик на двадцать миллионов отдыхающих, где-нибудь в Гончих Псах, и уж тем более не приусадебный участок в десять тысяч гектаров.

Лицо профессора при этом несло на себе отпечаток без-

мятежности. Видимо тому послужило упоминание об отеле и личном садовом участке. Он даже прикрыл глаза, как будто погружившись в нирвану воспоминаний бурно протекавшей юности. На самом деле все было не так. Сердечко профессора пошаливало, и он всячески старался скрыть это от окружающих, прикрывая глаза, в которых плавала боль. Складывалось впечатление, что он совсем не слышит своего оппонента. Тем неожиданней для того оказались слова, сказанные им негромким голосом:

– Скажите-ка, любезный, а как часто, в последнее время, вам намекали о вашем несоответствии занимаемой должности?

Директор аж поперхнулся от неожиданной наглости слов, непрошеного гостя, и уже хотел ответить ему, что-нибудь в довольно грубом тоне, но не успел, так как сморчок-профессор не повышая тона и не размыкая век, продолжил:

– Просто я подумал, что в вашем положении сидящего на сковородке неплохо было бы иметь подушку безопасности в виде положительно настроенной к вам прессы. Вы, надеюсь, понимаете, о чем я толкую?

Директор судорожно кивнул. Чувствуя его согласие даже сквозь сомкнутые веки, старик продолжал негромко журчать:

– Наш эксперимент, как я уже говорил, способен будет поднять нашу цивилизацию на несравненно более высокий уровень. И все участвующие в нем, безусловно, будут отме-

чены, на самом, что ни на есть, высоком уровне. Даже я, в общем-то, не тщеславный, по сути, и то, с предвкушением смотрю на завтрашний день. Вы же знаете, какую огромную роль играют средства массовой информации в наше время? Конечно же, меня будут спрашивать о том, кто и какую помощь нам оказывал все это время. И я, уж поверьте мне на слово, не премину во всех красках отобразить перед всеми ваш и без того, выписанный золотом сусальный лик. А так как эксперимент продлится не одно и не два тысячелетия, то ваше имя будет на слуху у общественности на всем протяжении эксперимента. Это ли не защита от завистников и злопыхателей?!

Профессор не ошибся, точно все рассчитав. Кость была брошена умелой рукой. Жучка схватила ее на лету, только челюсти клацнули. Но веревочку, привязанную к кости, профессор не желал выпускать из своих подагрических, но все еще сноровистых пальцев.

– Ну что, договорились?! – спросил Саваоф.

Демиург почесал затылок, якобы в великом раздумье, потому что сразу соглашаться было сродни потере лица, затем, как бы с шутливой ленцой ответил:

– Умеете же вы находить нужные аргументы, профессор. Не пойдете ко мне на полставки замом по сдаче объектов?! А то мой зам такой рохля.

– А вы будете за меня читать лекции старшекурсникам?! – со смехом подхватил старик, у которого почему-то вдруг вы-

ступила мелкими капельками испарина на лбу.

– Ну, уж нет! Избавьте от такого счастья! – в притворном ужасе воскликнул Демиург. – Ладно. Давайте сделаем так. Вы оставляете заявку. Я включаю ее в число приоритетных, но на первую четверть будущего столетия. Договорились?

Саваоф кивнул с достоинством римского патриция.

– Промежуточную сдачу наметим тоже на конец последней четверти, но уже следующего столетия – раньше никак. Пока сгустим космическое пространство, пока напрессуем планетарное вещество, пока сформируем среду для благоприятного обитания, то, да сё. Окончательную сдачу объекта – еще лет через сто. Ну а акт о недоделках, это уж как водится, в рабочем порядке, – закончил директор, пытаюсь хоть в малом выторговать для себя поблажки.

Встали, пожали друг другу руки. Профессор, вполне удовлетворенный исходом дела, на успех которого хоть и рассчитывал, но не ожидал так скоро, направился к выходу. Но на выходе задержался.

– В рамках данного проекта, у меня к вам будет еще одна просьба.

– Какая? – насторожился директор.

– Нельзя ли будет в процессе обустройства платформы, создать условия для флоры и фауны, максимально соответствующие представленным нами образцами?

– Насчет флоры и простейших микроорганизмов – не проблема. А существа с более высокой организацией возникнут

сами – на основе общих законов развития. Так что, не беспокойтесь.

На этом и расстались. Выйдя из приемной, почувствовал внезапную слабость в ногах и плюхнулся на один из стульев, стоявших вдоль стен приемной. Быстро нашарил в кармане пузырек с нитроглицерином. Положив таблетку в рот, замер, откинувшись на спинку стула. Тотчас к нему подскочила секретарша, до этого мирно сидевшая на своем рабочем месте:

– Дедушка, вам плохо?! – закудахтала она. – Вызвать неотложку?! Я мигом!

– Нет-нет, дочка, не надо! Просто устал маленько. Набегался с утра, вот ноги и не держат. Сейчас посижу, и все пройдет.

– Может вам водички дать?! – спросила она, склонившись к нему, так что его нос чуть не провалился в большой вырез платья на ее груди. Это зрелище его слегка приободрило, и он уже более окрепшим тоном произнес, катая языком остатки от растворившейся не до конца таблетки:

– Водички, говоришь?! А, давай! Не откажусь.

XVIII

Несмотря на кажущуюся «медвежатость», и свой слегка пиратский вид, Один был очень пунктуален в своих поступках. Не дожидаясь сообщения руководства «Астрона»

о поступлении официальной заявки на монтаж оборудования Прямого Луча, он уже ко второй половине дня, сформировал команду из молодых (хотя и сам был молодым) сотрудников своей лаборатории. В ее задачу входил анализ расчета параметров фокусировки и телеметрии будущего гиперпространственного тоннеля между Сиренией и объектом под каталожным шифром 2Р-ЖК89756-3.827x1026-3. Это означало, что объект находится во втором рукаве Млечного Пути, на орбите желтого карлика с присвоенным номером, имеет светимость в 3.827×10^{26} Вт и является третьим на его орбите. Другого более подходящего названия Земля еще не успела приобрести. А когда руководство подтвердило получение заявки, у него уже бала готова вся необходимая аппаратура для монтажа в обусловленном месте. На доставку, монтаж и расчет топологии ушла еще неделя. Перед первым включением аппаратуры для фокусировки ротонного луча в заданном направлении, Один отвел Господя в сторонку, и почесывая медвежеобразной пятерней в затылке заговорил немного извиняющимся голосом:

– Тут, дружище такое дело, понимаешь... Как-то сразу я не догадался тебя предупредить, а потом завертелся и стало не досуг...

– Говори, не томи! – вскинулся на него Господь, предчувствуя какую-то грядущую неприятность со стороны приятеля.

– В общем, – собрался с духом Один, – лучик-то наш ро-

тонный не совсем безвредный будет для планеты. Точнее, абсолютно вредный. В общем, короче говоря, так, когда мы, включив установку начнем пропускать его через сверхтекучий 4He (гелий) появится так называемое вихревое возбуждение его квазичастиц с постоянным линейным ускорением. На начальном этапе скорость будет невелика, но она будет увеличиваться по экспоненте. И хотя масса квазичастиц весьма мала, но на таком расстоянии, разогнавшись до скорости гораздо большей, чем 50 миллионов скоростей света, обязательно повлияет на объект.

– Каким образом?! – с испугом воззрился на него Господь.

– Не знаю, – пожал плечами Один, переходя с почесывания затылка к почесыванию носа, – это все зависит от многих факторов. В частности, атмосферы планеты и кончая его ядром. Атмосфера, насколько я в курсе, имеет очень большой процент кислорода, поэтому он пострадает первым. Большая часть его сгорит, особенно когда мы начнем хлестать планету лучами, проводя первоначальную фокусировку. Потом, конечно, все устаканится, и выход кислорода будет происходить в минимальных дозах.

– А что ты там говорил насчет ядра?! – нетерпеливо спросил Господь.

– Там все еще сложнее выглядит, – шмыгнув носом, заявил астроном. – Мы не знаем о ядре планеты ничего. Только луч, достигнув ее, сможет прощупать нутро и рассказать о нем. Может оно каменное, тогда ничего с ним не сделается,

а может оно жидко-металлическое, обладающее электромагнитным полем, тогда есть опасение, что оно может изменить свою конфигурацию...

– И?!

– А значит и гравитационные параметры.

– Эх и ничего себе! – воскликнул Господь. – Да из-за этого может измениться вся суть эксперимента! Ты понимаешь, садовая твоя голова, что экспериментировать будет не с чем и не с кем?! Ты же всех там поубиваешь!

– Так-то уж и всех?! – попробовал обидеться он на друга, но по большому счету понимал, что это его собственный недогляд.

– Всё?!

– Что, всё?! – не понял его Один.

– Я имею в виду, что это всё, что ты хотел мне сказать?!

– Н-нет! – просипел устыженный астроном.

– А что еще? – чувствуя, как внутри него все ходит ходуном, воскликнул Господь.

– Ротонный луч, посланный нами к планете, достигнув ее, обязательно отразится, так как имеет слишком малую массу, чтобы пробить ее насквозь и продолжить дальше свой полет. Так вот, отразившись он уже потеряет первоначальные свойства и превратится в так называемый биротон. Таким образом, получатся уже два ротона с противоположно направленными импульсами, которые образуют связанное состояние с орбитальным моментом $L=2$, энергией связи $0,25 K$.

– И что?! Не забивай мне голову своей тарабарщиной! Она и так у меня гудит.

– А то, что отразившись, этот луч захватит с собой все, что можно с ее верхних слоев атмосферы и понесет обратно к нам, как это и положено в соответствии с законом об углах отражения лучей. Правда, мы можем его отклонить в любую сторону, но куда?

– Подожди-подожди! – пробормотал, поморщившись, собеседник. – Ты говоришь, что он будет захватывать все, что попадет в зону его охвата?! Я правильно тебя понял?

– Ну да! – кивнул Один. – Правда, при этом его энергетика значительно ослабнет, но...

– Постой! – перебил его Господь. – А кварки?

– Что кварки?

– Кварки он будет с собой захватывать?!

– Будет конечно. Этих – в первую очередь. Но далеко не все, а только те, что будут витать в верхних слоях, и только их легкие фракции. Тяжелые частицы он не потянет.

– Одиனுшка, дорогой! Иди сюда! Дай я тебя расцелую, паршивца, эдакого! – закричал Господь, на обалдевшего от такой неожиданности астронома. И не дожидаясь того, сам кинулся к нему обниматься и целоваться.

– Что?! Что случилось-то?! Ты объяснишь или нет?! Су-масшедший! То чуть ли не с кулаками лезет драться, то бросается целоваться взасос! Жениться тебе надо, психопату, а то ты становишься уже опасным для окружающих! – проорал

в свою очередь он, утираясь рукавом от слюней буйно помещанного друга.

– Ты не представляешь, – продолжал верещать тот, немного отступив, – как ты помог сейчас всем нам.

Чуя, что невольно реабилитировался в глазах Господя за несвоевременное предупреждение о побочных эффектах Луча, сделал заинтересованное лицо, ожидая более толкового объяснения своей вспыхнувшей радости.

– А я то все время гадал, как да как переправлять на Платформу, перескочивших с одной эволюционной ветви на другую, а оно вон как все просто решилось.

– И как же?! – все еще не успевая за мыслью приятеля, недоумевал завлаб.

– Элементарно! Поясняю на пальцах, тяжкодумам и дубо-толкам! После завершения жизненного цикла, тело испытуемого, путем естественного разложения высвободит заключенные и связанные в нем антропоморфными связями кварки, которые под влиянием объективных физических процессов, естественно будут устремляться к верхним слоям атмосферы и там застревать в силу невозможности самостоятельно преодолеть гравитацию планеты.

– Подожди, торопыга! Ты хочешь сказать, что биротонный луч, отразившийся от верхних слоев атмосферы, невольно подхватит кварки сущности испытуемых и доставит их к нам сюда?!

– Не обязательно сюда. Скажу даже больше. Вообще не

сюда! Зачем они нам тут будут нужны?! У нас для них слишком неподходящая агрессивная среда обитания. Ты же сказал, что луч можно отклонить в любую сторону! Так?!

– Ну да.

– Ну вот, ты его и отклонишь в сторону специально смонтированной Платформы, класса «люкс», как ты мне сам и подсказывал.

– Ну да, – опять, как попугай повторил Один. – Но что тебе это даст, не понимаю?! Ведь кремниевые кварки будут пребывать в мизерном количестве, неся в себе лишь сущность своего субъекта, душу, так сказать. А из одной души полноценное существо не слепишь – материала маловато будет.

– Пустяки! – отмахнулся Господь. – Был бы тоннель, а уж что по нему пустить – поезд, дрезину или струю воды, уже не так принципиально.

– То есть как это не принципиально?! – опять засомневался Один.

– А вот так! Когда отраженный ротонный луч, который ты называешь биротоном, достигнет Платформы, пока еще пустой, без наших преобразованных кварков, мы с той же Платформы, запустим ему навстречу нейтрально заряженные кварки кремния. И пусть они себе потихоньку ползут. А когда в следующий луч уже понесет в себе свою ценную добычу, то неизбежно будет сталкиваться со встречным потоком кварков. Помнишь, мы в детстве лепили снеговиков.

Тот же самый принцип. Кварки сущности будут, как снежный ком обрастать нейтральными кварками пущенными им навстречу. В результате, на выходе, или на входе, это как тебе будет угодно назвать, получится точная копия испытуемого объекта, но воссозданная на другой элементной основе.

Вид у Одина был ошарашенный. Он только сейчас начал осознавать всю грандиозность задуманного Господем эксперимента. Сцепив на животе пальцы рук в замок, и при этом делая круговые вращательные движения большими пальцами, он что-то соображал. Наконец сообразив, что пауза слишком уж затянулась, изрек:

– Да. Конечно. На Платформе этого кремния хоть жопой ешь. Организовать луч, внутри другого с зарядом противоположным по знаку, тоже не ахти какая, проблема. Вроде все сходится.

С интересом всмотрелся в знакомые с детства черты лица друга. Потом расцвел улыбкой и с еще большим прищуром добавил, склонив по-собачьи голову набок:

– Слушай! А ведь ты у нас гений! Непременно надо будет сообщить твоей маменьке, то-то она обрадуется!

– Опоздал, дружище! – без тени юмора в голосе ответил тот. – Она знает об этом с самого моего рождения. Ладно. Давай, не тяни. Чего уж там? Включай свой рубильник.

– А ты не боишься? Последствия могут быть фатальными для животного мира планеты.

– Да знаю. А куда деваться?! Не все же, надеюсь, погибнут.

На оставшихся в живых особях и будем делать ставку.

– Ну как скажешь. Мое дело предупредить. Не я отвечаю за проект, – пожал плечами Один и подойдя к пульту начал понемногу двигать рычажок реостата, поднимая напряжение в цепи.

– Да, – чуть слышно отозвался Господь, – кто-то должен будет ответить за все перебитые горшки. И этим кто-то, конечно же, окажусь я.

Через несколько дней Большой Ротонный Энерго-Информационный Луч достиг своей конечной цели и после непродолжительной серии «прощупываний» наконец сфокусировался и зафиксировал свое состояние. Все было готово к телепортации первой партии добровольцев-исследователей, которым вменялось в обязанность провести исследования животного мира с целью выявления наиболее пригодного класса особей для дальнейших экспериментов. Господь сам хотел участвовать в первой экспедиции, но все окружавшие не поддержали его энтузиазма, упирая на то, что руководителю, а это право никто у него не собирался оспаривать, не следует очертя голову лезть в дела подобного рода, и что для этого хватает безумцев помимо его скромной, но очень важной персоны. В экспедицию отобрали девятерых аспирантов с кафедры Саваофа. Молодые сиренианцы, которым до тошноты надоело копаться в музейных экспонатах и без конца вносить поправки, в никого не интересующие каталоги, с восторгом восприняли идею эксперимента и с еще боль-

шим энтузиазмом засобирались в трудный и опасный путь. Один со своими ребятами все это время почти не вылезали из подвала института, порой даже ночуя возле мерно гудящих установок по излучению. Старик Саваоф проводил один из своих последних инструктажей, когда в подвал спустился Господь, поэтому не обратил на него внимания, а тот, в свою очередь воспользовавшись невниманием шефа подошел к астроному. Поздоровавшись с Одним, спросил:

– Ну как там наш лучик, много беды натворил?!

– Да не то чтобы уж очень, – вдумчиво начал Один и это почему-то сразу не понравилось вошедшему. – Как я и предсказывал, пока он фокусировался и находил себе место, пожег маленько атмосферу. Уровень кислорода снизился с 27% до примерно 22%. Увеличилось количество углекислого газа, тоже примерно на эти проценты. Я думаю, что это не фатально. Во всяком случае, это положительно сказалось на местной растительности, активно поглощающей его.

– А что не так?! – сразу раскусил недоговоренность друга Господь.

– С ядром планеты дела обстоят куда серьезнее, чем я мог предположить.

– Что с ним?! – нетерпеливо спросил Господь.

– Как я и предполагал, ядро состоит из тяжелых металлов, находящихся в сильно разогретом состоянии. Почти жидком. Когда мы начали стегать лучами планету, ядро, что естественно для любой жидкости пришло в возбужденное

состояние, изменив электромагнитную конфигурацию поля. А вместе с ним и гравитацию.

– Ну, так ты уже предупредил меня об этом накануне.

– Все так, да не так. На этом мои пророчества и закончились. По моим подсчетам ядро должно было успокоиться еще два дня тому назад.

– А оно что?!

– А оно как взбесилось. Тут видимо сыграл фактор случайности. Частота нашего луча каким-то образом вошла в резонанс с частотой колебательных процессов самого ядра. Учитывая разницу во времени, планету «колбасит» не подетски уже приличное время. Если по нашему времени прошло пять суток, то там, – он ткнул палец обзорный экран, который пока ничего не транслировал, – прошло без малого пять лет.

– Я в вашей физике ничего не понимаю. Ты мне на пальцах объясни, как это сказывается на окружающей среде!

– Если на пальцах, то гравитационная постоянная сошла с ума. А значит на поверхности планеты, сила тяжести то увеличивается внезапно, то так же внезапно уменьшается. И мы пока никак не можем вычислить закономерности этого процесса.

– И чем это может грозить живым организмам планеты?!

– Я то почему знаю! – внезапно окрылся Один на вопрошающего. – Кто из нас биолог?! Ты или я?! Вон походи, спроси у своего наставника, тем более он сам кажется уже идет

сюда.

И действительно, окончив один из своих бесконечных инструктажей, профессор заметил присутствие нового лица в подвале и заспешил к нему, чуть согнувшись и широко размахивая руками за спиной, как это всегда делают старики. Поздоровавшись с Господом и кивнув Одину, которого уже видел сегодня, без подготовки начал метать громы и молнии в пространство:

– Безобразие! Творится не поймешь что! Приходится заниматься самодеятельностью и откровенной отсебятиной! Единого плана экспедиции нет! Подготовка участников экспедиции, даже теоретическая – ни к черту! Новое снаряжение и экипировка не опробована в полигонных условиях! Все делается в спешке! Когда я подавал список участников на утверждение в деканат, мне стыдно было смотреть декану в глаза! А когда он стал допытываться у меня о конкретных целях экспедиции, мне пришлось лгать и изворачиваться, невнятно бормоча о настоятельной необходимости пополнить экспонатами фонды музея Космопалеонтологии! Последний раз я так лгал, когда воровал рафинад из материнной сахарницы!

– Профессор, ну право же, что вы так разволновались?! – начал успокаивать его любимый ученик. Видимо это был их далеко не первый разговор по данной тематике, поэтому голос у Господя был скучным, как у актера, играющего одну и ту же роль на протяжении десяти лет. Наблюдая эту сцену,

Один ехидно ухмылялся. – Не так уж все и страшно, как вам представляется. От того, что мы нигде не фиксировали наши планы по предстоящей экспедиции, вовсе не значит, что их не существует, тем более, мы с вами, и так каждый день обсуждаем ее детали. Шесть из девяти участников занимают активным экстремальным туризмом и даже имеют какие-то спортивные разряды. При приобретении снаряжения мы с вами активно консультировались у специалистов в этой области. Все вопросы по безопасности я лично урегулировал с Космической Службой Безопасности. Все разрешения получены. Оборудование сертифицировано. Да и Один, в случае возникновения нештатной ситуации обещает вытащить ребят немедленно. Один, скажи же?!

Один ничего не сказал, а только лишь коротко кивнул своей львиной гривой.

– Хорошо-хорошо! Ты уже в который раз меня почти что убедил, – замахал руками на ученика старик. – Кстати, ты подготовил вольеры для животных, которых все-таки придется доставить сюда ради заявленных целей и на случай проверки?!

– Обижаете, учитель! Все уже давно готово, – нисколько при этом не обижаясь, заявил Господь.

– Извините, профессор, – встрял в разговор Один, – а по каким критериям вы собираетесь определять класс живых организмов, пригодных по вашему мнению к эксперименту?!

Спрашиваю из чистого любопытства, – пояснил тут же

он.

– По принципу приспособляемости к условиям окружающей среды, – выскочил со своим мнением Господь, опасаясь, что профессор оседлает своего любимого конька и лекция затянется до морковкиного заговенья. Старик кивком подтвердил слова ученика.

– Ага! Понятно, – не унимался лохматый пират. – Это, стало быть, у кого зубы острее, когти длиннее, глаз зорче и башка побольше, чтоб значит, мозгов было воробью не на один поклев?!

– Зачем же так примитивно?! – всплеснул ручками, как тот самый воробей крылышками, воскликнул уязвленный профессор. – Мы, конечно, обязаны учитывать в полной мере столь немаловажные факторы, но поверьте, голубчик, они являются для нас отнюдь не определяющими, хотя по поводу головы вы эээ... скажем так, в некоторой степени и правы. Так как соотношение объема головного мозга ко всей остальной части тела играет свою определенную роль.

Но Господь и тут не преминул вставить свои пять копеек:

– Тут дело даже не в размере головы, а в одновременно задействованных нейронных связях в коре головного мозга. Это является для нас решающим фактором.

Профессор важно кивнул головой. Соглашаясь с мнением ученика. Их оживленную беседу прервал загоревшийся транспарант о предстартовой готовности. Все находившиеся в зале мигом засуетились, занимая места у пультов управле-

ния, а виновники этой суеты, облаченные в скафандры высшей защиты, шагнули в шлюзовую камеру, помахав на прощанье руками оставшимся. Зашипела, продуваемая аргоном шлюзовая камера. Загудели на высокой ноте трансформаторы напряжения, подавая его в основание луча дальнего действия, для придачи объектам нужного ускорения. Все это дойдя, казалось до высшей точки, разом смолкло. Все. Объекты телепортированы и уже находятся на планете, которой вскоре вместо цифрового шифра будет присвоено имя. Имя, кстати, дали в честь единственной женщины участницы экспедиции. Имя всем понравилось. Гея. Но это уже было потом. После возвращения.

Все интересное закончилось как-то до обиды буднично. Шурх! И все! Никаких тебе торжественно медленных взлетов гигантских звездолетов, ни грохота пламени, с ревом вырывающихся из дюз, ни торжественных речей и плача провожающих. Как будто группа товарищей просто пошла в магазин, стоящий напротив. Это были не совсем приятные издержки высокоразвитой цивилизации, и с этим приходилось мириться всем окружающим. Всем, кроме пары дежурных операторов можно было расходиться. Первый плановый видео сеанс был назначен на завтрашнее утро.

Утро принесло довольно противоречивые вести. Планета представляла собой почти правильной формы шар, вращающийся на боку вокруг своего светила и слегка приплюснутый к полюсам. Более двух третей его поверхности занимал

океан, богатый разнообразием животного и растительного миров. На всех широтах планеты климат был практически одинаковый – тропический. Богатая кислородом атмосфера придавала растительности расположенной на суше, преимущественно сине-зеленую цветовую гамму и способствовала ее гигантизму. Деревья, кустарники, да и просто трава были поистине гомерических размеров. Не отставали от них в размерах и подавляющее количество животных. Однако наблюдатели доносили, что являются свидетелями необъяснимого массового вымирания крупных и сверхкрупных животных представителей животного мира. Причем, как казалось членам экспедиции, эти животные наиболее подходили по всем критериям приспособляемости к окружающей среде и обладали

достаточно развитым головным мозгом. Прежде всего, это касалось хищников. Но вымирали не только они, но и все травоядные. Буквально на глазах у опешивших от такой неожиданности исследователей. Экспресс-анализ, проведенный на месте, не установил в организмах умерших никаких аномалий. Они не были отравлены или заражены, в их организмах не нашлось избыточной доли радиации. В общем, ничто не указывало на причину столь массового падежа наиболее перспективных с точки зрения экспериментаторов, особей. Вся планета была насыщена очагами разлагающихся туш животных. Ясно было. Что экспедиция явилась свидетелем планетарной катастрофы или на худой ко-

нец радикальной смены доминирующего типа живых организмов. Не справившись на месте с выяснением причин массовой гибели основных типов и видов животных, члены экспедиции решили переправить на Сирению несколько особей из недавно умерших. Два дня все сотрудники кафедры, как один засучив рукава трудились в институтской секционной, облепив очередную тушу, словно муравьи гусеницу. Результатом самоотверженного труда стало заключение о причинах массового падежа животных. Как и предполагалось ранее, ею стали спонтанные и скачкообразные изменения гравитации планеты. На это указывали сильно стершиеся кости в суставах даже у молодых особей и изменение формы внутренних органов. Животные, элементарно, умерли от голода, не сумев быстро приспособиться к изменению силы тяжести. Умерли практически мгновенно, ибо, что такое два года для хода эволюции? Планета сменила свою биологическую направленность. Теперь по ней бегали и над ней летали сравнительно мелкие, но от того более шустрые особи, гораздо лучше приспособленные к смене тяжести. Пригодного материала для продолжения эксперимента все никак не находилось. Гравитационные колебания, так потрясшие планету в самом начале, понемногу утихли. Однако ядро все еще оставалось в нестабильном состоянии. Для того чтобы оно находилось в относительном спокойствии, отныне требовалось поддерживать его температуру в определенных рамках, что накладывало некоторые неудобства. Ротонный луч, некогда

разогревший ядро планеты теперь нельзя было отключать во избежание повторения катаклизма. Пришлось держать луч в работоспособном состоянии на постоянной основе. Обо всем этом Один проинформировал Господя перед тем как отозвать своих ребят домой и передать все бразды правления в не совсем умелые, но порядком натасканные за эти месяцы руки его помощников.

Следующую экспедицию на Гею Господь решил возглавить лично. Этой экспедиции, во чтобы это ни стало, нужно было найти тот вид животных, который мог бы впоследствии стать прародителем цивилизации. Блуждая в тропических лесах, Господь с членами возглавляемой им экспедиции не раз встречал мелковатых, с точки зрения сиренианцев, существ отдаленно похожих на себя. Те же руки с пятью пальцами, те же ноги, та же голова не слишком подвижной шее, детородной орган. Смушал, правда, длинный хвост, служащий этим существам в качестве дополнительного хватательно-держательного приспособления, но по большому счету, не мешающего экспериментаторам. Главное, что подкупало в них, так это соотношение размера головы к остальному туловищу, коллективный образ существования и умение пользоваться передними или если хотите верхними лапами для первичной обработки плодов, в большом количестве произрастающих тут же. Решили отловить несколько для более подробного изучения. После некоторого изучения, пришлось забраковать выбранных особей. Обучение простейшим на-

выкам не пошло дальше развития их естественных инстинктов, а нервная система не отличалась стабильностью. Нужно было искать кого-то похожего, но с более устойчивой психикой и способного к обучению. И такой случай вскоре представился. Однажды, оторвавшись от основной группы исследователей, Господь забрел в самую чащу широколиственного леса. Тут вдруг на небе собрались темные тучи, и начался дождь, который уже через минуту превратился в ливень. Лес хоть и был густой, но вода, стекая с его широких листьев, хлестала нещадно застигнутого врасплох путника. Он юркнул под мощную крону одного из таких деревьев, наивно надеясь переждать там потоки, струящиеся с небес, поэтому не сразу заметил, что с противоположной стороны дерева на куче перепрелых листьев уже кто-то сидел. Природное любопытство исследователя не дало Господю тихо и мирно переждать непогоду, оставаясь на своем месте, и он решил узнать кто же этот сосед невольной разделивший с ним одно убежище. Он без страха обошел дерево. Каково же было его удивление, когда он нос к носу встретился с существом, еще более схожим с типичным сиренианцем чем те, что встречались ему доселе. Существо, ростом примерно с него самого, покрытое рыжей шерстью, с крупной головой, высоким, чистым от волосяного покрова лбом, сидело на корточках и с видом покорной обреченности философа-стойка, держало в одной из своих передних лап огромный лист с черенком в качестве импровизированного зонтика. Самым удивительным

было то, что существо, не только не испугалось чужака, но похоже даже не удивилось его неожиданному появлению. Ни вид, ни одежда, ни темные очки на глазах, казалось бы ничто не могло его смутить. Окинув печальным взглядом необычайно умных глаз, никем непрощеного гостя, оно так же печально и глубоко вздохнуло и немного подумав, решило подвинуться, освобождая тому нагретое местечко. Господь был не из тех, кого надо было уговаривать, поэтому немедленно присоединился к печальному доброхоту. Сел рядом вплотную к нему, вытянув порядком уставшие от многочасовой ходьбы ноги. Плотная и непромокаемая ткань комбинезона уберегала пятую точку исследователя от влаги, которая тут же на текла со всех сторон в образовавшееся углубление от недавнего сидения на этом месте загадочного существа. Чудеса на этом не закончились. Пошарив возле себя другой свободной конечностью, существо нащупало еще один довольно широкий лист, и отряхнув его от капель влаги протянуло Господю, чтобы тот тоже смог им хоть как-то накрыться. Растроганный до глубины души этой непосредственностью и добротой, экспериментатор пошарил у себя в кармане, извлекая на свет банан, который сорвал не так давно. Предложил спутнику отведать лакомство. Тот, не чинясь и с достоинством природного аристократа, принял подношение. При помощи крепких белых зубов и одной руки, а это была, несомненно, рука, в чем убедился Господь, отмечая противоположно расположенный большой палец, существо быстро очистило банан до

половины. Осторожно поднеся ко рту, откусило очищенную часть. Затем немного задумалось, и протянуло, оставшуюся часть, изумленному таким поступком, Господю.

– Я назову тебя Лесной Житель, – вслух негромко произнес он.

– Ы-уыхх, – представился тот, ударяя себя в грудь кулаком и складывая губы в смешную трубочку.

– Очень приятно, Господь, – в свою очередь отрекомендовался путешественник, обоими руками осторожно пожимая лапу нового знакомого. – Я буду звать тебя и твоих соплеменников Лесными Жителями, не возражаешь?

Рыжий не стал с ним спорить. В голове тут же раздались настроенные на его волну встревоженные мыслеголоса членов группы, интересующиеся, с кем он там так любезно разговаривает. Еле сдерживая свои восторженные чувства, он вкратце поведал своей команде о неожиданном знакомстве и попросил до особого распоряжения не приближаться к нему, чтобы не спугнуть долгожданный контакт. Члены экспедиции согласились с ним, предупреждая, что разобьют лагерь неподалеку от него. Так они и просидели бок о бок, до самого вечера. Начальник экспедиции рассказывал о трудностях эксперимента, о грандиозности планов на будущее и о надеждах, связанных с их неожиданной встречей. Собеседник был очень внимателен и галантен, ни разу не перебив оратора. Чаше соглашался, кивая головой и ухаю, явно одобряя сказанное. Иногда недоумевал, стучая себя по коленкам

и заглядывая в глаза Господю, как бы ища в них подтверждение сказанному. И уж совсем редко не соглашался, стучая себя в грудь и хмуря брови. Вечером Лесной Житель или как его назвал Господь Ыуыхх, встал и куда-то засобирался. Господь встал вслед за ним. Слегка переваливаясь с боку на бок, Ыуыхх доковылял на двух ногах до соседнего дерева. Подойдя к нему, сделал приглашающий жест гостю. Тот подошел. Ыуыхх стал карабкаться вверх, держась за низко наклоненные к земле ветви. Взобравшись немного и увидев, что гость стоит в нерешительности внизу, протянул ему свою крепкую руку. При помощи лесного Жителя Господь взобрался с ним едва ли не до середины ствола, где находился незаметный снизу широкий и крепкий гамак, сплетенный из ветвей и листьев умелой в этом деле рукой. И Господь уже не сомневался, чьей именно рукой он был сплетен. Так они и скоротали ночь, качаясь в гамаке между ветвей дерева и согревая друг друга теплом своих тел. Ыуыхх мирно спал, изредка всхрапывая и толкаясь несильно локтями, а Господь не сомкнул глаз, но не потому что с детства боялся высоты, а потому, что думал о том, как же удачно сложился этот дождливый день на чужой планете. И еще о том, как хорошо, что, наконец, нашлось существо, которое было, несомненно, достойно того, чтобы цивилизоваться самому, цивилизовать эту планету, а затем, презрев все прежние законы эволюции, вовремя перескочить на ее другую ветвь и не дать угаснуть жизни во Вселенной, на своем примере доказывая правильность

выбранного пути. А заодно и помочь одному скромному доценту в защите докторской диссертации, радуя тем самым любимую матушку. Дело оставалось за малым. Необходимо было снять биоэнергетические параметры излучения Лесного Жителя и используя их в качестве маркера попытаться найти как можно больше особей именно этого вида животных на всей поверхности планеты.

Утром, чуть свет, Ыуыхх повел нового друга знакомиться со своей многочисленной родней.

Результатом работы этой экспедиции стало обнаружение в разных уголках Геи представителей данного гоминоидного типа полуразумных животных.

XIX

Настало время обращаться за помощью к генетику Яхве. Как и Господь с Одним он принадлежал к тому поколению молодых ученых, которым решение любых проблем всегда кажется задачей более простой, чем переход проезжей части в неположенном месте. Генетик был примерно одного роста с Господем, но несмотря на молодость, слегка тучноватым, что, впрочем, нисколько не мешало ему быстро передвигаться по своему кабинету, встречая своего гостя. Хитренькие глазки его, смотрели весело и в тоже время пронизательно.

– Помнится мне, – начал Господь без лишних вступлений, – ты как-то хвастался, что запросто сможешь вживить

искусственный ген в структуру любого живого организма.

– А что? – спросил Яхве. – Разве ты не знаешь, что в нашем институте уже давно расшифровали геномы наиболее распространенных живых организмов, обитающих в нашей рукаве Галактики?

– Я знаю, что у вас велись в этом направлении интенсивные исследования. А среди них есть расшифрованные геномы биологических организмов на углеродистой основе?

– А почему бы и нет, если это самый распространенный тип живых организмов?

– Ну что у тебя за манера такая, отвечать вопросом на вопрос? – поморщился Господь.

– И что в этом такого, хочу я знать?! – опять спросил Яхве с лукавинкой в голосе. – Ты врываешься к бедному Яхве, хватаешь его за тока что отутюженные заботливой мамочкой лацканы еще почти нового пиджака. Затем брызжа на меня слюной, устраиваешь форменный допрос с пристрастием, а я при этом не имею права даже ни о чем спросить?!

– Ладно, – отмахнулся от него Господь, – кончай свой словесный понос. Ты лучше скажи, возьмется сконструировать и внедрить ген с заданными параметрами в организм представленный мной?

– Господь, ты меня знаешь не первое столетие, – произнес он уже серьезным голосом и дождавшись утвердительно-го кивка головы, продолжил, – разве я похож на того с кем можно играть в темную?! Или ты мне объясняешь подлин-

ную суть твоей просьбы, или мы с тобой не встречались!

Господь тяжело вздохнул. Опять приходилось объяснять суть и мотивы своего неординарного поступка. Со всеми предисловиями и отступлениями рассказ занял почти целый час. На протяжении всего этого времени, собеседник ни разу не перебил рассказчика, чинно сидя и сложа руки на коленях. После изложения, Яхве помолчал еще минутку, а затем скорчил непонимающее лицо:

– Таки я не понял, ты, что же решил вывести новую цивилизацию при помощи изменения его генотипа?

– Нет. Не новую цивилизацию, а дать шанс всем цивилизациям, основанным на отличной от нашей молекулярной структуре, выжить. Причем, выжить путем реформатирования их собственной структуры, заодно «почистив» эти предцивилизации от накопившегося негатива.

– То есть от негатива?! Что ты подразумеваешь под этим? – не понял генетик.

– Объясняю еще раз, тем до кого не дошло с первого раза, – глубоко вздохнув, начал гость. – Ты знаешь, что жизнь в Галактике, а значит, путем экстраполирования умозаключений, и во всей Вселенной, в большинстве своем представлена живыми организмами, основанными на углеродной основе. Так? Так! Ты признаешь, что углеродистые соединения на порядки превосходят по своему разнообразию наши, основанные на радиоактивном нуклоне кремния. Мы, если хочешь знать, уникамы во Вселенной, скажу больше, ее бо-

лезнь. В этом наша слабость и одновременно сила. Слабость заключается в ограниченном спектре распространения, а сила — в отсутствии внутривидовой конкуренции. Мы существуем в тепличных условиях, если можно так сказать. В то время как многообразие углеродных форм развития, обрекает их, априори, на бесконечную конкуренцию этих видов между собой. Эта конкуренция закрепляется на генетическом уровне. А в конкуренции, как ты догадываешься, все методы хороши. Отсюда все их пороки: воинственность, зависть, ложь, kleптомания и прочие грехи, которых мы даже и представить себе не можем, потому что у нас нет для них никакой основы. Вот поэтому, ни одна из подобных цивилизаций, подойдя к определенному порогу развития, не может его переступить, ибо внутренняя борьба захлестывает их. Прибавь сюда краткость жизненного цикла углеродных существ, что тоже отражается на них пагубным образом, так как требует от них агрессивного экспансионизма. Иными словами, они стараются уничтожить всех конкурентов до момента своей естественной гибели. Они, по сути, обречены убивать себя, не подойдя, даже близко к следующему витку развития. Понял? — выдохнул он после произнесения столь продолжительной речи.

— Это-то я понял. Я не понял другого...

— Чего?

— Я не понял, зачем тебе все это надо?! Зачем нам все это надо?! Что мы будем иметь от того, что своими руками

создадим себе конкурентов?!

– Ты, конечно, можешь мне верить или нет, но я абсолютно откровенен перед тобой. Мне порядком уже надоело беспрестанно вносить изменения в каталоги планетных систем, где имеется, или имелась, углеродная жизнь. Надоело без конца вычеркивать очередного несостоявшегося кандидата в нашу семью цивилизаций. Я хочу их спасти. А что до конкуренции... – сделал Господь паузу и хитренько прищурился, – то могу тебя успокоить. Даже если у нас все получится, то все равно их отставание от нас будет составлять миллионы лет. За это время мы уйдем еще дальше. И потом, здоровая конкуренция и нам не помешает. Даст нам новый толчок. Может быть, даже мы и почерпнем новые знания в процессе общения с ними...

– Ага. Таки я правильно тебя понял, что ты собираешься стать для них богом? – с недоумением спросил он.

– Ты второй, кто интересуется этим у меня. Нет. Не собираюсь. По крайней мере, не претендую на это звание единолично. Если желаешь, то можешь присоединиться к маленькому сообществу богов. Еще есть вопросы?

– Да. Объясни мне на пальцах метод перехода от углеродной жизни к кремниевой. Только вкратце, если можно.

– Хорошо. Попробую, – откашлялся Господь и продолжил. – Углерод, как ты знаешь из школьного курса, обладает двумя электронными орбитами. Кремний же имеет три орбиты электронов, где на его внешней оболочке располагают-

ся четыре электрона. Для того, чтобы превратить углерод в кремний, в атом углерода надо ввести новые электроны, тогда как старые электроны должны перейти на новую орбиту. Наш ротонный тоннель, созданный коллегой Одним со своими коллегами, производит определенную вибрацию электромагнитных полей планеты, которую мы называли Геей. Новые электроны будут втекать в атомы из этих вибрирующих электромагнитных полей. Если входящие в Гею ротоны продолжат повышать вибрацию, то будет достигнута “критическая масса”, и электромагнитные поля обретут достаточную силу для введения электронов в атом, перемещая уже находящиеся там электроны на новую орбиту. Как-то так, вкратце.

– А как будет это выглядеть на практике? Я имею в виду, как ты себе представляешь механизм кристаллизации тел «переселенцев»?

– Очень просто. Основанные на углероде жизненные формы поглощают кислород и выделяют двуокись углерода (то есть, $C + O_2 = CO_2$). Это ты знаешь. Жизненные формы, основанные на кремнии, поглощают кислород и выделяют (в этом случае излучают) двуокись кремния (то есть, $Si + O_2 = SiO_2$). Это ты тоже знаешь. Конечный продукт SiO_2 – это чистый кристалл, типа кварца. Кремний, будучи полупроводником, и кварц, будучи естественным передатчиком, способны принимать и излучать разные электромагнитные частоты. Надеюсь, что и это ты не забыл со школьной ска-

мый. А так как кремниевое тело света продолжает наращивать вибрацию, открываясь большему количеству посылаемой нашим ротонным лучом энергии, то оно начинает светиться, преломлять и отражать свет. Светящееся поле (аура) вокруг него становится высоко заряженным, создавая мини вихри или спираль, состоящие из кварков. Физики называют это пространственно-временным тоннелем в гипотетической модели Вселенной. Так вот, этот тоннель, с двухсторонним движением и будет являться проходом от них к нам и обратно, попутно «обрастая» кремниевой плотью, из кремниевых частиц, посланных внутри этого же луча им навстречу. Ну, теперь понятно?!

– Ээээ...

– Всю душу ты из меня вытряс своими простыми вопросами! Говори, берешься или нет?!

– Но позволь еще один вопрос?

– Ну?!

– ДНК основанная на углероде не имеет почти ничего общего с нашей ДНК. Как ты собираешься сопрягать эти вещи?

– Никак! – огрызнулся Господь. – Во-первых, не нужно сопрягать именно с нашей, очень редкой во Вселенной ДНК, основанной на одном из радиоактивных изотопов кремния. Будет достаточно чего-нибудь, попроще. Обычный кремний, например. Во-вторых, это уже не твоя забота. Твоя забота заключается в изменении углеродной ДНК и закреплении полученного результата в последующих поколениях. А всю на-

следственную информацию отлично могут перенести и кварки. Так берешься, или нет, мозгоклой?!

– Ну, зачем сразу обзыватья?! – деланно возмутился Яхве. – Я же ведь не отказал!

– Тогда какого дьявола, тебе еще от меня надобно!? – вконец теряя остатки терпения, взвился Господь.

– Ша, парниша! Осторожней на поворотах! А надо мне от тебя, – тут он замолчал, прикрывая глаза, а затем начал перечислять, загибая пальцы, – во-первых, две особи противоположного пола...

– Зачем две? – тут же перебил его Господь.

– А затем! Это у нас кремневых ДНК между полами почти не имеет отличий, а у них эти отличия носят существенный характер. Так что, придется конструировать не один, а два гена. И вообще, не перебивай меня! Я же внимательно слушал твою ахинею!

– Все-все, молчу!

– Во-вторых, – продолжил Яхве, – какими характеристиками должен обладать внедряемый ген? Я имею в виду, за какую область жизнедеятельности он должен отвечать? И, в-третьих, просто так его нельзя вставить туда. Можно только им заменить какой-то уже из имеющихся. Какой ген, по-твоему, мы можем «отключить»?

– Для меня не является принципиальным вопрос о том, каким из генов можно будет пожертвовать. Лишь бы это не сказалося на интеллектуальных способностях «реципиента»,

а так же не повредило его основным физическим параметрам. Найди какой-нибудь из рудиментарных и «отключи».

– Типа копчика?

– Да. Примерно. Что же касается предъявляемых к нему требований, то они не слишком велики, так что конструирование мне представляется не особо сложным.

– Что ты понимаешь в конструировании? – фыркнул Яхве. – Так какие требования?

– Он должен отвечать за совесть.

– Чего-чего?! – вытаращился он на Господа.

– За совесть. А тебе неизвестно это понятие?!

– Ээээ... проясни этот момент.

– А что тут непонятного?! Загляни в словарь, если не знаешь, что это такое. А если тебе срочно надо, то поясню. Совесть – это закрепленное на подкорковом сознании головного мозга табу на совершение определенных поступков противоречащих интересам общества и морали. Постулаты вроде, не убий, не укради и так далее по списку. Чем список длиннее, тем оно, конечно, лучше, но все же не стоит перебарщивать. Когда-нибудь этот ген проявился бы и без нашего участия, но мне не хочется сидеть и ждать естественного хода эволюции, да к тому же он может принять слишком уж экзотические формы. Так что, лучше всего сразу держать руку на пульсе. Ну и, конечно, искусственному гену доверия больше.

– А можно в постулат «не укради» внести несколько по-

правок?! – ехидно поинтересовался Яхве у гостя.

– Я тебе внесу! – погрозил ему кулаком Господь. – А и вот еще, чуть не забыл! Не делай этот ген доминантным, пожалуйста.

– Не учи ученого! – буркнул Яхве. – Не за печкой уродился, понимаю, что к чему. Когда доставишь образцы ДНК?

– Держи, – ответил тот, вынимая из внутреннего кармана пиджака плоскую пластиковую коробочку. – Тут еще видеоматериалы по последней экспедиции, чтобы ты имел представление о той глине, из которой мы собираемся лепить цивилизацию. Когда можно будет ждать первых результатов?

– Недели через две, – почесывая переносицу, ответил генетик.

– Хорошо.

– Ты, вот еще что, – остановил он собравшегося уже уходить Господя, – напиши заявку на имя моего руководства, о проведении исследований, предоставленных образцов ДНК и моделирования на их основе искусственного гена некритично влияющего на общее развитие живого организма.

– Заметано. Еще что-нибудь?

– Да! – Яхве слегка порозовел ликом, как девственница, впервые увидевшая «крутое» немецкое порно. – Ты ведь по результатам экспериментов, наверняка бросишься кропать диссертацию...

– Ну и? – вскинул брови Господь.

– Не мог бы ты меня упомянуть в качестве соавтора?! Я

ведь тоже пишу. И мне, до зарезу, нужны и лишние публикации и соавторство. Сам понимаешь...

– Понимаю. Ладно. Упомяну, – и уже от самой двери обернувшись, произнес, как бы, между прочим. – Знаешь, в чем заключается основная ирония нашего с тобой разговора? В том, что разрабатывать ген, отвечающий за совесть, мне приходится просить такого бессовестного типуса, как ты!

– На том и стоим! – весело и беззаботно засмеялся Яхве. Подхватив его смех и хорошее настроение, Господь вышел из помещения.

Через две недели ген с заявленными характеристиками был готов. Когда Господь зашел к Яхве за результатами, то первое о чем он спросил было:

– На место какого гена ты вставил свой?

– Как это, какого?! – удивился Яхве. – Как и договаривались на место того, который отвечал за функционирование хвоста!

– Может зря ты это сделал? – с сомнением проговорил Господь. – Все-таки в той лесистой местности хвост имел важную функцию по хватанию и удержанию. Некое подобие дополнительной руки.

– Ерунда! – воскликнул генетик. – Ты ничего не понимаешь в этом. Я вообще удивляюсь, как при таких провалах в знаниях ты ухитрился защититься. Мы тут все просчитали на компьютере. Сделав хвост рудиментом, мы выпрямили твоим мартышкам спину, потому что, если раньше им для

того, чтобы разглядеть сородича на расстоянии, достаточно было поднять глаза и увидеть задранный к небу хвост, то теперь для этого надо встать на задние конечности. А подняв эту макаку на задние конечности, мы освободили ей руки для созидательного труда. Понял, голова твоя еловая?! Две конечности вместо одной.

Господь, несмотря на не совсем приятные эпитеты в свой адрес с куда большим уважением посмотрел на своего приятеля, чем раньше.

Теперь требовалось только внедрить сконструированный ген в самцовую половую клетку и в яйцеклетку самки. И ждать результата. Тестирование длилось несколько лет и на разных площадках ради чистоты эксперимента. И к неопи-суемой радости экспериментаторов, опыт удался на славу. Первым проявлением эффективности гена стало возникновение чувства стыдливости, как у подопытных самцов, так и у самок. Оно проявилось, прежде всего, в желании прикрыть, как интимные части тела, так и те участки, которые не были покрыты слишком обильной растительностью. Это дало еще один неожиданный эффект – особи стали реже заболеть простудой от переохлаждения во время сезонных дождей. Понижилась смертность. Ген начал запускать в работу и другие механизмы влияния. Самки стали еще лучше заботиться о потомстве, а самцы, доселе практически не принимавшие в этом деле активного участия, стали проявлять отцовские чувства гораздо интенсивней. Стали прояв-

лять заботу и о старшем поколении. Если раньше уважение проявлялось только к физической силе, то теперь уважением стали пользоваться старики, обладавшие знанием и опытом прожитых лет. Это в свою очередь привело к появлению хоть и примитивных, но все же орудий труда. Если раньше в кровавых стычках между родами (еще пока не племенами) нередко доходило дело до смертоубийства, то теперь, вояки старались не столько убить соперника, сколько взять его самого и его родичей в плен (не хочется говорить слово «рабство»). Все, уже достаточно многочисленные участники эксперимента понимали, что подобное совершилось бы и без их деятельного участия, но с инновациями, которые они привнесли с собой, процесс гораздо ускорился и принял лавинообразную форму. Эволюция сокращала свой путь с миллионов лет до десятков тысяч. И это только по меркам Геи. А по меркам Сирении с начала эксперимента прошло всего-то сто семьдесят лет. Однако дел было еще непочатый край. Платформа давно была готова, и Демиург уже не единожды высказывал свое недовольство тем, что де сначала торопили со строительством, а теперь не спешат с принятием в эксплуатацию. Его, конечно, можно было понять. Слава, обещанная ему Саваофом, пока не спешила приходить. Но если озабоченности директора треста Саваоф с Господем еще как-то могли понять, то вот с пониманием у коллег получалось как-то коряво. Как ни держали в секрете основные участники сути своего эксперимента, слухи о нем до сих пор цир-

кулирующие шепотом стали уже во весь голос обсуждаться не только внутри кафедры, но и далеко за ее пределами. Тут и там стали раздаваться голоса о том, что доцент кафедры Морфологии Биологических Структур Господь, работает над диссертацией «Направленная эволюция углеродосодержащих структур на примере высших приматов». Такого потрясения кафедра не испытывала уже много миллионов лет. Это было не просто потрясение, это было потрясение Основ. Уважая до сих пор непререкаемый авторитет Саваофа, коллеги только перемигивались да пожимали плечами за спиной маститого старца. Встречаясь же с Господем в коридорах института, откровенно спорили с ним по поводу типиковости исследований в данной области, ибо всем с пеленок известно, что развитие цивилизаций на основе углеродистых соединений невозможно. И все потуги это исправить являются ни чем иным как ненаучным мировоззрением. Это было бы еще ничего. К разговорам подобного рода Господь уже давно привык. Но попадались и откровенные хамы, которые при встрече с ним крутили пальцем у виска прямо перед его носом, и ухмыляясь вопрошали долго ли еще ждать появления сверх цивилизации тараканов, выпавших из воспаленного мозга любимчика Саваофа, растерявшего от старости остатки разума. Всему когда-то приходит конец. Пришел он и терпению Господя, до сих пор отличавшегося крайним флегматизмом характера. Вот с таким насмешником и повстречался однажды Господь в институтской раздевалке.

Насмешки в свой адрес, он бы как обычно пропустил мимо ушей, но тот явно нарывался, заглазно понося всячески его любимого учителя и руководителя. Резко развернувшись к зоилу, он схватил того за грудки и прижимая спиной к стене два раза легонько приложил его затылком к холодному мрамору облицовки со словами:

– Слышишь, ты, тупиковая ветвь цивилизации! Старик за свои пятнадцать тысяч лет написал тысячи трудов, вырастил тысячи специалистов и основал свою школу! И тебя, недоносок, вырастил в том числе! Ему своей славы хватило бы до конца дней почивать на лаврах, ничего больше не делая! А он рискнул репутацией и взялся за новое и неподъемное! Для тебя неподъемное, амеба! А что сделал ты за свои три тысячи?! Отрастил нюхало, чтобы искать вкусное, да едало, чтобы это вкусное жрать и брюхало куда вкусное складывать!

– Это безобразие! Граждане помогите, на меня напал буйно помешанный! – верещал тот, ужом пытаясь вывернуться из своего положения. – Я буду жаловаться в комиссию по этике! Это вам так не сойдет с рук! Я дойду до ректора!

– Да хоть до министра высшего образования! – подначил его Господь, не выпуская из своих рук. – Иди, жалуйся, куда и кому хочешь! Твои таланты только этим и ограничиваются! А только запомни, если я еще хоть раз встречу здесь твою мерзкую физиономию, то я вышибу все твои зубенки и вобью тебе их в твою же глотку, чтобы ты ими больше не скалился по углам за спинами! Вали давай! А я пойду в туа-

лет мыть руки с хлоркой, потому что мама с детства меня учила мыть руки после того, как испачкаешься в кошачьем дерьме, играя в песочнице! – с этими словами он отклеил от стены вопящего зубоскала, и развернув его задом к себе, резким движением колена пониже спины, придал необходимое для полета ускорение. Пушечным ядром, вереща на всю округу, тот вылетел из раздевалки. И что характерно, никто не сделал даже малейшей попытки помочь ему или хотя бы поддержать. Все присутствующие, видя летящего на них и вопящего коллегу, только шарахнулись от него в разные стороны, как от прокаженного. У каждого, хоть раз в жизни, но наступают минуты триумфа. Кажется, именно в эти мгновения триумф коснулся чела Господя. Он одержал победу. Возможно первую настоящую победу в своей жизни.

Невольным свидетелем разыгравшейся безобразной сцены стали не только немногие из находящихся в этот момент в раздевалке научных сотрудников, но и сам Саваов.

– Спасибо, голубчик! – произнес тихо он, подавая Господю его фетровую шляпу, слетевшую у него с головы и упавшую на пол в пылу неожиданной дискуссии. – У меня, признаться, самого чесались руки разобраться с этим... гм... Ну, ты сам понимаешь кем. Но возраст, но репутация... А вот тебе, как бы этот инцидент не вылез боком...

– Пустяки, профессор! – беззаботно ответил тот, принимая шляпу. – Зато душу отвел! Вы не поверите, мне даже как-то легче стало! Будто, груз какой, свалился с плеч!

– Груз, говоришь? – прищурился Саваоф. – Вот насчет груза давай-ка и поговорим.

– А что такое? – настороженно воззрился на старика ученик.

– У тебя первой пары сегодня нет, насколько я знаю? Ты в подвал? Тогда я с тобой. Там и поговорим, – и с этими словами он потащил своего ученика за рукав по ступенькам вниз.

Спустившись в подвал, они прошли в свой любимый закуток, где обычно проводились оперативные совещания экспериментаторов и сели за маленький стол, едва не упершись головами друг в друга, как матерые заговорщики. Понизив голос, чтобы не мешать своими разговорами дежурным операторам он начал издали:

– Мы с вами, коллега, проделали большую работу: нашли подходящую планету, отобрали в разных ее концах пригодных для эксперимента особей, внедрили нужный нам ген, чем весьма подстегнули эволюционный процесс, получили Платформу для их дальнейшей переправы. Так?

– Так, – согласился ученик, пока еще не понимая, куда заведет их мысль профессора.

– Мы сократили время эволюции в сотни раз. Надо признаться, что ты чрезвычайно удачно выбрал катализатор для этого процесса. Перед нами уже не стаи обезьян, а вполне состоявшиеся люди, как мы с тобой. Несмотря на все многообразие жизненных форм во Вселенной, его Величество

Рациональность подводит общий знаменатель под их множественностью. Именно поэтому, несмотря, на наше с ними внутренние различия, внешне, мы абсолютно похожи. Они уже начали строить вполне себе приличные поселения.

– Вы имеете в виду ту деревушку в местечке Кроманье ? – перебил его Господь.

– Да. И ее тоже. А вместе с ней и дюжину других поселений. Ну, так вот, не за горами то время, когда мы сможем приступить к основной фазе эксперимента, а именно, к открытию тоннеля для переселения их сущностей.

– А не рановато ли об этом? Моральные качества их пока еще очень далеки от совершенства, даже у самых ярких их представителей, – усомнился Господь. – Боюсь, что конечный выход пригодных особей будет крайне невелик, даже без необходимой взыскательности.

– Вы абсолютно правы, мой друг. Конечно, на данном этапе, им еще рановато думать о вознаграждении за правильное поведение. Но этот момент не за горами. Они очень быстро всему учатся. Эти хитрецы, каким-то непостижимым мне образом прознали, что если настроить свои мысли и переживания на определенную частоту и попросить небеса о чем-то весьма важном для них, то в некоторых случаях их мысленные просьбы доходят до адресата и оттуда начинают сыпаться вкусняшки. А если просьба является коллективной, то и вовсе отказу не будет ни в чем.

Господь после этих слов слегка зарумянился и опустил

глаза в пол:

– Простите учитель, я наверно где-то неправильно поступил. Но у меня не было сил отказать им. Тем более просьбы были сугубо важными для их жизни.

– Я так и думал,— всплеснул сухонькими ручками старик. – Ваша мягкотелость стала толчком к зачаткам религии. Или вы действительно вознамерились стать для них богом?!

– Да нет, что вы, учитель! И в мыслях не было, – опять стушевался Господь.

– Я тут на досуге подумал, а почему бы и нет?! – пожевал в задумчивости губами Саваоф. – Им это не повредит. По крайней мере, они будут знать, что есть кто-то, кто поощрит, а при случае и накажет. А вот тебе повредить может. Ну да ты и сам догадываешься, куда это может тебя завести.

Господь, молча, кивнул, опять соглашаясь.

– Тут ведь, главное, не возомнить себя всевышним и непогрешимым. Не перегнуть, так сказать, палку, а то она распрямится, и в один прекрасный момент больно треснет тебя в самый лоб своим махровым атеизмом. Ну да ладно. К этому вопросу мы еще вернемся, и я думаю, что еще не один раз. Однако позвал я тебя сюда вовсе не за этим.

– Да. Я слушаю вас внимательно, учитель.

– Мне кажется, мы с вами, коллега, не предусмотрели очень важной детали, – проговорил профессор, сложа руки на груди и выдерживая паузу, после чего продолжил. – Наш с вами недочет заключается в том, что мы не разработали

конечного плана по переселению.

– То есть как?! А Платформа? Там же уже все готово и дожидается первых колонистов вот уже сколько лет!

– Что там готово?! Флора и фауна? И ты считаешь, что этого достаточно? – спросил Саваоф.

– А разве нет? – в свою очередь поинтересовался Господь.

– Конечно, нет! Через десяток другой лет, а по времени Геи – через десять-двадцать тысяч лет, первые переселенцы начнут прибывать на Платформу. Находясь в состоянии перманентного шока от только что случившейся с ними кончины, переноса по тоннелю, а так же радикальных внутренних изменений организма, что они увидят? Кто их встретит?

– Светлый новый мир, – проблеял нерешительно Господь.

– Све-етлый, но-овый! – растягивая слова, передразнил его профессор. – Светлая голая задница их встретит, вот кто! Люди, из привычной для них обстановки, попадут в новый неведомый им мир, абсолютно голыми, в прямом смысле этого слова! Ни срам прикрыть, ни огня развести!

– Что вы учитель предлагаете? – почесал Господь в затылке. – Нам с вами их встретить? Я, в принципе, не против.

– Спасибо за проявленную принципиальность! – шутовски поклонился профессор своему любимцу. – Нет. Раз уж мы взялись за это дело, то ни в коем случае нельзя понижать градус цивилизованности на новом месте обитания. Следовательно, их должна встретить цивилизация, по крайней мере, на таком же уровне, но с поправками.

– Как цивилизация?! Еще одну?! Батюшки, да где же мы ее возьмем?! Это же не бабушкины пирожки вынуть из печки! – запричитал ученик, беспомощно разводя руками.

– А мы ее закажем! – хитренько прижмурился старикан.

– Заказать цивилизацию?! Шутить изволите? У кого?

– В Проектном Бюро «Космической Робототехники», – победно глядя на ученика, сообщил Саваоф.

– И как вы себе это мыслите? – осторожно поинтересовался Господь.

– Очень просто. Мы заказываем партию антропоморфных роботов, перебрасываем их на Платформу, а там они начинают понемногу преобразовывать девственный мир в цивилизацию, стоящую на одну ступеньку выше той, откуда придут наши колонисты. Время у нас есть пока. Думаю, за пару десятков лет управимся.

– А дальше?

– Что дальше?! – не понял профессор.

– Ну, я имею в виду, что они будут делать дальше?

– Ничего. Жить будут. Вместе.

– Как это, вместе?! Люди и роботы? Но зачем?

– Ты был на последней выставке «РоботПрома»? – спросил профессор. – Нет? А зря. Я вот не поленился и сходил. Наука, дорогой мой, не стоит на месте. Последние из образцов, представленных на ней, абсолютно не отличаются от сиренийцев. Скажу даже больше, они являются нашими точными копиями. Разность заключается только в происхожде-

нии. Нас с тобой зачали, а их создали.

– И только?! – вытаращился Господь, не совсем веря.

– Ну, еще там было ма-а-аленькое отличие.

– Какое?

– В них, как и положено, имеется закладка о соблюдении всех трех законов робототехники. На всякий пожарный. И в отличие от нас, они, эти роботы, очень благовоспитанные и добродетельные.

– Эээ... вы все-таки меня извините профессор, но я никак не могу взять в толк, зачем они все-таки нам нужны. Ну, создадут они некую инфраструктуру, и пусть уматывают на все четыре стороны. Чистоту эксперимента только испортят.

– Не понял?! – вскинул на него брови Саваоф. – Ты что, хочешь заниматься чистым экспериментаторством с целью защитить диссертацию, или все же попытаешься спасти хотя бы один из углеродных миров?

– Я... мы ставим эксперимент ради спасения. Моделируем ситуацию, – огрызнулся он на своего учителя.

– Ну-ну.

– И все-таки, профессор, поясните бестолковому...

– Во-во, это ты правильно подметил сынок, – обрадовался бестолковости ученика тот, и неожиданно спросил, – чем отличается алмаз от бриллианта?

– Как чем? Бриллиант это отшлифованный алмаз, – слегка обиделся он на детский вопрос.

– А ты случайно не помнишь, в древности, чем шлифова-

ли алмазы? До изобретения высокоэнергетических лазеров.

– Тоже алмазами...

– Вот! – поднял кверху указующий перст учитель. – Наши будущие колонисты, как раз и есть нечто вроде алмаза, требующего огранки. Ведь не секрет, что излишними положительными качествами они блистать не смогут. Недостаточно умны, с недостаточно развитым чувством прекрасного, прочие, так сказать, шероховатости. А здесь их встретят почти идеальные по своей сути жители – честные, умные, готовые поделиться знаниями и добропорядочностью. В процессе трения, вот только не надо скабрёзно ухмыляться, естественно возникнет определенная конвергенция, которая придаст нужный блеск алмазным граням.

– Да, – задумчиво проговорил Господь, – скорее всего, вы, правы и на этот раз. Повысится качество материала, и нам будет, что предъявить общественности. И как я сам об этом сразу не додумался?

– Вот смотрю я на тебя порой и сам удивляюсь. Вроде светлая голова, а так иногда тупит, что у меня даже челюсти сводит от желания прибить, – признался профессор, весело подмигивая собеседнику.

– Прибивайте, сопротивляться не буду, – в тон ему ответил ученик.

– Если я тебя прибью, то кто тогда, скажи на милость, будет отстаивать твою и мою честь в гардеробных баталиях?! – смеясь, спросил он. – Ладно. Это все лирика. А сейчас да-

вай-ка решим, что нам для этого всего нужно будет.

– Я в проектном никого не знаю, – нахохлился Господь.

– Я тоже, – согласился учитель. – В любом случае у нас потребуют заявку от деканата. Заявку, думаю, подпишут, хоть и косятся на меня в последнее время из-за этих разговоров по углам. С утра схожу, пока у декана не испортилось утреннее веселое настроение.

– Второе, – продолжил Господь, – выбрать качества в первую очередь присущие заявленному материалу...

Они еще долго сидели, упершись лбами, друг в друга, иногда смеясь, иногда о чем-то бурно споря...

На этот раз подтвердить заявку в деканате путем кавалерийского наскока не удалось. Декан, убеленный сединами так же как и Саваоф, долго и занудливо выспрашивал профессора о делах подвальной, считай, что почти подпольной лаборатории, о слухах, бродящих в институтских коридорах об ее истинном предназначении. Попенял Саваофу о перерасходе электроэнергии, пожурил за скрытность и отсутствие отчета о проделанной работе за сто семьдесят лет, прозрачно намекнул о создании комиссии по линии Министерства высшего образования о выявлении фактов антинаучной деятельности, упомянул вчерашний инцидент в раздевалке. И уж совсем обомлел, когда профессор подsunул ему на подпись новую заявку:

– Коллега Саваоф! Зачем вам тридцать тысяч роботизированных комплексов?! Вы что, собрались с кем-то воевать

и теперь формируете воинские части?!

– Уважаемый, Синкерей, – в тон ему отвечал профессор, – вы прекрасно знаете не хуже меня, что проведение некоторых экспериментов требует вовлечения сразу больших объемов в натуральных условиях, а не на лабораторных площадках. А мы, как вам известно, исследуем целую планету.

– Но все же тридцать тысяч?! Не многовато ли?!

– Нет. Напротив, это только первая партия!

– Ох, голубчик, подведете вы меня под монастырь!

– А вам какой больше нравится: мужской или женский? – улыбнулся Саваоф.

– Да, тьфу на вас, право слово! Я и так живу в женском монастыре! Жена и четыре незамужних дочери! – замахал на него в испуге декан. – Ну да ладно. Давайте вашу заявку и реквизиты принимающей стороны.

Из кабинета декана, профессор не вышел, а буквально вывалился, утирая обильный пот со лба. «Еще никогда, Штирлиц не был так близко к провалу» – вихрем пронеслась у него в голове странная сентенция. «Какой Штирлиц? Какой провал? О чем это я?» – недоумевающее подумал он. «Со всем что-то плохо у меня с головой последнее время. Всякая чушь лезет в голову», – почти вслух произнес он, и сосредоточившись, начал вызывать Господя.

В проектное бюро решили идти вместе. Пошли после обеда, не теряя драгоценного времени даром. Величественное здание Проектного Бюро «Космической Робототехни-

ки» в стиле супер хай-тэк хоть и располагалось на окраине города, но было видно издалека, благодаря своим почти пятистам этажам. На входе, внимательные и вежливые роботы, заставив посетителей встать на пыле поглощающую дорожку, очень тщательно пропылесосили обоих. Такой же до тошноты внимательный и улыбающийся администратор поинтересовался целью их визита, тут же сверяя их слова с какой-то информацией, отображающейся на экране его стереовизора. Продолжая, все так же приторно, излучать улыбку, подозвал одного из своих сотрудников, и что-то невнятно пробормотав тому, попросил посетителей следовать за ним. Вместе с ним гости проследовали в тесную кабинку, которая после закрытия дверей тут же стала быстро наполняться клубами ядовито-зеленого цвета дыма неприятного для глаз и не слишком аппетитного на вкус. К счастью, это продолжалось недолго. На вопрос гостей, что за фокусы были с зеленым туманом, клерк, с такой же противной улыбочкой, как и у его шефа, пояснил его появление одним из способов по дезинфекции.

– Мы что, заразные какие или с помойки приволоклись?! – разозлился на его улыбочку Господь. – Нас и так на входе пылесосили.

– То была очистка от уличной грязи. А это дезинфекция ваших внутренних органов, – не переставая улыбаться, заявил сопровождающий. – У нас здесь не только проектируют, но и производят опытные образцы. Причем некоторые

из их составных на нано уровне.

Господь хотел было вступить с ним в перепалку, но Саваоф, дернув его за рукав, прекратил эту попытку в зародыше. Подведя, изрядно провонявшую от спецсредств парочку, к локальному телепорту, клерк, не убирая приклеенной улыбочки, уведомил:

—Руководство предупреждено. Приемная номер 404.

Тут они разом вдруг вспомнили, что не знают имени директора бюро, и уже хотели было спросить об этом своего сопровождающего, но того и след простыл. Ученые решили, что поинтересуются этим у секретаря в приемной. Дружно, как в детском саду, взявшись за руки, просители вошли в круг телепорта. Через пару секунд они уже стояли в приемной перед столом секретарши. Зрелище было настолько ошеломляющим, что оба не сразу пришли в себя, и им пришлось немало поднапрячься, чтобы начать диалог. За сплошь стеклянным и совершенно пустым столом во вращающемся кресле сидела молодая девица с пышной гривой ослепительно белых волос и голыми ногами такой невероятной длины, что если бы встала, то ее сходство с циркулем было бы абсолютным. Единственное, пожалуй, что отличало ее от этого чертежного инструмента, была грудь не менее седьмого размера, буквально вываливающаяся из тесного для ее обитания корсажа. Девица безмятежно орудовала пилочкой для ногтей, даже не делая вид погруженного в работу сотрудника. Господь был эстетом, и вычурные формы

его всегда раздражали до крайности. А тут еще эта недавняя улыбочка клерка никак не выходила из памяти. Поэтому начал он довольно агрессивно:

– Послушайте-ка, милочка! Мы с профессором Саваофом, – он кивнул в сторону все еще не пришедшего в себя спутника, – весьма занятые и важные особы. И у нас очень срочное дело к вашему начальству. У него наша заявка на продукцию вашей конторы. Так что, потрудитесь, пожалуйста, оторвать свой зад от креслица и доложить о нашем прибытии.

Господь по своей врожденной интеллигентной наивности полагал, что своим развязным тоном выведет из себя наглую девицу, и та сломя голову кинется с ним в словесную баталию, где он надеялся победить, тем самым давая разрядку своим накопившимся негативным эмоциям, но просчитался. Эта дрянь просто проигнорировала его колкость в свой адрес. Оторвавшись от своего занятия, которое ей явно нравилось, секретарша подняла на них свои слегка выпуклые коровьи глаза и, улыбаясь той же самой улыбочкой, томным голосом спросила:

– Вы к Аллаху?

– Да, – дружно закивала «сладкая парочка». – Вашего начальника зовут Аллах?

– Аллах его знает... – неопределенно ответила та, улыбаясь еще шире.

Господь с Саваофом переглянулись, явно чувствуя себя

последними идиотами в этом диалоге.

– Ладно. Неважно как его зовут, – взял слово, очнувшийся профессор, – Доложите ему, что пришли представители института «Макротел Вселенной» по поводу заявки.

– Хорошо, – не снимая улыбку с лица, сказала она, – я сейчас доложу.

С этими словами она начала вставать. Вот это было событие года! Она все вставала и вставала, поднимаясь над столом, как цунами над Киото. Казалось, этому процессу не будет конца. Господь, сам не маленького роста, уже начал запрокидывать голову назад в ожидании, когда она упрется макушкой потолок, а она все вставала и вставала! Саваоф тоже с интересом наблюдал эту сцену, машинально шаря у себя в кармане в поисках хотя бы валидола. Наконец она достигла своего апогея и плавно покачивая бедрами скрылась за дверью начальника бюро. «Учитель, а признайтесь как на духу, что не прочь бы ощутить ее ноги на своих плечах?! А?!» – спросил он профессора, настроившись на его волну. «С ума сошли, голубчик! Ведь задушит и не заметит!» – так же мысленно ответил ему тот. На ее величественном фоне они выглядели провинившимися перед воспитательницей ребятишками из детского сада.

«Интересно, – подумали они в унисон, – как же должен выглядеть руководитель, взявший к себе в секретари подъемный кран?»

– Проходите, – прервала она их мыслеобщение, выходя из

кабинета и возвращаясь на свое место.

Они сначала даже не поняли куда вошли. Все окружающее пространство сияло белизной. Белые стены с потолком, белые полы с белым письменным столом, таким же пустым как и у секретарши, белый свет, который казалось, идет со всех сторон. Именно поэтому они не сразу заметили возле стола очень даже невысокого худощавого мужчину с бородкой, одетого тоже в белый костюм. Он сделал им приглашающий жест и тоже улыбнулся. Правда, его улыбка было куда естественней, чем все прежние, которые пришлось здесь увидеть.

– Прошу вас, проходите и присаживайтесь. Вы, как я понимаю, – посмотрел он на профессора, – будете Саваофом, заведующим кафедры морфологии. А вы Господем, его заместителем и правой рукой.

Оба кивнули и сели к столу на белые пластиковые стулья.

– А я Аллах, начальник бюро, – скромно отрекомендовался он.

– Ваша секретарша в этом не слишком уверена, – буркнул Господь.

– Не обращайтесь внимания! – уже рассмеялся он. – Просто еще не привыкла. Я у нее пятый или шестой начальник за месяц.

– А что, – обалдел Господь, – у вас начальники не засиживаются долго на одном месте?!

– Нет! – еще сильнее расхохотался Аллах. – Это она сме-

нила уже шестую работу за месяц. Нигде не задерживается. Блондинка! Что вы от нее хотели?!

– А вам-то она зачем такая? – поинтересовался Господь.

– Экзотику люблю, – коротко и ясно ответил тот.

– Это хорошо, встрял профессор, – что вы любите экзотику. Именно с экзотической просьбой мы к вам и пришли.

– Да. Я сразу это понял, как только посмотрел на количество заказываемых вами изделий. Зачем вам столько?!

– Чтобы населить ими планету, – веско сказал Господь.

– Видимо планета, которую вы хотите населить имеет неблагоприятные условия для проживания, если вы желаете разместить там роботов? – предположил Аллах.

– Отнюдь. Условия самые что ни есть люксовые, – ответил Господь, чем опять ввел собеседника в легкое замешательство.

– А не проще ли там тогда разместить обычных людей? – продолжал недоумевать он.

– Нет, не проще, – начал было Господь, но Саваоф дернул его опять за рукав и взял инициативу в свои руки.

– Нет, не проще, и я вам сейчас поясню почему...

Следующие сорок минут были отданы во власть профессора, решившего почему-то посвятить начальника проектного бюро, в суть поставленного эксперимента.

– Это конечно хорошо, что вы задались благородной целью спасти тупиковые цивилизации, на примере одной из них, от самоуничтожения, но все же поясните мне, какую

при этом роль должны будут играть наши изделия? С ваших слов я понял, что им уготована роль между обслуживающим персоналом и точильным камнем, для обработки граней будущего бриллианта.

– То, что шлифовальным кругом – это верно, – подправил его Саваоф, а вот насчет обслуживающего персонала, то тут вы несколько неправильно меня поняли, или я плохо пояснил свою мысль. Мы хотели бы видеть их членами, так сказать, одной семьи, где все ее члены равноправны. На долю ваших изделий, хоть мне решительно не нравится этот термин, мы возлагаем надежду, как на воспитателей, а не обслуги. Ваши, гм..., скажем так, антропоморфные создания, со своим набором положительных качеств, не важно, врожденных или приобретенных, послужат хорошим наглядным примером для первопоселенцев.

– Что ж, любопытно, роботы в качестве воспитателей целой цивилизации... Это весьма интересный подход. До сих пор мы выпускали роботов-нянек для семей, которым некогда было возиться со своим потомством, а сейчас вы мне предлагаете расширить их функции. С этой стороны мы этот вопрос еще не прорабатывали. А то, что вы акцентировали свое внимание на благовоспитанности наших эээ... созданий, так это просто замечательно. Как они вам?

– В смысле, как? – не поняли гости.

– Ну, вы же успели пообщаться с ними?

– Нет еще, если не считать тех аппаратов, которые пыле-

сосили нас на входе, – ответил профессор.

– Спасибо, уважаемый Саваоф! Ваши слова – лучшая рекомендация для наших изделий, – улыбаясь во всю ширь лица, произнес Аллах.

– Так, значит... -начал догадываться старик.

– Да-да, вы совершенно правы. Все, кого вы сегодня встретили в наших пенатах, не принадлежат к расе сиренийцев.

– Ага! – хлопнул себя по колену Господь. – Так вот почему меня так раздражали их идиотские улыбочки! Они запрограммированы.

– Ну почему же идиотские?! – слегка обиделся начальник. – Вполне себе, нормальные.

– А, что и секретарша ваша... тоже? – поинтересовался Саваоф, не давая вспыхнуть конфликту.

– Да, – погрустнел неожиданно Аллах, – она, к сожалению тоже.

– Почему, к сожалению? – вскинулся профессор.

– Производственный брак, – поморщился он. – Ребята решили пошутить на 8-е марта, решив воплотить в натуре усредненную мечту каждого мужчины. А так как каждый отдел воплощал свои фантазии в тайне от других, то на сборку попало вот это вот... Утилизировать жалко, как никак живой организм, пристроить никуда не можем, вот и приходится самому маяться. Она, в принципе неплохая, но уж больно своеобразна.

– А, что, те кто отвечал за ее интеллектуальные способ-

ности, тоже оказывается, мечтают о глупых женах? – ехидно поинтересовался профессор.

– Выходит, – развел руками Аллах, и все дружно засмеялись.

– Ну, так что?! По рукам?! Беретесь за наш заказ?

– Беремся, – после недолгого раздумья произнес Аллах, – только надо согласовать детали и параметры заказа. Я сейчас приглашу помощника, и мы вместе согласуем все вопросы.

При этом он на минутку застыл, видимо связываясь с помощником. Через минуту в кабинет не вошел, а ворвался высокий лохматый тип в синем рабочем халате и целлофановых бахилах.

– Что случилось?! Подождать нельзя было, пока не закончим испытания?! – недовольным голосом громко протрубил лохмач. Он явно был не в духе и не пытался это скрыть от окружающих.

– Извини Крон, что сорвал тебя прямо со стенда! – несколько заискивающим голосом произнес начальник. – Тут вот, пришли насчет заявки, что мы утром получили. И я посчитал для себя неэтичным, обсуждать ее детали, без технолога. Знакомьтесь, коллеги, это Крон, мой заместитель и главный технолог в одном лице.

Сидящие, встали и начали пожимать руку прибывшему лохмачу, попутно коротко представляясь. Лопатообразная рука Крона была мозолистой и твердой в рукопожатии, что выдавало в нем не кабинетного работника, а настоящего про-

изводственника. Опять расселись.

– Я видел вашу заявку, – начал Крон, – очень крупная, мы не так часто выполняем подобные. Для того чтобы согласовать детали, мне нужно знать какие условия эксплуатации будущих изделий и их предназначение.

Гости горестно вздохнули – опять начинать сначала все объяснения. Видя, что разговор затянется, Аллах мысленно связался с секретаршей и как мог, объяснил той, что не худо бы принести и им с Кроном и гостям бутербродов с чаем. Он уже начал беспокоиться, правильно ли поняла его мысли секретарша, как та вошла в кабинет, отворяя двери своим оттопыренным задом. В руках у нее был поднос с заказом на четырех персон.

– Садитесь жрать, пожалуйста! – пригласила она присутствующих, улыбаясь и расставляя съестное на стол.

– Спасибо, Лилит! – воскликнул Аллах, радуясь хотя бы тому, что она ничего не уронила и не расплескала, и при этом, не обращая внимание, на ее хамство.

На этот раз отдуваться пришлось Господю, а профессор только вставлял изредка пояснения.

– Та-ак! – протянул Крон, выслушав предысторию вопроса. – Значит, вам нужны роботы А-класса, с набором базовых знаний, самообучающиеся, но на основе обычного кремния? Я правильно понял?

– Да, – закивали заказчики. – Чтобы ничуть не отличались по внешнему виду от нас. С полным набором положительных

качеств.

– Это хорошо. Это упростит производство. Организмы на основе обычного кремния гораздо легче производить, – пояснил Крон. – Половую принадлежность будем устанавливать?

– Да, но думаю, что не стоит акцентировать на этом слишком много внимания. Функционирование половых органов, думаю, не стоит ставить во главу угла, – уточнил Господь. – Не в этом их главное предназначение.

– Учтем, – кивнул лохматый технолог. – В какой пропорции будем их делать?

– Пятьдесят на пятьдесят, примерно, – вставил Саваоф.

– Какие-то особые пожелания к внутреннему содержанию и внешнему оформлению будут?

– Будут, – сказал Саваоф.

– Какие? – поинтересовался начальник бюро.

– Во-первых, – начал перечислять профессор, – сможете ли вы максимально разнообразить внешний облик своих антропоморфов?

– Да. Разумеется. Каждый из них обладает исключительно индивидуальным обликом.

– Хорошо, – кивнул профессор. – Во-вторых, в продолжение к первому вопросу, обладают ли ваши антропоморфы также и индивидуальными чертами характера?

– Эээ... как сказать, – замешкался Аллах.

– В пределах допустимого, – пришел на выручку своему

шефу технолог.

– Поясните, пожалуйста? – вскинул брови Саваоф.

– Полную индивидуальность характера блокируют законы робототехники.

– А нельзя ли как-нибудь снять эту блокировку? – осторожно спросил профессор.

– Нельзя, – почти хором ответили робототехники.

– Почему? – тоже хором спросили гости.

– Потому что, тогда у них появятся не только индивидуальные черты, но и свобода воли, а это уже будет прямое нарушение всех законов, а не только робототехнических, – терпеливо, как первоклассникам пояснил Аллах.

– И что? – изображая упрямого незнайку, спросил Господь.

– А то! Что это тогда не будут роботы. А будут сиренийцы. Просто сиренийцы. Просто искусственно созданные сиренийцы.

– Так это же замечательно! – воскликнул Саваоф. – Это то, что нам больше всего подходит.

– Под уголовную статью нас подводите? – прищурился недобро Крон.

– Почему под уголовную? – заерепенился старик.

– Потому что клонирование и искусственное производство сиренийцев – уголовно наказуемое дело.

– Нет уж, позвольте! – закусил удила профессор. – Я биолог с почти пятнадцатилетним стажем! И уж как-нибудь

разбираюсь в различии сиренийцев от несиренийцев. Пусть в суде мне кто-нибудь посмеет доказать, что природный сирениец, такой как мы с вами, и искусственное антропоморфное существо, созданное на другой биологической основе, с алгоритмичным, а не свободным сознанием – суть одно и то же. В научных кругах до сих пор нет по этому поводу единого мнения. К тому же, мы ведь не просим, чтобы вы убрали их положительные качества характера: честность, трудолюбие, уважение и так далее. Мы просто хотим в этих рамках дать им свободу воли и проявление индивидуальности характера.

Кибернетики переглянулись. Слов для вразумительного возражения у них не хватало. Наконец, начальник бюро, не найдя ничего более подходящего, прогундосил уныло:

– Пока свора адвокатов и ученых экспертов будут ломать копыя в научных дискуссиях и до хрипоты спорить о нарушенном законодательстве, мы будем сидеть за решеткой, и производство встанет.

– А сколько нынче дают за несанкционированное и нелегализованное производство? – хитро прищурившись, спросил старик.

– До двухсот лет! – отрапортовал Крон без запинки. Видимо он уже интересовался этим когда-то.

– И только-то?! – рассмеялся профессор. – Я в свое время за драку в ресторане отсидел двести пятьдесят лет.

Господь с явным интересом воззрелся на своего учителя. О таких пикантных фактах его биографии ему ничего не бы-

ло известно.

– По молодости. Горячий был, как ты же, – пояснил он, перехватив недоуменный взгляд ученика, а обратившись к собеседникам, продолжил, – а вы еще совсем молодые и не хотите пострадать ради науки.

– И что вы предлагаете? – спросил Аллах, явно ища выход из создавшейся обстановки.

– Ничего, – беззаботно ответил Саваоф. – Просто, во-первых, мы никому ничего не скажем, во-вторых, эксперимент будет проходить в нескольких парсеках от ближайших заселенных нами планет, а в-третьих...

Господю вдруг почудилось, что из брюк профессора медленно начинает выползать огромный пушистый рыжий лисий хвост и махать перед носом замороженных подрядчиков. Видение казалось настолько реальным и в то же время диким, что Господь начал трясти головой, чтобы избавиться от наваждения. Это помогло. Хвост исчез. А профессор, сладким медоточивым голосом продолжал:

– А в-третьих, разве вам самим не интересно пронаблюдать за массовым поведением своих созданий в условиях неограниченной свободы и неограниченной воли. Это вам не в закрытом пространстве лабораторных условий. А масштаб? А количество наблюдаемых объектов в условиях естественной среды? Какой обширный материал для исследований! Сколько диссертаций на этом можно будет накопать, а?

Голос профессора становился все тише. А глаза у собеседников загорались все ярче. Кость, брошенная старым лисом была такая большая и такая сладкая!

– Может действительно попробовать, вы как, шеф?! – зарзал на стуле лохмач.

– Даже и не знаю, – как во сне медленно ответил тот.

Хлоп! Челюсти лязгнули. Кость была проглочена. Уже второй раз старый уголовник мастерски проделывал этот незамысловатый трюк.

– Да, вот еще что, – встрял опять Господь, приводя в чувство загипнотизированных кибернетиков, – у меня есть еще одно пожелание.

– Какое? – спросил Крон, очнувшись и озираясь по сторонам.

– Уберите пожалуйста у всех особей из нашего заказа эту дурацкую улыбочку! Она меня просто бесит невероятно.

– Хорошо. Сменим абсолютную доброжелательность, на ситуативную, – согласился технолог. – Впрочем, я думаю, что она сама пропадет, как только мы дадим им полную свободу воли.

– Когда можно будет ждать первую партию? – меж тем деловито осведомился Саваоф.

– Если не будете торопить и если не понадобится выполнять более срочный заказ, то к концу года первые пять тысяч сможем отгрузить.

– Хорошо, – закивали гости в унисон.

– А если дадите публичный положительный отзыв о нашей продукции, то можем вам в качестве подарка преподнести еще и бонус.

– Какой? – заинтересовалась противоположная сторона.

– У нас сейчас заканчиваются испытания на стенде новой модели под рабочим названием «серафим». Некое подобие ходячего симбиоза термоядерного источника энергии и транскосмического телепорта, – охотно пояснил начальник бюро.

– А суть в чем? – почесав нос, произнес профессор.

– Во-первых, ходячая электростанция замкнутого цикла с длительностью существования без подзарядки почти в сто тысяч лет, а во-вторых, мобильная установка по телепортации любых материальных объектов в любую точку Галактики с невероятной доселе точностью $10;15$ градусов параллакса.

– Берем! – воскликнул, что-то быстро сообразивший Господь.

– Еще есть модель, которая только готовится к основным испытаниям, – задумчиво проговорил начальник.

– Берем! – опять входя в аукционный раж, воскликнул молодой заказчик.

– Но ведь вы даже не поинтересовались характеристиками.

– А какая разница!? – с апломбом произнес Господь, – Если вам все равно нужна наша площадка для испытаний

своей продукции.

– Разрешите тогда мне поинтересоваться? – спросил профессор.

– Абсолютно новая модель! – запел соловьем Аллах. – Антропоморф, способный преобразовывать часть себя в плазменную структуру, без потери качеств.

Видя недопонимание на лицах собеседников, пояснил:

– Это такой робот, при некоторых технических ухищрениях способный преобразовать часть своего тела в сгусток почти неосязаемой плазмы, способный проникнуть в любой живой организм практически незаметно для него самого и принять на себя часть функций по его управлению, либо же наоборот передать часть своих функциональных возможностей. Очень перспективная модель, скажу я вам.

Тут уже и профессор сообразил, что к чему:

– Берем! Сколько дадите?!

– Пока немного. Пару сотен. Если испытания дадут положительный эффект, то сколько понадобится.

– Договорились! – воскликнул профессор.

– Приходите завтра, мы подготовим для вас демонстрационные образцы, – радушно предложил начальник бюро.

Уже прощаясь, в дверях, Господь обратился к Аллаху:

– Я тут подумал-подумал и вот, что хочу сказать, – произнес он, и немного помолчав, собираясь с духом, продолжил, – если вам терпеть вашу секретаршу уж совсем будет неважно, а пристроить нигде не сможете, то может нам от-

дадите?

– Вы меня, конечно, этим очень обяжете, но только на что она вам сдалась? – удивился Аллах.

– До кучи! – со смехом произнес профессор, встречая.

– И все-таки? Куда думаете ее пристроить?

– Да уж найдем местечко какое-нибудь, – неопределенно махнув рукой, ответил Господь.

XX

И опять потянулись годы кропотливой работы. Спустя некоторое время стали прибывать первые «праведники», которых принимали добродушные и внимательные роботы. Впрочем, о том, что Платформу населяли роботы никто не догадывался, кроме узкого круга посвященных. Не догадывались об этом и сами роботы, считая себя просто «инкубаторскими». Забегал Яхве и брызжа во все стороны слюной радостно вереща поведал, что по последним данным полиген-С не только хорошо закрепился в ДНК жителей Геи, но и спровоцировал мутацию всей цепочки ДНК-РНК, что в свою очередь привело к ее большей «коммуникативности» нежели прежде.

– Поясни, что это означает? – спросил его Господь.

– Прежде всего, это означает, что практически устраняются все препятствия для скрещивания жителей Геи и нашими, искусственно выращенными антропоморфами.

– В данный момент этот вопрос для нас не слишком актуален. Наши антропоморфы, как ты выразился, посещают Гею в виде сгустков низкоэнергетической плазмы с целями далекими от банального совокупления, – недовольно поморщился Господь, и тут же поинтересовался, как бы между прочим. – А это твое «скрещивание» может давать потомство?

– Это не мое скрещивание, – слегка обиделся тот, – а ваше со стариком Саваофом. А впрочем, не знаю. Тут надо еще исследовать. Мы ведь только констатировали сближение генных структур двух мало похожих рас. Хотя вероятность достаточно высока.

– Слушай, – задумчиво начал Господь, – если удалось произвести транс-мутацию генома достаточную для того, чтобы можно было говорить о получении потомства, то может быть как-то можно провести скрещивание и с представителями нашей расы? Как-никак основа почти одна и та же – кремниевая.

– Что за околесицу ты несешь, друже?! – замахал на него руками Яхве. – Какая еще единая основа?! Наш радиоактивный изотоп отличается от обычного кремния, как небо и земля. А отличие от углеродистых жителей еще больше!

– И все-таки ты посмотри, что можно сделать в этом плане?! Может ли твой полиген и дальше вносить незапланированные изменения в местную «архитектуру»?

– Да. Он постоянно мутирует и прогнозировать его деятельность нам пока никак не удастся... но зачем тебе это на-

до?!

– Я и сам пока не знаю, но ты все же покопай в этом направлении...

– Ты кого там оплодотворять собрался, чадушко?! Она же просто сгорит только от твоего приближения на близкое расстояние.

– Кто она? О ком ты?

– Не знаю. Это же не я, а ты собираешься совокупляться!

– И все-таки, – с нажимом произнес Господь.

– С ума сойти! Сам чокнутый и меня в дурку толкает! Ладно, посмотрю. Но только из чисто научного интереса.

После этого разговора прошло еще какое-то время. Неспешной чередой потянулись месяцы упорного труда всех привлеченных. А их становилось все больше и больше по мере развития эксперимента. За это время произошло лишь одно чрезвычайное происшествие, которое чуть было, не поставило крест на весь эксперимент. А начиналось все до банальности просто.

Очередная проверка, проведенная по линии Министерства на предмет соблюдения правил противопожарной безопасности, поставило на уши, институтское руководство за расхлябанность и разгильдяйство, проявленное в этом вопросе. После этого, естественно, руководство института «взяло под козырек», ну и началось... Напуганные до икоты грозными предписаниями, институтские власти, в свою очередь, разразились целой серией приказов и распоряжений о

«неотложных мерах», «о повышении дисциплины», «об усилении контроля» и так далее и тому подобное. Одно из таких распоряжений безапелляционно настаивало, в целях соблюдения норм пожарной безопасности, на обесточивании всех систем в случае их бесконтрольного использования. И тут, как на грех, подвернулся такой случай. С вечера, дежурный оператор, назначенный следить за установкой Прямого Ротонного Луча, был весь как на иголках. Дело заключалось в том, что в эту ночь его жена собиралась осчастливить его прибавлением в семействе. Да не просто прибавлением. Она собиралась принести сразу «тройню», что на Сирении считалось крайне редким случаем. В этой связи будущий счастливый отец проявлял естественное беспокойство. Не доверяя скучным мнемограммам от врачей-акушеров, и изнывающий от, кажущейся ему безызвестности, он не нашел ничего лучшего для себя, как сорваться с места и не предупредив никого ринуться в роддом. Впоследствии, в качестве оправдания за свой поступок, он заявлял, что просто забыл от волнения предупредить коллег о своей отлучке, наивно полагая, что быстренько все узнает и вернется назад, а с установкой де ничего не случится за каких-то полчаса, если она бесперебойно функционировала уже более двух сотен лет. Не предусмотрел он только одного, а именно, случайности. А случайность не замедлила явиться в лице уборщицы – тети Барны, которая раньше никогда не приходила убираться в подвальное помещение ночью, а всегда это делала днем –

в рабочее время. Но в этот день она замешкалась на уборке других участков и вспомнила, что не убиралась в подвале, только на ночь глядя. Тетя Барна была пунктуальным и честным работником, поэтому, невзирая на время суток, решила незамедлительно исправить свою оплошность. Войдя в подвальное помещение со всеми своими машинами по влажной и сухой уборке, и обнаружив везде свет и работающую аппаратуру, перемигивающуюся огоньками на пульте, только в негодовании покачала головой. Через двадцать минут, когда кибер-уборщики закончили свою деятельность и доложили ей об окончании работ, тетя Барна, вдруг вспомнив текст грозного распоряжения об обязательном обесточивании безнадзорных помещений, не посмела сопротивляться бюрократическим изыскам и поэтому решительно опустила рукоять рубильника вниз на главном щите. Похвалив себя за проявленную бдительность, тетя Барна покинула помещение, тихо прикрыв за собой дверь. Еще через двадцать минут запыхавшийся, но счастливый уже отец троих близняшек, вернулся на свое рабочее место. Истощенный мыслезов дежурного, словно набатный колокол подбросил Господя в постели среди ночи. Вскочив, как ужаленный, он некоторое время никак не мог прийти в себя и осознать, что же произошло в лаборатории. А когда все-таки сообразил, то пулей в одной пижаме (мама с детства приучила его спать в ней, считая, что спать в одних трусиках – верх неприличия) выскок из дома и припустил на полной скорости до ближайшего

телепорта, распугивая своим видом редких ночных прохожих. Зрелище, представшее его взору, было поистине кошмарным. Обесточенный пульт, погасшие экраны наблюдения и тишина неработающего генератора ротонного излучателя. Запустить самостоятельно генератор, им – сиренийцам далеким от техники не представлялось возможным. Пришлось срочно будить Одина. Тот прибыл через полчаса, злой и не выспавшийся. Наорал на нерадивого дежурного, наорал на Господя, наорал на всех собравшихся в этот ночной час. Все оказалось гораздо хуже, чем представлялось в самом начале. Это только выключить аппаратуру было простым делом. Включение же требовало заново разогнать реактор, настроить параметры и сфокусировать Луч в направлении Геи, которая за это время переместилась в другое место. На все требовалось время и немалое. Утром пришли специалисты из лаборатории Одина. Приходилось все начинать заново. Раненым зверем в клетке, метался Господь по подвалу, не находя себе места от неизвестности того, что там происходит в это время на Гее. А на Гею пришло Великое оледенение. Как ни торопились с пуско-наладочными работами, а на разгон реактора ушло два дня, еще один день ушел на уточнение телеметрии и фокусировки Луча. За это время на Гее прошло почти три года. К моменту возобновления трансляции, в подвал набилось изрядное количество как непосредственно занятых в эксперименте, так и сторонних наблюдателей, среди которых была и тетя Барна, искренне пере-

живающая за все произошедшее. Когда включились обзорные экраны, Господь сначала даже не понял что собственно на них изображено. Видеокамеры Луча, сориентированные на известные доселе поселения людей, ничего не могли показать. Всюду куда не кинь глаз, простиралась белоснежная ледяная пустыня, с торчащими кое-где торосами. Сердце больно сжалось в груди, от увиденного. Общую картину выдавал центральный экран, на котором изображалась полностью вся планета. Две белоснежные шапки льда, идущие навстречу друг другу от полюсов, словно стальные клещи, сжимали планету, простираясь до субтропиков.

– Дайте укрупненное изображение границы ледяного покрова, – скомандовал Господь.

Операторы защелкали тумблерами и изображение начало стремительно укрупняться. Когда глаза присутствующих привыкли к режущей белизне льющейся со всех экранов, наиболее зоркие из них стали замечать тонкие и редкие вереницы людей тянущиеся по снежному полю к пока еще не занятой льдом земле. Закутанные во что попало, люди с изможденными от голода и холода лицами, брели в снежной пустыне, неся на руках детей и стариков на волокушах. Некоторые, не выдержав изнурительного путешествия, ложились прямо в снег и застывали, превращаясь в ледяные статуи. Многие падали вместе с детьми. Идущие следом, почти не обращали на них внимания, осознавая, что через несколько часов и они также упадут, и дети, которых они сейчас несут

тоже замерзнут на телах своих родителей. Оледенение и люди двигались с одной скоростью, поэтому со стороны казалось, что они просто топчутся на месте, вяло перебирая ногами. Где-то в углу подвала всхлипнула и шумно высморкалась в полы своего халата тетя Барна:

– Детушек! Детушек-то как жалко! Что же я натворила окаянная! Нет мне теперь прощения, – причитала она по бабьи, утирая слезы тыльной стороной ладони.

Никому не хотелось как-то успокаивать или отвечать пожилой женщине. Все было понятно и так. И только профессор Саваоф, скрестив на груди руки, негромко произнес, не обращаясь ни к кому конкретно:

– Вот к чему иногда приводит бюрократизм одних, безответственность других и ложная сознательность третьих.

Двое непосредственных виновных еще ниже склонили свои головы. По предварительным подсчетам сканирующей аппаратуры, в живых оставалось всего около ста тысяч человек, поселения которых были сосредоточены в Центральной Африке и Юго-Восточной Азии. Беженцы с севера евроазиатского материка могли к этой цифре добавить еще максимум двадцать тысяч.

– Один! – крикнул Господь. – Сделай же что-нибудь! Включи Луч на максимум!

– Нельзя, – глухо отозвался тот и добавил, поясняя, – он и так работает в оптимальном режиме на разогрев застывшего металлического ядра планеты. Если мы еще прибавим мощ-

ности излучения, то рискуем просто спалить ее. Надо ждать. Люди почувствуют тепло уже через несколько часов по нашему времени. У них там пройдет около месяца.

– Понятно. Извини, – ответил Господь, покусывая свои, сразу потрескавшиеся губы.

– Но не это самое страшное, – вдруг продолжил Один, все таким же сумрачным голосом.

– А что?! – десятки глаз в страхе скрестились на его большой и неловкой фигуре.

– Самое страшное, – закончил за него профессор, – что немного погодя начнется невероятный потоп от растаявшей так быстро воды.

– Да, – согласился Один, – потопа не избежать никак.

– Нам еще Всемирного Потопа тут не хватало! – в ужасе воскликнул Господь.

– А после потопа, разлагающиеся в большом количестве туши животных принесут эпидемии, – вороном прокаркал профессор.

– Один! – опять обратился Господь к другу. – Тогда может быть уменьшить энергию Луча?

Один отрицательно покачал головой:

– Если мы уменьшим энергию Луча, то его мощности не хватит на разогрев ядра. Да и опасно все время то убавлять, то прибавлять мощность. Оно и сейчас там гудит, как колокол, а при изменении мощности войдет в неконтролируемое раскачивание и тогда может просто взорваться.

Господь, отошел в сторону и закрыв лицо руками, стал что-то шептать неразборчивое. Лишь стоящие рядом с трудом смогли разобрать обрывки прошептанных фраз. Это была старинная молитва о принятии на себя чужих прегрешений... Тот, кто произносил эту молитву, добровольно принимал на себя не только все грехи окружающих, но и брал на себя ответственность за все происходящее с ним и от его имени. Это была страшная молитва, ибо нарушение ее обета влекло на молящегося неотвратимую и скорую смерть. По старинным верованиям сиренийцев на такую молитву можно было решиться только единожды в жизни, так как это требовало невероятного мужества. Постепенно до окружающих стал доходить смысл шепота Господя. Они разом отступили к стенам, оставив его в центре образовавшегося круга. А затем, молча, как по команде, преклонили перед ним свои колени.

XXI

Вернувшись с мероприятия домой, Захария, все никак не мог успокоиться. Он постоянно возвращался мысленно только что прошедшему событию и смаковал особенно понравившиеся моменты. Наверное еще никогда не чувствовал он себя так легко и свободно как сейчас. Есть не хотелось, смотреть визор тоже, потому что боялся отвлечься от столь приятных воспоминаний. Принял душ, смывая приятную уста-

лость и напряжение последних двух суток. Видя, как подкапывает вода из крана с горячей водой, дал себе слово, что в ближайшее время устранил неполадку. Лег в постель, приятно ощутив скользящую прохладу шелковой простыни, попутно отметив, что это его первая ночь, которую он проводит дома, лежа на мягкой и удобной кровати. Заставил себя закрыть глаза, но сон упорно не хотел приходить, а воспоминания все возвращали и возвращали его в минувший вечер. Уснул лишь под утро. Да и то снились какие-то кошмары. То снилась Инесса, почему-то вся в крови, зовущая его и протягивающая к нему окровавленные ручки, то снился Колобок с бездонным взглядом обжигающего холода, то ухмыляющийся в недоброй усмешке шеф. Несколько раз просыпался и снова погружался в кошмарную круговерть. За всю свою жизнь, или правильнее будет сказать за все свои жизни, Захария только последнюю тысячу лет стал видеть сны. До этого он был лишен этой возможности по неизвестным причинам. И надо отметить, что дар сновидений не принес ему какого-то удовлетворения. Напротив, он с радостью бы отказался при первом же случае от этой возможности, так как они всегда, или почти всегда приносили с собой неприятные видения.

Опять проснулся поздно. Поглядел на часы. Время было далеко за полдень. Вставать не хотелось. До шести вечера, на который была назначена неофициальная аудиенция у Гавриила, еще оставалась куча времени, которое надо было как-

то потратить. Злость на шефа из-за его непонятных интриг улетучилась, превратившись в простое недоумение – еще ни разу за всю жизнь он не возвращался домой в качестве нежелательного объекта. Злобы не было, а обида осталась. Но тут, как ни крути, а поговорить с ним начистоту все же придется. Не вылезая из постели, протянул руку к тумбочке, где стоял комтор. Накануне вечером из-за желания выспаться, как следует, он поставил его в беззвучный режим, поэтому поднеся его сейчас, к не до конца раскрытым глазам, обнаружил несколько пропущенных вызовов и текстовых сообщений. Он надеялся среди них отыскать звонок или сообщение от Ирии, но, увы. Сообщения были от коллег по работе и знакомых, поздравлявших его с очередным званием и высокой наградой. Что же касалось пропущенных звонков, то, как передал автосекретарь, все они были от корреспондентов газет и телевидения с просьбой дать интервью. «Gloria mundi», – хмыкнул про себя Захария. Покряхтывая, как старый дед, Захария все же встал с кровати и босыми ногами прошлепал в ванную, где, наконец-то дал себе волю налегаться в теплой пенной воде никуда не торопясь и стараясь ни о чем не думать. Выйдя из ванной, в которой позволил себе нежиться почти целый час, надел халат и пошел на кухню, попутно доставая карточку из вороха парадных одежд, сваленных кучей в прихожей (орден и венец он еще с вечера аккуратно снял и положил в комод, к остальным регалиям). Так как время уже было обеденное, то решил подзаправиться основательно, для

чего заказал суп из омаров и осетровое филе, слегка обжаренное в сметане, пирожное-безе, двести пятьдесят грамм белого столового вина «Барон Родеро» и стакан цейлонского чая с лимоном. Пить чай, после вина была варварская привычка, приобретенная им в России, о чем он, впрочем, ни капли не сожалел. Через пять минут, когда заказ пришел, он сложил аккуратно посуду с содержимым на поднос и отнес все это в гостиную, составив на невысокий столик. Не любил есть в тишине и одиночестве, поэтому в качестве сотрапезника выбрал себе визор, который тут же и включил. Пока неспешно насыщался, просматривал новости. С интересом прослушал полное пафоса интервью с кандидатами в члены отряда космонавтов Первой Межзвездной Экспедиции, которая должна была направиться к одной из планет Тау Кита, откуда недавно уловили осмысленные сигналы. «Вот и сбылась ваша мечта Владимир Семенович» – с легкой грустью подумал он о великом барде. И тут же добавил про себя: «Эх, ребята, и куда же вас нелегкая поманила...» Затем пошли кадры репортажа со вчерашней церемонии награждения, и ему пришлось посмотреть на себя в коем-то веке со стороны. Фимиа в адрес награжденных, раскуриваемый комментатором буквально сочился сквозь экран визора, вгоняя Захарию в неложное смущение. Он пытался отыскать взглядом Ирию среди присутствовавших в зале, но оператор не стал останавливаться на лицах приглашенных гостей, а сосредоточил свое внимание исключительно на лауреатах. Покон-

чив с обедом и расплатившись, он посмотрел на часы. До назначенного времени было еще три часа. Вышел во двор, где его еще с четверга ждала «ласточка». Распахнул ворота, не запираемого гаража. Сел за руль и осторожно вогнал машину внутрь. Судя по дыму из выхлопной трубы, настало время для чистки карбюратора. Почти тридцать лет, ожидавшая его на открытом воздухе «шоха», решила вдруг проявить свой характер. Возиться со снятием карбюратора не хотелось, а аэрозоля для экспресс-очистки у него, насколько он сам помнил, не было. Не планируя больше никаких поездок на автомобиле в ближайшем будущем, он слил при помощи электронасоса остатки бензина в пустую канистру, отсоединил и поставил на пол аккумулятор. Погладив еще раз свою машину, вышел из гаража. Не спеша побрел в дом – переодеться. Нужно еще было заскочить в магазин, а то как-то неловко являться в гости без подарков. Сначала хотел было одеться по-простому, в футболку со спортивными штанами, но потом все же решил более консервативно подойти к этому вопросу, ибо как-никак, а Олимпиада Дормидонтовна заслуживала к себе куда как большего уважения, да и дама все-таки, хоть и гвардейских статей. Из не особо обширного гардероба выбрал рубашку кремового цвета и серые брюки с ремнем, к которому прицепил поясную сумку. Положил туда карточку и флэшку, забыв, что шеф чурается техники, как черт ладана. По причине субботнего дня народу на улице и возле телепортеров было немало. Поэтому минут два-

дцать пришлось подождать своей очереди, прежде чем очутиться у дверей большого магазина с названием «Сувениры и подарки. Для родных и близких». Насчет подарка шефу он не стал долго ломать голову, поэтому сразу прошел в отдел коллекционных напитков. В отличие от других отделов, здесь было относительно спокойно, потому что выкладывать сумасшедшие деньги за бутылку раритетного напитка, желающих было мало. Именно поэтому молодая девушка, сидевшая за прилавком и читающая какой-то женский журнал, не обратила сразу внимания на неожиданно появившегося покупателя.

– Девушка, – обратился он к ней, – не можете ли вы мне подобрать что-нибудь этакое экзотическое.

Девушка медленно подняла голову, как бы нехотя отрываясь от увлекательного чтения. В ее глазах плескалось явное недоумение. Видимо покупателей в ее отделе и самих можно было записать в раритетные и коллекционные.

– Вы и вправду хотите что-то здесь приобрести?! – все еще не веря своим глазам, спросила она.

– Да, – подтвердил он, – а что, разве нельзя? Или тут только выставочные образцы?

– Можно, конечно, просто тут все такое дорогое...

– Цены меня не пугают, а вот глаза разбегаются в разные стороны, – с улыбкой проговорил он.

– Что вас интересует? Коньяк, бренди, виски, ром, водка? Или может что-нибудь из вин?

Захария был осведомлен о любви шефа к марочным выдержанным коньякам, поэтому не задумываясь назвал:

– Пожалуйста, что-нибудь из коньяков.

– Вы себе или в подарок?

– В подарок.

– Извините, а позвольте узнать возраст одариваемого? – спросила она и добавила. – Это чтобы мне легче было ориентироваться в выборе.

– Возраст?! – задумался на секунду Захария. – Что-то около восьми тысяч.

– Ого?! Кто-то из первых?!

Захария кивнул.

– Райанцу такого возраста нужен коньяк особо долгой выдержки, – задумчиво произнесла она. – Я могу вам предложить «Камю» или «Братья Года», у них выдержка около ста лет. Вот посмотрите.

С этими словами она пошарила рукой под прилавком и достала красочные буклеты с описанием и ценой названных напитков. Захария небрежно полистал глянцевые страницы и сказал:

– Это конечно хорошие коньяки, в чем я ни капли не сомневаюсь, но мне хотелось бы что-нибудь оригинальное и эксклюзивное.

Девушка сдвинула бровки к переносице, изобразив усиленный мыслительный процесс.

– Есть «Реми Мартин», но не знаю, подойдет ли? – с боль-

шим сомнением в голосе произнесла она.

– А что с ним не так? – поинтересовался Захария.

– За двадцать лет, что я здесь работаю, мне ни разу не удалось продать ни одной бутылки. Правда, у нас их всего две штуки.

– В чем подвох? – насторожился он.

– Никакого подвоха! Просто цена безбожная! – со смехом проговорила она.

– Сколько?

– Двадцать тысяч! – сделав страшные глаза, полушепотом выдохнула она.

– Покажите, – попросил он ее.

– Вы, что, серьезно будете брать?! – уже с неподдельным страхом выпучила она свои глазки на явно сумасшедшего покупателя.

– Сначала покажите, а там решим, – подмигнул он ей.

Девушка (женщина) мигом упорхнула куда-то в подсобное помещение и вернулась через минуту, прижимая к груди, словно любимого младенца, пыльную бутылку с выцветшей от времени этикеткой. Вид у бутылки был не то чтобы непрезентабельный, а просто какой-то неказистый, но Захария по своему опыту знал, что настоящие раритеты выглядят именно так, а никак иначе. Повертев бутылку в руках и так и этак, сказал решительно:

– Беру. Упакуйте обе.

– Обе?!

– Да, – уверенно повторил он, с опаской глядя на продавщицу, готовую потерять сознание. – А, что?!

– Я не знала, что к нам в Рай разрешили принимать детей Рокфеллера!

– Да нет, все в порядке, – улыбнулся он ей, – у нас по-прежнему легче верблюду пройти через игольное ушко, ну вы сами понимаете... Местный я. Просто решил шикануть. Вот, возьмите карточку.

Продавщица, молча и медленно, как сомнамбула взяла карточку и приложила ее лицевой стороной к экрану терминала.

– Подождите, я сейчас принесу вторую и упаковку, – сказала она, возвращая карту несостоявшемуся наследнику дома Рокфеллеров, и вышла.

Еще через минуту вышла, неся вторую бутылку и две оригинальных коробки. Помогая укладывать драгоценный напиток по коробкам, поинтересовалась:

– Может быть, вам еще что-то нужно?!

– Да. Но боюсь уже не в вашем отделе.

– А в каком?!

– Мне надо еще что-нибудь для женщины. Правда, я и сам пока не знаю чего именно.

Продавщица испытующе посмотрела ему в глаза, а потом махнув рукой, сказала:

– Ладно. Давайте я пойду с вами, помогу. А то знаю вас, мужиков, купите такое, что и не приведи Господь.

– Галя! – крикнула она в конец отдела, где стояла еще одна скучающая продавщица среди вин и шампанского. – Посмотри тут за меня! Я скоро вернусь!

С этими словами она решительно вышла из-за прилавка, прихватив по дороге пакет, куда помогла засунуть обе коробки. Он не стал возражать, здраво рассудив, что женская помощь в таком деликатном деле будет весьма кстати.

– Идемте! – распорядилась она, подхватывая его под руку.

Пройдя, не останавливаясь мимо отделов с подарочной косметикой и бижутерией, инициативная помощница, буквально на себе, приволокла щедрого покупателя в ювелирный отдел. Отдел был роскошен. В вертикальных витринах, сияя и переливаясь всеми цветами радуги, присутствовали драгоценности, которыми не побрезговали бы ни английские королевы, ни русские императрицы.

– Сколько ей? – спросила она.

– Не понял. Что вы сказали? – отвлекся он от лицезрения сверкающих самоцветов.

– Я спрашиваю, сколько лет той, кому вы хотите сделать подарок? И кто она вам будет?

– Сколько лет, говорите?! – задумчиво почесал он макушку. – Две-то тысячи наверное точно будет, а уточнять я у нее не могу, женщина все-таки.

– Не родня, стало быть, раз точно не знаете?! – попробовала уточнить настырница.

– Нет. Супруга шефа, – пояснил ситуацию он.

– Шефа подмазать хочешь? – перейдя на «ты» выразила она свою догадку.

– Да ну что вы?! Нет, конечно! – не согласился он, хотя уши его при этом слегка порозовели.

– Ну, тогда и нечего сильно тратиться на нее! – резюмировала добровольная помощница. – Побереги деньги-то! Чай в доме еще пригодятся. Выглядит то она на сколько, если по-земному?

– Лет на пятьдесят или чуть больше, – уже более уверенно произнес Захария.

– Откуда родом-то будет? – продолжала она допытываться у него.

– Из Малой Азии. Ассирия или Антиохия. Точно не скажу. Не знаю.

– А по гороскопу?

Захария, молча, развел руками, давая понять, что и в этом вопросе он не Копенгаген.

– А какие украшения она носит обычно? – не унималась та.

Захария задумался, вспоминая, какие из женских украшений он видел когда-то на теле дородной Олимпиады Дормидонтовны, но как не силился, ничего не смог припомнить кроме маленьких сережек из янтаря и перстенёчка из того же камня, да и то, насколько он помнит, появились они только в последнее столетие.

– Вроде как янтарь ей нравится, – не слишком уверенно

промямлил он.

Продавщица ювелирного отдела, стоявшая рядом, скуксилась:

– Природного янтаря у нас нет. Сами понимаете, планета молодая, а значит, реликтовых хвойных лесов тут не было. Могу предложить только искусственный.

– Давайте, – согласился он.

– Идемте. Янтарные изделия у нас здесь, – сказала она, подводя его и спутницу к невзрачному прилавку в самом дальнем углу зала.

Здесь на специальных лотках лежали бусы, серьги, кольца, кулоны и прочая мелочевка. Взгляду было не за что зацепиться. Рядом недовольно сопела спутница.

– Вам чистый янтарь или с вкраплениями? – спросила продавщица. – С вкраплениями дороже.

– Эээ... Видите ли, девушка, я честно говоря не очень в этом разбираюсь, – начал он, но осекся, потому что его прервала помощница.

– Вкраплениями считаются мухи да тараканы, которых при варке смолы опускают туда, чтобы, дескать, древность показать, – пояснила она Захарии. И уже обращаясь к своей коллеге, повелительным тоном сказала той:

– Ты, Людк, вот что. Не втирай нам очки, почем зря, а лучше доставай, что там у тебя есть в загашнике. Да поживее, клиенту некогда тут с тобой рассусоливать.

Та, которую называли Людкой, фыркнула недовольно, но

перечить не стала, а молча, полезла под прилавок. На свет стали появляться лотки с такими великолепными изделиями, что у Захарии, который немало повидал драгоценностей на своем веку, даже перехватило дыхание. Тут были великолепные колье, ожерелья с крупными и чистыми камнями, сияющими осколками солнца на своих округлых гранях, диадемы и перстни, браслеты и височные кольца. Не зная, что и выбрать из этого великолепия, он с мольбой воззрился на свою нежданную спасительницу. Та его сразу правильно поняла.

– Давай полный гарнитур! – тоном царицы Савской приказала она своей коллеге и тут же посмотрела на Захарию, как бы спрашивая у того согласия. Тот не замедлил быстро-быстро закивать.

– Да шкатулку, чтоб на бархате! – присовокупила она.

– Ладно-ладно, – согласилась та. – С вас восемь сотен.

– Что так дешево? – удивился Захария.

– Искусственные. Проходят по классу – бижутерии, – охотно пояснила ему помощница.

Расплатившись за покупку и уложив ее в тот же пакет, Захария с чувством невыразимой благодарности обратился к своей спутнице:

– Что бы я без вас делал?! Вы меня так выручили...

– Да ладно, чего уж там?! – засмушалась вдруг она. – Это вы мне квартальную выручку сделали, так что тут еще посмотреть, кто кому должен быть благодарен.

– Мне еще надо цветов купить... Как вы считаете?! – спросил он.

– Цветы у нас в левом крыле продают, ну это вы уж как-нибудь без меня управитесь, а мне далеко уходить от своего отдела не с руки, – со смехом сказала она, и повернув Захарию лицом к левому крылу магазина, легонько толкнула его в спину.

С цветами проблем не было. Он хорошо знал вкусы супруги Гавриила. Она обожала белые лилии. Захария при каждом удобном случае старался дарить эти цветы, с радостью наблюдая, как неприступное лицо шефовой секретарши расплывается в улыбке, а слезы умиления дрожат в уголках ее глаз.

Без десяти минут шесть вечера, он уже стоял у не очень большого – в семь окон по фасаду, но весьма уютного и красивого с небольшими по объёму дорическими колоннами, двухэтажного дома. Говорят, что точность – вежливость королей. Захария, резонно считая, что пунктуальность хороша только в служебной обстановке не стал причислять свою скромную персону ни к одному из королевских домов, поэтому просто вломился в незакрытую дверь. Просторная и светлая прихожая встретила его ароматными запахами от пекущихся пирогов с обещанной черникой, следовательно, его ждали. Гавриил в спортивных трениках и майке с пятном на пузе от черничного сока, улыбаясь, раскинул руки, готовясь обхватить ими в объятия долгожданного гостя, встре-

тил подчиненного, так как будто стоял у окна в его ожидании. «Ну вот, а я выряджился» – с досадой подумал Захария, скорчив донельзя приветливо свою физиономию.

– Эй, мать! – гаркнул иерихонской трубой Гавриил. – Иди быстрее сюда! Смотри, кто к нам пришел!

На его возглас вошла, нет, всплыла, как колумбовская каравелла под всеми парусами хозяйка дома, вытирая на ходу руки об фартук и улыбаясь своим широким добродушным лицом.

– Захария! – воскликнула она. – Пришел! Вернулся! А я то, все ждала!

Захария с занятыми руками слегка растерялся, как ему поступить, но ему на выручку пришел сам шеф, авторитетно заявив:

–Бабе – цветы! Дитям, то есть мне любимому – мороженое! – раскусив, что подарки в пакете не только для жены. Захария, смеясь, тут же одной рукой вручил букет Олимпиаде, и та, смущаясь, как девочка, погрузила в него свое лицо, вдыхая аромат так любимых ею цветов. Освободившись от букета, полковник, смущаясь не меньше хозяйки, вытащил на свет большую шкатулку, так же протягивая ее красной, как девица на выданье бывшей своей сослуживице. Та, охнула:

–И это тоже мне?! – и тут же заметалась, забегала, срочно ища, куда бы пристроить букет. Наконец нашла подходящую вазу, быстренько сунула туда цветы, мысленно приказав себе

не забыть, потом налить туда воды. Когда это было сделано, она опять уже с какой-то робостью подошла, к все еще протягивающему ей шкатулку, Захарии.

– Вот, – смущаясь не меньше хозяйки, выдавил он, – подбирали всем отделом магазина. Сказали, что это должно подойти к вашему имени...

Приврал, конечно, но как-то само вырвалось. Дрожащими от волнения руками она кое-как отщелкнула застёжки на шкатулке и тут же, как будто солнечный свет с яркостью прожектора ударил ей в лицо, и оно засияло отраженным светом. Зрелище было настолько восхитительным по своей красоте, что все присутствующие замерли в оцепенении. Великолепие подарка поражало. Гавриил с немим восторгом переводил взгляд с чудесных камней на не менее чудесно преобразившееся лицо своей супруги. Оно вдруг помолодело и стало юным и беззащитно одухотворенным, как тогда, когда он встретил ее молодой и красивой гречанкой. По ее лицу тоже было видно, что сейчас она находится далеко-далеко, во времени и пространстве, там, где ласковое море шуршит галькой у ног и Солнце золотит кожу своим прикосновением.

– Электрон! Камень моей родины – Греции! – с придыханием прошептала она и слезы счастья и благодарности бриллиантами засверкали в уголках ее глаз. – Захария, милый! Ты даже не представляешь, что ты сделал для меня! Неужели ангелы действительно есть на свете?! – с этими словами она потянулась к нему и крепко поцеловала прямо в тут же

подставленную щеку.

Гавриил, стоявший справа от нее гыгыкнул:

– А ты мать сомневалась в этом?!

Жена медленно оглядела мужа, особенно его торчащий из штанов животик, которого у него не было до женитьбы, с пятном на майке и, вздохнув, произнесла:

– Да какие из мужиков ангелы?! Так, видимость одна. Но теперь я знаю, что есть исключения и из этого правила, – переводя взгляд на Захарию, медленно проговорила она.

Гавриил, перехватив взгляд супруги, задержавшийся на его естественной выпуклости, правильно все понял, и попытавшись приосаниться, обиженно шмыгнув носом проворчал:

– Сначала раскармливают до безобразия, а потом претензии какие-то предъявляют...

Чтобы хоть как-то скрасить неловкость момента, Захария снова полез в пакет и достал оттуда одну коробку с коньяком.

– Ну-ка, ну-ка, – в нетерпении от того, что, наконец и до него дошла очередь запотирал ладошки архангел, – что это там у нас такое?! Ба-а-а! Да это никак коньяк?!

– Так оно и есть! – подтвердил Захария.

Вынув бутылку из коробки, Гавриил отставил ее от лица подальше, чтобы как следует прочесть надписи на этикетке. С возрастом зрение архангела несколько ослабло и стала проявляться старческая дальновзоркость, но он старался не показывать этого своим подчиненным, а идти на коррекцию

зрения, откровенно говоря, боялся, потому что был отчаянным трусишкой и в медицину не особенно верил. Гавриил хорошо разбирался в марочных элитных напитках, поэтому разглядев этикетку, ахнул:

– Батюшки! Это сколько же деньжищ ты на нее ухлопал!?! Совсем с ума сошел! Да за такую цену он нам с тобой в глотку не полезет!

– А и не надо! – осклабился подчиненный. – Пусть он у вас в шкафчике постоит! А мы другую разопьем, – и он вытащил вторую коробку из пакета.

Изумлению шефа не было предела. Он только делал хватательные движения губами, как рыба, пытающаяся заглотить наживленного на крючок червя. Когда же хлопанье губами перешло в речь более-менее понятную для слуха, Захарий смог разобрать слова:

– Где брал?!

– В «Сувенирах». На углу Крестовоздвиженской и Водопьянова, – охотно подсказал он шефу.

– Был там пару лет назад, – кивнул тот, – приценивался, да духу не хватило взять. Как Липочку свою представил со скалкой, так и не хватило. Это ж полугодовая моя зарплата!

– Деньги – зло! И нам ангелам, как можно быстрее надо с ним расставаться! – со смехом возразил он архангелу.

– Ой, да что же мы тут стоим?! – закудаhtала семипудовая Липочка. – Ровно нехристи какие! Идите, мужики, в зал, а я сейчас живо там накрою. А ты, – обратилась она к мужу, –

хоть бы оделся ради такого случая. Срам смотреть на тебя! Вона погляди, как путевые то люди одеваются, – указала она на полковника.

– Сама виновата! Знала же, что к шести придет. Почему не дала мне ничего надеть? – стал неловко оправдываться архангел за свой затрапезный вид.

– Ох ти ж мне, бедной! Может еще и одеть тебя надо было самой? – замахнулась она на него шкатулкой.

– А хоть бы и так! Я мужчина солидный. В летах. В начальниках хожу. Мне ли думать о мирском и приземленном?! – гордо выпятив пузо, пророкотал он.

Так, переругиваясь в шутку, они и вкатились в большой с высоким потолком в готическом стиле зал столовой, где в окружении дюжины мягких стульев стоял уже накрытый белоснежной скатертью длинный овальный стол. Пока Захария примерялся с какого края удобнее пристроиться, шеф, оставив одну из принесенных бутылок на столе, вторую поспешил убрать в бар, что высился в дальнем конце комнаты. Он был скуповат, и с годами это явственно проявлялось, приобретая иногда анекдотичные формы. Вернувшись, указал Захарии на место с ближнего края стола, так, чтобы сидеть напротив и поближе друг к другу. Место во главе стола оставили для хозяйки. Та не заставила себя долго ждать. Сначала на столе появилась большущая тарелка с толсто нарезанными ломтями белого, с хорошо пропеченной верхней корочкой хлеба. Затем к ней почти тут же присоединилась, в

такой же громадной кастрюле, разварная стерляжья уха. Она источала из-под крышки головокружительный аромат густого и хорошо сдобренного специями варева. Захария уже ел сегодня рыбные блюда, но от этого запаха у него засосало под ложечкой. Пока мужчины разливали себе и хозяйке половником по тарелкам уху, крикая и постанывая от предвкушения кулинарного изыска, хозяйка уже несла на подносе гигантских размеров пирог толщиной едва ли не в две мужских ладони. Захария, как галантный кавалер, кинулся было на помощь хозяйке, но та только хмыкнула, уверенно ставя на стол поднос с содержимым. Гавриил тем временем со знанием дела уже орудовал штопором. Далее, в том же темпе на столе стали появляться салаты, пирожки, икра растительная, пирожные, фрукты соленые грибы и квашеная капуста, сало, мясная нарезка, печенье, конфеты и прочие аппетитные вещи, количество которых было рассчитано не на троих, а как минимум на взвод голодных стройбатовцев. Наконец, мужчинам надоело мелькание хлебосольной хозяйки, и они с силой усадили ее во главе стола.

Вопреки ожиданиям Захарии, архангел не стал пока открывать принесенную гостем бутылку, а откупорил белое столовое вино, резонно заметив, что коньяк с горячими блюдами не употребляют. Гавриил знал в этом деле толк. Он разлил всю бутылку по трем высоким и вместительным фужерам, а затем встал для произнесения тоста, остальные поддерживая его порыв, присоединились:

– Ну, вот Захарушка ты и вернулся домой из дальнего похода через пространство и время, как чайный клипер возвращается к родным берегам. Начав свою трудную и опасную службу с юнги, ты повзрослел, возмужал, заматерел и вот уже перед нами не юнга, а капитан, твердо стоящий на палубе своего корабля. Твой характер всегда звал тебя в походы, навстречу бурям и ветрам во имя великой цели! Ты всегда шел против ветра и всегда добивался своего, возможно в этом и состоит твоя правота. Вот и сейчас я чувствую, что корабль твоей судьбы ненадолго задержится у родного причала. Ну что ж, тогда пусть ветер сильнее дует в твой кливер, но компас твоего сердца пусть никогда не устает показывать дорогу домой!

Чокнулись все втроем. Выпили до дна. Все расчувствовались от таких простых, но проникновенных слов. Даже Захария, до этого момента, решительно настроенный, на предельно честный и откровенный разговор с шефом, как-то обмяк. Он уже без всякого энтузиазма воспринимал предстоящую беседу.

– А что это ты старьёй, вдруг заговорил о море да кораблях, вроде моряком-то и не был никогда?! – недоуменно спросила Олимпиада, хоть и расчувствовавшись, но, так и не поняв сути туманного тоста.

– Все мы мать в какой-то мере корабли, а море – суть наша жизнь, – ответил он своей супруге и принялся бодро орудовать ложкой, прихлебывая и покрякивая.

Чтобы как-то развеять минорное настроение, навеянное гаврииловым тостом, Олимпиада Дормидонтовна обратилась к Захарии:

– А ты ведь прав был Захарушка, когда говорил, что имя мое очень хорошо подходит под эти камни. Божественный ведь камень, цари Эллады всегда носили их оправленными в свои короны. И имя мое от горы, где сидели Древние боги. Неспроста же именем моим нарекли мать Александра Македонского. В мою, стало быть, честь, нарекли то.

Мужчины дружно закивали головами, не споря с хозяйкой, хотя прекрасно знали, что жена Филиппа II родилась, чуть ли не на триста пятьдесят лет раньше нее. Постепенно обстановка за столом разрядилась и перемежаясь со стуком ложек пошли разговоры более приземленной тематики. Говорили в основном Олимпиада и Захария. Хозяйка интересовалась последней его командировкой, спрашивая то одно, то другое. Полковник охотно отвечал на общие вопросы, старательно уклоняясь от тех, что касались его личной жизни. Она еще немного повздыхала о своей прежней работе на посту бессменного секретаря. Вспоминали общих знакомых по работе. Гавриил рассказал, о том, как хорошо смотрелись Захария с Ириией на церемонии вручения награды, и как ладно танцевали после этого. Супруга в великом сомнении поджимала губы, с одной стороны соглашаясь, что де пора «ясну соколу» обрести свою любушку-голубушку, а с другой стороны выражая сомнения по поводу молодости возможной

избранницы:

– Вот она, молодежь-то какая нынче ловкая да хваткая пошла, – с ноткой осуждения говорила она, – вот только восьмой десяток разменяла, а уж не терпится замуж выскочить. Словно чешется у них там между ног, прости Господи! Вчера встретились, а уж на завтра в ЗАГС бегут, как настеганные! Не то, что мы бывало. И посиделки устраивали, и в гости ходили, и с родителями знакомили. Так то ведь по правильно-му должно быть.

– Что же им с нас пример что ли брать?! – не согласился с ней супруг. – Полторы тысячи лет ходить вокруг да около. Все желанье пропадет.

– Плтры тышаши!?! – с набитым ртом воскликнул Захария, притворно выпучивая глаза. – Ш меня уфэ пысок пошиплетша!

– А что?! С меня, что ли он уже сыпется?! – сделал обиженное лицо Гавриил.

– Не волнуйся ты так, Гаврюша! Он у тебя золотой! – думая, что пришла на выручку мужу парировала она слова Захарии.

– А ты откуда знаешь?! С совочком за мной ходишь, что ли?! – еще сильней обиделся шеф.

Захария, слушая эту перепалку, чуть не подавился от хохота, представив в подробностях эту картину. Разумеется, он понимал, что все эти сценки разыграны специально для него, чтобы поднять настроение и отвлечь от тяжелых дум. Но

все равно было приятно. За разговорами время летело незаметно. Уха была съедена, так же как и салаты, даже громадный пирог ополовинен. Мужчины, поглаживая плотно набитые животы, откинулись от стола. Чувством опытного секретаря Олимпиада Дормидонтовна поняла, что настала пора оставить этих двоих для главного мужского разговора. Может быть, что и самого главного за все время их совместной службы. Понимая, что момент для этого настал, они не дожидаясь, когда хозяйка приберет со стола, разом и не стовариваясь встали и по приглашающему жесту Гавриила направились в соседнюю комнату, где находилась гостиная. Гавриил не забыл прихватить два чистых фужера и сунуть подмышку коньяк. Гостиная была небольшая – диван, стулья, кресла, журнальный стол между креслами. Напротив них расположился экран «навороченного» визора, встроенный в стену и занимавший едва ли не половину ее площади.

– Ну, что Захария, давай выкладывай, с чем пришел, – негромко прогудел шеф, поудобнее располагаясь в мягком и глубоком кресле, и предлагая жестом, последовать его примеру своему подчиненному.

– Вам как, сначала или по порядку?

– Сначала и по порядку.

– Мне трудно это будет сделать без иллюстраций, – полез он в поясную сумку, чтобы достать оттуда флэшку, – а у вас, как я знаю стойкое неприятие технических новшеств...

– Ну почему же сразу неприятие? – возразил шеф. – Я в

меру своих скромных возможностей стараюсь идти со временем в ногу. Что там у тебя? Флешка? Давай.

«Эге, а старик-то далеко не прост, как прикидывался» – подумал Захария, протягивая ему носитель информации. Генерал взял флешку, и встал с кресла, направляясь к визору. Подойдя к тому, воткнул в один из неприметных издаелека портов, затем вернулся, к сидящему Захарии, протягивая пульт от визора.

– На. Включай. Кнопка «пз» – просмотр записи, а дальше все как обычно. Стрелки «назад» и «вперед» – перемотка. В общем, разберешься.

– Разберусь, – кивнул тот.

– Тогда давай, начинай, с Богом! А я пока бутылку открою, – сказал он, вонзая штопор в ее горлышко.

Набрав в грудь воздуха, и слегка прикрыв глаза, как бы окунаясь в воспоминания, он начал:

– Ранним утром, 22 июля 7518-го года, майор Захар Круглов, 34-х лет от роду повел свою единственную и любимую дочь в детский сад. Последний раз. В нашей с ним жизни. Они уже дошли до середины перекрестка, когда... – с этими словами Захария нажал на кнопку пульта, экран осветился, показывая, как высокий мужчина, держа за руку девочку лет пяти, неспешно переходит проезжую часть. С этого момента, время неспешного рассказа понеслось вскачь. Захария старался не придавать эмоциональной окраски своему повествованию, но у него это плохо получалось. Начав его тусклым

и скучным тоном, по мере развития сюжета, оно из перечня сухих фактов и предположений на их основе, превращалось в смесь детектива и мистики. Показывая покадровую съемку событий того утра, он попутно давал пояснения, делал отступления, высказывал, как свои личные гипотезы произошедшего, так и гипотезы Вершинина. Не забыл он вставить в свое повествование и пересказ диалогов Вершинина с Борисовым и информаторием. В каком состоянии были майор и Тацит, когда строили свои гипотезы, Захария благоразумно умолчал. Не забыл он так же процитировать на память и тексты противоречивых приказов, не делая пока никаких выводов по этому поводу. Пока Захария излагал фактический материал, они с Гавриилом успели, молча опорожнить содержимое своих фужеров, мало обращая внимания на вкусовые качества напитка. Выпили не чокаясь. Окончив свой рассказ, Захария замолчал и уставился немигающим взором на Гавриила, приглашая того к участию в предполагаемой дискуссии, но тот молчал, тупо уставившись в экран погасшего визора. Захария поерзал в кресле, чтобы привлечь внимание шефа, но тот упорно хранил молчание. Наконец он не выдержал и спросил:

– Так что вы думаете по поводу всего этого?!

Эти слова, казалось, привели в чувство архангела, он отвел взгляд от экрана, и повернувшись к собеседнику начал по новой разливать коньяк.

– Что ты от меня хочешь? – не поднимая глаз на гостя,

проговорил он сумрачным голосом.

– Я хочу, чтобы вы мне объяснили всю сложившуюся ситуацию и вашу роль во всем этом, – глядя в упор на шефа, произнес полковник.

– Ты меня в чем-то обвиняешь? – не то удивляясь, не то утверждая, в свою очередь спросил тот.

– Я просто хочу, чтобы вы мне объяснили всю подоплеку произошедшего, в котором как выясняется, вы принимали непосредственное участие, – упрямо гнул свою линию Захария. – Сюда же я могу включить и вашу ничем не объяснимую подозрительность в отношении меня, которую вы высказали на прошлой встрече. Я вправе считать эти вещи взаимосвязанными.

– А что, собственно говоря, ты можешь мне предъявить?! Кроме моей визы на втором приказе у тебя ничего нет. Да и то казать, а что тут такого? Я начальник ангельской службы Шестого сектора, и я имею право ставить визы на всю внутреннюю документацию, – спокойным тоном произнес архангел.

– Но согласитесь, что раньше вы этого никогда не делали, – упорствовал подчиненный.

– По-твоему это должностное преступление? – делая изумленное лицо, спросил Гавриил.

– Нет, конечно, – помотал головой полковник. – Но ведь должно быть этому какое-то объяснение. Когда руководитель ангельской службы сектора до этого практически нико-

гда не вмешивавшийся в работу ПВ-службы считает для себя почему-то важным наложить визу на рядовой, с точки зрения постороннего, приказ, то согласитесь, это выглядит более чем странно.

– Объясни, в чем ты меня упрекаешь? Или еще хуже, обвиняешь?!

– Я не обвиняю и не упрекаю, а просто пытаюсь понять, делая при этом свои выводы...

– И к каким же выводам ты пришел? – чуть насмешливо произнес шеф, беря в руки фужер.

– А к таким... Судя по тому, что оба приказа были изданы на основании распоряжения Надзорной инстанции, можно с большой долей вероятности предположить, что кто-то из серафимов, а именно они скрываются под названием «надзорная», между 10-м и 18-м июля подошел к вам с целью внести коррективы в прежний приказ, касающийся окончания моей командировки.

– Ну и? – рука шефа чуть дрогнула и поэтому, чтобы не расплескать фужер он поставил его обратно на столик.

Однако этот невольный жест не ускользнул от бдительного взора Захарии. «Ага, кажется, я копнул в правильном направлении» – подумал он, а вслух продолжил:

– Кто-то из теплой компании серафимов, чувствуя шаткость законности и аргументации измененного приказа, решил заручиться вашей поддержкой, поэтому и пришел к вам за визой. Ведь не будет же начальник ПВ-службы Васильев

перечить и артачиться по поводу авральных изменений, когда там уже стоит ваша виза?! Перечить такой визе, а она на-верняка была сделана красными чернилами, все равно, что плевать против ветра.

Гавриил опустил глаза, и уголки его губ прискорбно изогнулись:

– Так в чем же ты меня все-таки обвиняешь?

– Я еще раз объясняю, что моей целью не является обвинение в ваш адрес. Я просто пытаюсь картинку своего воображения экстраполировать на кальку прошедших событий. И, кажется, у меня это получается.

– Продолжай, – все таким же глуховатым голосом сказал генерал.

– Я знаю вас не одно тысячелетие, – решил подсластить пилюлю полковник, – вы честный службист, лишенный корысти и вкуса к интригам, поэтому смею предположить, что вначале вы наотрез отказались участвовать в этой аванюре, однако пришедший к вам за визой, нашел какие-то слова, которые убедили вас поступить так, как ему хотелось.

– Дальше, – произнес чуть слышно Гавриил, прикрывая глаза и всем телом утопая в кресле. Лицо его было белым, как мел.

– К подделке подписи врио начальника отдела контроля и наблюдения вы явно не причастны. Не ваш уровень, да и не стали бы вы заниматься таким откровенным преступлением.

Гавриил кивнул, не открывая глаз. А Захария с еще боль-

шей уверенностью в голосе продолжал:

– А вот за ходом операции явно следили в прямом эфире и даже не исключено, что из кабинета самого Вершинина, зная, что тот приходит не раньше восьми утра. Если спросить дежурную смену, работавшую в то утро, то они наверняка подтвердят мои предположения.

Гавриил дернул уголком губ, но глаза не открыл, и лицо оставалось в целом, спокойным.

– Операция пошла по незапланированному сценарию. Вернее будет сказать, по запланированному, но в соответствии с первоначальным приказом. Вы это сразу поняли. И еще вы поняли, что в это дело вмешалась куда более могущественная сила, чем сила и авторитет серафимов. Поняв и сопоставив эти два факта, вы испугались. Причем испугались настолько сильно, что не смогли скрыть свой испуг даже спустя несколько часов, к моменту нашей встречи.

Лицо архангела внешне оставалось спокойным, только еще более побелевшим, а вот пальцы рук, до сих пор лежавшие на подлокотниках, вцепились в них так, что ногти побелели от внутреннего напряжения. «А ведь его сейчас запросто может инсульт хватить» – в испуге за шефа подумал Захария, однако продолжил:

– Так вот... Я и хочу узнать от кого и какую информацию вы получили относительно меня, что согласились участвовать в этом деле.

В гостиной повисла гробовая тишина. Гавриил почти не

подавал признаков жизни, кажется, что даже и не дышал. Захария тоже не хотел первым прерывать молчание. Прошла пара миллионов лет – где-то на краю Вселенной взорвалась сверхновая, где-то столкнулись в немом и яростном противоборстве две Галактики, где-то начало сворачиваться и скатываться в рулон целое пространство. Во всяком случае, именно так показалось Захарии, в ожидании реакции Гавриила, но тот по-прежнему хранил гордое молчание. Первым, естественно, опять не выдержал Захария:

– Поверьте мне, товарищ генерал, меньше всего на свете мне бы хотелось устраивать ссоры между нами. Я всего лишь хочу прояснить свое двусмысленное положение и найти взаимоприемлемое решение по сложившейся ситуации.

Веки старого ангела дрогнули. Он казалось с трудом, словно тяжеленные люки лацпортов, открыл глаза. Еще какое-то время посидел, молча, Захария его не торопил, а затем, повернувшись всем корпусом в кресле к собеседнику, протянул руку и взял фужер со стола. Немного пригубил из него и поставил обратно.

– Хорошо. Я расскажу тебе все. А ты слушай и не перебивай.

– Да. Я обещаю не перебивать, – сказал Захария и в свою очередь взял со столика фужер, но пить пока из него не стал, согревая теплом своих ладоней, как рекомендуют все специалисты по дегустации вин.

– Начну издалека, – шеф опять откинулся на спинку крес-

ла и прикрыл веки. – Ты ведь прекрасно знаешь, что генетика, хоть и шагнула далеко вперед в деле указания на предрасположенности живых организмов к тем или иным заболеваниям, все же не слишком сильно преуспела в точном предсказании судьбы того или иного «реципиента». Основные их прогнозы крутятся возле суждений «два лаптя – влево от Солнца, а три лаптя – вправо». Так получилось и с Кругловым, в тело которого было решено посадить тебя. Генетики предсказали ему раннюю кончину от болезни сердца, но затруднились с более точным прогнозом. Мы, конечно, ждали твоего скорого возвращения, но не думали, что оно будет настолько скорым. Более менее точно дают прогнозы именно серафимы из надзорной инстанции, неспроста же за ними закрепилось мнение, как о ясновидящих, пророчества которых сбываются в почти 90% случаев. А если учесть их недобрую славу, как о «повелителях случая», которые запросто могут поменять обстановку, на удобную для них... В общем сам понимаешь, не доверять полученной от них информации, у меня не было никаких причин. Так вот, в конце каждой декады месяца, как обычно, Надзорная инстанция в автоматическом режиме спускает нам списки предположительно подходящих к концу операций для того, чтобы ПВ-служба могла подготовиться к возвращению командировочных, а отдел контроля и информации усилил наблюдение во избежание внештатных ситуаций. Списки большие – до нескольких сот человек иногда доходят в декаду. Списки,

как мне известно, составляются в не менее трех экземплярах – «кучерам», «шпионам» и для меня. На основании этих списков по отделам готовятся приказы. Первый из упомянутых тобой приказов, как раз и был из этой серии. Тот список, что предназначен для меня, проходит через секретаря. А так как ты у нас не простой «полевой агент», а агент завершающий свою деятельность в таковом качестве, приказ о завершении операции с тобой лег на стол секретаря вместе со списком. Ирия уже давно была в тебя заочно влюблена и не скрывала этого, по крайней мере, от меня, поэтому очень тщательно следила за твоей судьбой, у нее даже твое фото на столе стоит в рамочке. И уж она точно знала, кто скрывается под шифром «103».

«Так вот откуда у нее была фотография для автографа! Она просто взяла ее со своего стола!» – подумал Захария и счастливо улыбнулся. Однако быстро погасил улыбку, косясь на шефа. Но тот, к радости полковника, не открывал глаз, а потому ничего не заметив, продолжал:

– Узнав по цифрам шифра тебя, она тут же побежала ко мне с вестью, что ты возвращаешься. Поверь, я тоже был этому рад, хоть и не ждал твоего возвращения так быстро, поэтому, не дожидаясь его, издал свой приказ о присвоении тебе очередного звания. Однако уже утром 12-го июля я получаю срочную гравиграмму из штаб-квартиры. От самого серафима Израэля с требованием немедленно явиться перед его светозарные очи. Ослушаться я не мог, да, честно гово-

ря, и не видел причин к тому, поэтому тотчас и явился в кабинет Исаэля.

Гавриил резко выдохнул и сделал большой глоток из фужера. Захария последовал его примеру, но его глоток был гораздо меньше. Архангел немного помолчал, набираясь сил, а затем продолжил, но глаза уже не прикрывал и Захария заметил, как огоньки загорелись в зрачках шефа, словно маленькие бесенята, просящиеся наружу:

– Только я переступил порог, как он прямо в лоб спросил у меня, помню ли я историю нефилима Люцифера. Я сказал, что забыть такое нельзя. Тогда он спросил меня, хочу ли я повторения Великого Раскола. Я ответил, что нужно быть сумасшедшим, чтобы желать этого. Тогда он взял с меня клятву хранить в тайне, что он мне сейчас поведаст. Я конечно не трус, но тут растерялся и не сообразил, зачем давать клятву молчания, если Раю грозит, чуть ли не гибель. Наоборот надо бить во все колокола. Но повторяюсь, мне от растерянности не пришло это в голову, и я дал клятву. А мысленно обратился к Богу с молитвой об укреплении моего духа и о наставлении на путь истинный. А далее он мне поведал такое, отчего ноги у меня подкосились. Он сказал, что им, серафимам, увиделось печальное будущее нашего Рая, и что виновником этого станешь ты. Он сказал буквально следующее: «И вернется Захария осиянный славой и почестями, и станет он во главе райского воинства, и будет в гордыне своей носить главу превыше ветра, и заставит он по-

клоняться себе, яко живому Богу. И разделит он на ся весь Рай Господний, и объявит он себя превыше Бога, и многие последуют за ним, и море крови прольет он руками своими и руками споспешествующих ему, и Рай станет Адом, и Ад станет Раем». Тогда я спросил, можно ли этого как-то избежать, на что он ответил мне – можно. Затем он поинтересовался, знаю ли я, как их, серафимов зовут в народе. Я ответил, что знаю – «повелителями случая». Я спросил, не хочет ли он, чтобы я... – тут Гавриил замаялся, но быстро справился с собой, – по твоём прибытии уничтожил тебя, списав это на какую-нибудь случайность? Но он закричал и затопал на меня ногами. «Как смеешь ты мне говорить такое, верному слуге Божию?» – сказал он мне. После его слов, мне, как-то сразу полегчало. И тогда я спросил его, что же он предлагает сделать, если убивать нельзя и рассказывать об этом кому бы, то ни было тоже нельзя. И тогда он сказал, что для этого есть «случайность», которой они, серафимы, умеют хорошо управлять.

– Товарищ генерал, – не выдержал и перебил его Захария, – вы же не ребенок, чтобы так легко попадаться в логические ловушки! Ведь если такое, как они вам сказали, случится, стало известно им, то уж Господу тем более известно об этом! В десятой же главе Евангелия от Матфея сказано об этом доходчиво. И если Ему известно об этом, и Он меня до сих пор, как видите, не покарал, то значит Ему сие угодно. А они, пытающиеся Ему помешать, и есть отступники от

воли Его!

– Не держи меня за ярмарочного дурачка! – обозлился Гавриил. – Я это и без тебя понял. Только не сразу, а уж потом, когда вернулся. А тогда я просто испугался. Он ведь такого наговорил про тебя! Будто бы именно тебя на заседании следующего Большого Совета будут выдвигать на пост руководителя нашего сектора якобы из-за того, что именно ты был частью Андрея Первозванного, и следовательно у тебя больше чем у кого другого имеется на это право. Я бы, конечно, обоими руками был бы за твою кандидатуру, при условии что при объединении «русского» и «европейского» секторов не забыли бы и о моих заслугах... Ну ты понимаешь о чем я. Лучшего руководителя «русского» зама чем ты, я бы себе не пожелал. И вообще, ты обещал меня не перебивать.

– Все-все, молчу-молчу.

– На чем я остановился?

– На случае, которым они умеют управлять...

– А-а-а, ну да. И с этими словами достает мне второй приказ. Я прочел, но ничего не понял, сперва. И тогда он мне растолковал все в подробностях. Они точно знали время естественной смерти Круглова, поэтому решили ей просто не препятствовать. Все получилось бы элегантно и эффективно, как в твоём кино. Шел-шел, упал и умер. Но тут вмешались внешние и куда более могущественные силы, которые с легкостью переиграли «управителей случая».

– А в чем их резон-то тогда был? – вновь не утерпел За-

хария.

– А в том, что читать внимательней надо Положение о поощрениях и взысканиях некоторым из присутствующих...

Захария задумался, сведя брови к переносице, а затем залпом опрокинул в себя содержимое фужера. Крякнул, и почесав лоб, произнес, рассуждая вслух:

– Тэк-с, тэк-с, понятно. Значит, у меня было девяносто восемь удачных командировок. Эта была последняя. Если бы Круглов умер своей смертью, не совершив ничего героического, чтобы могло перевесить на весах судьбы его прегрешения, то, стало быть, тут и моя была бы вина. Не слишком большая, так как покойный не попадал в любом случае в лапы Сатаны, но и Рай был бы для него недостижим. Работа ангела в таком случае признается неудовлетворительной, но без штрафов и наказаний. Зато и без наград. Ага. Девяносто восемь удач и одна малюсенькая неудача, мелочь, а все же пятно в послужном списке. Звание полковника дают по факту участия в девяноста девяти командировках, а награда пролетает мимо со свистом. Карьерный рост, как минимум, притормаживается. Ловко. Действительно эффектно и элегантно.

– О чем я тебе и толкую! – тут же подхватил архангел.

– А дальше что было? – поинтересовался Захария уже без былого энтузиазма, поняв, что основная информация им уже получена.

– А что дальше?! – эхом отозвался генерал. – Дальше ты

и сам мне все рассказал. Визу он велел мне поставить, чтобы начальник ПВ-службы не взбрыкнул вдруг по поводу аврального изменения приказа, а сам приказ обещал передать в руки Васильева минуя мою секретаршу, а то де она, баба смышленная, поднимет хай до небес по поводу вопиющей несправедливости к ее кумиру. Видишь, даже серафимы в курсе ваших нежностей, – подначил он Захария.

На последние слова шефа Захария не отреагировал, углубившись в свои размышления.

– А меня вот интересует, чем же это я им так насолил, что они из-за меня кашу такую крутую заварили? – опять, как бы рассуждая сам с собой, произнес Захария.

– Да кто ж его знает?! А ведь и то сказать по правде, ты и раньше не слыл «тихоней». Все у тебя были какие-то мысли, предложения, прожекты. Может, где чего и ляпнул, невзначай, а они на свой счет приняли, да испугались.

– Вот и мне интересно, за какие такие мысли мои, из пушки по воробьям стрелять стали?! А вдруг мысли ценные, а я и забыл про них?!

– Иди и спроси у них сам, – начал розоветь лицом Гавриил от выпитого коньяка. В бутылке оставалось еще немного, и он честно разлил остатки на двоих.

– Ладно, – резюмировал Захария, – покопаюсь в голове, может, что и припомню их крамольного, высказанного перед ушами услужливых доброхотов. Но меня волнует и еще один вопрос...

– Кто была эта третья сила? – перехватил его мысль архангел.

– Да. Хотелось бы знать. Светом послана она мне на выручку или тьмой? – тихо проговорил он.

Гавриил пожал плечами:

– Думаю, что это вскоре само выяснится.

Они допили коньяк, так до конца, и не оценив труд виноделов из Лютеции, еще немного поговорили о том, о сем.

– Как тебе коньяк? – между прочим поинтересовался Гавриил.

– Вроде ничего. Но думаю, что будет лучше, чем то пойло, что гонит у себя дома дед Онфим.

– Это кто такой?

– Да, так, – не желая вдаваться в подробности, ответил Захария, – жених моей домработницы. Все изобретает новые сорта самогона. Только что-то плохо пока получается. Сивушные масла полностью отфильтровать не удастся. Он уж, какие только фильтры не применял, а все без толку.

– Сейчас промышленность подготовила к серийному выпуску фильтры на основе графеновых нанотрубок. Меня включили в комиссию для дачи заключения о пригодности к использованию нашими подразделениями.

– В качестве чего? – удивился Захария.

– В качестве фильтров для спецназовских противогазов, – пояснил архангел.

Видя, что время уже позднее, и хозяевам пора уклады-

ваться спать, о чем уже не раз намекала своим видом Олимпиада Дормидонтовна, заглядывая в гостиную, Захария начал собираться домой. Гавриил не удерживал гостя и стал провожать его до дверей. В прихожей, дождавшись, когда тот обуется, все же не утерпел и спросил напоследок:

– Ты больше ничего не хочешь мне сказать, Захария?

– Хочу, – отозвался тот.

– И что же?

– Я не Люцефер, а русский офицер! – невольно рифмуя слова, произнес он. – Честь имею!

И с этими словами вышел, предварительно вскинув правую ладонь к виску и неумело прищелкивая кроссовками.

XXII

Планета Сирения. Наши дни. С момента начала «грандиозного» по замыслам его авторов эксперимента прошло более двухсот лет. По меркам Сирении – пустяк, по меркам землян – в тысячу раз дольше. И с той и с другой стороны были взлеты и падения, надежды и разочарования. Руководители эксперимента, среди которых были Господь и Саваоф, Один и Яхве, Аллах и Демиург, за это время пережили «восстание» роботов, технические сбои, многочисленные ревизии и проверки как со стороны государственных, так и со стороны научных кругов. Земляне же за это время пережили несколько моментов, напрямую угрожавших самому их

существованию. Уже ни для кого не было секретом происходящее в подвале института «Макротел Вселенной». Эксперимент привлек к себе внимание широкой научной общественности и приобрел там характер, если и не «антинаучных методов изучения сложно структурированных жизненных форм», то уж во всяком случае «скандальных». Мнения, как это водится в научной среде, разделилось диаметрально. Одни считали, что «группа безответственно настроенных ученых» перешла и попрала допустимые рамки морали и этики, «грубо и беспардонно» вмешавшись в естественный ход исторического и биологического развития Вселенной, другие же, настроенные менее воинственно, считали, не без оснований, что во всем этом имеется некое «рациональное зерно». Декан биохимического факультета – трус, карьерист и перестраховщик, на волне поднявшейся дискуссии собрался уже волевым решением прикрыть полулегальную деятельность, отбившихся от рук «морфологов». Однако тут на помощь «партизанам» пришло вполне официальное распоряжение от Высшего Совета Сиренианского Содружества Планет, являющегося верховным коллективным органом власти в системах населенных расой сиренианцев, о запрете вмешательства в деятельность данной научной группы. А по неофициальным каналам из того же источника, была донесена мысль о желательности всяческого содействия со стороны деканата продолжению опытов в данном направлении. Двух мнений быть не могло – в дело вступала большая

политика. Ясно было одно – «наверху» идею спасения углеродных цивилизаций восприняли всерьез. Такая поддержка не могла не радовать. И если на административном фронте все выглядело более-менее благополучным, то на научном явно намечался кризис. Полиген-С, внедренный в геном жителей Земли, как аборигены сами называли свою планету, практически исчерпал свой ресурс. Жители планеты, ни в какую не желали идти по пути самосовершенствования. Всевозможные пороки, о некоторых из них, сами не всегда безупречные сиренианцы даже и не подозревали в кошмарных своих снах, буквально захлестнули все человечество. Ни пряник в виде обещаний блаженной жизни, ни кнут в виде угрозы вечных посмертных мук, ничего из богатого арсенала сиренианских психологов, подключенных на каком-то этапе к эксперименту, не смогло переломить ситуацию. Человечество упорно скатывалось к всеобъемлющей моральной деградации, даже, несмотря на некоторые успехи в техническом прогрессе. Процент людей достойных взять на себя цивилизаторскую роль бал на уровне статистической погрешности. Некоторый оптимизм, правда, все еще теплился в отношении гибридной цивилизации Платформы, но выходить на комиссию, которая должна была вот-вот состояться по поводу решения дальнейшей судьбы эксперимента, с таким скромным результатом на руках было просто нелепо. Ведь за сто пятьдесят тысяч лет с момента перехода первых колонистов на существование в иные условия обитания Платформа

приняла к себе всего лишь около 800 миллионов особей, тогда как рассчитывалась на 80 млрд., что было почти на два порядка меньше планируемого. Сравнить численность населения одной маленькой Платформы с цивилизацией сиренианцев, раскинувшейся почти по всему рукаву Персея было глупо – один катаклизм незначительного масштаба и вести равноправный диалог уже будет не с кем. А углеродная цивилизация землян тем временем уже начинала повторять процесс губительного саморазрушения, как и все углеродные цивилизации до нее. Подтверждалась теория о несостоятельности углеродных цивилизаций преодолеть свои внутренние противоречия. Эксперимент грозил превратиться в грандиозное фиаско. Требовалось какое-то срочное решение, а оно не находилось. Даже верные соратники, которые бок о бок с Господем начинали это дело начали сомневаться в правильности поставленной задачи и при встречах тщательно старались не смотреть ему в лицо. Был, правда, еще один малюсенький и одинокий огонек надежды, связанный с Хесусом – его собственным сыном, с большими трудностями и ухищрениями, рожденным от земной женщины, но прибегать к этому последнему аргументу в деле спасения своей репутации, Господь не согласился бы ни за что на свете. Да и отношения отца с сыном как-то сразу не сложились. Достаточную холодность в их отношениях сам Господь объяснял тем обстоятельством, что он с самого начала не принимал никакого практического участия в его воспитании, а сын не знал

отца до самой их встречи. Хотя могла быть и другая версия. Вполне могло статься, что сын просто не мог до конца простить отцу его отношение к матери – Марии, оставшейся там, на Земле. В результате всего этого, некий холодок отчужденности присутствовал в их и без того непростых отношениях. Хесус отказался жить с отцом на Сирении. Здесь все было чуждо и непривычно для него. Он, побыв немного на Сирении, решил, что на Платформе ему будет лучше. Жители Платформы были по духу ему куда ближе, чем сиренийцы. Ему нравился этот маленький по космическим масштабам мирок. Нравилась люди, населявшие его, их чаяния и заботы, отношения друг к другу. Может быть, это объяснялось тем, что райанцы, хоть и далеко вперед шагнули по пути прогресса от землян, но все же не так фатально, как сиренийцы. Да и что уж тут скрывать, здесь он пользовался безусловным, хоть и не официальным, авторитетом. А на Сирении ему, максимум что светило, так это стать объектом всевозможных научных исследований, о чем хорошо понимал не только он, но и его отец, тщательно скрывавший от посторонних сам факт его краткосрочного пребывания на планете.

После наделавшего много шума распоряжения Высшего Совета о запрете вмешательства в дела экспериментальной группы прошло совсем немного времени, как вышло второе – об организации на базе экспериментальной группы филиала Института «Макротел Вселенной» и строительстве отдельного здания под его нужды. Название филиала было до-

вольно красноречивым и предельно ясным – «Филиал Института Макротел Вселенной по Изучению Проблематики Пороговых Цивилизаций», что сразу настраивало на мысль о расширении тематики и внедрении уже полученного опыта при контактах с цивилизациями подобными Земле. Тем же распоряжением Высший Совет давал карт-бланш руководству филиала сформировать по своему усмотрению его структуру и штат. Все, кто, так или иначе имел отношение к данному проекту, облегченно вздохнули, потому что это означало конец «партизанщины» и переход из полуполюгального положения в официальное. Естественно, в первую очередь встал вопрос о руководстве нового образования. По единодушному мнению всех участников, Господь как никто подходил для этой должности. Он тут же вышел с предложением о включении в состав филиала в качестве структурных подразделений лабораторий Яхве и Одина. Ни Академия Наук, ни Министерство Высшего образования не возражали против данной инициативы, как не возражали и Яхве с Одином, уже давно и прочно погрузившиеся с головой в дела экспериментальной группы, да и перспективы нового образования эти двое просекли на раз. Аллах наотрез отказался делиться кадрами с филиалом института, но при этом всячески старался удовлетворять растущие аппетиты потребителя своей продукции в приоритетном порядке. А чтобы руководитель образовавшегося филиала не имел повода для обид, он уступил ему свою секретаршу – Лилит. В состав научного руко-

водства филиала Саваоф отказался входить, оставив за собой место научного консультанта. В рекордные две недели было построено новое здание филиала, невдалеке от основных корпусов института. Туда, с превеликими осторожностями перевезли аппаратуру, находящуюся в подвале. Спецы Одина постарались и она во время перемещения из одного здания в другое не была выключена и ее функционал никак не пострадал при перемещении, чего Господь в тайне сильно опасался. Резервную установку Ротонного Луча решено было разместить прямо на самой Платформе и держать ее там в состоянии постоянного «подогрева», на всякий непредвиденный случай.

К вящей справедливости стоило бы отметить, что беспокойство связанное с развитием человечества витало не только среди непосредственных руководителей эксперимента, но начинало уже проникать в сознание жителей Платформы, которые буквально на себе почувствовали, что с землянами происходит что-то уж совсем неладное. Мысли по этому поводу, некоторых довольно видных райанцев, высказанных ими в публичной форме заинтересовали экспериментаторов, в том числе Господя и он с недавних пор начал более внимательно присматриваться к этим алармистам. Особенно ему нравился один из них – крепкий и подтянутый, с волевыми чертами лица «полевой агент» по имени Захария, не боящийся зачастую напрямик высказывать свои мысли по поводу происходящего как на самой Платформе, так и на Земле.

Мысли его не всегда носили бесспорный характер, но всегда возбуждали к себе интерес.

Со всеми этими невеселыми размышлениями Господь и шел домой этим весенним днем. Был воскресный день, поэтому шел он не из института, а с очередных неофициальных посиделок Группы Шести, как сами себя называли участники и руководители эксперимента. Конечно, можно было устроить и мнемосоветание, настроив частоту волны излучений своего мозга с частотой собеседников, но по негласной договоренности между ними соблюдаемой уже почти двести лет, совещания проводились очным порядком с периодичностью раз в месяц. В последний год эти встречи носили все более и более тягостный для всех характер. В этот раз собрание проходило в квартире Одина, друга детства Господя, который жил в соседнем дворе, поэтому он решил отказаться от телепорта, в пользу пешей прогулки. Алфея уже дважды посылала сыну мысленные увещания по поводу дважды напрасно разогреваемого ею обеда. Огорчать мать не хотелось, пренебрегая ее заботами, поэтому скомкав совещание, на котором так ни о чем и не договорились в очередной раз, Господь побрел домой, наивно надеясь, что весенний ветерок выдует из головы ворох накопившихся проблем, и вдует новые и свежие идеи. Шел не спеша, слегка поживаясь от порывов по-весеннему прохладного ветра дующего прямо в лицо и потому не дающего сосредоточиться на нужных мыслях. Мать встретила на пороге, захлопотанная

и покрасневшаяся, беспрестанно вытирающая руки о засаленный фартук.

– Давай-давай, проходи быстрее, да руки вымой. Я уже третий раз разогреваю обед, а ты все не идешь и не идешь. Суп стоговила, твой любимый. С фрикадельками. Да холодец – с утра еще сварила. Ноги задние. Свиные. Хорошие, – буквально на одном дыхании выпалила она пулеметную очередь. И не давая ему вставить хоть слово, опять застрекотала, уже подавая полотенце:

– Ну что? Опять совещались? И чего совещаться?! Все равно ни о чем так и не договоритесь! Оставили бы вы их в покое! Чай сами разберутся, как им жить...

Все еще не растерявшая женской красоты и природного обаяния провинциальной жительницы она по-прежнему без остатка отдавала сыну свою доселе нерастраченную любовь, поэтому изо всех сил считала для себя необходимым быть в курсе всех событий сопровождавших ее «ненаглядную кровиночку». Эта забота порой тяготила его, особенно если проявлялась на публике, но к которой он уже за свои годы привык и считал неотъемлемым атрибутом своей холостяцкой жизни, находя в этом иногда и свои приятные моменты. Войдя на кухню усевшись за стол, как следует, наперчил наваристый от третьего разогрева суп.

– А ты, мам? – спросил он, указывая глазами на кастрюлю.

– Да что ты, сынок?! Я пока варила, да разогревала, помаленьку уже и наелась.

– Нет-нет! – не согласился с ней сын. – Так дело не пойдет! Раз обедать – так вместе! А то, что же получится, я буду есть, а ты смотреть?! Наливай и себе!

– Ну, разве, что половину половничка за компанию, – смущаясь, проговорила она, тронутая заботой сына и плеснула себе немного в тарелку.

Ему всегда нравилась материна стряпня, поэтому он целиком и полностью отдался процессу поглощения пищи. Мать же не столько ела, сколько продолжала изливать на сына потоки слов, казалось порой вовсе лишенных какого бы то ни было смысла, часто перескакивая с одной темы на другую. Он почти не обращал внимания на материнское щебетание, лишь кивая и иногда поддакивая через примерно равные промежутки времени, чтобы создать о себе впечатление внимательно слушающего. За три с лишним тысячи лет совместного проживания, сына с матерью, они достаточно хорошо изучили манеры и повадки друг друга. Она, например, хорошо знала, что выпрашивать сына о чем либо «по горячим следам» не имеет смысла, он в лучшем случае, просто отделается парой ничего не значащих фраз и замкнется в себе. Зато стоит только проявить терпение и обождать допросом, как он сам, без всякого к тому побуждения, расскажет и о проблемах, и о заботах. Он в свою очередь тоже хорошо изучил свою мать, поэтому прекрасно знал, что ей для беседы не нужен собеседник как таковой, ей достаточно всего лишь его присутствия, чтобы было кому выговориться, рассказать

о новостях на работе и дворовых сплетнях. Правда, он не переставал удивляться ее неиссякаемой энергии, работая диспетчером пассажирского терминала «Космопорта» и не испытывая недостатка в общении, она еще ухитрилась принести и домой заряд нерастроченной энергии.

Вот и сейчас ее воркованье не слишком-то заинтересовало его, занятого анализом только что окончившегося совещания. Он и дальше бы не обращал внимания на речи матери, механически кивая и поддакивая как всегда, если бы не уловил краем уха настойчиво-вопрошающие нотки в ее голосе.

– А, что!?! – встрепенулся он, все еще не доходя до смысла ее речей.

– Да ты меня не слушаешь совсем! – тоном обидчивого ребенка заявила она, что было ей в общем-то не свойственно до сих пор.

– Слушаю-слушаю! Просто отвлекся немного, уж больно суп хорош! – сказал он, ловко вывернувшись, вовремя сделал удачный комплимент.

Мать сразу зарумянилась от сыновней похвалы:

– Давай я тебе добавки налью! – тут же дернулась она к еще не остывшей кастрюле.

– Не-не, а то места для холодца не останется! – возразил он, улыбаясь. – Так, что ты там говорила про соседку?

– Я говорю, – с энтузиазмом подхватила она, – что у нашей соседки из второго подъезда – бабки Эфанды, внучка из

деревни еще в прошлом году приехала в институт архитектуры поступать. Помнишь ее?

– Неа, – почти не задумываясь, ответил он. – И что с ней?

– Да, ничего, просто говорю, что она уже на второй курс перешла. Я вон, утром, когда выходила, смотрю, она бежит. «Здравствуйте, – говорит, – тетя Алфея! Как вы!? Как сынок ваш?!». А сама вся из себя ладная такая. Крепенькая, да румянькая, а уж улыбнется, так прямо солнышком засветит! Вот, что значит деревенская порода, а не то, что городские нынче – сухоядение одно!

– Ну да, – не стал спорить он с матерью, чуя подспудно, куда та клонит, – солнце, свежий воздух, природа кругом натуральная, от чего бы и не быть крепкой, да румяной?

– Вот и я том! – радостно закивала мать. – А уж до чего вежливая, да ласковая! Никогда не пройдет мимо, чтобы не поздороваться. И все о тебе норовит спросить: как ты, да что там у тебя. Где только и высмотрела тебя?! Ты же у меня нигде и не бываешь. Дом – работа, работа – дом.

И тут только он припомнил, что несколько раз встречался с этой всегда улыбающейся и действительно симпатичной девушкой. Один раз даже как-то помог ей донести да квартиры полные сумки чего-то тяжелого. Девушка и впрямь была всем хороша, но, по мнению Господя не слишком серьезна, да и молода. А с молодыми, с некоторыми пор он как-то опасался завязывать далеко идущие отношения. А если сказать еще честнее, то вообще старался избегать отношений с

женским полом. Еще не до конца зажили прежние раны.

– Да ладно тебе мама наговаривать почему зря! Подумаешь, разок поинтересовалась? Ну и что здесь такого особенного?

– А вот и не разок! – подхватила мать, стараясь развить начатую ей тему, одновременно убирая пустую тарелку и ставя другую – с холодцом. – Все время о тебе спрашивает! Мне ли, как женщине не почувствовать, что раз выспрашивает, значит запал ты ей чем-то в душу!

– Ой, мама, не выдумывай! Да и не было меж нами ничего, чтобы в душу западать. Так, просто помог однажды сумки донести до квартиры.

– И ничего-то я не выдумываю! – вскинулась Алфея. – А только и ты меня должен понять! Не маленький поди уже! Четвертую тысячу как-никак разменял. Пора бы уж и о семье своей задуматься!

– Ты моя семья! О тебе и не забываю! – попробовал подольститься он к ней.

– Я от тебя и так никуда не денусь! – махнула она в его сторону рукой. – А только уже пора ясному соколу в дом голубку привести!

– Зачем соколу голубка? Он ее заключет. Ему соколиха нужна.

– Не придирайся к словам! Знаю я, о ком ты все время думаешь! – погрозила она ему пальцем. – Все о Марии никак не забудешь! Так нет ее! Ушла давно. А мне внуков нянчить

уже пора приспела. Хочу видеть продолжение нашего славного рода. Обо мне-то ты подумал?

– У тебя уже есть один, – буркнул он нехотя.

– Что – есть, что – нет?! Я его не воспитывала. На коленях не качала. Пришел взрослым, повертелся-покрутился и ушел, как и его мать.

– Вот вечно ты так! Даже поесть спокойно не даешь! – неожиданно даже для самого себя вспылил Господь, отодвигая тарелку с почти нетронутым холодцом.

– Вот оно как?! Я же еще и виновата?! – моментально вспыхнула Алфея. – Дожила! Матери родной уж и слова вымолвить в доме нельзя! Скоро ей рот скотчем заклеивать будет сынок родимый!

И не закончив тирады начала тихонько всхлипывать, утирая передником нежданно набежавшие слезы.

– Да что же это такое?! – вскинув руки к вискам, чуть не провыл он. – Когда же, наконец, кончится этот прессинг?! Ни дома, ни работе нет мне покоя!

С этими словами он вскочил, едва не опрокидывая стол, и раненым зверем метнулся прочь из дома. Уже выскочив на улицу, ощутил какой-то непонятный дискомфорт. Поглядел вниз, на ноги. Так и есть. Забыл в горячке надеть туфли, поэтому выскочил прямо в домашних шлепанцах на босую ногу. Подняться домой, чтобы переобуться? Глупо. Сначала нужно было прийти в себя. Подумать обо всем хорошенько. Привести в равновесие чувства и мысли. Огляделся по сто-

ронам. Лавочка у подъезда была пустой, по причине довольно ветреной погоды. Сел, не ощущая голыми пятками весеннего холода. Разом накатили воспоминания. Воспоминания были о ней, о Марии.

Он встретил ее еще совсем юной двенадцатилетней девушкой-подростком. Она шла к храму, послушницей которого состояла вот уже несколько лет, и несла на плече высокий кувшин с водой, ловко и грациозно придерживая его одной рукой. Тогда, помнится, его поразило сходство юной, гибкой и стройной как кипарис девушки с кувшином, который она несла. Он тоже был высокий, стройный, с таким же высоким и узким горлышком и такими же изящными и тонкими ручками по бокам, как и ее руки. На него вдруг что-то нахлынуло необычайно теплое и нежное, которое он не испытывал еще никогда и не с кем. Он, пожалуй, единственный раз в жизни потерял душевное равновесие и не смог сдержать своих эмоций. А дальше было все как во сне – захватывающем и неприятным одновременно. Он не мог предстать передней в своем истинном виде, ибо его необычный вид и облачение, защищающее окружающие живые существа от радиации исходящей от него, могли ее напугать. И уж тем более не могло идти речи о каких бы то ни было отношениях высокого порядка. Но ему так нестерпимо захотелось прижаться к ней, обнять, соединить свои губы с ее нежными и еще никем не целованными губами, и наконец слиться с ней в одно неразрывное целое, что он окончательно потерял го-

лову и стремглав понесся к Яхве. Тот, все еще чувствуя за собой некое подобие вины за восстание двухсот нефилимов, не смог отказать старому приятелю в просьбе адаптировать геном его семени к человеческой женской яйцеклетке, попутно сняв с него радиационный фон. В течение двух дней, эта изнурительная работа, которую Яхве выполнил сам, не доверяя рукам помощников и лаборантов, была завершена. Все свободное от лекций время, Господь, словно загипнотизированный неведомой силой, старался проводить возле обзорного экрана, наблюдая за Марией, отлучаясь домой только на ночь. За два прошедших на Сирении дня, на Земле прошло почти два года. За это время Мария стала еще красивее. Ее телодвижения и походка, стали еще более женственными и плавными, а черты лица из подросткового приобрели овальную нежность и завершенность. А дальше было то, что приблизительно описывала на своих страницах земная Библия. Понимал ли он тогда на какой стыд и позор обрекает невинную девушку? Осознавал ли он, какие страдания причиняет ей, суетливо выдавая замуж за старика, чтобы хоть как-то прикрыть ее от осуждающих глаз людей? Думал ли он о ее чувствах, когда заставил выйти замуж за не любимого? Сейчас, сидя на лавке в шлепанцах на босу ногу он еще и еще раз корил себя за это. Любил ли он ее или же просто хотел таким способом удовлетворить свое эго? Этого теперь он уже и сам не знал. Вся эта сумбурная история для него длилась чуть меньше двух месяцев, а на Земле в это время

прошло почти пятьдесят лет. История, в которой архангел Гавриил принимал непосредственное участие, за что и получил свою Большую Ангельскую Звезду. История, в которую были посвящены кроме Гавриила только мать и Яхве, даже с учителем он не решился поделиться в полном объеме. Однако, тот, чувствуя, что за этим стоит что-то сугубо личное, отнюдь не настаивал на какую либо эксклюзивную информацию. Ему стыдно было сознаться, что он участвовал в том, в чем еще так недавно обвинял мятежного Люцифера. Все это непродолжительное для него время он не упускал ее из виду, как мог, старался оберечь от перипетий судьбы до тех пор, пока не окончила она свой путь земной. Он знал, как она выглядела в последние дни своей жизни там, на Земле, поэтому был готов к тому, что увидит убеленную сединами, преклонного возраста женщину, шестидесяти трех лет от роду. Какого же было его удивление, когда перед ним предстала, доставленная серафимами на Сирению, молодая, не старше тридцати лет женщина в полном расцвете своей красоты. Что тому стало причиной – неизвестно, возможно, что ее организм, получивший внутреннюю встряску сорок восемь земных лет назад, а может тому послужило двойное прохождение по тоннелю Ротонного Луча – с Земли на Платформу, а затем с Платформы на Сирению. Как бы там ни было, но он не сразу смог прийти в себя при виде таких поистине волшебных трансформаций. В отличие от него, она была совершенно спокойна, так как уже имела некоторое представление

о том, что ее ожидает из рассказов сына, который еще пятнадцать лет назад был на Земле, когда ненадолго вернулся, чтобы дать последние наставления своим последователям и ученикам. И в этот раз, прежде чем отправиться на Сирению, ей пришлось некоторое время побыть на Платформе ради прохождения реабилитационного периода. Разумеется, что она успела погостить у сына, преподававшего «осязаемую философию» в одном из вузов Рая.

Господь никогда не слыл записным красавцем, но и уродом его назвать тоже было нельзя, об этом постоянно свидетельствовали призывные взгляды, кидаемые на него сиренианками время от времени. Он и сам чувствовал свою не слишком броскую, но устойчивую мужскую привлекательность. И когда Мария встретила с ним, то он приложил максимум усилий, чтобы эту привлекательность повысить. Для начала он поселил ее в большом и красивом доме с прекрасным садом, незадолго до этого построенном по его заказу на одной из планет Содружества. (Товарно-денежные отношения в Сиренианском Содружестве ушли далеко в прошлое, поэтому любыми материальными благами мог воспользоваться каждый из его граждан, подав соответствующую заявку в профильную структуру). Затем ознакомил ее со всеми новинками, как технического, так и социально-экономического характера. Взял отпуск на кафедре, где продолжал усердно трудиться, и устроил для нее целую экскурсию по мирам и созвездиям населенным сиренианцами. В

общем, как мог, постарался быть обаятельным кавалером для привлекательной дамы своего сердца. Он надеялся зазечь в ее глазах любопытство, привлекательность обещанного комфортного существования, благодарность. А в конце этого незамысловатого пути, пробудить в ней искры любви, к нему, которому она обязана всем этим. Применительно к данной ситуации его мысли не отличались оригинальностью и шли в русле общепринятых мужских представлениях о женских предпочтениях и логике. Каково же было его разочарование, когда в ее глазах вместо искорок удивления, заинтересованности и тайного обожания, видел лишь дежурное почтение к нему как к экскурсоводу, которого нельзя ни в коем случае перебивать, иначе он начнет свой рассказ с начала. Это и шокировало и обижало его. Порой складывалось впечатление, что это не он, а она старше его на целую эпоху, и только ее врожденная воспитанность не дает ей откровенно зевать при виде всех его потуг. Наконец, исчерпав все свое терпение и фантазию, он решился напрямую спросить у нее, согласна ли она на официальное оформление отношений с ним. И хотя он не слишком-то надеялся на ее положительный ответ, в свете нынешнего общения, но никак не предполагал, что он будет таким обескураживающим.

– Официальное оформление?! Отношений?! – спросила она, резко выгнув правую бровь.

– Ну да, – как-то неуверенно промямлил он, разом ступившись от ее взгляда классной руководительницы. – Мы

же с тобой взрослые люди. Понимаем что к чему. В конце концов, у нас имеется сын.

– Теперь, это значит, так называется: «официальное оформление»? А до этого, стало быть, наши отношения носили неформальный характер?! Я правильно поняла?

К манере некоторых людей отвечать вопросом на вопрос, Яхве явно приложил свои ручонки. Господь поморщился, его явно коробили слова о «неформальном характере» отношений:

– Я может быть, сухогато выразился, но из-за этого не стоит так придирааться к словам. У меня просто нет опыта в разговорах на подобную тему. Мы же, как я уже сказал, далеко не дети. А я не знаю, как еще выразить к тебе мои чувства, и каким еще способом сделать предложение руки и сердца.

– Надо же?! Какие высокие слова: отношения, чувства, предложение руки и сердца... Я сейчас растаю от нежностей, обрушившихся на меня. А где ты был сорок девять лет назад?! Где было твое предложение?! Ты ведь уже тогда не был бездумным юношей. По меркам твоего мира это было всего лишь два года назад.

– Да. Я полюбил тебя со всей искренностью, как только увидел, там у ручья... И да, я уже тогда не был мальчиком, но разве я виноват в том, что ты разожгла в моей душе пламя страсти, и разве я не кинулся в это пламя с головой, презрев все преграды – технические, биологические, пространственные и временные. Разве не бросил я на алтарь своей

любви запреты, наложенные ранее, свою репутацию, в конце концов?

– А разве это ты сочинил в честь своей возлюбленной «Песнь песней», которую я могла бы шептать тебе?! Разве отверзлись в ночи твои губы, произнося звуки моего имени? Нет. Не шептали. Вот и сейчас, до тебя спустя две тысячи лет дошла мысль сделать мне предложение. А где ты был раньше?! Где было тогда твое предложение?!

– Не говори, ерунды! – воскликнул он, перебивая ее праведную тираду. – Ты прекрасно знаешь, что я не мог это сделать чисто физически! Мы с тобой были на разных биологических основах. Мы даже сейчас не одной, хоть и гораздо приблизились. Не мог я тебе шептать слов любви, ты бы просто сгорела в муках за пару дней. И появиться в антирадиационном облачении перед тобой тоже не мог. Ты бы просто сбежала, испугавшись моего вида.

– Значит, слов любви сказать не мог, а все остальное смог?! Не постеснялся, не спросив согласия?!

– Я не говорю, что не виноват перед тобой. Да, в тот момент я поступил некрасиво...

– В то момент?! Это, оказывается, был всего лишь момент, помутивший вдруг ненадолго рассудок?! Не букет из тамариска или олеандра ты поспешил мне дарить, а полетел в лабораторию к Яхве! Говоришь, положил на кон свою репутацию?! А что ты думал о моей репутации в это время?! Поручил своему подручному сводне – Гавриилу улестить ста-

рика Иосифа, чтобы он принял твой грех на себя?! И что ты ему за это пообещал? Тоже райскую жизнь?

– А разве он не в раю?!

– Рай и так бы от него не ушел. Сын рассказал мне о механизме попадания на Платформу. Так, что ты думал обо мне, выдавая меня быстренько замуж, за нелюбимого и уже ни к чему не способного старика?!

– Он дал обет не прикасаться к тебе.

– До рождения сына, – поправила она его. – А потом?! Ты хочешь сказать, что любил меня, видя, как я делю ложе с нелюбимым мною человеком?

– Не терзай меня больше, чем я сам себя! – огрызнулся он. – Но все же не забывай, что ты, служа в храме, была изначально предназначена Богу.

– А ты у нас значит Бог?! – уперев руки в боки, хрипло засмеялась она неприятным голосом. – Да. Я хотела с детства служить Богу, всеми своими силами. Хотела помогать ему в делах праведных, быть его слугою, а не объектом вождений.

– Так вышло. Не я назначил сам себя на эту должность, а вы сами, посылавшие мне мольбы на протяжении тысяч лет, – потупив глаза, ответил он.

– А сын?

– Что, сын? – не понял он.

– Ты сказал, что у нас есть сын.

– Разве это не так?! – вскинул он брови.

– Нет. Не так. Какое твое участие в судьбе сына?

– Какое, говоришь? – изумился, и одновременно нахмурился Господь. – А разве не я предупредил вас об «избиении младенцев»? Разве не я послал вам волхвов с дорогими подношениями?!

– Помню. Спасибо. Спас. Но я сейчас не об этом.

– А о чем же? – опять удивился он.

– Ты и вправду думаешь, что на этом заботы отца о сыне заканчиваются? – в свою очередь изумилась она.

– Нет, конечно, но... – не нашелся он сразу с ответом.

– Вот именно, что «но». Отец не тот кто породил, разбрасывая свое семя семя семя и овамо, а тот, кто воспитал, отдавая ребенку последний кусок хлеба, тот кто не спал ночами, укачивая колыбель, тот кто учил его ходить и тот, кто учил ремеслу и жизни. И я навсегда буду благодарна Иосифу за это. Это наш с ним сын. Не твой.

– Я тоже внушал ему добродетели, как мог, в тех непростых обстоятельствах. Когда сам, когда через посредников. Но я никогда не упустил его из виду.

– Я не знаю, что ты там ему внушал и как. Зато я точно знаю, что это ты всячески искушал его незадолго до того как его схватили.

– Я укреплял его дух! – не выдержал Господь.

– Да. Укрепил. Ты всех так укрепляешь своими бесконечными искушениями и проверками, начиная с прародительницы Евы! Ты един в двух лицах! Какой же ты настоящий

из них?

– Какая еще Ева?! О чем ты?

Вопрос о Еве она просто проигнорировала. Как истинная дочь своего народа, она давала ему возможности хоть как-то перехватить инициативу в этом сложном споре двух правд и двух истин.

– У тебя все кругом неправы. Один ты прав всегда и во всем. Где сын твой, Иисус?

– Ты прекрасно знаешь, где он. Ты только что была у него.

– Да. Тебе об этом донесли твои крылатые клеветы, или ты сам соизволил узнать? – чуть насмешливо проговорила Мария.

– Какая разница? И зачем ты об этом спрашиваешь?

– Затем! Даже сын твой, плоть от плоти и кровь от крови и тот не с тобой. Даже он не понимает тебя. Может причина кроется в тебе?

– Ты ошибаешься. Он не со мной, не из-за меня. Просто на Платформе у него больше шансов для самореализации. А здесь он рисковал быть предметом всеобщего досужего любопытства и не только досужего.

– Все мы, всего лишь подопытный материал в твоих руках и в руках твоих соплеменников. Ты – великий ученый. Может быть ты даже самый великий ученый всех времен и всех народов. И я отдаю должную дань твоей учености. Но ты плохой отец и видимо был бы плохим мужем, повернись история другим боком. Ты – одержим наукой в чистом ее ви-

де. Кроме нее тебе никто не нужен. И я буду не нужна после того как ты насытишь свое самолюбие.

– Я знаю. Когда хотят во что бы то ни стало обвинить кого-нибудь в чем-то, то всегда находят и предъявляют хорошо выверенные и откалиброванные факты, не учитывая обстоятельства, противоречащие им. Это, во всех случаях, очень удобная и беспроегрывная позиция.

– Я не гожусь на роль обвинителя. Я просто хочу понять, какие еще неведомые цели ты преследуешь, делая мне подобное предложение?

– Ты с ума сошла! Какие еще цели может преследовать мужчина, делая предложения женщине?!

– Не знаю. Ты из всего можешь находить пользу. Ты очень рационален.

– Хорошо, – усталым и уже безразличным голосом проговорил Господь. – Я понял, что дальнейший разговор в данном направлении не имеет перспектив, по крайней мере, для меня. Что ты хочешь?

– Я хочу, чтобы ты отправил меня на Землю.

– На Землю? Но зачем? И что ты там будешь делать?

– Я не желаю, подобно Петру, оставлять Рим.

– Что ты там будешь делать? – повторил он свой вопрос.

– То же, что и ранее делала – утешать страждущих, вселять в них надежду и укреплять в вере. – начала Мария, а потом будто боясь, что ее собьют с мысли, заговорила быстро и страстно. – Я не умею ходить по воде и исцелять прикос-

новением рук, как мой сын. Но зато у меня есть знание будущего. Моя вера укрепилась, от увиденного в Раю. Но моя вера укрепилась не в тебе как вездесущем и непогрешимом, а в людях, чьи поступки явились мерилom их дальнейшего существования уже на новом месте. И хотя в прежней своей жизни я представляла райскую жизнь совсем по-другому, увиденное мной, нисколько меня не разочаровало. Вместо праздного безделья и пустого славословия в адрес некоторых, люди в Раю, или как вы говорите на Платформе, живут полной и насыщенной жизнью. Живут своим трудом, испытывая радости и печали, но избавленные от внутреннего и внешнего ежечасного подавления. Живут в мире и согласии с природой и с собой. А главное, что имеют возможность реализовать свои мечты. Никто из вас не задумывался, что именно реализация своей мечты поднимает человека, а вместе с ним и все общество, на другую ступень развития, где тоже появляются новые мечты и возможности их реализовать. Так они и движутся рука об руку – мечты и возможности, подтягивая друг друга. Я наверно слишком сумбурно выражаюсь и меня трудно понять. Прости.

– Разве я не делаю то же самое, только, в гораздо больших масштабах?! Разве не я указываю им дорогу в правильном направлении? Разве не я и напрямую, как это было с Авраамом, и через посредников, коей являются основные земные религии, предлагаю человечеству шанс на развитие без самоуничтожения? В конце концов, разве не я построил эту

Платформу – воплощение самой заветной мечты землян о бессмертии? – упрямо и недоумевающее от того что она не видит очевидного, проговорил он.

– Вот, в этом весь ты. У тебя на первом месте стоит «я», – с сочувствием в голосе проронила она.

– Да! Да! Я весь в этом! – уже прокричал он. – И я горжусь собой! У меня есть к этому законные основания! Это я поднял проблематику таких цивилизаций как ваша. Это я сломал бытовавшие стереотипы о невозможности убереечь вас от самоубийства! У каждого своя колокольня, с которой он вещает свои истины! И со своей колокольни, ты, безусловно права! Но ведь и у меня тоже есть своя колокольня! И с нее я вижу дальше! Или может скажешь, что я должен все бросить и пустить дело на самотек?!

– О чем ты говоришь?! У тебя даже левая рука не знает, что творит правая. Ты даже не замечаешь, что ты сам – одно большое противоречие. Дав свободу воли людям, ты тут же принимаешься наказывать их за это. Вспомни Содом с Гоморрой, Великий потоп, Вавилонскую башню, наконец. Мало?! Разобщив людей, ты же сам себе осложняешь всю дальнейшую работу.

– Мало! – разозлился он. – Не выгги я вовремя эту извращенческую заразу и она расползлась бы по всей планете. И человечество просто бы перестало существовать еще тогда. Великий Потоп был, не спорю, но он имел под собой чисто технический сбой в результате предшествующего оледе-

нения (Рассказывать, что потоп случился в результате действий простой уборщицы, он благоразумно не стал, чтобы окончательно не уронить свой авторитет). А уж священники потом подвели под это происшествие религиозную базу. А что же касается Вавилонской Башни, то, во-первых, люди и до этого разговаривали на разных языках и наречиях, вследствие физиологических особенностей строения носоглоточного аппарата у представителей различных рас. Во-вторых, в ее крушении люди виноваты сами. Я не мешал им. Думал, ладно, пусть потешат свое тщеславие – доберутся до высот с разряженной атмосферой и успокоятся. Так кто же мог подумать, что эти бестолочи мало того, что проигнорировали закладку фундамента на должную глубину, мало того, что они решили строить ее с прямыми, а не конусовидными стенами, так они ее еще принялись строить из кирпичей! Кирпичей! А ведь я предупреждал их, чтобы они не строили ее хотя бы рядом с городом. При сейсмической активности в данном регионе, сильных ветрах, при большой «парусности», ты представляешь, что бы было, упали эта махина на город?! Это хорошо, что она ссыпалась внутрь самой себя. А в-третьих, ты бы поменьше увлекалась церковной беллетристикой.

– Знаешь ты кто?! – воскликнула она.

– Ну?

– Ты умный, но злой врачеватель людских ран. Ты опытный и умелый целитель, зашедший в барак для прокаженных. Ты поставил правильный диагноз и назначил лечение,

написав рецептуру горькой микстуры на бумажке... И вышел. С твоей точки зрения ты сделал все правильно. Но ты вышел из барака. Отстранился. А кто будет выхаживать больных?! Кто будет готовить и подавать им лекарство? Кто уврачует их раны? Здоровых-то нет! Кругом такие же больные. Ты погляди на Землю! Там же, куда не кинь взор, везде плач и погребальный стон, то от войн, то от болезней, то от несправедливостей жизни! А ведь твою рецептуру они даже прочесть и понять зачастую не в силах, так как неграмотны.

– Люди должны излечиться сами! Я не могу стоять рядом и утирать каждый сопливый нос. У меня не сто рук и раздвигаться я пока тоже не умею. И не забывай, что у злого, как ты говоришь, врачевателя еще куча таких же бараков, где его тоже ждут! Или их бросить?! Пусть подышают, даже без надежды на исцеление?! Спасая одних, я невольно обрекаю на гибель других.

– Но пойми и ты, – парировала она его тираду, – что оставив не долеченными больных в этом бараке, ты обрекаешь все свои прежние труды насмарку. Ты вынужден будешь всю жизнь бегать по баракам, раздавая правильные рецепты, и не вникая в результаты лечения, а люди все равно будут умирать. А в итоге не получится никакого лечения. Нельзя излечиться наполовину. И сам ты так до конца и не будешь знать, так ли хороши твои рецепты. Круг замкнется, а результата не будет. И твоя блестящая теория потерпит крах. Она и сейчас, если честно сказать, не слишком оправдывается. Но и

это еще не конец...

– А что?! – с нескрываемым беспокойством уставился он на нее.

– Закончится все тем, что разочарованные в твоём «лечении» они сначала подвергнут сомнению твою божественность, а потом и вовсе проклянут! – закончила она на высокой ноте и оборвала.

Помолчали. Видно было, как капельки пота блестят на его висках.

– Что конкретно ты собираешься предложить мне делать? – махнув рукой на строптивную женщину, спросил Господь.

– Тебе? – спросила она в свою очередь, взглянув на него, как будто увидев впервые. – Ничего. Просто я хочу принять участие в исцелении до полного выздоровления хотя бы одного мира. Кто-то же должен утирать сопливые носы, если ты занят более важными делами. Я согласна это делать. Моей маленькой колоколенке этого будет достаточно.

– Все-таки хочешь оставить меня одного? – тихо спросил он. – Ты бы могла заниматься этими делами и не уходя. Работа бы нашлась, как раз по твоему желанию – врачевать и утешать...

– Ты не остаешься один. С тобой твои соратники и твоя работа, – так же тихо ответила она.

– Это все так. Но кроме работы и соратников у каждого должен быть кто-то, кто гораздо ближе. С кем можно было

бы поделиться сокровенным

– Ты уже поделился однажды, своим сокровенным, – фыркнула она, но наткнувшись на просящий и беззащитный взгляд собеседника, осеклась. – Прости. Я не могу. Не могу сейчас. Лужайка, на которой росли мои цветы, выгорела под лучами безжалостного солнца. Там остался один пепел. Нужно долго вновь поливать ее, чтобы новые ростки вновь появились на свет. А для этого нужно время и терпение. Большое терпение и большое время.

– Значит, я могу надеяться на то, что ты уходишь не навсегда?! – с надеждой заглядывая ей в глаза, спросил он.

– Да. Я прошу тебя послать меня в эту, как она называется не помню... Ах, да, командировку. Смешное название, – без смеха проговорила Мария.

– Но ведь из командировок принято возвращаться?! – ухватился он за спасительную мысль.

– Да. Чтобы получить советы и указания и вновь отбыть в следующую, – сказала она, уже собираясь уходить туда, где ее ожидали топтавшиеся от безделья серафимы.

– Значит, ты будешь возвращаться ко мне, и у меня вновь появится шанс попытаться обрести твою благосклонность?

– Посмотрим, – бросила она, не оборачиваясь и выходя из комнаты.

С того самого разговора прошло уже почти два года по меркам Сирении и около двух тысяч лет по меркам Земли. Они встречались несколько раз, потому что ей приходилось

обращаться к нему за помощью в том или ином деле, где она не могла ничего сама сделать или же не знала как. Он всегда с большой охотой помогал ей, решиться завести разговор подобный этому, не решался. Да и она сама не давала пока никаких знаков свидетельствующих о том, что лесная поляна ее чувств после пожара избавилась от гари и готова к цветению.

Голые пятки ног, просунутые в старенькие домашние тапки, почувствовали холодный ветерок весеннего дня не сразу, а только тогда, когда их хозяин очнулся от тяжелых воспоминаний своего недалекого прошлого. Очнуться от забытья его заставила, как всегда, сумбурная и маловразумительная мнемोगрамма Лилит. В ней, она, на грани паники, сообщала о каком-то невероятном молитвенном посыле на личный психотерминал Господя от архангела Гавриила. На уточняющий вопрос о том, что же там все-таки могло приключиться, глупая секретарша смогла только пояснить, что на архангела кто-то там напал, и он просит срочной помощи у Всевышнего. Представить себе, что на антропоморфного робота, суперкласса «архангел», который в одиночку мог бы справиться с армией среднего европейского государства, кто-то может покушаться, заходило за рамки разумного. С другой стороны, с ходу отметить паническое сообщение, напрочь лишенной какого бы то ни было воображения Лилит, тоже не стоило. Поэтому не трать драгоценного времени на переобучение, чертыхаясь и поминутно теряя на ходу тапки, Господь

ринулся к ближайшему телепортеру. Так, в тапках на босу ногу, он и заявился в приемную своего кабинета, где его уже с нетерпением ожидала жирафообразная и чокнутая на оба полушария головного мозга секретарша.

– Вот! – сразу атаковала она его, не обращая внимания на комичный вид вошедшего. – Посмотрите и убедитесь сами!

С этими словами она протянула начальнику длинную как сопля перфоленту мозговых излучений архангела, находящегося в молитвенном экстазе.

– Надеюсь, ты догадалась подключиться к его зрительно-слуховому аппарату и сделать соответствующую запись? – спросил он, испытующе приподняв бровь.

Секретарша обиженно фыркнула и протянула ему кристалл с записью всего того что происходило в кабинете серафима Исаэля. Господь взял из ее рук кристалл и уходя в свой кабинет бросил ей через плечо лапидарно:

– Кофе. Горячий. Несладкий. Побыстрее, пожалуйста.

– Может еще и какаву с чаем, прямо в постель?! – тут же не замедлила с ответом строптивца.

В самый ответственный момент ее как всегда начинало переклинивать, но он уже привык к ее эскападам и не обращал на это никакого внимания, зная, что излив всю накопившуюся желчь, она принесет все, что он заказал. Войдя в кабинет, включил монитор и сунул в приемное устройство кристалл. Он позволял видеть окружающую обстановку от лица архангела, слышать разговор двух высокопоставленных

собеседников, а так же читать их мысли, которые бегущей строкой проносились по экрану монитора. Уже через пять минут, полностью вникнув в происходящее, он молотил себя кулаком по ляжкам, приговаривая:

– Ах, вы протобестии! Архаровцы! Что удумали?! Ну, вот я вам ужо покажу, где зимует мать Кузьмы! Я вам устрою ралли Париж-Дакар! Ни стыда, ни совести у этих роботов не стало! Совсем охренели и берега попутали! Это все Яхве, сукин кот, постарался, вложить в них свои хитрые замашки, Крон бы сам до такого не додумался!

Он бы еще неизвестно сколько времени возмущался, тыча и грозя экрану указательным пальцем, если бы не вошла Лилит, открыв двери кабинета своим задом, так как руки были заняты подносом на котором исходил горячим паром кофе и белела содержимым сахарница. Все это она молча грохнула на стол со словами:

– Сахар сами положите по вкусу, чай не барин! – и удалилась, аппетитно раскачивая роскошными бедрами.

Руководитель филиала, привык к ее вечному, как Гималаи, хамству, однако принял. Взял стакан и осторожно сделал маленький глоточек. Так и есть:

– Мать твою! – выругался он в сердцах. – Опять цикорий! Да сколько можно-то!?

Впрочем, раскинув умом, никаких оргвыводов делать не стал, а просто добавил ложечку сахара и продолжил все так же отхлебывать маленькими глотками, здраво рассудив, что

цикорий все же не электролит, которым она запросто могла его напоить в очередном приступе феминизма. Перегружать и без того ее слабые мозги своими мыслеграммами не стал, из-за опасения окончательного переключивания, а потому просто включил селекторную связь и буркнул:

– Лилит, срочно ко мне Яхве и Одина. И еще Крона из твоей бывшей конторы кликни.

XXIII

Это была уже третья ночь, которую Захария – кавалер и полковник, провел у себя дома. Первая спокойная ночь. Он хорошо выспался, даже успел поглядеть какой-то сон, от которого даже не осталось четких воспоминаний. Звезда, исполняющая обязанности земного Солнца, называемая здесь – в «русском секторе» Ярилом или, взойдя чуть выше невысоких деревьев посаженных вокруг дома перед последней его командировкой, пощекотала веки. Он и так уже не спал, но глаза решил пока не открывать. Долго ли еще придется побыть в условиях, когда никуда не надо спешить, ни перед кем отчитываться? А главное, не надо ежеминутно принимать решения как за себя, так и за того в чьем теле находишься. Как сказал шеф, в их вчерашней непростой беседе, после того как основные вопросы с обеих сторон были освещены, нового назначения скоро ждать не придется, во всяком случае пока он сам не напишет рапорт о возвращении к послед-

нему месту командировки. Все кадровые вопросы на самом верху решили пока отложить в преддверии грядущих перемен, которые ожидаются вот-вот. Правда, «в русском секторе» понятие «вот-вот» имеет довольно растяжимое толкование, поэтому Захарию не удивило бы известие о том, что его новое назначение последует не раньше чем через год, а то и два. В Раю умели не спешить и не «пороть горячку». Время позволяло, как следует, подготовить будущий рапорт. Конечно, он желал вернуться на Землю для того, чтобы как-то устроить будущее Инессы, которую он по праву считал и своей дочерью. Вместе с этим он хотел расставить все точки над *i*, в своих отношениях с Ирией. Идеалом, в его представлении служила картина, когда он добивается от нее согласия на брак с условием дождаться его из действительно последней, на этот раз, командировки. Пятьдесят-шестьдесят лет ожидания это немалый срок, тем более немалый для такой хорошей девушки, а с другой стороны – не такой уж и большой. Тем более, что опыт ожидания у нее уже был, по крайней мере – двадцатилетний, что она работала секретаршей, к тому же эти ожидания не были подкреплены никакой надеждой. А с другой стороны – Инесса... Даже если его рапорт каким-то чудом удовлетворят, будет ли у него возможность открыться ей? Как воспримет она его в ином облике? Надо еще не забыть позаботиться о хорошем ангеле-хранителе для нее. Такие дела не следует пускать на самотек. Если будет возможность, то надо самолично подобрать достойную

кандидатуру из опытных ангелиц. Этим следует заняться, не мешкая, можно даже завтра. Солнечный свет, отразившись в большом настенном зеркале, висящем напротив кровати, ударил по глазам. Захария еще сильнее зажмурился и улыбнулся. Этот свет падал ему на лицо всегда в одно и тоже время, вот уже много лет, поэтому он с точностью мог назвать его – 9 часов 36 минут. Пора было вставать. Нехотя встал. Похмелья после вчерашнего не давало о себе знать. За три с лишним тысячи лет работы полевым агентом чего только не приходилось пить – от тарасуна до романеи, поэтому в отличие от неопытного в этом деле Левушки, он знал, как пить, что пить и сколько и чем закусывать, чтобы наутро не выглядеть тряпкой.

Гигиенические процедуры не заняли много времени, а вот с заказом завтрака пришлось немного поднапрячься. Тосты, бутерброды, омлеты с вариациями и тривиальный «Якобс», надоели ему еще на Земле. Хотелось чего-нибудь хоть и неприятного, но более оригинального. Быстро пробежался по меню ближайших кафе. Ассортимент неожиданно порадовал и одновременно ввел в замешательство своим разнообразием. Ничего толком не выбрав, решил закрыть глаза и ткнуть пальцем наугад. Палец угодил в перловую кашу с сухофруктами и шоколадными оладушками. Чай с бергамотом завершил скромную композицию. Покончив с завтраком, включил комтор. Опять поздравительные сообщения, просьбы дать интервью телевидению и прочая лабуда.

Слегка огорчился – заветного имени в числе пропущенных звонков не присутствовало. Немного помявшись, решил все-таки проявить инициативу и не без трепета набрал заветное имя и номер. Вопреки ожиданиям, она не стала испытывать его терпение, почти сразу выйдя на связь.

– Привет! – поздоровался он, увидев, на маленьком экранчике, знакомые и милые черты. – Вы мне не звонили?!

– А разве у вас есть пропущенные от меня звонки? – спросила она в свою очередь, улыбаясь.

– Нет, поэтому и спрашиваю. А то я вчера немного замолчался...

– Я понимаю, – кивнула она, – у меня и самой вчера была напряженка. Секция и прочее...

– Я помню, вы говорили об этом на балу.

– У вас ко мне какое-то дело? – осторожно поинтересовалась Ирия, не убирая улыбку с лица.

– В общем-то, – начал он, но прервал сам себя. – Ирия, у меня к вам есть два предложения!

– Ооо! Целых два? Это интригует! Я должна выбирать одно из двух, или принять оба?! – сделав круглые, как у маленького совенка глаза, спросила она.

– Оба принять! И одобрить, сразу в первом и втором чтении! – засмеялся Захария.

– Излагайте! – тоном избалованной, но заинтригованной маркизы сообщила она.

– Во-первых, давайте перейдем на «ты». Тем более раз-

ница в возрасте между нами, всего то, какие-нибудь три с половиной или чуть больше лет, – игриво, как ему самому показалось, проговорил он.

– Что?! Неужели я так плохо выгляжу в свои детские 76 лет?! – едва скрывая откровенный смех, спросила она.

– Эээ, честно говоря, я не ожидал от вас такого ответа, – смутился Захария.

– А какого ждали?

– Ну, что-то вроде... ах, как вы хорошо сохранились, по сравнению с чучелом Тутанхамона! – опять засмеялся он и она с удовольствием его поддержала. – Так, как вам мое предложение? Не слишком дерзкое?

– Дерзкое! – согласилась она, деловито кивнув. – Но вам, в смысле «тебе» в этом плане отчаянно повезло. Люблю дерзких мужчин. Поэтому, я пожалуй соглашусь перейти на «ты» в нерабочей обстановке. Второе предложение будет из этой же серии? – она остро взглянула ему прямо в глаза, уже без смеха.

– Да, Ирия. Из этой. Я приглашаю вас, то есть тебя, провести этот день в моей компании. Побродить по Городу, посетить памятные места, где-нибудь посидеть за чашечкой чего-нибудь бодрящего...

– Мне сразу соглашаться, или для приличия можно немного поломаться?! – она опять улыбнулась ему тепло и нежно.

– Конечно, соглашаться сразу! А поломаться можно будет

уже потом, в процессе, так сказать, – сразу и не задумываясь, нашел он выход.

– Это деловой подход. Я, пожалуй, соглашусь с предложением. Сколько у меня времени для того, чтобы привести себя в надлежащий вид? – спросила она твердым и уверенным в себе голосом.

– Здесь неуместны никакие ограничения, – подбоченясь, сообщил он.

– А вы, тьфу ты, мне нравишься! – засмеялась она. – Хорошо. Я не стану злоупотреблять мужским терпением и обещаю управиться за полчаса. Где встречаемся?

– Как настоящий кавалер, я буду ожидать твоего выхода у подъезда, – заявил он, пытаясь прищелкнуть голыми пятками.

– Хорошо, – сказала она и отключилась, чтобы не терять время.

Захария тоже не стал прохлаждаться в ожидании оставшегося до встречи времени, а направился к платяному шкафу, где хранился его невеликий, как и у всех холостяков, гардероб. Посетовав на то, что забыл спросить у Ирии о том, в чем она будет одета, дабы как-то сочетать свой внешний вид с ее, открыл створки шкафа. Не придумав ничего толкового, решил надеть белые брюки со светлыми туфлями, и белую футболку, изображающую олимпийского Мишку с надписью «Олимпиада-80». Предполагая, что свидание может затянуться до позднего вечера, благоразумно взял с собой

ветровку, тоже, кстати, белого цвета. Вечером может быть прохладно, а косточки почти четырех тысячелетнего старца надо держать в тепле. Но сейчас он не стал ее надевать, а просто свернул и повесил на руку. Процесс одевания завершился подпоясыванием таким же белым ремнем и навешиванием на него поясного кошелька. Захотел подушиться мужским одеколоном «Айсберг», но не рискнул, боясь, что специфический запах может не понравиться спутнице. Глянув на себя в зеркало и убедившись в который уже раз, что не просто хорош, а «душка», вышел из дома. Через пять минут он уже топтался у подъезда многоэтажки в ожидании любимой, не забыв по пути заскочить к ближайшему банкомату, чтобы обналичить небольшую сумму, так, на всякий случай. Ровно в означенное время из подъездного чрева буквально выпорхнула Ирия. Если на свете и была женщина, которая могла бы удивить чем-нибудь Захарию, то она носила имя – Ирия. Как будто заранее прочитав его мысли, она тоже была в белом. Белое платье до колен в стиле «бэби долл» и белые туфельки на невысоких и устойчивых каблучках делали из нее воздушное, почти невесомое создание.

– Как я угадала с платьем! – захлопала она в ладоши при виде своего спутника. – Белое тебе очень идет!

– А тебе идет все! Даже если бы ты надела на себя мешок из-под картошки, то все равно бы выглядела принцессой!

– Типа «подлецу – все к лицу»?! – прищурилась она на него, притворно сердясь.

– Да нет! Что ты?! Я наоборот! Поверь, без всякой задней мысли! – замахал он на нее руками.

– Без задней мысли, говоришь?! А тогда с какой?! С передней?! – продолжала она насмешливо допытываться, наблюдая, как ее вопросы вгоняют его в краску.

– Да нет же! Уверяю, у меня вообще не было никаких мыслей, – чуя, что окончательно запутывается в мыслях, бормотал он невнятно.

– Что? Никаких-никаких мыслей?! – продолжала она его терзать.

– Все-все! Сдаюсь! Молодое поколение мне, старику не переспорить! – поднял он руки кверху, сдаваясь на милость победителя.

– Нельзя так быстро сдаваться! – топнула она на него ножкой. – Бороться нужно до конца! Даже если у тебя из рук выпал меч, даже если ты упал, и к твоему горлу приставили мизерикордию! Меня так учил папа, а папа для меня – высший авторитет!

– А кто у нас будет папа?! – улыбнулся он от ее неожиданного напора.

– А папа у нас буду я, – проговорил кто-то негромким голосом за спиной у Захарии.

Захария моментально обернулся и встретился взглядом с таким же высоким, как и он сам молодым человеком, лет двадцати пяти. Но учитывая райские особенности, ему запросто могло оказаться сколько угодно лет, от ста, судя по

возрасту дочери и до двух тысяч. Папа был одет в летний армейский камуфляж, высокие болотные сапоги и панаму армейского образца времен Советского Союза, сдвинутую на затылок, так, что хорошо были видны его внимательные стальные глаза с белесыми бровями и прищуром профессионального снайпера. В одной руке он держал удочку из искусственного бамбука, а в другой пластмассовое ведро, наполовину наполненное еще трепыхающимися карасями.

– Ой, пап, познакомься, это Захария! – защebetала Ирия, нисколько не растерявшись от возникшей неожиданности.

– Захария, – представился полковник потенциальному тестю, протягивая свою руку для пожатия.

– Евстафий Андреевич, – отрекомендовался тот, неспешно ставя ведро на тротуар и пожимая протянутую руку.

Пожатие у него было крепким, но без фокусов, когда начинают изо всех сил давить руку визави для того, чтобы показать кто в доме хозяин положения.

– Где-то я вас уже видел, – задумчиво произнес Евстафий Андреевич, – уж больно лицо мне ваше знакомо.

Захария пожал плечами, но тоже более внимательным взглядом окинул собеседника. Его лицо тоже ему кого-то напоминало, но он не мог пока вспомнить кого именно. Тем временем, видимо прокрутив в голове недавно встречающиеся образы, рыбак неожиданно хлопнул себя по лбу:

– Ну как же! Вспомнил! Ее вот, – ткнул он пальцем в сторону дочери, – спальня вся утыкана твоими фотографиями.

Лет пятьдесят уже собирает и развешивает.

– Ну, пап! – негодуяще воскликнула дочь, покрываясь алой краской до корней волос.

– Что, пап?! – ехидно осведомился отец. – Радоваться надо, а не возмущаться. Все фотки да фотки, а тут, понимаешь, натуральный образец. Герой, кавалер, без пяти минут генерал. Честь какая, нам с матерью.

– Пап, перестань! Вечно ты со своими насмешками, – перешла дочь в контратаку.

И тут Захария вспомнил этот чуть насмешливый взгляд светлых, как литовские озера глаз. Он несколько раз видел этого человека на форумах и заседаниях ангельских служб, требующих координации действий между полевыми агентами и ангельским спецназом. Помнится у обладателя этих глаз было звание подполковника и должность заместителя командира сил специального назначения Шестого Сектора. А еще ему вспомнился кровавый и страшный XIV век и юноша с тем же именем и теми же глазами, залитый кровью и с веревкой на шее. В постный день юный воин Великого князя литовского Ольгерда по имени Евстафий публично отказался оскоромиться за что жестокий правитель приказал своим палачам отрубить ему ноги и руки, но не добился от того даже стога. Вконец обозленный упорством юного воина, он приказал повесить его на нижних ветвях раскидистого дуба. «Теперь понятно, откуда у нее фамилия Литвинова» – пронеслось молнией у него в голове.

Не вникая в препирательства дочери и отца и игнорируя явную насмешку в свой адрес (спецназовцы всегда были слегка высокомерны к ангелам-хранителям, считая их всего лишь людскими советниками, а не настоящими защитниками, как они сами), Захария взял слово:

– Прошу простить меня великодушно, Евстафий Андреевич, за то, что не представился вам заранее. Поверьте, просто пока не нашел подходящего случая повода. Мы с вашей замечательной дочерью знакомы всего три дня, и я теперь понимаю, откуда в ней столько хороших и достойных черт.

– Зачетно, – проговорил папаша, поднимая большой палец правой руки. – Ладно, полкан, не надо лишних суесловий. Мы взрослые люди и все понимаем. Единственное о чем прошу, так это сберечь честь моей дочери и моей семьи.

– В этом можете не сомневаться, – глядя прямо в глаза отцу, твердо сказал Захария и опять протянул руку.

Рука не повисла в воздухе. Ответное рукопожатие было таким же твердым и спокойно-уверенным, как и в прошлый раз.

– Сейчас в гости не зову. Вижу, что вам пока надо пообщаться в спокойной обстановке, побыть наедине, но в дальнейшем, милости просим. Двери нашего дома для вас открыты.

– Спасибо! – расчувствовался Захария. – Я обязательно воспользуюсь вашим приглашением, причем, в кратчайшее время.

– Мать дома? – спросил Евстафий у дочери.

– Да, – кивнула она, – утром пришла с дежурства. Спит.

– Ладно. Я тихонько тогда. А вы, – обратился он к Захарии, – надолго гулять собрались, молодежь?

Ирия не удержалась и прыснула от смеха. Улыбнулся и Захария. Поняв двусмысленность слова «молодежь», Евстафий тоже не смог скрыть улыбку.

– Я помню. Мне ваша дочь уже говорила, что позже одиннадцати задерживаться ей крайне не рекомендуется, поэтому следуя духу и букве вашего домашнего устава, обязуюсь уложиться в нормативные сроки, доставив ее к этому же самому месту в целостности и полной сохранности, – на полном серьезе ответил он за себя и за свою спутницу.

– Одобряю, – поддерживая полуофициальный тон, коротко высказался отец. И еще немного подумав, добавил. – Вечером может быть прохладно, ты бы кофту взяла какую. И мороженого много не ешь. Не забывай, что у тебя – гланды. В общем, как-то так.

Он еще потоптался немного, и потом, неловко козырнув занятой ведерком рукой, направился к подъезду.

Захария еще некоторое время оставался под впечатлением от встречи с отцом Ирии. Провожая взглядом удаляющуюся фигуру Литвинова, он воскресил в памяти все, что знал до этого о специализированном воинском формировании, в котором тот служил. Выше уже сообщалось, что профессия «спецназовца» была из числа наиболее «героически» и в то

же время являлась мельницей, зачастую перемалывающей судьбы своих служащих. Служить туда шли отчаянные «составители», заранее поставившие крест на своем семейном будущем. Выходить замуж за ангела, который может окончательно погибнуть в любой момент, соглашались единицы, которых без труда можно было сосчитать по пальцам двух рук. Семья Ирии, судя по всему, как раз и была из их числа. Предназначение «спецназа» заключалось в оперативном и точечном вмешательстве в события, грозящие фатальными последствиями. Их, срочным образом, посылали туда, где по каким-то причинам возникала неожиданная угроза, а персонально закрепленных ангелов-хранителей, либо не хватало для ее купирования, либо их не было вовсе. Обычно, в место потенциальной угрозы посылали одного, редко – двоих «спецназовцев». (Захария не знал, что 26 апреля 1986 года на ликвидацию Чернобыльской аварии было брошено более ста «спецназовцев», так как уже находился в это время в теле Круглова). Количественный состав войск специального назначения по сравнению с общим числом ангелов было невелико. В Русском Секторе спецназовцев насчитывалось едва ли больше двух тысяч. Подготовка каждого бойца «спецназа» носила длительный, сложный и весьма затратный характер. Постоянные изнурительные тренировки и экзамены по широкому спектру дисциплин, начиная с физической подготовки с элементами рукопашного боя и заканчивая изучением устройства всех видов ядерных реакторов, оставляли в

строю лишь единицы из числа желающих встать в их ряды. Эти немногочисленные воинские соединения присутствовали не во всех секторах Рая. Подобные подразделения базировались только в Европейском, Азиатском и Русском секторах в связи с тем, что основные трагические события на Земле происходили именно в этих регионах. Остальные сектора могли себе позволить не содержать столь затратные воинские формирования, уповая, в случае чего, на своих соседей, которые, впрочем, никогда им не отказывали в помощи.

Для лучшего уяснения сути работы воинов «спецназа» можно привести несколько достаточно красноречивых примеров. Представим на минуту поле боя. Бой еще идет, и нет ему конца, а на поле боя то там, то тут уже лежат раненые, многие из которых находятся в тяжелом состоянии. Юная санинструктор подползает к одному такому, нуждающемуся в срочной эвакуации. В ней самой, вместе с сумкой перевязочных материалов меньше пятидесяти килограмм, а в раненом бойце – около сотни. И вот эта малютка пытается вытащить его с поля боя. По всем известным канонам это абсолютно бесперспективное дело, если подходить с научной точки зрения. Но нет. Она взваливает на себя почти бездыханное тело в два раза превышающее ее по величине и массе и начинает медленно ползти со своей ношей до родных окопов. Невозможно? Да. Только никто не видит, что рядом с ней беря на себя едва ли не большую часть нагрузки, ползет и пыхтит ангел. Так, втроем, они и добираются до своих, но об

этом никто никогда не узнает. Лишь опытные седоусые бойцы, являясь свидетелями подобных сцен, покачивая головами, скажут тихо в усы: «Тут без ангела не обошлось. Факт».

Или вот еще. Рота изнуренных бойцов, среди которых больше половины раненых никак не может оторваться от преследующих его фашистских стервятников. Остаться в заслоне – стопроцентно обрекая себя на смерть остается молоденький парнишка первого года призыва. Остается с «максимом» для которого нет даже положенного второго номера. Патроны для него собирают со всей роты, но их хватает только на то, чтобы снарядить полторы ленты. Даже отчаянно экономя патроны, мальчишке больше получаса не выстоять. Рота уходит, низко кланяясь оставшемуся смертнику. Уже через 15 минут арьергард слышит первые выстрелы. Проходит полчаса. Час. Два. Но выстрелы не смолкают. Что за чудо? А чуда никакого нет. Это ангел залег на место «второго номера» и все падает и подает «первому» патроны. И патронам этим нет конца. Бойцу бы удивиться от такого невероятного случая, но некогда, надо стрелять. И он продолжает стрельбу. Уже и кожух ствола раскалился добела от непрерывной стрельбы, но ангел не дает стволу разорваться. Он машет крыльями и тот остывает, а крылья ангела обгорают от соприкосновения с раскаленным металлом. Пулеметчик слышал хлопанье крыльев, но не мог видеть своего неожиданного помощника. Но воинское счастье не бывает вечным, и когда одна из пуль разрывает сердце храбреца-одиночки, ан-

гел оттаскивает его тело в сторону и присыпает землей, чтобы враги в ярости от понесенных потерь не надругались над его уже бездыханным телом..

Бывали и такие случаи. Сбрасывает, к примеру, нелюдь в образе летчика люфтваффе бомбу особой мощности, способной пробить многоэтажный дом от крыши до подвала и взорваться там. А в подвале собрали ребятешек из близлежащего садика. С нестерпимым воем несется смерть с высоты, проламывая на своем пути этажные перекрытия, и уже добралась до подвала, но могучие плечи ангела, вовремя подставленные под головку контактного взрывателя не дают ей взорваться. Пока детей спешно выводят из подвала, он из последних сил, до порванных жил и крови изо рта удерживает на себе смерть, как атлант Землю. Бомба не взорвалась. Прибывшие на место несостоявшейся (не состоявшейся ли?) трагедии саперы обезвреживают почти двухтонную SC-1800. А еще через пять минут после них прибывают ангелы из спасательного отряда и достают буквально вмятого в бетон фундамента своего товарища. У него сломаны крылья и ребра, раздавлены все внутренности, но он еще живой. Затянутые кровавой паутиной глаза пытаются разглядеть окружающих, а губы еле шепчут: «Дети живы?» Получив утвердительный ответ, он слабо улыбается и закрывает глаза. Уже навсегда. Спасатели поднимают тело своего коллеги, и положив его на свои плечи, в скорбном молчании уносят к месту его последнего пристанища. Домой.

Или вот совсем свежий случай. Когда разразилась Чернобыльская катастрофа, целую роту подняли по тревоге и отправили в помощь лейтенанту Виктору Правичу. Никто тогда не знал, как надо правильно бороться с огнем в активной зоне реактора, ни люди, ни ангелы. Не было такого опыта. Это уж потом появились методички и инструкции, разработанные при участии самого Курчатова, а тогда они просто прибыли наспех собранные и никак не экипированные. Помогали пожарным качать воду ручными помпами, взобравшись на крышу четвертого энергоблока, голыми руками сбрасывали вниз радиоактивный шлак, проникали в самое сердце реактора, протаскивая в узость переходов пожарные шланги. И хотя кремниевым ангелам радиация была не так страшна, как людям, многие из них тогда получили сильнейшие ожоги.

А уж сколько раз им приходилось предотвращать начало апокалипсиса Третьей Мировой войны, вмешиваясь в работу внезапно «сошедшей с ума» электроники», знало только руководство ангельского воинства.

В Раю все знают, на Земле знают лишь единицы, а остальные могут только догадываться, что в знаменитом параде Победы, состоявшемся 24 июня 1945 года, принимал участие сводный батальон ангельского «спецназа». В то памятное утро с утра зарядил нудный не по-летнему дождик. Когда основная часть парадных «коробочек» прошла перед мавзолеем, то после пулеметных тачанок, перед тем как должна

была пройти колонна техники, образовалась небольшая пауза. Именно во время этой паузы и прошел, чеканя шаг, сводный ангельский батальон, как раз под командованием, тогда еще майора, Евстафия Андреевича Литвинова. Капли дождя падавшие на марширующих ангелов частично демаскировали их перед многочисленной публикой и не менее многочисленными кинооператорами. От внимательного взора людей и телекамер не укрылись призрачные крылатые существа стройно и гордо маршировавшие мимо трибун. Не укрылось это и от Сталина. Все, кто были на площади замерли в оцепенении, но даже до самых тугих умом дошло, что Небесное Воинство на стороне советского народа. Дошла эта немудрящая мысль и до военных атташе «союзных» государств. И в высоких кабинетах, где-то там за морями, сделали из этого правильные выводы. Конечно, киноаппараты и пленку, компетентные органы изъяли, а в официальной кинохронике на этом месте образовался никем не объясняемый разрыв и довольно неумелая склейка. Но только с тех пор, по негласному распоряжению высшего руководства страны, перед тем, как парадный оркестр завершит свое прохождение, давалась пауза, в несколько минут, для того, чтобы ангелы смогли пройти строем в заслуженном ими параде.

Все эти воспоминания быстрой стаей пронеслись в голове Захарии, однако его слегка задумчивый вид не укрылся от взора девушки.

– Гражданин кавалер, – нетерпеливо обратилась она к сво-

ему спутнику, – вы долго еще намерены разглядывать мой подъезд?

– А? Что? – не сразу сориентировался он, отходя от воспоминаний. – Прости Ирия, задумался, глядя на твоего отца.

– Понимаю. Я тоже часто задумываюсь о нем. И все время боюсь, что однажды и он может не вернуться из очередной операции по спасению кого-то или чего-то, – голосом полным печали и сострадания произнесла она. – А на маму, так и вообще смотреть страшно в это время. Остановится и молчит, глядя в одну точку. Она и спит то только когда он рядом.

– Прости. Я правильно понял, что мама где-то работает на ответственном посту? Ты сказала, что она где-то дежурила.

– Да. Она работает врачом в ангельском госпитале, закреплена за «спецназом», – улыбнулась она. Мысль о маме помогла девушке выйти из тревожного состояния. – Она у меня из XV века. Из-под Пскова. Была послушницей в женском монастыре. Травы целебные собирала, за больными да немощными ходила. Как-то после очередного мора от черной оспы, заметила она, что некоторые крестьянки, что имеют дело с коровами, хоть и болеют оспой, но все же не умирают, как остальные. Вот и удумала прокалывать оспенные пустулы доярок, да протягивать через них нитку, а потом поцарапала свою кожу на руке, да и привязала эту нитку в поцарапанном месте. Заболела, конечно, но оклемалась. А потом и деревенским ребятишкам такое сделала, утаив от их родителей. Кто-то из них проговорился родителям, а те по-

шли жаловаться матери-настоятельнице. Та испугалась, что крестьяне подожгут обитель и ввергла маму в монастырское узилище, в подвал на цепь посадила. Там мама и умерла через три года от чахотки. А тут вот уже и папу встретила.

– Да-а, – протянул Захария, – невеселое повествование, как я погляжу. Что ж, значит, ты уже во втором поколении служишь в ангельском воинстве? Династия? Ну, хорошо, что хоть за тебя у матери душа не трепещет.

– Почему же не трепещет? – лукаво скосив на него глаза, спросила она.

– Ну-у, – потому что работа секретарем чуть менее опасна, чем работа спецназовцем, – улыбнулся он ей в ответ. – Правда, тут тоже имеются свои риски, если учесть то, с каким начальством тебе приходится иметь дело ежедневно.

– А с чего ты взял, что я не состою в «спецназе»? – вкрадчиво поинтересовалась она, заглядывая ему прямо в зрачки.

– То есть как это, состою?! – не понял он. – Ты же – секретарь. Или я настолько отстал за тридцать лет, что ничего не понимаю в происходящем?!

– Не столько отстал, сколько никогда этим не интересовался. Уже более ста лет, как в спецназ начали принимать и девушек. Двадцать лет назад я подала заявку о зачислении меня на вольные курсы слушателей Высшего Ангельского Специального Военизированного Училища, где и занимаюсь раз в неделю без отрыва от основного места работы. Для краткости я называю это «секцией». Вчера, я как раз и была

на секции. Так как я всего лишь «вольный слушатель» и посещаю занятия раз в неделю, то мое обучение вместо положенных пяти лет, растягивается на двадцать пять. Папа настоял на этом, в надежде, что за четверть века мне это надоест, и я поменяю планы.

– Но...

– Но у меня папин характер, поэтому я никогда не меняю принятых ранее решений, – опять лукаво улыбнулась она. – И вообще, долго мы тут будем торчать?! Кто-то мне обещал прогулку...

– Ах, да, прости меня, пожалуйста. Сам вижу, что кавалер из меня еще тот...

– Вижу, – притворно грустно вздохнула она, но не удержалась и, схватив его за руку, потащила из двора на улицу, говоря на ходу, – у тебя, надеюсь, есть хотя бы примерный план мероприятий?

– Неа, – беззаботно ответил он. – Я же не знаю ничего о твоих предпочтениях, поэтому понадеялся на экспромт.

– Ну вот! – воскликнула она, всплескивая руками. – Я так и знала! Что за кавалеры пошли в последнее время?! Ровно телята. Кажется, я уже догадываюсь, кто из нас сегодня будет кавалером.

– А я, кстати, и не против этого. Я могу петь и вторым голосом. В моем почтенном возрасте это не позор.

– Все мужчины одинаковые. Как до дела доходит, так они сразу начинают ссылаться то на возраст, то на болячки. Лад-

но. Такова наша доля женская – быть мужчинами в критической ситуации.

– Ваша воля мадемуазель – наше исполнение, – ернически заявил он, когда они уже подходили к телепорту.

– Хорошо. Как ты насчет того, чтобы сходить в киношку? – спросила она, прищурившись и слегка наклонив голову, как спаниель. Этот наклон головы и сходство с шустрой собакой окончательно настроили его на игривый лад.

– Я – за! – поднял он обе руки кверху. – Куда пойдём?

– Я вчера, как раз, читала афишу. Сама сегодня собиралась сходить. В «Авангарде» сегодня дают «Летят журавли» в цветном исполнении. Я когда-то смотрела, когда еще маленькая была. В общем, плохо помню сюжет. Помню только, что грустно там все кончалось. А в «Оазисе» идет комедия «Гараж». Этот фильм вообще не помню. Кажется, не видела. До начала обоих сеансов осталось 15 минут. Остальные кинотеатры не запомнила.

– И что ты выбрала? – с интересом спросил он, так как хорошо помнил оба этих фильма, и ему было любопытно, какой из фильмов она предпочтет в итоге.

– Не хочу сегодня грустить, – прямо заявила она.

– Добро, – принял он ее точку зрения. – «Авангард» я знаю где, а вот «Оазис» что-то не припомню.

– Это на Чебурашкинской. Рядом с «Пирамидой».

– Какой-какой?! – переспросил он, думая, что ослышался.

– Чебура... Тьфу. Гостомысловской. Но все ее так на-

зывают, потому что там, у входа в «Детский Мир» стоит огромный плюшевый Чебурашка и всем говорит: «Приходите еще».

Гостомысловскую он знал. И уж тем более знал, где находится «Пирамида» – музей ранней античности.

– Отлично. Тогда давай оба до «Пирамиды», – сказал он и они, все, также дружно взявшись за руки, шагнули в круг телепорта.

XXIV

Через пару секунд они стояли возле громадного стеклянного здания, стилизованного под древнеегипетскую пирамиду. А чуть подалее от нее в окружении частокола пальм высилось розоватое здание похожее одновременно на Тадж-Махал и Топ-Капу с мелькающей огнями вывеской «Оазис». Народу в фойе кинотеатра было много, и Захария опасался, что ему не хватит билетов, поэтому оставив Ирию возле колонны розового порфира, мужественно ринулся на штурм кассы. Штурмовать, к счастью, не пришлось. Билеты еще оставались. Билеты, не без тайного умысла взял в самом последнем ряду. Зрительный зал практически ничем не отличался от тысяч таких же залов, находящихся от него в миллиардах километров. Честно сказать, Захария не ожидал, что местные мастера киноиндустрии, так смогут обработать кадры довольно старого фильма, что он получив голографиче-

ский эффект и объемный стереозвук заиграет всеми красками и таким образом превратят непритязательный сюжет фильма, снятый на одном единственном плане, в красочное повествование. Он с удовольствием позволил себе окунуться в давно всем известные перипетии фильма, с легкой тенью ностальгии отмечая известные всем советским людям «крылатые фразы». Он несколько раз бросал косые взгляды на свою спутницу, желая выяснить ее реакцию на то или иное действие героев фильма при случае охотно дать пояснения, если возникнет в них нужда, но девушка, не отрываясь от экрана, словно бы забыла о его существовании. Это слегка обижало и напрягало. Где-то с середины фильма, он и сам почувствовал, что с публикой в зале творится что-то необъяснимое. Ни шороха, ни скрипа, не говоря уже о смехе. Если бы сейчас кто-то прекратил вдруг сеанс, то запросто могло возникнуть ощущение, что находишься не в кинотеатре, а в музее мадам Тюссо. Когда показ окончился и в зале вспыхнул свет, публика начала отходить от оцепенения, но и это действие с ее стороны было каким-то вялым и неуверенным. Он взглянул на свою девушку. Вид у той был обалдевший и пришибленный. Он сначала было засмеялся, так неловко и нелепо выглядела его спутница, а потом осекся, напорвшись на ее непонимающий и недоумевающий взгляд.

– Что это было? – медленно выговаривая слова, будто все еще не до конца пришла в себя, проговорила она. – Там ясно было написано, что это комедия.

– Ну да! Конечно комедия. Я несколько раз уже смотрел ее. Мне нравится, – бодро ответил он.

Она посмотрела на него с какой-то материнской жалостью в глазах, как будто он был ее единственным ребенком, да и то больным на всю голову. Затем, молча, встала с кресла и побрела, едва не запинаясь к выходу. Он поспешил за ней, явно не понимая ни ее реакции, ни реакции окружающих на бессмертное творение Эльдара Рязанова. Уже выйдя на свежий воздух, он попытался выяснить причины ее неадекватной, по его мнению, реакции. На его вопросы о том, что не так, она сначала только хмурилась и отмалчивалась. В конце концов, это ей самой надоело и ее прорвало. Короткие, как экономные пулеметные очереди фразы срывались с языка симпатичной девушки и обличительным градом посыпались на ни в чем не повинного в людских грехах ангела:

– Да какая же это комедия?! – в запале восклицала она. – Три десятка взрослых, и судя по всему серьезных людей, из диалога которых я поняла, что все они научные сотрудники одного учреждения, призванного охранять животных, заперты в музее таксидермии. Ничего себе охрана редких видов животных?! Я так же поняла, что они принадлежат к разным ступеням научной иерархии. И о чем они спорят, оставшись после работы? О проблемах науки?! Нет. Об оздоровлении отношений внутри коллектива?! Тоже нет, а зря. А о чем же тогда?! О каких-то огороженных кирпичом участках, если не ошибаюсь, примерно 20-ти квадратных метров каждый,

под названием «гараж». Для чего?! Для того, чтобы поставить туда индивидуальное транспортное средство. Но позвольте, а причем тут стены научного заведения? Эти люди, вообще, чем занимаются? Какие научные проблемы решают? Или они собрались на ярмарку своего мещанского тщеславия?

– Видишь ли, – попробовал вставить он.

– Вижу. Ты хотел, чтобы я высказалась? Я высказываюсь. Потерпи, я скоро закончу, – перебила она его в пылу полемического задора с самой собой. – Что уж это за такие волшебные квадратные метры и где они находятся, если из-за них готовы продать Родину и дом, в котором родился?! Почему ты смеешься? Разве я сказала что-то смешное?!

– Нет-нет, все нормально. Это я так, – поспешил он успокоить ее.

– Словно дикие животные в Колизее, о которых я читала, они готовы разорвать друг друга на части, забыв о своих семьях, голодных детях ждущих их дома и прочем. И почему кучка людей, научный ранг которых, судя по всему выше остальных, присвоила себе право распоряжаться судьбами остальных людей?! Наоборот, чем выше заслуги перед обществом и наукой, тем скромнее должен вести себя их носитель. Подкуп, шантаж, грязные сплетни и намеки – все идет в дело. По-твоему я должна смеяться над этим? Ни одной светлой личности! Ни одного положительного персонажа, – не унималась Ирия.

– А как же Малаева? – вставил-таки слово Захария.

– Это какая, Малаева? – морща лоб, спросила она.

– Маленькая такая, с печальными глазами, – вспомнил он образ Ахеджаковой.

– Э-э, нет! Я сама женщина, и меня печальными глазками и тихим голоском не проведешь. Ее героиня, хитрая, как степная лисица. Именно она является самой безжалостной и беспринципной особой во всей этой компании троглодитов, не считая директрисы рынка. В этой развеселой компании беспринципных людоедов, она является главным упырем. Полетела отвоевывать, причитающиеся ей квадратные метры, попутно бросив своего маленького ребенка, вспомнив о нем лишь однажды, да и то вскользь. Притворившись особо несчастной, для успешного манипулирования чувствами окружающих, еще не до конца покрытых шерстью, выхлопотала себе не только «место под солнцем», но и бесплатный ремонт своего авто. И тут же успокоилась, когда гроза миновала, забыв о тех, о ком она еще так недавно вещала. А когда пошла вторая волна, то она, украв ключ, опять оказалась на коне, впереди восставших во всем белом и чистом! Усовершенствованная и адаптированная копия попа Гапона.

– Э-э, – собираясь с мыслями от такого неожиданного ракурса в представлении сюжета, – проблеял он, разводя в бессилии руками, – гротесковые формы и применяемые гиперболы...

– Да я плакать хотела от этих гротесковых форм! Во рту

горько, будто хины нажралась! Пошли отсюда скорей.

Ему ничего не оставалось, как только еще раз разведя руки, последовать за ней. «Или у девочки чувство юмора отсутствует напрочь, или же у меня вконец оно испорчено длительным общением с землянами» – думал он, бережно беря под руку юного кинокритика. Несомненным было одно, эта невысокая молодая почти еще девочка за три дня знакомства уже во второй раз удивила его зрелостью и неординарностью своих суждений. Тем временем она уже немного остыла и уже совершенно спокойным голосом спросила:

– Ну-с, кавалер, куда направим свои стопы?

– Горечь хины требуется чем-то перебить, – осторожно начал он. – Как ты насчет кафе?

– Я пока не голодна, да и мороженое мне нельзя, а я запросто могу там сорваться и облопаться, – уныло ответила она. И тут же продолжила. – А вместе с тем мне необходимо избавиться от стресса. А что у нас лучше всего помогает от него избавиться?

– Не знаю, – растерялся он, – может какие-нибудь положительные эмоции, спокойная и непринужденная обстановка, мягкий приглушенный свет, неспешная беседа, способная провести курс общей релаксации. В общем, так как-то.

– Верно! – воскликнула она. – Ты просто читаешь мои мысли! Идем!

– Куда?

– В кабак, конечно! – со смехом ответила она и потянула в

сторону телепорта. – Сам же перечислил все признаки пивнушки, а теперь в отказ пошел?

– Да я как-то не имел в виду ничего подобного, – морща лоб и вспоминая места, подходящие под описание, произнес Захария. – Есть, правда, одно местечко. И если за тридцать лет оно не закрылось, то можно его посетить.

– Какое? – живо откликнулась боевитая девица.

– В переулке Голубых Орхидей, было тихое местечко, излюбленное философами и нетребовательными к еде посетителями...

– Это где такой? Я хорошо знаю Город, но что-то не помню такого переулка, – сдвинула она серьезно бровки, но ее губы продолжали улыбаться. – В какой притон ты собираешься меня затащить, бедную и несчастную?

– Что ты такое говоришь?! Какой притон? Я и слов-то таких не знаю, – испуганно забормотал он. – Просто маленькая таверна. А переулок находится слева от центрального входа в «зоосад». Он совсем крошечный – пара двухэтажных домов, которых и разглядеть то трудно из-за разросшихся вокруг кипарисов.

– Что-то такое припоминается. Вроде бы летнее кафе, прямо под деревьями, внутри дворика – не слишком уверенно протянула она.

– Вот именно. Ну, что идем?! Или боишься? – насмешливо щурился глаза, спросил он.

– Я боюсь только за папу. Больше меня ничем не напуга-

ешь, – тихо, но твердо заявила Ирия и шагнула в телепорт, не выпуская при этом руки своего провожатого.

И действительно, маленькая таверна с неброской надписью над входом «Бочка Диогена» не сразу бросалась в глаза случайным посетителям. Двери были приглашающе распахнуты. Внутри было темно, лишь неяркий свет у барной стойки указывал правильное направление. Они подошли к стойке. За ней сидя в пол оборота к посетителям сидел бармен – пожилого вида мужчина, читающий газету. Услышав шаги входящих, он ленивым жестом сложил свое периодическое издание и повернул к ним свое лицо. Вид он имел почти отталкивающий. Непропорционально большая голова с всклокоченной в разные стороны шевелюрой и такой же бородой, испещренное многочисленными шрамами лицо, вывернутые в сардонической улыбке толстые как олады губы могли внушать все что угодно кроме приязни. Несколько мгновений он пронзительным взглядом одного глаза, второй был прикрыт, окидывал парочку, нарушившую его одиночество. А затем неожиданно расцвел в улыбке, так неестественно выглядевшей на общем фоне лица:

– Ба! Какие люди к нам пожаловали?! Захария, тебя ли видит мой подслеповатый глаз?! – воскликнул обрадовано он, вставая со своего стула.

– Узнал!?! Ну, спасибо, брат, Эзоп! Значит, я не слишком изменился, – в тон ему ответил Захария. – Позволь тебе представить мою спутницу. Ирия Литвинова, будущий спец-

назовец ангельского войска, а в настоящий момент мой личный гид-экскурсовод.

– Ирия, – представилась она бармену, протягивая руку для пожатия через барную стойку и уже поняв, кто перед ней.

– Эзоп – владелец и по совместительству бармен сего заведения – просто и без затей представился он, осторожно пожимая ее руку своими мозолистыми ручищами.

– Скажите, вы ведь тот самый знаменитый философ и баснописец?! – заговорила она, уже нисколько не смущаясь необычного вида того, кто стоял напротив.

– Не каждый философ может быть барменом, но каждый бармен – обязательно философ, – осклабился он в улыбке. – А насчет знаменитости, то соглашусь, но с маленькой поправкой. Знаменит, но в очень узких кругах.

– А скажите, – не унималась бойкая девица, – почему ваше заведение называется «Бочка Диогена», ведь мы все знаем, что в Древней Греции бочек никогда не делали?

– Семь тысяч сто восемьдесят четыре! – воскликнул он, радостно оглаживая свою растрепанную бороду.

– Извините, не поняла. Что вы сказали?

– Я сказал, что вы семь тысяч сто восемьдесят четвертая кто задает мне этот вопрос, – с улыбкой на обезображенном лице ответил Эзоп. – На это все и рассчитано. Такой, с позволения, рекламный трюк для заманивания посетителей. В рекламном буклете для туристов, где указаны интересные для

времяпрепровождения места, указано название моей таверны, и они движимые праведным гневом от моей исторической безграмотности спешат высказать мне в лицо свое нелицеприятное мнение...

– А-а-а, поняла! – захлопала в ладоши девушка. – они приходят и становятся вашими клиентами, а вы обрываете высокоинтеллектуальных собеседников и они становятся, автоматически, тем узким кругом в котором вы обрели известность! Поразительно! Я никогда бы не догадалась до этого!

– Давненько я тебя не видал. Лет двадцать, – обратился Эзоп уже к Захарии.

– Тридцать почти, – поправил его тот. – Свободные столики есть?

– Конечно, есть. Ты же знаешь, основной контингент подтягиваться начинает только к вечеру. Проходите. Держи, – протянул он ему винную карту. – Я подойду к вам через пять минут.

– Спасибо, дружище. Прошу присоединиться к нам.

– Да-да, присоединяйтесь, пожалуйста, – быстро закивала головой Ирия.

Она начала оглядываться в темном помещении, с надеждой отыскать впотьмах свободный столик, но Захария взяв ее под локоток, уверенно повел в противоположную от входа сторону. Пройдя в темноте еще немного, они оказались во внутреннем дворе таверны, напоминавшем римский ат-

риум, но в отличие от него густо обсаженный кипарисами. Между деревьями и под ними стояло около десятка небольших и грубо сколоченных деревянных столиков и таких же грубых на вид треножных табуретов. Занятых столиков было всего два. За одним сидела уже немолодая парочка, судя по всему супругов, а за другим четверо почтенных старцев вели неспешную беседу о чем-то высоком и одухотворенном, судя по их просветленным лицам. Захария с Ирией выбрали место в уголке дворика в тени высокого, как свеча кипариса. Девушка огляделась по сторонам, ища официанта:

– А где официант? – шепотом спросила она Захарию.

– Здесь нет официантов, – так же шепотом ответил он ей. –

Эзоп сам разносит вино.

– А кто будет подавать закуски к вину?

– Закусочек здесь тоже нет, – улыбнулся Захария.

– А как же тогда? – удивилась Ирия.

– Но ведь ты же сюда не ешь пришла, а снимать стресс в тихой и умиротворяющей обстановке, ухмыльнулся он и протянул ей винную карту для ознакомления.

– Ты давно его знаешь? – спросила она, листая страницы.

– Да. Что-то около двух с половиной тысяч лет. Мы познакомились с ним, когда он служил уже у Иадмона, а я был в теле заместителя начальника гарнизона Самоса.

– И на чем же вы сошлись?

– На любви к поэзии. Даже сам пробовал писать немного, но до Эзопа – все равно, что до Луны. По вечерам многие

собирались слушать его стихи и басни.

– А почему же ты не выкупил его, ведь, насколько я помню, он очень страдал в неволе?

– Я пытался, причем неоднократно, – слегка обидевшись, пояснил Захария. – Но жадный хозяин всякий раз поднимал на него цену, после очередной договоренности. А когда я, отчаявшись, решил устроить ему побег, то нас поймали.

– И что? – с придыханьем спросила она.

– Ничего, – пожал он плечами. – Нас разжаловали и сослали в еще большую глухомань – на Икарию, а последствия его поимки ты можешь и сейчас наблюдать на его лице.

– Эти шрамы, которые так и не затянулись?! Чем же его били? – дрожащими губами произнесла она все так же тихо.

– Плетьюми из гиппопотамовой кожи. От них шрамы остаются навсегда, – флегматично поведал он.

– Слушай, – резко сменила она тему, – я тут пролистала все, но ничего не поняла. Тут нужен специалист. Такой, как ты. Что посоветуешь?

– Возьми черное хиосское. Оно не крепкое и приятное на вкус, – со знанием дела посоветовал он.

Через минуту, слегка прихрамывая на левую ногу, появился и сам хозяин заведения, облаченный в фартук поверх длинной рубахи с засученными до локтей рукавами.

– Ну, гости дорогие, на чем остановили свой выбор? – поинтересовался он.

– Девушке, пожалуйста, двести грамм черного хиосского,

а мне тоже двести, но алонийского.

– А что, закуски у вас совсем никакой нет? – с надеждой в голосе поинтересовалась Ирия.

Эзоп порылся у себя в фартучном кармане и достал оттуда на стол целую пригоршню грецких орехов и пассатижи. Вид пассатижей среди орехов привел девушку в удивление и восторг одновременно.

– Только для любимых гостей! – сопроводил он словами свой подарок.

– Очень тронута! – не сдержалась и прыснула она смехом. Не слушая ее благодарностей, тот развернулся и заковылял внутрь здания.

– Знаешь, – сказала она, – а мне все это уже начинает нравиться. – Я, пожалуй, запомню это местечко.

– Ну, так, – бодро заухмылялся кавалер, – наше турагентство веников не вяжет...

– А если вяжет, то только фирменные?! – подхватила она.

– Именно! – многозначительно поднял он палец кверху.

– Почему ты заказал всего по двести грамм, это же ведь меньше одного стакана будет? Мы, что, не собираемся здесь задерживаться? Или это только для затравки? – испытующе взглянула она на него.

– Сама все увидишь, – подпустил он тумана.

– Ты случайно не знаешь, почему он живет здесь, а не в европейском секторе, ведь там же есть греческий кластер, ему, наверное, грустно здесь без своих соотечественников? –

поинтересовалась сердобольная Ирия.

– Знаю, – кивнул полковник. – Несмотря на то, что у нас тут считается Рай в прямом и переносном смысле, значения этого слова, европейский сектор, по сравнению с нашим, сохранил в себе некий отпечаток сословной кастовости. С годами это конечно сгладится и исчезнет окончательно, но пока мы имеем то, что имеем. Он уже давно тут живет, почти, что с самого образования нашего сектора.

– Поясни?! – округлила она свои прекрасные глаза. – Насколько я знаю, никаких графов и баронов в европейском секторе нет. Если бы это сохранилось, то был бы неперемный скандал. Или я опять чего-то не поняла?

– Верно, – согласился с ней Захария. – Герцогов и всяких там баронов нет. Все равны. Формально. Однако же, если здесь мы знаем его в первую очередь как философа и писателя древности, то там, прежде всего, вспомнят, что он был рабом, и уж потом только скажут, что, да, чего-то он там пописывал.

– Какой ужас! И ты так спокойно говоришь об этом?! – ее щечки тут же запыхали праведным гневом, а кулачки невольно сжались.

– Время, – сказал тихо Захария, и повторил опять, – время – великий стиратель и уравниватель. Так что, положи назад скальпель, которым ты уже размахиваешь, собравшись вскрывать гнойники общественного несознания и недоразвитости.

Пока они так тишком перепирались Эзоп уже медленно, подволакивая ногу, подходил к ним, держа в охапке большие и маленькие глиняные кувшинчики. Подойдя к столу, он стал неспешно разгружаться от своей ноши, не позволяя Захарии себе хоть чем-то помочь.

– Ой! – воскликнула девушка, отодвигая орехи в сторону, чтобы освободить пространство. – Сколько кувшинчиков?! Какая прелесть! А зачем так много?

– А затем, – наставительно произнес Захария, – что в одних кувшинчиках, как ты выразилась, находится вино, а в других – вода.

– Вода?! Я слыхала, что древние греки на своих симпозиумах с гетерами, – тут она на миг запнулась, но быстро справилась с собой и продолжила, – пили разбавленное вино. Это такая традиция?

– Скорее необходимость, – вставил Эзоп. – Я смотрю, вы у нас девушка целомудренная по всем направлениям, поэтому и не знаете, что большинство греческих вин без воды просто невозможно употреблять.

– Неужели такое крепкое?!

– Нет. Просто очень густое. Гораздо гуще, чем сироп. Его можно есть как варенье – ложкой. Вот – посмотрите, – и с этими словами он наклонил один из кувшинчиков в другой, только пустой и подождал пока медленно и тягуче содержимое одного из них не начало переваливаться в другой. Вывалив, таким образом, грамм пятьдесят дегтеобразной паху-

чей массы он взял кувшин размером побольше и долил туда воды. – Подождите пару минут, а затем можете смело пить.

– Винный концентрат! Замечательно! – воскликнула, пораженная Ирия.

Эзоп присел на свободный треножец и мужчины еще раз, каждый со своим вином, проделали ту же нехитрую операцию.

– У вас такое разнообразное винное меню, – продолжала щебетать девушка, – неужели вы сами производите все эти сорта?

– Нет, конечно. Меня им регулярно снабжают соотечественники из евросектора, – ответил Эзоп, вертя в ручищах свою порцию вина.

– Ну, что? Я думаю уже можно попробовать, не так ли? – обратился ко всем Захария. Эзоп согласно кивнул на это предложение.

– За встречу! – провозгласил хозяин заведения, вставая. – Ибо только встреча после длительной разлуки приносит искренние минуты радости!

– За встречу! – поддержали его наши посетители, так же вставая со своих мест. Вино на вкус было терпким и пряным. И даже, несмотря на то, что было холодным, видимо Эзоп достал его из подвала, все равно приятно и бархатно обжигало гортань. Когда первый заход бы исполнен, юная особа продолжила свой допрос «с пристрастием»:

– Вы сказали, что вино привозят ваши соотечественники,

а вам не грустно здесь одному, без них? – спросила она, явно игнорируя нахмуренный взгляд своего кавалера.

– Почему одному?! – удивился Эзоп. – Посетители у меня не переводятся никогда, да и без соотечественников я не остаюсь. Они каждый день приходят сюда, ко мне. Да вот хотя бы взгляните вон на ту четверку, – указал он кивком головы, – они ведь тоже из греческого кластера.

– Мне мой спутник поведал, что вы здесь чуть ли не с самого начала, – продолжала она терзать ресторатора. – Скажите, мне очень важно знать, поверьте не из праздного любопытства, почему вы променяли вполне себе обжитое место на только что сформированный сектор?

– Как сказал один из героев кинофильма по чеховским рассказам: «В Греции все есть!», а особенно много философов. Плюнь в прохожего – обязательно попадешь или в Ксенофонта или в Теофраста, – усмехнулся он. – А я предпочитаю жить в соответствие со словами, сказанными мною еще двадцать пять веков назад: «Лучше быть клювом цыпленка, чем хвостом тигра». Здесь я единственный философ, кто сочетает приятное с полезным – веду философские беседы и пополняю свой банковский счет, являюсь председателем неформального философского общества, которое регулярно собирается по средам. Ко мне сюда заглядывают частенько и из азиатского сектора, а уж Гийясаддин Нишапури вообще отсюда не вылезает.

– Простите, вы сказали Гийясаддин Нишапури? Это имя

мне не известно.

– Омар Хайам, – тихонько подсказал ей Захария.

– А-а-а! Ну, тогда понятно! – засмеялась девушка. – Он всем известный любитель горячительных напитков. А все-таки, признайтесь, что это хоть и веская, но не единственная причина вашей, так сказать эмиграции? Только серьезно.

– Если серьезно, – задумчиво произнес он, наливая опять в свой кувшинчик, – то по большому счету, я ведь не совсем грек, вернее будет сказать, совсем не грек, а фракиец.

– И что? – непонимающе воззрилась она на него.

– А то, что как говорят в Одессе это не одно и то же. Тамошнее общество, достаточно однородное как по генотипу, так и по кастовому мировосприятию, зараженное снобизмом не принимало меня тогда, да и сейчас не спешит раскрыть объятия перед своим пасынком. Здесь же, общественный дух самосознания нивелирует все шероховатости, связанные с прошлым воспитанием и так называемым «зовом крови», что меня вполне устраивает.

В это время во двор, из темноты таверны вошли еще несколько человек. Эзоп мгновенно, и кажется даже, что с каким-то облегчением, соскочил со своей табуретки, чего вряд ли можно было ожидать от его массивного и неловкого телосложения, и заспешил навстречу новым гостям. Трое прошли в дальний конец дворика, а четвертый, со свернутой в трубку газетой, занял соседний с нашими героями столик. Вот этот четвертый больше всего и заинтересовал своим

появлением Захарию. Несмотря на погожий день, одетый в безукоризненный черный костюм с галстуком, пожилой, седой, с отчетливо выраженной носогубной линией, опущенными уголками губ и выразительными глазами, он чем-то смахивал на старого, умудренного жизнью и невзгодами, но не сломленного бульдога.

– Ага. Вот тот, кто мне сейчас и нужен больше всего, – прошептали губыангела. Он встал из-за столика и направился к соседнему, за которым расположился пожилой клиент, небрежно бросивший свою газету на столешницу и барабанивший по ней своими пальцами незатейливый мотивчик в ожидании Эзопа.

– Ты куда?! – с тревогой в голосе спросила Ирия.

– Я сейчас, – бросил он ей на ходу.

Подойдя к столику с одиноко сидящим клиентом, он поздоровался:

– Здравствуйте, уважаемый Лев Николаевич!

Клиент оторвал взор от столешницы и поднял его на разрушителя своего уединения.

– Здравствуйте, – вежливо, но несколько сухомерно поздоровался он в ответ. – Простите старческую забывчивость, никак не признаю вас. Где я имел честь быть вам представленным?

– Простите меня еще раз великодушно, – рассыпался в извинениях полковник. – Я не имел чести быть лично с вами знакомым. Меня зовут Захария.

– Захария?! – вопросительно выгнул бровь старик. – Это не тот ли Захария о котором кричат второй день все газеты Рая? Кавалер. И полковник, кажется? Простите, я плохо разбираюсь в воинских званиях.

– Скорее всего я, – просто и не чинясь ответил тот.

– Я польщен вашим вниманием, – отстраненно и без всяких интонаций в голосе проговорил пожилой райанец носивший имя Лев Николаевич. – Но право слово, нахожусь в легком недоумении от подобного внимания к моей скромной персоне со стороны такой знаменитости.

– Прошу не сердиться на меня за вторжение в ваше личное пространство, – опять начал расшаркиваться он перед седовласым, – но я сам искал и не находил удобного повода, чтобы встретиться с вами, и вот повод сам нашел вас.

– Вот как?! – немного смягчился суровый старик. – Что ж, раз уж от повода мне никак не отвертеться, то милости прошу, присаживайтесь.

– Извините еще раз, так получилось, что я не один, а со спутницей...

– Ну так зовите ее сюда, места хватит всем – уже без тени былой сухости заявил он.

– Эээ... – нерешительно замялся Захария, – мы пришли сюда немного раньше вас и у нас уже все заказано. Может, вы согласитесь сесть к нам? Поверьте, это будет для нас большой честью.

– Право даже не знаю, молодой человек, вы ставите меня

в неловкое положение, – задумчиво произнес он. – Удобно ли? А хозяин не обидится?

– Эзоп?! Да, что вы?! Наоборот. Уплотнившись, мы только освободим место для новых посетителей, которые, по-моему, уже начинают собираться, – с пылом опроверг он опасения собеседника.

– Да. Это, пожалуй, существенный аргумент, – не стал тот артачиться и поднялся со своего места.

Подведя пожилого мужчину к своему столику, он представил его, поднявшейся навстречу Ирии:

– Ирия, познакомься, это Лев Николаевич Гумилев – выдающийся русский ученый-историк, писатель, этнограф и археолог...

– И автор пассионарной теории этногенеза, – закончила за него юная спутница, смущенно улыбаясь.

– О-о-о! Я и не знал, что могу быть известным среди молодых, да еще таких прехорошеньких девушек! – воскликнул он, чем еще больше смутил ее. – Никогда не думал, что молодежь может интересоваться подобная проблема?!

– Напрасно вы так плохо думаете о молодежи, – покачала она головой, не соглашаясь с ним. – Я сейчас на... в общем мы на своих занятиях весьма подробно знакомимся с вашими трудами мэтр.

– Мэтр?! Мне кажется или это дух Сорбонны? – рассмеялся он уже совсем по-доброму.

– Нет! – так же засмеялась она ему в ответ. – Всего лишь

курс вольных слушателей при Академии Ангельского Воинства.

Боясь, как бы слишком эмансипированная девица вновь не перехватила его инициативу, Захария, решил на этот раз не упускать инициативу разговора из своих рук.

– Лев Николаевич, обратился он к нему, – у меня к вам очень серьезное дело. Я всегда очень внимательно относился к вашим работам, особенно к тем, что имеют отношение к обществоведению. И должен вам сказать, что целиком и полностью разделяю ваши взгляды на историю и развитие сообществ этносов и их связей внутренних и внешних. Наверно я не ошибусь, если скажу, что вы первый кто поднял проблему зарождения, развития и гибели суперэтносов. Эта тема была актуальна там, на Земле, но как видите, с течением времени, она стала актуальна и здесь. Райографы уже лет сорок, как начали бить тревогу по этому поводу. Да вы и сами могли в этом убедиться по тому, как освещается эта тема в наших средствах массовой информации...

– Да, вы правы молодой чел... ой, простите меня великодушно, я тут без малого двадцать лет, а все никак не привыкну к молодежному виду аборигенов, – добродушно улыбаясь своим «бульдожьим» лицом, ответил пожилой ученый, – в свое время, находясь там, на Земле, я получил немало шишек на свою голову за теории о цикличности развития и пассинарности суперэтносов. К моменту моей кончины она имела вполне заслуженную репутацию еретического учения,

чуть ли не прообразом расовой сегрегации. Да и тут, как я уже убедился, вокруг нее ломаются копыя.

– Ну, что говоря до нашего с вами сектора, то здесь все более или менее ясно. Неприятие она вызывает только в Европейском Секторе, где ее обвиняют в лженаучности...

– Из-за апелляции к национальному духу! – выпалила Ирия, но тут же умолкла под насупленным взглядом своего спутника.

– Да, Ирия, именно из-за этого. И никакие диспуты и общественные слушания не могут переубедить наших оппонентов в этом, – печально согласился Гумилев. – Они почему-то дружно решили, что моя теория противоречит духу интернационализма райского общества, вносит в него раскол и ставит одни нации превыше других.

– Они все дураки! – безапелляционно заявила Ирия, не обращая внимания на строгие покашливания Захарии. – Да! Дураки! Потому что никак не могут понять, что именно наша планета и есть подтверждение вашей теории о суперэтнотносе, порожденным неким толчком извне, хотя прекрасно догадываются, чей это был толчок и откуда. И существование нашего Рая опровергают их аргументы о жизни и смерти этносов в рамках полутора тысячи лет. Эта их теория была неверна там, потому что существование таких стран как Китай ее поностью опровергало и неверна здесь по вышеозначенной причине. Что же касается так называемых «космических лучей»...

При упоминании этого термина старик немного ссутулился.

– ...то дендрохронология, на которую так любили ссылаться Лурье и Янов сама относится к наукам, мягко говоря, не совсем точным, – закончила она на торжествующей ноте.

В пылу диалога никто из них не заметил, что Эзоп уже давно стоит рядом с новой порцией разномастных кувшинчиков, не решаясь помешать научной дискуссии. Наконец, дождавшись, когда юная амазонка наберет в грудь побольше воздуха для следующей обличительной порции своих высказываний, он решил воспользоваться моментом, чтобы выставить на стол свою ношу и тихонько присоединиться к беседающим. Гумилев был постоянным клиентом в «Бочке», поэтому Эзоп и без расспросов знал его вкусы и норму, сразу принеся ему кирикантийское.

– С «космическими лучами», признаюсь, я возможно и перегнул слегка, – чуть смущенно проговорил ученый этнограф, вертя в руках пустой кувшинчик, который услужливый ресторатор не преминул тут же наполнить, – однако, даже земная современная наука не отрицает некоей связи между годами «активного» Солнца и брожением умов в обществе.

– Так вот, – решил продолжить свою речь Захария, донельзя обрадованный, нежданной паузе в которой все присутствующие наполняли свои питьевые сосуды, – возвращаясь к нашей теме, в ваших научных трудах вы в основном исследовали времена, не затрагивающие современность, лишь

вскользь упомянув предвоенную и военную Россию. Я понимаю, что в те времена, в которых вы жили, не позволяли открыто судить о действительности текущего момента. Поэтому мне, поверьте на слово, крайне важно знать ваше мнение о настоящем и будущем России и как это может быть связано с нашим существованием.

Все присутствующие внимательно, затаив дыхание, смотрели во все глаза на Льва Николаевича. По их взглядам и красноречивому молчанию было ясно, что данная тема их очень волнует и не из любопытства, а из страха перед неопределенным будущим. Никто не притронулся к вину. Все ждали, что скажет этот седовласый старец.

– Мне приятно находиться в кругу единомышленников, не стремящихся с ходу обвинять меня в оголтелом национализме, – начал он свою длинную речь, больше похожую на лекцию, к которой уже начали прислушиваться и за соседними столиками. – Кто бы, что не говорил, но Россия, как бы она не называлась в отдельные исторические промежутки, во всех отношениях страна более чем уникальная. Посудите сами, исходя из географо-этнологического положения на евроазиатском континенте, ей уже давно следовало быть уничтоженной своими несравненно более сильными соседями. Она должна была быть неминуемо разодрана между воинственным духом Востока и не менее воинственным и обуреваемым ложным мессианским духом Западом. Но нет. Этого не произошло. Причиной этого стали две, почти взаимоис-

ключающие формы этнических контактов...

– Химера и симбиоз, – опять вылезла со своим мнением не к месту Ирия, но на нее дружно зашикали не только Захария с Эзопом, но и другие посетители таверны, придвинувшие свои табуреты вплотную к столику неожиданного лектора.

– Да, – кивнул тот, несколько не рассердившись на нетерпеливую девчонку. – Поясню присутствующим: химера – продукт контакта несовместимых этносов, принадлежащих к различным суперэтническим системам, типичными представителями коих можно назвать попарно, киммерийцы и славяне, хазары и те же славяне; симбиоз – сочетание этносов, где каждый занимает свою нишу одновременно конвергируясь, то есть проникая друг в друга без причинения вреда, типичным примером этого может служить сочетание словян (не славаян, а именно словян) и чудинов, словян и мерян. Иными словами, Россия как центр русского (славянского) суперэтноса одних «переварила» или вернее сказать вправила в свое тело, а других как антагонистически настроенных отторгла, уничтожив со временем. Это ее особенная и характерная черта. Где есть хоть малейшая возможность мирного сосуществования, она ее использует с наибольшей эффективностью, прибегая к насильственным мерам лишь в самом крайнем случае. В других суперэтносах мы такой картины не наблюдаем. Вторая ее отличительная особенность – существование «вопреки». Вопреки климатическим особенностям, ибо «граница изотермы холода» проходит пря-

мо по ее территории, большая часть которой находится в зоне повышенного земледельческого риска, в отличие от той же самой Европы или Азии с США. Вопреки особенностям связанным с полилингвистикой. Ведь не секрет, что на ее территории существует множество лингвистических форм, в корне отличающихся друг от друга. Все остальные супер-этносы не могут позволить себе подобной роскоши. Тут я бы отметил присущие только русскому характеру черты как исключительный фатализм и исключительное сопереживание. Примеры этого вы без труда найдете в истории России. Гигантские территориальные просторы наделили русского человека такими же гигантскими чертами характера. Вспомните слова одной песни:

Чтоб крылья вырастали,

Даны нам эти дали.

Вы заметили, что у русских все в избытке? Если сострадание, то до последней рубашки. Если самоотречение, то со связкой гранат под танк. Если гулять, то до последних трусов и нательного креста. Если чувство свободы, то непременно в форме воли. А воля и свобода, в понимании русского человека, это хоть и похожие понятия, но отнюдь не тождественные. Ну и разумеется вопреки всем остальным трудностям, которые я не стану сейчас перечислять, и которые так любят преодолевать русские люди с присущим только им упрямством. В результате преодоления всех этих трудностей родилась нация, своим существованием сохраняющая баланс на

Земле, нация – убийца кровавых империй, начиная с Чингизидовой и кончая Третьим Рейхом. Именно благодаря своему природному упрямству в преодолении трудностей все-ленского масштаба. Тут мне вспоминается еще одна песня, перекликающаяся с тем, что я сейчас сказал. Сейчас вспомню. Ах, да, вот:

«Вы не пройдете», – нам говорили,

А мы – прошли.

«Люди не смогут», – нам говорили.

А мы – смогли.

Снова дорога до горизонта

Белым-бела,

И вновь за нашей спиной

Два сильных крыла.

Кстати, вы заметили, что в обоих текстах песен присутствуют крылья?! Не правда ли, симптоматично?! Крылья – стремление к высокому и светлому и намек на ангелов, присутствующих в душе каждого русского.

– Это все так, Лев Николаевич, но мне хотелось бы понять причины нынешнего кризиса, случившегося на Земле и способы его разрешения, – все же не утерпел сам Захария.

– Экий вы торопыга, батенька! – с ласковой укоризной в голосе произнес Гумилев. – К этому вопросу я еще только подхожу. Имейте терпение.

– Да, да, – загалдели присутствующие.

– Все-все, молчу. Простите.

– Я уже в таком возрасте, в котором сбиться с мысли проще простого, а найти ее уже проблематично, – почесал лоб ученый. Потом, видимо, все-таки нашел и, хлопнув себя по лбу, продолжил. – Каждый этнос проходит стадию своей пассионарности, то есть жертвенности своим личным, перед общественным. У обычных наций это состояние наблюдается в начале их становления. Обычно, этим дело и заканчивается. На этом примере мы видим, что пассионарность относится к расходным материалам. Но восстанавливаемым ли?! Я ведь неспроста упомянул российские просторы, подарившие русскому суперэтносу качества гомерического свойства. Видимо, вместе с этими просторами русским, в нагрузку за вечное пограничное состояние, была дана восстанавливаемая пассионарность. Россия на протяжении всей своей истории много раз проявляла эту свою способность к сплочению и самоотречению перед лицом опасности. Двадцатый век, как никакой другой был насыщен событиями наиболее трагическими для нее. За короткий промежуток времени, по российской пассинарности было нанесено несколько ошеломляющих ударов. Две мировых войны, распад, смена политико-экономической формации, причем произошедшая дважды, с противоположными по значению знаками. Россия просто не успевала восстановиться после очередного катаклизма. Другой стране на ее месте хватило бы и одного из этих событий, чтобы кануть в Лету, а она все же выстояла. Последний раз взлет пассионарности наблю-

дался в конце пятидесятых, начале шестидесятых. Я помню, мне тогда уже было в районе пятидесяти лет, как люди целыми толпами выходили на улицы с самодельными плакатами: «Космос – наш!», «Юра – мы с тобой!», «Мы – победили!» Тогда всем казалось, что все по плечу и море по колено. Ефремовскую «Туманность Андромеды», напечатанную в журнале, зачитывали до дыр. Ни у кого не возникало сомнений, что сегодня мы овладеем космическим пространством, а завтра непременно наступит обещанный коммунизм, где каждый «друг, товарищ и брат». Охваченные энтузиазмом, они даже не подозревали, что первый удар по пассионарности уже был нанесен, причем не извне, а изнутри общества и нанесен он был, как бы это не звучало дико и странно, ветеранами и участниками Великой Отечественной войны. Вернувшись к мирной жизни с военных и трудовых фронтов, хлебнувшие горя выше всякой меры, они решили про себя «мы то уж как-нибудь, лишь бы дети наши были счастливы и не испытали того, что пришлось пережить нам». В этом и была их ошибка. Они стали отдавать детям все, чего в свое время были сами лишены, и все им позволять, лишь бы любимые чада не испытали дискомфорта, прежде всего экономического. Масла в огонь подлили дети партийной номенклатуры, родители которых получили возможность более свободного передвижения вне границ государства. Именно их детки, получившие в народе прозвище «стиляга» стали зачинателями культурного и экономического расслоения дотоле моно-

литного общества. Народ все видит и запоминает. Поэтому вполне привычной стала картина, когда одна часть молодежи, как основного фактора развития общества, в добровольно-принудительном порядке отправлялась на БАМ, другая, не менее активная ее часть, прочно обосновалась возле магазинов «Березка», фарцуя контрабандой. Кстати, кто из вас, присутствующих здесь «обращенных» может мне пояснить жаргонное словечко «чувак»?

Присутствующие явно не ожидали такого вопроса и в недоумении стали пожимать плечами, бормоча что-то не совсем внятное типа «обозначения половой принадлежности» и «словесным феромоном, отличающим своих от чужих». Ученый подождал, пока бормотанья стихнут и продолжил:

– Не знаете. А словечко, которое, как вы считаете, принадлежит к сленгу молодежной субкультуры, является ничем иным как аббревиатурой. Да-да. И расшифровывается оно как «Человек Уважающий Великую Американскую Культуру». А когда в восьмидесятом году, обещанный коммунизм так и не наступил, народ почувствовал себя обманутым. Космос не завоевали, коммунизм не построили, зато колбасу стали выдавать по талонам. И тут оказалось, что человек человеку не только друг и товарищ, но еще и пища. Всякая пассионарность должна подпитываться, а питание исключили. В этом примере явно прослеживается аналогия русской пассионарности с ну скажем так, сотовым телефоном, принятом сейчас на Земле, в качестве переговорного устройства.

К началу XX века заряд пассионарности был почти на уровне 100% зарядки. Большевики отключили зарядное устройство, боясь, что заряд «бодрости» пропадет втуне и активно начали пользоваться устройством, изрядно «посадив» батарею». Заметив к началу тридцатых тенденцию к спаду пассионарности и отметив про себя, что зарядка просела и составляет чуть больше 60%, они спохватились и поставили телефон на зарядку вновь. Только вот не учли фактор времени. Времени для зарядки катастрофически не хватало. Нужно было, во что бы то ни стало его продлить. Отсюда пошли сталинские метания с «головокружением от успехов» и попытки оттянуть неизбежное, путем заключения пресловутого пакта Молотова-Риббентропа. В результате, к началу войны, зарядка составляла всего лишь около 80%. И тут опять грянуло. Не сей раз пришлось говорить по «телефону» много и долго, гораздо дольше, чем предполагалось ранее. О последней вспышке пассионарности и ее угасании я упомянул только что выше.

Тут Гумилев вспомнил о том, что вертит в руках, уже наполненный сосуд и улыбнувшись предупредительному хозяину таверны, приник губами к кувшинчику. Все, кто сидел рядом, включая Захарию с Ирией, последовали его примеру. А народу тем временем собралось уже приличное количество. Их скромный столик окружало уже более двадцати посетителей, с затаенным дыханием, слушавшие речь умного старика. Те, кто стояли вокруг столика, не стали разбре-

даться по своим местам, а замерли в немом ожидании продолжения актуальной беседы.

Наконец, Захария решился прервать затянувшееся молчание:

– Так какой вы видите выход для землян в сложившейся ситуации? Как исправить положение стагнации в их умах и сердцах?!

– За всех землян не могу поручиться. У каждого суперэтноса Земли свои, присущие сугубо ему сложности, обусловленные экономическим, военно-политическим и культурно-этическим положением относительно других. Я могу сказать только за русский суперэтнос.

– Да-да, мы понимаем. В данном случае положение русского суперэтноса нас по вполне понятным причинам и беспокоит больше всего, – подхватил полковник.

– А ответ, милостивый государь, лежит на поверхности. Есть два пути решения данной проблемы для земной России. Первый, это оставить ее на какое-то время в покое, для того, чтобы она вновь обрела свою былую мощь, так сказать, «зарядилась» пассионарностью. Однако учитывая нынешнюю обстановку сложившуюся вокруг нее, судя по сведениям от незначительного количества вновь прибывших оттуда, на это особо рассчитывать не стоит. Россию в покое не оставят. Ее постараются окончательно «разложить» силами «пятой колонны» изнутри, либо спровоцировать Третью мировую войну, в которой она будет не только участником, но и полем

сражения, к моему глубокому сожалению. Поэтому, на мой взгляд, самым лучшим выходом для нее это будет одномоментное экстренное зарядание «просевшей» батареи. Нечто вроде электрического кардиостимулятора, приводящего общество в шоковое состояние. Причем, когда я говорю о шоке, я вовсе не имею в виду шок со знаком минус. Вы меня понимаете?

Пока Захария, морща лоб и двигая бровями, собирал мысли воедино, старый ученый задал ему еще один вопрос:

– В начале нашей с вами беседы, вы мне сказали, что мое мнение по данному вопросу для вас очень важно. Скажите откровенно, какое практическое применение вы планируете всему тому, о чем я вам сейчас поведал? Ведь не будете же вы утверждать, что поинтересовались моим мнением чисто из любопытства? Ангелы такого высокого ранга не занимаются досужими разговорами на лавочке, без определенных, далеко идущих целей.

– Вы правы, Лев Николаевич, – не сразу откликнулся он. – Дело в том, что у меня, в силу сложившихся обстоятельств, и занимаемого мною положения, появилась возможность сформулировать и донести до Всевышнего наши озабоченности происходящим. Я не слишком-то полагаюсь на силу своего интеллекта, поэтому всячески стараюсь то там, то сям отыскать некие рациональные зерна решения данной проблемы, дабы в удобоваримой форме представить их на рассмотрение Всевышнего.

– Прямо до Самого? – задумчиво проговорил он.

– Да. Я собираюсь написать нечто вроде докладной записки с перечислением опасностей грозящих обоим мирам от стагнации, произошедшей на Земле и высказать просьбу о стимулировании им процессов пассионарности, если уж он не хочет, по каким-то причинам, повторить прошлый опыт с Содомом и Гоморрой. Ну и естественно предложить какие-то пути для решения данной проблемы.

– То есть вы хотите попросить Его подбросить дровишек в затухающий костер пассионарности?!

– Вот именно! Вы замечательно сформулировали мою мысль. Именно дровишек. И еще. С некоторых пор меня не покидают мысли о принципах и критериях отбора в Рай людских представителей. Я никак не могу найти в них закономерности. Почему сюда не попадают явные фавориты, прославившиеся там у себя праведной жизнью, а с другой стороны здесь нашли свое пристанище люди, отнюдь не ангельского поведения в миру. Я убежден, что существует некая математическая формула, видимо весьма сложная, по которой и происходит этот отбор. Нельзя ли ее в таком случае как-то упростить или внести правки, для увеличения пропускной способности душ из того мира в наш?

– Хм... Вы полагаете, что Всевышний действует не по Божьему Наитию, а по некоей программе?

– Профессор, наша Вселенная, да и Рай тому лишнее подтверждение, устроены, довольно-таки рационально. А раци-

ональность, как вы знаете, всегда имеет под собой четко выверенный план действий.

– Желаете отредактировать Божьи замыслы?

– Нет. Внести ему предложения по коррекции, так будет вернее. Просить Его о снисхождении, или подвигнуть на какое-то иное действие, которое могло бы изменить ситуацию.

– И у вас уже имеются свои предложения на этот счет? – хитро прищурился знаменитый сын не менее знаменитой поэтессы.

– В общем, да, – не слишком уверенно ответил Захария. – Я хотел просить Его, первый и единственный раз, выйти к людям, созданным Им, чтобы они воочию убедились в Его существование и отступили от края губительной пропасти. И чтобы посредством Его лицезрения обрели не только утерянную веру, но и уверенность в том, что только праведная жизнь гарантирует послесмертное существование. Слишком много лежит на кону, чтобы отмахнуться от этой просьбы.

– Предположим, что Он внемлет вашей просьбе. Как и в какой форме, по-вашему, должен состояться контакт с людьми? Я подчеркиваю, со всеми людьми, причем одновременно.

– Я не берусь судить за Него, ибо Ему виднее как это лучше сделать, на то он и Всемогущий, но думаю, что это должно пройти в рамках канона представлений о Нем, то есть сидящим на Престоле и в окружении слуг Его... – промямлил Захария.

– Вы уж простите старика за откровенность, но мне кажется, что ваши суждения хоть и представляются искренними и выстраданными, но все равно отдают некоей наивностью. Вот вы говорите, что в соответствии с канонами предстать. Но позвольте, с какими именно? Христианскими? Однако христиане в современном мире занимают отнюдь не лидирующие позиции, в плане демографии. У подавляющего большинства землян представления о высшем существе весьма далеки от ваших. И потом, вы готовы дать гарантию того, что люди, развращенные оголтелым атеизмом смогут воспринять Его именно как Высшее Существо, а не плод своего отравленного воображения или хуже того, голограммы, которые они уже научились применять и проецировать в небе при проведении боевых операций на Ближнем Востоке?

– Пожалуй, вы правы, – почесав затылок, согласился нехотя Захария. – А ведь признайтесь, что у вас имеются конструктивные предложения в данном русле?!

– Ну-у, – протянул ученый, – конструктивные или не конструктивные, но кое-какие имеются...

Публика еще сильней притихла. Казалось, что они перестали даже дышать, ловя каждое слово. А старик, как нарочно не торопясь налил себе в кувшинчик своего любимого кирикантийского, немного отпил, посмаковав, затем приложившись, как следует, медленно выпил содержимое, крикнув от удовольствия, поставил опорожненный сосуд на стол. Как опытный актер он умело выдерживал паузу, доводя зри-

телей до полуобморочного состояния крайнего психоза.

– Я тут недавно по визору смотрел передачу о готовящейся первой межзвездной экспедиции куда-то в район Тау Кита, откуда были получены какие-то сигналы, – медленно и тихо начал он, как бы говоря не для собравшихся, а для самого себя. – Так вот, я подумал, что «таукитяне» или как уж их там зовут, не ведаю, всю свою таукитянскую жизнь прожили без нас и думаю, проживут спокойно еще столько же. Поэтому, наиболее актуальным в создавшейся и требующей настоящего вмешательства обстановке, мне видится появление этой экспедиции именно на Земле. Причем, на мой дилетантский взгляд, состав этой экспедиции было бы весьма полезным несколько видоизменить, включив в нее несколько довольно известных в прошлом на Земле представителей, причем, попавших в Рай не так давно, чтобы оставшиеся на Земле друзья и родные могли бы их без труда опознать. А если к тому же, экспедиция будет состоять из представителей нашего с вами сектора, то это, безусловно, даст мощнейший толчок к возрождению силы духа русского человека.

– А достаточно ли это будет? – засомневался Захария.

– Я думаю, да. Во всяком случае, на первых порах. Этим самым мы убьем сразу нескольких зайцев. Во-первых, не будем тревожить Всевышнего до тех пор, пока сами не используем все имеющиеся у нас средства, тем самым вселяя в Него уверенность в своих созданиях. Во-вторых, в техногенном мире, в инопланетян поверить гораздо легче, чем в промы-

сел Божий, увы, но это так. В-третьих, укрепим веру в науку, продемонстрировав наши передовые достижения среди прогрессивно думающих и сомневающихся, исключив религиозную схоластику. В-четвертых, наглядный пример всегда лучше любых увещательных слов. Конечно, вы можете возразить, что де ангелы могут попасть на Землю и более привычным путем, а не на грохочущем звездолете. На это я вам отвечу, что, во-первых, появление ангелов на Земле в их настоящем виде с некоторых пор запрещено, за исключением миссий специального назначения, во-вторых, как я уже говорил выше, появление их в образе отважных звездолетчиков будет более благосклонно воспринято тамошним атеистическим обществом. Как вам моя аргументация?

– Да, Лев Николаевич, вы, кажется, заставили меня несколько переосмыслить свой ранее объявленный подход к решению этой проблемы. Спасибо вам огромное! Я буду очень много и сильно думать о вашей концепции. Еще раз убеждаюсь, что был прав, когда решил с вами проконсультроваться, прежде чем писать свою докладную. Я думаю, что по этому поводу нам всем стоит выпить!

При этих словах, толпа слушателей радостно загомонила, разойдясь к своим столикам за своими кружками и кувшинчиками, чтобы взяв их снова подойти сюда и почувствовав некое единение сердец и умов чокнуться со всеми присутствующими, ощущая себя членом одной дружной семьи, обеспокоенной общим будущим всех своих членов.

Еще немного посидев с людьми, совсем недавно абсолютно незнакомыми, а теперь объединенными одной высокой идеей, Захария с Ирией начали понемногу собираться покинуть столь приятное общество. На прощание, растроганный вниманием ученых, одарил ангела своей визиткой. У Захарии, несмотря на все его чины и регалии визитки своей не было, поэтому он просто продиктовал свой номер комтора.

– Сколько с нас? – спросил Захария, подходя к Эзопу, хлопотавшему у барной стойки. Но тот лишь отмахнулся.

– О чем ты?! Какие еще деньги?! Я, как и все мы, сегодня получил надежду. Надежду на преодоление застоя, надежду на процветание и на смысл своей жизни. А разве за надежду принято платить?

– Дорогой мой Эзоп, – проговорил Захария, кладя ему свою руку на плечо, – именно за надежду, как правило, человечество всегда платило самую высокую цену, так что не дури, а бери деньги, не то я всем расскажу, что на тебя напал дух расточительства и тебя, охочие до халявы, просто разорят. Так сколько с нас?

– Два райала, – сообщил тот, потупив взор.

– Вот и прекрасно, – сказал Захария, доставая из кошелька две монеты и кладя их на стол.

XXV

Из таверны они вышли, держась за руки. Он был задумчи-

во притихшим, а она – раскрасневшаяся от выпитого вина, но несколько не опьяневшая, чего втайне опасался Захария.

– Почему ты мне не сказал, что собираешься обращаться к Всевышнему по поводу кризиса? – спросила она, обиженно оттопыривая нижнюю губку.

– Извини, я не думал, что эта канцелярщина может тебя заинтересовать, – ответил он, все еще погруженный в свои мысли.

– Ну и зря! – бросила она на ходу. – Вы мужчины всегда привыкли недооценивать женщин. И когда-нибудь это сыграет с вами злую шутку.

– Кстати, – остановился он, когда они уже подошли к оранжевому кругу телепорта, – а вас неплохо готовят на этих вольных курсах, как я погляжу.

– Да. Материала дают много. Но я и сама интересовалась этой тематикой.

– Ладно. Мы пришли. Как говорили панки в мое время: «Куда кости бросим?»

– Ой, я такая пьяная, что надо непременно развеяться на свежем воздухе. Да и щеки горят, не иначе мои предки обсуждают меня.

– Нас, – осторожно поправил он ее. – Так куда двинем? Я предлагаю в Троицкий парк. Насколько я помню, там красивые березовые аллеи и большой пруд. От пруда веет прохладой.

– Давай, – просто согласилась она, и они дружно шагнули

в круг.

В парке, и, правда было прохладно и светло. Березы, с тех пор как Захария последний раз видел их, из тонких прутьев, качающихся при малейшем дуновении ветерка, превратились в настоящую березовую рощу, густо обступившую узенькие асфальтовые аллеи. Роща, с одним только ей присущим запахом слегка кружила голову. А шелест листвы своим неразборчивым, но таким приятным шепотом умиротворяюще действовал на всех окружающих. Тут и там виднелись парочки, похожие на Захарию с Ирией. На всюду разбросанных лавочках под светлой сенью берез сидели пожилого вида райанцы. Кто-то из них вел неспешные беседы, кто-то играл в шахматы, пожилые райанки занимались вязанием, изредка бросая взгляды на немногочисленных внуков, бегающих и копошащихся по обочинам аллей. По берегам обширного, с почти неподвижной гладью, пруда расположились немногочисленные группки отдыхающих. Предпочитая городской пляж морскому, отдыхающие уютно расположились по берегам пруда. Кто-то удил рыбу, в надежде поймать, сфотографироваться с ней руках, а затем отпустить. Кто-то кормил хлебными крошками лебедей и уток, доверчиво плававших возле самого берега. А кто-то просто загорал лежа на принесенных из дома покрывалах. Кругом царил мирная идиллия. Свободных лавочек в парке, по случаю воскресного дня, к сожалению Захарии найти не удалось, а так хотелось посидеть вдвоем, чтобы никто не мешал, поболтать ни

чем, привыкая, друг к другу, узнавая привычки и особенности. Оба прекрасно понимали, что их общение не является чем-то мимолетным и случайным, о котором впоследствии можно спокойно забыть, а несет в себе начало совсем иных отношений. Впрочем, идя рядом и держась за руки по узкой аллее, тоже было неплохо. Так они шли, разговаривая обо всем и ни о чем одновременно, пока дорожка не привела их к не очень большому, но чрезвычайно красивому, по своей архитектуре, храму Пресвятой Троицы. Бело-голубое здание, выполненное в стиле позднего русского барокко, своим великолепным фасадом чем-то напоминало Большой Екатерининский дворец сильно уменьшенного в размерах. Библейские сюжеты на иконах, размещенных в нишах стен по всему периметру храма, в сочетании с высокими и узкими оконными проемами придавали ему вид первозданной чистоты с воздушной невесомостью, устремленной к небу. А горящие золотом, так что хотелось зажмуриться, купола придавали храму вид величественного и незыблемого в веках великолепия. Не доходя до храма, Ирия остановилась и, вытащив свою правую руку из его ладони, широко и истово перекрестилась, слегка склонив голову и косясь на своего спутника стоящего столбом.

– Ты христианка? – спросил он у нее, хотя мог бы и не спрашивать, зная историю ее семьи и видя крестик на ее шее.

– Да, – просто ответила она, – и отец и мать с детства привили мне веру в Спасителя. А отец и сам частенько ходит в

храм Пресвятого Воинства Господня и ставит там свечи за ангелов, отдавших свои жизни во имя спасения ближних и дальних.

Захария знал этот храм и сам иногда заходил туда в минуты душевного порыва или когда требовалось принять какое-то важное для себя решение. Храм находился в Центре, недалеко от штаб-квартиры и его особенность была в том, что вместо привычного иконостаса и отдельных икон, располагающихся по стенам, там были выбитые имена погибших ангелов, сложивших головы за всю историю существования Рая. В храме не было никаких украшений, абсолютно белые стены и имена, имена, имена. Пятнадцать тысяч имен за почти восемь тысяч лет, расположенных от уровня глаз и почти до самого купола. И свечи, никогда не гаснущие свечи, как неугасимая память о тех, кто безвозвратно отдал всего себя во имя жизни других.

– А ты не христианин?! – в свою очередь поинтересовалась она у своего спутника. Тот в ответ только развел руками в стороны.

– Мы признаем Иисуса, как величайшего подвижника и пророка, рожденного от Господа нашего, в отличие от нас – созданных Им.

– Но ты не крестишься.

– Почему не крещусь?! Крещусь, так же как и христиане. Правда, не по каждому поводу, а строго со смыслом.

– Каким?! – спросила она и тут же добавила. – Я знаю,

что ангелы, тем более ангелы высокого ранга не крестятся. Я спрашивала отца несколько раз об этом, пытаюсь выяснить, почему так происходит, но он всякий раз уходил от ответа. И вот сейчас спрашиваю у тебя, от чего так? Может в этом есть какой-нибудь признак высокомерия к Иисусу из-за того, что он младше вас по возрасту и вам просто неловко осенять себя крестом, символом которого он является?

– Ты ошибаешься, Ирия, – мягко возразил он девушке, – У нас нет к нему никакого чувства высокомерия, а у меня тем более, ведь я был лично близко знаком с ним, будучи в теле Андрея Первозванного. Но ты, одновременно и права, у нас нет к нему чувства преклонения, ибо мы считаем его одним из нас, нашим братом, а отношения между братьями характеризуются братской любовью и уважением, но отнюдь не фетишизацией. А что касается Креста в качестве символа веры, то у нас с христианами имеется хоть и не фатальный, но существенный отличительный взгляд на него. Христиане, в особенности западные, придают символу креста смысл страданий, понесенных Иисусом за грехи людские, которые он принял на себя. Неспроста, на канонически признанном изображении его распятия он буквально провисает на кресте. Мученичество принятое им на кресте является главной и отличительной чертой христианства западного толка. Восточные христиане, и российские в том числе, придают символу креста не столько смысл его страданий, но прежде всего стойкости своих убеждений, даже перед лицом собственной

гибели. Именно поэтому, на изображениях распятия, принятых за каноническое в восточной ветви христианства, он не висит в бессильной немочи, а как бы парит, широко раскинув руки, охватив ими всех и каждого из уверовавших в него.

– Ух, ты, как красиво! А я как-то даже и не задумывалась над этим! – воскликнула она с неподдельным восхищением, глядя на Захарию. А он тем временем продолжал ее просвещение.

– Мы же ангелы придаем кресту совсем иное значение, поэтому налагая на себя крестное знамение, которым мы, кстати, начали пользоваться задолго до первых христиан, помним его первоначальный и истинный смысл. А смысл вот такой.

Для большей наглядности, Захария, сложил пальцы правой руки щепоткой, попутно объясняя каждый свой жест:

– Собирая пальцы в троеперстие мы, как бы складываем воедино и концентрируем в одной точке все три основные составляющие идеального человека: ежечасный труд во благо окружающих, чистоту помыслов и стремление к всестороннему развитию.

С этими словами он поднес щепоть ко лбу, продолжая объяснять суть по ходу действий.

– Сконцентрировав все составляющие в одну точку, обозначающую духовную собранность в едином порыве мы приставляем троеперстие ко лбу, символизирующему разум, ин-

теллект.

Приставив щепоть ко лбу, он резким движением вниз, не разжимая пальцев, провел линию до точки на животе чуть выше пупка, поясняя:

– Ото лба проводим линию к животу, где расположен кишечник. Линия непрерывная и обозначает неразрывную связь и в тоже время безусловное верховенство разума над плотью, как отличительной черты человека от животного.

Затем, таким же резким движением, вновь не размыкая пальцы правой руки, приставил их к правому плечу и провел линию к левому:

– Правое плечо в данном контексте подразумевает любое правое дело, правоту сознания. Левое плечо – сердце. Линия от правого до левого плеча обозначает дорогу. Таким образом, это действие обозначает, что любой праведный (правый) путь лежит только через сердце. Иными словами крестное знамение означает: верши свои дела с умом, пренебрегая суетливой плотью, но помни, что дело твое будет правым лишь только тогда, когда пройдет через сердце. Усекла? – улыбнулся широко он ей.

– Да-да, – быстро закивала она в ответ. – Я и не подозревала, что столько глубинной мудрости может содержать в себе этот простой жест! И почему мне раньше никто ничего подобного не говорил?!

В ее глазах плавало восхищение и любовь к этому, так неожиданно и все-таки в тайне ожидаемому в девичьих меч-

тах, красивому и сильному ангелу.

– Видимо сама не слишком сильно интересовалась этим. А спрашивать у своего отца о таких вещах более настойчиво, видимо, не стала. Да и он сам, судя по всему, был не слишком расположен теоретизировать на эту тему, хоть и является ангелом довольно высокого посвящения, – все также мягко улыбаясь, ответил он Ирии.

– А можно еще вопрос? – заторопилась она, опасаясь, что в ближайшее время не получится раскрутить его на подобную откровенность.

Он, молча, кивнул, любуясь румяным личиком своей, он теперь уже почти не сомневался в этом, девушки.

– Почему у ангелов, я это не раз замечала, но не решалась спросить, не принято ходить в церковь во время богослужения? С чем это может быть связано?

– А-а-а, – протянул он и делая как бы отмахивающийся жест, – тут все просто. Гораздо проще, чем ты. Наверное, уже себе вообразила. Все дело в том, что в церковных росписях, в качестве слуг Божьих, так или иначе, но всегда присутствуют ангелы, причем, как правило, не в обезличенном виде, а в вполне конкретном образе. Местные иконописцы, в отличие от земных собратьев по ремеслу имеют возможность точно передать легко узнаваемые черты лица того или иного ангела. Вот и представь, каково какому-нибудь ангелу, вроде нашего Гавриила молиться и бить поклоны, глядя на собственное изображение?!

– Представляю! – искренне и весело засмеялась Ирия.

– Да, если присмотреться хорошенько, то это касается не только ангелов, но и практически всех тех, кого признали и там и тут святыми и блаженными. Конечно, многим из них неловко смотреть на иконы и образа со своим изображением.

– Понимаю, – согласилась она, – этика не позволяет «обращенным» выпячивать свои прежние заслуги в том мире. Да и перед кем кичиться?! Перед такими же? Слушай, а давай пойдем в храм?! Сегодня вроде не праздник, народу много быть не должно.

– Раз госпожа моего сердца хочет этого, то у меня не имеется никаких твердых доводов, чтобы не подчиниться этому желанию, – слегка напыщенно возвестил он.

– Я запомню эти твои слова, – хитро прищурившись, промурлыкала она сытой и довольной кошкой.

– Какие именно? – спохватился он, в шутку приставляя руки к сердцу, неумело изображая испуг.

– Насчет госпожи сердца или я ослышалась?!

– Да нет, не ослышалась, – уже более серьезным тоном подтвердил он и, взяв ее под руку, повел к ступеням храма, чинно вышагивая, словно уже вел невесту к алтарю. – Кстати, не забудь отключить комтор, а то будет крайне неловко, если он невзначай начнет звонить посреди богослуженья. Нас выкинут из храма, даже, невзирая на наши чины.

Ирия тут же поспешила выполнить полуприказ своего сведущего в таких делах друга. Изнутри храм оказался боль-

ше чем снаружи. Хоть день и был воскресным, но отнюдь не праздничным, поэтому в храме действительно было не очень много прихожан. Захария со своей подружкой не стали близко приближаться к алтарю, заняв место среди молящихся, где-то посередине. Обедню служил один из патриархов. В этом не было ничего удивительного. Русская православная церковь среди признанных святых и приравненных к ним, что на Земле, что в Раю, имела несколько патриархов в своем составе, удостоившихся Рая за свою праведную жизнь, либо принявших мученический венец. Как это не покажется странно на первый взгляд, но теократия в Раю не получила большого распространения, заняв собой довольно ограниченную нишу в структуре общества. Не получила свою жесткую иерархическую структуру и русская православная церковь. Церковными делами занимался Собор, состоящий из всех служителей храмов и монастырей, некое подобие съезда народных депутатов, собиравшихся на совещания раз в год. Исполнительной властью был Синод, избираемый на ротационной основе, каждые пять лет в алфавитном порядке. При наличии в живых сразу нескольких патриархов, наверное, это было правильным решением, ибо жесткая вертикаль церковной власти с единоначалием одного из них, грозило бы церкви большими потрясениями и неустройствами.

Захария сразу узнал этого патриарха еще издалека, по фигуре. Патриарха звали – Гермоген . Фигура выделяла старца на фоне остальных служителей. Высокая и не по-стариков-

ски прямая, она не только выгодно отличала его от остальных служителей храма, но как бы и символизировала собой могучую непреклонность в деле защиты веры и своей паствы и напоминала лишний раз о муках претерпеваемых ее хозяином в былые времена и в былом пространстве. Голос патриарха был под стать его мощной фигуре, громкий, глубокий и отчетливый, он волнами перетекал внутри церковного пространства и падал сверху, отражаясь от купола, уходящего ввысь. Обедня уже подходила к концу, поэтому патриарх сразу обратил внимание на появившихся с опозданием прихожан. Ревностные прихожане старались не опаздывать на молебен, особенно воскресный. Он сначала нахмурился от того, что ему пришлось лицезреть. По всей видимости, непокрытая головным убором голова Ирии, а также ее платье с голыми чуть ли не до колен ногами, никак не вязались с храмовой обстановкой и явно противоречили канонам церкви. (Прим. автора. Странно, что Ирия, называя себя христианкой, не знала об ограничениях, связанных с одеянием). Вглядевшись в «опоздавших» более внимательным взором, особенно в того рослого, что был в белых брюках и майке, патриарх развитым чувством понял, что это далеко не простые прихожане. Когда церковный хор, привычно начал петь «славу», патриарх незаметным жестом подозвал к себе одного из прислуживающих и что-то шепнул ему коротко на ухо.

Захария, привычный за тысячи лет к церковной обстанов-

ке стоял неподвижным столбом, уперев взгляд в одну ему видимую точку пространства. Казалось, он весь погрузился в свои думы, не замечая окружающей обстановки. Его спутница, напротив, не столько молилась, сколько озиралась по сторонам, с любопытством разглядывая фрески на стенах, что впрочем, не мешало ей время от времени накладывать на себя крест. Незаметно к ним сзади подошел служка, тот самый, которому Гермоген что-то наставительно шептал только что. Обращаясь к Захарии, он тихим шепотом попросил его со своей спутницей задержаться после окончания обедни для беседы с «преосвященным», как он назвал Гермогена. Захария на такое приглашение лишь утвердительно кивнул, его спутница тоже никак не выразила своего несогласия. Когда, последние, из причастившихся, покинули храм, Гермоген подошел к Захарии с Ирией. Подойдя к ним почти вплотную, патриарх окончательно узнал Захарию. Он склонился перед ним в поясном поклоне и поцеловал, слегка упирающуюся в смущении руку ангела, при этом прося:

– Благослови отче, раба Божьего Гермогена!

– Благославляю тебя честной муж, – чинно ответил ему Захария, крестя другой рукой склоненное чело патриарха. Ирия открыв в изумлении рот и распахнув глаза, молча, наблюдала эту, непривычную ей сцену. Однако, несмотря на внешнюю абсурдность происходящего, на самом деле все было достаточно логичным. Ангел, который в свое время составлял одно целое с самим Андреем Первозванным – счи-

тающимся первооснователем христианства на Руси, в сложной иерархии почетных церковных званий, стоял на куда более высокой ступени, чем один из патриархов, хоть и признанный, в свое время, святым мучеником.

– Поведай, отче, что привело тебя в наш храм?

– Дела мирские, сын мой, – в тон ему ответил Захария и повторил, – дела мирские. Вот познакомься, моя спутница – Ирия, будущий воин ангельского спецназа.

Гермоген с улыбкой протянул руку Ирии, а та с круглыми как у галчонка глазами не зная, что ей делать – то ли целовать протянутую руку, то ли просто пожать, после секундного замешательства все же коснулась ее своими губами, чем опять вызвала улыбку умиления на устах старца.

– Прошу вас, не откажите и окажите мне честь своим присутствием, – сказал он и сделал приглашающий жест в один из церковных притворов. Крошечный притвор являл собой маленькую и низенькую комнатку, куда с трудом уместились две лавочки со столиком между ними. Здесь обычно отдыхают священники в перерывах во время длительных богослужений.

Сели. Патриарх по одну сторону – Захария со своей девушкой по другую. Заботливые служки тут же внесли поднос с просфорами и небольшими рюмками с налитым в них кагором. Гермоген, повертел носом бывалого человека, учуяв от гостей неслабый запах от уже выпитого, но ничего не сказал.

– Не откажите в причастии, отче, – все так же смиренно попросил он Захарию.

Тот без тени смущения и на полном серьезе, взяв в одну руку просфору а в другую сосуд с кагором произнес низким негромким голосом:

– Примите, ядите, сие есть тело Мое, еже за вы ломимое во оставление грехов, – и с этими словами поднес к губам священника просфору. А после того, как тот откусил от нее малую толику, продолжил, поднося уже кагор. – Пийте от нея вси, сия есть кровь Моя нового завета, яже за вы и за многия изливаемая во оставление грехов.

Не дожидаясь особого приглашения, сам взял в руки другую рюмку с просфорой уже для себя и, увидев, что Ирия повторяет за ним все движения, тихонько толкнул ее ногу под столом, опасаясь, что та сейчас полезет чокаться. Но Ирия была умной семидесяти шести летней девочкой, поэтому не упала в грязь лицом и сохранила на нем постное выражение. Выпив и пожевав немного пресного церковного хлеба, Гермоген счел для себя выполненным ритуал гостеприимства, а потому ласково и ненавязчиво начал свои расспросы:

– Я во время богослужения заметил, отче, великую заботу, омрачавшую твой лик. Не поведаешь ли мне, недостойному, свои печали и заботы, дабы я грешный смог разделить их с тобой?

– Ты прав, сыне, неложные заботы тяготят разум мой, мутящийся в страхе и сомнении в среде таких же мечущихся

подобно мне.

– Прости мя грешного, отче, но поведай мне о них и я, быть может, смогу принести пользу?

– Да! – Захарии надоело изображать из себя средневекового церковного служителя, и отбросив всю напускную этимологию с ее архаизмами перешел на вполне современный светский язык. – Для вас как служителя церкви наверняка уже давно доходят разговоры о тотальном падении притока новых колонистов. Вот я и пытаюсь разобраться в сути происходящего. А разобравшись и сделав соответствующие выводы представить их, – тут он поднял глаза кверху, вскинув голову, – для рассмотрения и принятия дальнейшего решения.

– По грехам нашим, – начал было патриарх, но осекся под строгим взглядом ангела и продолжил уже в общепринятой манере, так как был не только священнослужителем, но и доктором теологических и философских наук. – Ведаю. Сам многожды думал, и с братией толковали об этом. Спорили. Но к единому мнению так и не пришли. Откуда ноги у проблемы растут вроде понятно. Тут тебе и падение нравов из-за духовного раскрепощения, и слишком сильное упование на науку, как инструмент решения проблем, и отсутствие концепции развития общества, и общее повышение благосостояния в обществе, ибо сытый мало заботится о духовном...

– Голодному тоже об этом мало заботы, – перебил его Захария.

– Все так, – согласился патриарх, – а все же голодный голодного лучше поймет, чем сытый.

– Продолжайте, прошу вас.

– Да, так вот. Если и дальше углубляться в причины, влияющие на кризис в обществе, то можно далеко зайти, вплоть до отрицания всего и вся. Пытаться искоренить причины? Это конечно невероятная глупость. Все равно, что сердиться на молоток, служащий, как средством производства, так и средством пополнения словарного запаса матерных слов, в случае попадания по пальцу. Винить ли нам за это молоток?! – с этими словами он взял свою рюмку и одним залпом опрокинул в себя остатки ее содержимого. В общем, куда не кинь, везде находим укоренившуюся проблему. С причинами бороться – глупо, а с последствиями – невозможно, ибо поздно. Но мне, старику, почему-то верится, что резервы в общественном сознании все-таки имеются. Нужно только отыскать их и пробудить.

– А перед тем как попасть к вам имел продолжительную беседу со Львом Николаевичем Гумилевым.

– Знаю такого. Бывал у него на лекциях. Даже разговаривал несколько раз. Спорил. Умный муж. И его концептуальное видение развития этносов и суперэтносов мне знакомо.

– Но...

– Но он уповает на цикличность процессов, а я на неиссякаемый кладезь. Он уповает на жертвенность в период духовного расцвета нации. А мне кажется, что постоянно

уповать на это весьма опрометчиво, ибо существует реальная опасность надорваться на этом пути, поставив для себя, слишком амбициозные задачи. А ведь общество, как мы знаем, в основной своей массе довольно инерциально и пассивно. И инерция и пассивность составляют в нем крайне малую величину, хоть и обладают способностью в какой-то момент подстегнуть его. Но если лошадь перегружена, то хоть уговаривай ее, хоть бей смертным боем, но она с места не сдвинется.

Чувствуя, что старик невольно подводит его к какой-то очень простой, но чудесной мысли, Захария заерзал в нетерпении на своей скамье. Ирия молчала, переводя взор с одного собеседника на другого.

– Так-так, продолжайте, пожалуйста. Значит, вы с ним не согласны? Может быть, у вас есть какая-то своя рецептура пробуждения самосознания?

– Что касается стратегии, то я, безусловно, на его стороне. А вот насчет тактики я бы поспорил. Общество ослабло в своих нескончаемых болезнях. И требовать от него сейчас какой-то жертвенности и подвигов, все равно, что бить уставшую лошадь. С другой стороны, ждать пока общество само созреет для следующего рывка тоже опасно. Оно просто может до него не дожить, тихо скончавшись по дороге. Дилемма?

– Дилемма, – эхом повторил за ним Захария.

– Поэтому я считаю, что на данном этапе и требовать много с него нельзя и не требовать тоже невозможно. Значит на-

до не требовать, а ПРОСИТЬ, прежде всего. Причем просить того, чем поделиться ему было бы не в тягость. Если разложить, к примеру, русских, их менталитет, то чем, прежде всего, можно его охарактеризовать? Какие черты в русском народе наиболее преобладают? Каких черт у него в избытке и он в состоянии поделиться ими без ущерба для себя? Исключив, при этом, пресловутую жертвенность.

– Право же, затрудняюсь с ходу ответить на этот вопрос, – немного подумав, начал перечислять, невольно загибая пальцы. – Порыв, широта души, чувство прекрасного, природная смекалка, наконец. Нет. Сдаюсь. Разве что сострадание еще...

– Вот! – перебил его священник. – Именно! Вся беда современного общества заключается в том, что его техническое развитие движется по экспоненте, а антропологическое и социальное – в лучшем случае, переживает стадию «плато». Сострадание и милосердие, вот на что надо непременно упирать в общении с нашими предками! Нужно воззвать народ к этому чувству. Оно, как раз, и разбудит общество, проявив в нем лучшие его черты, и не вгонит в стрессовое состояние. Спрашивать, с подающего милостыню, надо по его физической способности. Для начала, я думаю, этого будет вполне достаточно.

– Гумилев предлагает для пробуждения общества использовать метод положительного шока.

– Как это? – встрепенулся Гермоген.

Захарии пришлось вкратце изложить предложение ученого о посылке межзвездной экспедиции на Землю, упомянув при этом, что было бы желательно, если бы он состоял из «русских» райанцев. Старик внимательно слушал его, не перебивая, оглаживая свою густую бороду. Потом немного покряхтел и выдал:

– Стало быть, он предлагает въехать в город на белом коне победителя, похваляясь перед сирыми и убогими, своими достижениями, сделанными, по сути своей, за их собственный счет?

– Ну, зачем же так обобщать? – явно смутившись, проговорил Захария, подспудно чувствуя правоту старого патриарха.

– А как же?! Без этого – никак, – развел руками тот и продолжил. – В общество, поголовно зараженное фатализмом, в котором всем, на все и на вся, наплевать, он собрался, в качестве стимулирующей морковки, представить технические достижения своей цивилизации и в довесок – практическое бессмертие. И какие, по-вашему, чувства в обществе он этим пробудит? Не знаете? А я вам скажу. Загибайте пальцы. Во-первых, лютую ненависть тех, кто никогда и ни при каких обстоятельствах не сможет попасть в Рай по причине закоренелой греховности, ведь они то надеются успеть заскочить в последний вагон, отвалив перед смертью денег на храм или сиротский приют. Но мы-то с вами знаем, что здесь своя бухгалтерия и свое мерило поступков, хоть до конца и сами не

понимаем механизма этого процесса. Во-вторых, черную зависть тех, кто узнает, что кто-то из тех на кого и подумать было нельзя, попали сюда, а им таким хорошим, как они сами о себе думают, войти в Рай является делом проблематичным. В-третьих, обида за то, что не прилетели раньше, а теперь воспользовавшись земными интеллектуальными ресурсами, явились в качестве мессии. И ведь им не объяснишь, что не могли сделать этого раньше. Их «железным» аргументом будет то, что ангелы де и раньше могли посещать Землю и никаких технических ухищрений для этого не требовалось. В-четвертых, общее недоумение от того, насколько незначителен процент, попавших в Рай, от общего населения планеты. Отсюда вытекает и пятый пункт. Видя насколько мало количество спасшихся большинство людей, не поверив в свои силы, просто махнут на это рукой, рассуждая про себя, что раз критерий попадания так высок, то и надрываться незачем, все равно усилия пропадут впустую. Конечно, будут и те, кого привлечет любопытство и жажда познаний новых технологий, но согласитесь, разве это чувство можно отнести к самоочистительным? Ну что, мало?

– Постойте, так я не понял, вы что, против посылки экспедиции?! – спросил ангел.

– Отнюдь! Обеими руками – за. Однако с некоторыми поправками. Я, конечно, понимаю уважаемого Льва Николаевича, уповающего исключительно на Россию, как локомотив земной пассионарности, но формировать экспедицию из од-

них только представителей нашего с вами сектора, извините, попахивает великодержавным шовинизмом. Это может рассорить Россию там – на Земле с ее соседями, и нас здесь. Экипаж, по крайней мере, первой экспедиции, должен быть интернациональным. В дальнейшем, если первая экспедиция увенчается успехом, можно будет уже подумать об индивидуальном воздействии на каждый из регионов, включая Россию. И второе. Не триумфаторами на белом коне, а сугубо младшими братьями должны прибыть на Землю члены экспедиции. Спаситель тоже ведь въезжал в Иерусалим не на триумфальной колеснице, а на ослице. Не кичливыми представителями, далеко продвинувшейся цивилизации, а просителями о помощи, во имя спасения двух миров. Они должны пробудить в людях чувство милосердия, ибо только оно может объединить и направить людей к истине. Тем более, что на начальном этапе от них не требуется никакого душевного и физического надрыва. Начать нужно с малого. Всякий путь к Богу начинается с малого. Накорми бездомного щенка, переведи старушку через дорогу, помогу немощному соседу и сходи в магазин за продуктами для него, пригрей сироту из детского дома, ибо так заповедовал нам Христос: «Открывай уста твои за безгласного и для защиты всех сирот». Нужно постараться сделать так, чтобы свершение хотя бы малых, но праведных поступков стало нормой бытия, вошло в жизненную привычку. И каждый раз при этом подчеркивать, что это не мы, а вы для нас являетесь старши-

ми братьями. Что делает человека лучше? Отвечаю. Чувство сопричастности к великому, чувство своей крайней необходимости, чувство гордости (не путать с гордынею) за себя и свой народ. И ни в коем разе не надо ждать быстрого результата. Пассионарность надо взращивать, копить, холить и лелеять.

– Хорошо. Я подумаю над вашими словами, – сказал Захария.

Видя, что основная тема беседы в основном исчерпана, Ирия, доселе тихонько сидевшая и не проронившая ни одного словечка, решила, наконец, задать священнику вопрос, который видимо ее очень сильно интересовал:

– Скажите, ваше преосвященство, а почему Христос отказался возглавить Церковь, которую сам же и создал? Если не там, на Земле, то хотя бы здесь, ведь к этому нет никаких препятствий.

Гермоген, огладив свою широкую и лопатообразную бороду с ласковой грустью в глазах тихо ответил:

– Давно это было. Еще не при мне. Поэтому сам не слышал его ответ, но передаю слова тех, кто был рядом. Приступали к нему с этим вопросом мужи многие. На что он им отвечал: «Не поводырь я, ибо, так же как и вы грешен и обуян страстями, но всего лишь указующий путь праведный».

– Мне трудно это понять. Я многого не знаю. Но я знаю, что из-за отсутствия церковного единоначалия на Земле произошел раскол, который обернулся многими горестями

людскими.

– Все так и одновременно не так. Западная ветвь христианства, установив церковное единоначалие, объявило Папу единственным и непогрешимым наместником Бога на земле, что является безусловным грехом перед богом и паствой, так как заранее объявляет его правым в любом деянии, а ведь человек слаб по своей натуре и нуждается в ежечасной поддержке и поправке. В то же время, Восточная, или как ее принято называть Ортодоксальная ее ветвь, следуя заветам Христа, сохранила, в качестве высшей церковной власти – Собор, ибо коллективное мнение гораздо точнее представляет мнение всего общества, нежели одно лицо. Кстати, единоначалие католической церкви никак не берегло ее саму от раскола. Примером того является протестантизм, «отвоевавший» у католиков едва ли не половину паствы. А вот польза от соборности безусловна и явна. И примером тому служит наш с вами Рай. С лишенной единоначалия католической церковью, нам гораздо проще наладить взаимоотношения на низовом уровне. За всю историю Рая, я не припомню, каких бы то ни было, трений и разногласий.

– Да, – почесала в задумчивости Ирия за ухом, – как-то я об этом не подумала. Спасибо.

Пора было уходить. Гости встали, встал и патриарх. Взаимно благословили друг друга, обменявшись на прощанье номерами комторов.

Из храма вышли молча. И долго шли так по тихой аллее вдоль пруда. Ирия молчала о чем-то своем, а Захария боялся нарушить идиллию тишины. И все-таки Ирия первой нарушила молчание. Потершись затылком о плечо Захарии, она с усмешкой в голосе проговорила:

– Я, конечно, всякого ожидала от своего по-настоящему первого в жизни свидания с мужчиной. Однако никак не могла предположить, что банальная развлекательная прогулка, вместо ахов, охов и признаний о сокровенных мечтах, превратится в философские прения! – при этих словах она повернула к нему голову и, глядя прямо в глаза, спросила, – тебе наверно скучно со мной? Я наверно выгляжу в твоих глазах очень глупо?

– Ну что ты?! Это наоборот я, кажется, становлюсь неумелым кавалером! Позвал девушку на свидание, а вместо этого таскаю за собой из кабака в церковь! Хорош маршрут?! – засмеялся он.

– Замечательный! А главное, что маршрут не тривиальный! – засмеялась она и еще тесней прижалась к нему.

Так они и шли, разговаривая и смеясь как дети, пока не вышли из парка. На противоположной стороне от парка, через дорогу располагался сад эндемичных растений Земли, семена которых в свое время оттуда доставили серафимы. Они уже собрались переходить дорогу по «зебре», когда с

той стороны из ворот сада появилась целая толпа ребятишек во главе с высокой смуглой красивой девушкой в белом пуховом платке, накинутом на плечи. Они как раз собирались переходить на эту сторону. Чтобы не мешать детям, наши спутники решили обождать их на своей стороне. Ирия сразу узнала смуглую девушку и замахала ей рукой, крича:

– Станка! Станка!

Та тоже заметила спутников, хотя ей все время мешали дети, которых она тщетно старалась пересчитать, и замахала в ответ.

– Цыганка? – удивился Захария, внимательно разглядывая девушку, переходящую дорогу в окружении бойкой детворы.

– Да. А что? – тихим шепотом удивилась спутница.

– Да, ничего, так-то, – слегка растерялся он, от удивенного. – Просто не ожидал увидеть здесь цыганку, да еще и в окружении такой свиты.

– Глупости и предрассудки, – все таким же тихим шепотом пробормотала Ирия.

Тем временем шумная ватага перешла дорогу, и девушки смогли поздороваться, как следует.

– Привет, Ирия! – поздоровалась красавица-смуглянка, внимательным взглядом окидывая ее спутника.

– Привет, Стан! Ты откуда и куда с целым выводком?! Неужели все твой?! – весело поинтересовалась она.

– Нет, не мои, – легкая тень грусти пробежала по лицу

цыганки и она больше для Захарии, чем для его спутницы пояснила, – водила старшую группу нашего детсада на экскурсию в сад эндемиков, теперь вот возвращаемся.

– Ваш садик и по воскресеньям работает? – улыбнулся Захария.

– Да. У многих ребятшек родители работают на беспрерывном производстве или по сменам, вот нам и приходится подстраиваться под их график.

– Ой, Станочка, прости, забыла тебя представить. Это Стана, моя подруга и сокурсница по вольным слушаньям, тоже будущий спецназовец, – представила она свою знакомую Захарии. – А это Захария, мой друг, мы вместе работаем.

– Очень приятно, – сказала Стана, протягивая руку Захарии.

– И мне очень приятно, – сказал он, пожимая небольшую, но крепкую и хваткую руку девушки.

Рукопожатие затянулось всего лишь на какое-то мгновение, но Ирия четко уловила этот момент, и чтобы в дальнейшем не возникло никаких недоразумений, влезла с поправкой, расставляя все по местам:

– То, что мы вместе работаем, это так, для отмазки. А вообще-то он мой парень, – слегка нахмурившись, заявила она, беря Захарию под руку.

– Да уж вижу! – засмеялась подруга, тряхнув густой копной черных волос, и тут же бросилась вновь собирать в кучу, начавших было разбредаться в разные стороны малышей.

– Слушай, Стан, у меня к тебе очень важное дело...

– У меня тоже, – со смехом ответила она, ловя очередного проказника пытавшегося удрать, – помогите мне довести эту банду до детсада и я в вашем распоряжении.

– А он далеко отсюда? – беспокойно спросила Ирия.

– Уже нет, – указала та кивком головы на невысокую ограду, расположенную метрах в ста от них, на углу перекрестка.

– И кто это додумался строить детсад на самом углу перекрестка?! – мрачно спросил Захария, явно вспоминая что-то нехорошее. Но ему никто не собирался отвечать на риторический вопрос.

– Дети! Все смотрим на меня! – закричала и захлопала в ладоши Ирия. Гомонящая толпа разом притихла и уставилась на незнакомую тетю вдруг решившую тут пораспорядиться. – Меня зовут тетя Ирия! Я предлагаю вам поиграть в интересную игру. Давайте представим, что все вы здесь из сказки, а вокруг вас сказочное королевство. Сказку про Золушку все знают?!

– Да! Да! – послышались голоса вразнобой.

– Вот и давайте представим себе, что все мальчики это прекрасные принцы, а все девочки – красивые Золушки.

Мальчики дружно согласились быть прекрасными принцами, а девочки не возражали, так уж и быть, оказаться ненадолго Золушками.

– А куда должен сопровождать Золушку каждый порядочный принц?! – задала она вопрос на засыпку новоявленным

актерам ТЮЗа.

– Под венец! – все с таким же энтузиазмом загалдела толпа молодых аристократов. Стана только прыснула в кулачок, а Захария начал так громко и заразительно смеяться, что даже сломался от хохота пополам, вгоняя в краску девушек и заставляя искренне недоумевать слишком сообразительных ребятишек.

– Да нет же! Это еще рано! – закричала Ирия, еле сдерживая порывы смеха. – Перед венцом куда он ее должен повести?!

Дети стали неуверенно переминаясь с ноги на ногу. Послышались предположения:

– К папе?

– Нет. К маме!

– Домой?

– В баню! – наконец, догадался кто-то.

Новый приступ хохота разнесся со стороны взрослых. Но на этот раз их смех поддержали и все дети, кроме одного, того самого кто сделал это предположение.

– И чего вы все смеетесь?! – недоуменно оглядывая окружающих громко, так, чтобы было всем слышно, заявило дите. – Она кто?! Золушка! Значит в золе вся перепачканная! Куда же ее еще вести в таком виде?! На бал что ли?

Доводы ребенка показались настолько убедительными для всех, что смех сразу прекратился.

– А ты сообразительный малый, – обратился к нему Заха-

рия, – но все же я думаю, что Золушка успела умыться до того как встретила принца. А вот насчет бала, ты попал в самую точку. Правильно я говорю? – обратился он уже ко всем.

– Да! – дружно ответили дети.

– А сейчас, – тут же подхватывая его инициативу, обратилась Ирия к детям, – каждый принц, как галантный кавалер, возьмет за руку любую из Золушек. Ну-ка, друженько!

На несколько мгновений возникла суета, пока разбирали Золушек. Наконец с этим кое-как разобрались. Стана и Ирия стали выстраивать пары в цепочку. Однако, так получилось, что сообразительному малышу, стоящему в самом конце живой цепочки Золушки не хватило. В жизни, обычно, так и происходит – то Золушек нехватка, то принцев переизбыток. Малыш уже начинал надувать губы, готовый расплакаться от такой вселенской несправедливости, как услышал над ухом негромкий шепот ангела, присевшего рядом на корточках:

– Что брат, Спиноза, не хватило для тебя Золушки?

Тот только кивнул, еле сдерживая рыдания.

– А давай мы попросим тетю Ирию побыть твоей Золушкой? Как ты на это смотришь?

– А можно?! – не веря своему счастью, спросил тот с придыханьем.

– Ну конечно! Я думаю, что она с удовольствием согласится. Ирия, – негромко позвал он ее, – подойди сюда.

Та быстро подошла, и мгновенно вникнув в суть вопроса, взяла ладошку ребенка в свою руку. Тот просиял от неждан-

но свалившегося на него счастья, ведь его Золушка была самая красивая и почти настоящая.

– А теперь, мои дорогие принцы и Золушки, дружно и не торопясь идем на бал! – скомандовала уже Стана, возглавляя колонну сиятельных особ.

Вереница детей, чинно и не особо торопясь пересекла перекресток и гибкой лентой, пройдя еще какое-то расстояние, стала вливаться в распахнутую калитку детского сада, где их уже ждала старшая воспитательница. Больше всех не торопился сообразительный малыш. Ему очень не хотелось расставаться со своей Золушкой. Первой, проводив детей, вернулась Золушка.

– Ловко это у тебя получилось, как будто всю жизнь имела опыт работы с детьми, – восхитился ангел.

– Пять лет была пионервожатой в лагере. Опыт не пропьешь, – отмахнулась та от его восхищения ее педагогическими способностями.

Когда вся детвора оказалась в положенных пределах детского сада, Стана вернулась к ожидавшим ее спутникам.

– Так, что там у тебя за важное дело? – спросила Стана, опять упорно разглядывая Захарию.

– Ты же у нас известный «ботаник». У тебя последние конспекты по методам статистического анализа есть? А то я на первую пару в прошлый раз опоздала из спортзала.

– Есть, – просто ответила та, – приходи вечером, дам.

– Я, наверное, сегодня не смогу, – неуверенно сказала

Ирия, – давай завтра после работы забегу?

– Ладно. Я сегодня до девяти вечера. Завтра у меня как раз отсыпной после сегодняшнего дежурства, поэтому буду дома весь день и вечер.

– Что-то ты мне сегодня, подруга, не нравишься, – без всякого перехода и околичностей заявила Ирия, – да и на моего парня уж больно сильно заглядываешься...

– Не бойся, Литвинова, не уведу я у тебя парня твоего, – без тени улыбки поведала она, – потому как свой дома есть.

На это заявление, Ирия невнятно прогундосила в нос нечто вроде того, что она де и не собиралась бояться, однако никому не советует проверять это на практике, но Стана прервала ее бормотания, обращаясь уже к Захарии.

– Эй, ром, по глазам вижу, что ты в больших чинах ходишь, дай руку, погадаю тебе.

– Ой, да что вы?! Не надо! – испугался Захария, пряча руки за спиной.

– Давай-давай, я же не за деньги, а так, ради интереса.

– Дай ей, Захария! Мне тоже интересно! – поддержала Ирия подругу.

– Девочки, может не надо, а? – в последний раз, попробовал было он отвертеться.

– Ты что-то скрываешь от меня?! Боишься, что узнаю?! – насупилась ангелица, выпячивая при этом нижнюю губу, в обиженной гримасе, как давешний малыш.

– Ну, ладно-ладно, если уж вы так обе настаиваете, то

дам, – протянул он обе руки открытыми ладонями кверху, – но помните, что это противоречит христианским канонам, да и вообще, антинаучное занятие.

Проигнорировав левую руку, Стана цепкими пальцами ухватила правую и поднесла почти к самым глазам. Долго рассматривала, хмуря брови и шевеля губами, пока нетерпеливая Ирия, не начала дергать ее за рукав рубашки, выглядывающий из-под платка.

– Ну, что там?! – изнемогая от любопытства, теребила она Стану.

– В общем, так! – морща лоб от усиленных раздумий начала она. – Большой у тебя чин, ром, а будет еще больше, если не позабудешь оглядываться время от времени. Большая и гладкая дорога у тебя за спиной, а впереди еще бо;льшая, только не мощеная никем. Тебе и мостить ее. Нет у тебя на душе покоя, и не будет никогда. О других будешь волноваться больше чем о себе. Станный ты. Нет тебя здесь. Ты в прошлом и в будущем одновременно. Ждет тебя встреча близкая, гонцы уже спешат за тобой...

– Ты скажи, что у него на сердце. Кто его любит? Кого он сам любит? И чем дело закончится? – перебила ее Ирия. Теперь Стана взяла его левую руку и опять склонила голову над раскрытой ладонью ангела.

– Есть к нему любовь, есть и от него любовь. Только любовь к нему гораздо дольше, чем от него. А сердце его разрывается на две части. Разрывается меж двух женщин. Одна

женщина большая, а другая маленькая. Любит он большую женщину, но часто будет уходить от нее, и так же часто возвращаться. Дубом могучим с раскидистыми ветвями оградит он березку стоящую подле него, защищая от палящего солнца и порывов ветра, принимая на себя удары грозы. И будет он ей во веки веков защитой неодолимой, да только и самой березке вырасти не даст.

– Ничего не пойму! А я-то какая – маленькая или большая? Куда уходить? Зачем уходить, если любишь? – не унималась Ирия.

– Успокойся! Большая ты, самая большая! – попробовал он ее успокоить.

– Что?! Как это, самая большая? На что ты намекаешь? Я, что, толстая такая?! – вспыхнула она от праведного негодования.

– Да нет же! Ты большая худенькая женщина!

– Плоская что ли?! Как камбала?! – уже чуть не плача воскликнула она, но он привлек ее к себе и начал поглаживать по голове, как маленького ребенка.

– А маленькая тогда, кто? – всхлипывая у него на плече, спросила она.

– Это одна маленькая девочка. Я тебе потом расскажу, – продолжал гладить он ее. – А я и не знал, что ты у нас такая ревнивая!

– Да, пустяки, – отпрянула она от него, утирая слезы. – Это не я плачу, а алкоголь. Не надо было мне после вина пить

креплённый кагор. А вообще-то, в таких делах, каждый сам за себя, тут не до женской солидарности, правда, Стан?

– Да, верно, – согласилась та, теребя концы платка.

– Кстати, Стана, – обратился он уже к цыганке, я вижу на вас пуховый платок, по фактуре он очень похож на изделия оренбургских мастериц, верно или я ошибаюсь?

– Да. Купила вот на «развале» у одной знакомой бабушки. Сейчас опять вошел в моду «деревенский» стиль.

– А вы не могли бы подсказать нам, как найти эту бабушку? Мне бы очень хотелось приобрести подобную вещь.

– Для кого это? – опять встрепенулась Ирия.

– Для одной моей давней знакомой бабушки. Она приходит ко мне убираться раз в неделю.

– Бабушки, говоришь? – прищурилась она, но развивать тему не стала, пробормотав только себе под нос. – Ладно. Проверим.

– Давайте я вас провожу до нее, сегодня как раз воскресенье, она там должна быть. Подождите только минутку, я сейчас отпрошусь у заведующей, – сказала она и упорхнула в калитку.

– Странно, – обратился он к Ирии, когда Стана скрылась за оградой, – я первый раз вижу здесь цыганку. Не знаешь, она из «обращенных» или «коренных»?

– «Обращенных». Весной сорок пятого, когда наши рвались к Берлину, в концлагере Заксенхаузен администрация запланировала массовую расправу в газовой камере. Лагер-

ные власти объявили о предстоящей акции и огласили список номеров, подлежащих уничтожению в первую очередь. И вот Стана ночью перешла свой номер на арестантской робе молодой еврейке с грудным младенцем, пока та спала. Та, что с ребенком осталась в живых, а Стана вот у нас.

– Теперь понятно, почему она так переменялась в лице, когда ты заговорила о детях.

– Да нет, тут другое. Ты не думай. У нее все хорошо: дом, любящий муж, работа, учеба. Деток вот только нет. Они с мужем уж и так и эдак, а все никак не получается пока. Медицина, правда, призывает не отчаиваться, времени еще навалом впереди.

Вскоре после этого появилась и Стана.

– Отпустила на полчаса. Так что, бегом за мной, – быстро проговорила она и рысцой припустила к ближайшему телепорту. Захария с Ирией еле поспевали за длинноногой девицей.

Через минуту они уже стояли в самом центре «развала». «Развалом» назывался стихийный рынок, собиравшийся раз в неделю по воскресеньям. Большое количество народа на рынке еще не значило, что торговля шла бойко. Здесь собирались, в основном люди пожилого возраста и не столько для того, чтобы продать или купить что-нибудь, сколько для общения между собой. Некоторые из завсегдатаев ходили сюда как на работу, продавая по десять лет один и тот же старый медный чайник. Большинство «продавцов» и «покупа-

телей» знали друг друга, если не по имени, то уж точно в лицо. Товар в основном был копеечный и никчемный, основная функция которого заключалась в том, чтобы служить предлогом для какой-нибудь беседы. Покрутив головой, Стана, с чутьем, известным только ей одной, уверенно начала лавировать в узких проходах между рядами торгующих. «Сладкая парочка» едва поспевала за ней. Однако долго плутать нашим путникам не пришлось. Довольно быстро они вышли к цели своего поиска. Маленькая, седенькая, благообразная старушка, сидела почти с края одного из рядов, на складном стульчике и вела неспешную беседу о чем-то с одной из своих товарок, расположившихся рядом. Ведя разговор, она не на мгновение не прерывала свое очередное рукоделье, творимое ею тут же мелькающими с поразительной скоростью спицами.

– Баба Маша! – обратилась Стана к пожилой женщине. – Я к тебе клиентов привела, у тебя есть сегодня что-нибудь?

Старушка подняла глаза кверху и приветливо заулыбалась:

– Здравствуй, Станушка! Как не найтись?! Завсегда, что-нибудь, да найдется. – и уже обращаясь к покупателям. – Здравствуйте, люди добрые! Чем же я могу вас порадовать?!

Глядя ей в глаза, Захария удивился. На круглом и морщинистом личике старушки, больше похожем на кору старого дерева или печеное яблоко, яркой голубизной светились молодые глаза. Обычно у людей в преклонном возрасте глаза

становятся бесцветными и мутноватыми, эти же напротив, настолько неестественно смотрелись на общем фоне, что Захария, как зачарованный кролик, не мог отвести от них своего взгляда. Неловкая пауза, грозила затянуться до неприличия, если бы находчивая Ирия не пихнула его локтем в живот. Икнув от неожиданности и клацнув при этом зубами, чем вызвал у окружающих невольные улыбки, Захар очнулся:

– Ой, простите, бабушка, засмотрелся на вас! – искренне признался он, и та еще больше расцвела в своей доброй улыбке.

– Что, неуж хороша, старая?! – с долей женского кокетства спросила она.

– Да! Сдается мне, что немало парней, в свое время, побегало за такими глазами?! – опять не стал лукавить ангел.

Бабка, в свою очередь, внимательно посмотрела на него и опять улыбнулась, только на этот раз с примесью какой-то грусти, видимо вспоминая юные года.

– Да, было, чего уж скрывать? А ить, как я погляжу, ты-то тоже вроде уж не молоденок? С тысчонку, небось, наберется?

– Больше, бабуль, гораздо больше.

– Ну, ин, ладно, тадысь. Чего взыскуешь, старче?!

Захария на эти слова, лишь усмехнулся, а Ирия, стоявшая рядом и слушавшая разговор, недовольно хрюкнула.

– Да, вот увидели у Станы, мотнул он в сторону притихшей цыганки, – ваше изделие и захотелось мне приобрести

такой же платок. Есть у вас еще такие?

– Есть, милоч, есть, – ответила она и, сложив спицы, полезла в небольшой ящичек, служащий ей одновременно столиком, на котором были разложены носки, варежки, шарфы и шапки. Из него она достала сверток, который на поверку оказался большим белым сплошь ажурным платком, настолько мягким, пушистым и невесомым, что его не хотелось даже выпускать из рук.

– Оренбургский? – со знанием дела спросил Захария

– Самый, что ни на есть! – согласилась бабка и тут же обратилась к Стане. – Дай колечко.

Та послушно и без разговоров сняла с безымянного пальца обручальное кольцо и протянула старушке. Взяв кольцо, баба Маша быстро и без всяких усилий протянула платок через кольцо. Затем отдала кольцо хозяйке, а платок потенциальному покупателю.

– Почему, бабушка, отдадите? – бережно сворачивая платок, спросил Захария.

– Да уж и не знаю... Сызмальства не приучена торговаться. Сколько не жалко, то и ладно будет, – развела она руками.

– Бабушка! – вмешалась в разговор Стана, – Ну, сколько можно вас учить торговать правильно! Надо же уметь ценить свой труд, вон какие мозоли на пальцах!

– Действительно, – поддержал ее Захария, – такое, без преувеличения, произведение искусства требует соответствующей оплаты. Говорите, не стесняйтесь, мы заплатим

любую сумму.

Старушка растерянно начала оглядываться на торговков сидящих рядом, но те сделали вид, что ужасно заняты своими неотложными делами. Тогда она, почесав указательным пальцем кончик своего носа, тихо и как бы оправдываясь за что-то, выдавила из себя:

– Двадцать райалов, не много ли будет?

– Э-э, нет, бабушка так не пойдет! – громко высказался Захария, чем привел бабуку в еще большее замешательство и обратил на себя внимание всех, кто находился поблизости. – Тут необходимо применить строго научный подход. Так, напомним-ка мне, какая у нас сейчас минимальная оплата по тарифной сетке не квалифицируемого труда?

– Триста райалов, – дружно выдохнули у него за спиной Стана с Ирией.

– Сколько примерно, дней у вас уходит на изготовление подобного образца? – спросил он, вконец опешившую старушеницу.

– Дня три-четыре, – неуверенно пожала она плечами.

– Хорошо, – сказал он и начал вести вслух подсчет. – Значит триста делим на двадцать один (количество рабочих дней в месяц), получается четырнадцать руб... тьфу, райалов и двадцать восемь ногат. Округляем до пятнадцати и помножаем на четыре дня, получается шестьдесят райалов. Плюс шестьдесят процентов роялти. Итого – ровно сто райалов. Можете не проверять, я хорошо учился в школе. Полу-

чите и распишитесь, – полез он в кошелек, доставая сторай-аловую купюру с тисненным изображением Млечного Пути.

Вокруг раздались одобрительные возгласы и хлопанье ладош его спутниц. Бабка, с купюрой в руке, часто-часто моргала, ничего толком не понимая из сказанного, а затем, все же решилась спросить:

– Милок, может ты ошибся? Не торгую я роялями твоими. Платки, шапки, шарфы – куда ни шло, а роялями твоими Бог не сподобил, – стала она протягивать назад, только что полученные деньги.

– Бабушка, роялти – это авторское вознаграждение собственнику за использование продукта его интеллектуального труда, и никакого отношения к музыкальному инструменту не имеет, – к месту демонстрируя юридическую «подкованность» вмешалась ушлая цыганка. Бабка опять ничего не поняла из сказанного. Но спорить не стала, а просто махнула рукой.

Закончив дело с покупкой, уложенной, в любезно представленный рукодельницей, пакет и поблагодарив старушку за товар, наши спутники разделились. Стана побежала к телепорту, объяснив на ходу, что отпущенные ей полчаса вот-вот истекут, Ирия остановилась у соседнего столика, заинтересовавшись красивыми вышивками бисером по глади, а Захария отошел к столику, что стоял в ряду напротив, где сидел старичок-часовщик, торговавший помимо часов еще и прочей мелочью. Уже через пять минут он вновь присоеди-

нился к своей девушке, на ходу что-то засовывая в карман.

– Что-нибудь купил еще? – с ревностью в голосе спросила та, заметив его движение.

– Да, – не стал отрицать он.

– Покажи.

– Покажу, дай только выйдем отсюда.

– Ну, тогда пошли скорей, – поторопила она его, одновременно сгорая от ревности и любопытства.

Лавируя меж рядами, как и в первый раз, но уже не обращая внимания ни на что, они выбрались вскоре на обочину, ограждающую самостоятельный блошинный рынок.

– Показывай, что у тебя там! – потребовала она тоном супруги с двадцатилетним стажем.

Захария залез в брючный карман и извлек на свет нечто круглое размером чуть больше грецкого ореха. Затем нажал на скрытую кнопку, верх «ореха» откинулся и явил взору Ирии крохотную скульптурную композицию из сказки Андерсена «Стойкий оловянный солдатик». Композиция состояла из двух фигурок – увечного солдата с фузеей, взятой «на караул» и прекрасной балериной. Солдат, как ему и положено было стоял по стойке «смирно», а юная балерина, привстав на цыпочки одной ногой и подняв в «шпагате» другую, крепко обнимала его за шею. Захария еще раз нажал на потайную кнопку и снизу вырвался тусклый огонек пламени, объявший героев трагической сказки. Вместе с огоньком пламени из «ореха» тихо зазвучала красивая и печаль-

ная мелодия.

– Боже, мой! – воскликнула Ирия, чуть не плача. – Выключи быстрее, они же сгорят!

Захария тут же повиновался, и пламя исчезло вместе с музыкой.

– Не бойся! Они сделаны из тугоплавкого материала. На! – протянул он ей «орех». – Это мой подарок тебе. Со смыслом.

– Каким?! – спросила она, бережно принимая подношение.

– Не скажу. Догадайся сама.

– Хорошо. Я подумаю над его тайным смыслом. А когда мы пойдем к бабушке?

– Какой бабушке?

– Как какой? К той, которой ты купил этот платок.

– Я отдам ей его, когда она придет ко мне убираться в следующий раз.

– А зачем ждать, если можно отдать сейчас? – нехорошо прищурилась Ирия.

«Пожалуй, все-таки зря я ее повел к Эзопу, да и с кагором не следовало злоупотреблять» – с сокрушением подумал Захария, а вслух возмутился:

– Ты мне не веришь?!

– Верю. Но подарок надо отдать сейчас. Тогда поверю еще больше.

– Ну, хорошо, Фома! Уговорила, – вытащил он комтор и стал искать записанный адрес бабы Луши. Лет двести назад

он был у нее, когда помогал с переездом на новое место жительства, но с тех пор, адрес выветрился у него из головы, поэтому пришлось обращаться к записной книжке комтора.

– Ага! Нашел! Выселки-27, Клубничный проезд, 5-я просека, участок 17. Пошли, – потянул он за рукав платья девушку к ближайшему телепорту.

Телепорт «высадил» их в самом начале улицы, поэтому им пришлось изрядно потопать, прежде чем очутиться у невысокой изгороди с жестяной табличкой, обозначающей искомый номер дома. Калитка участка была закрыта на веревочку, перекинутую через столб. Откинув «хитрый» запорный механизм, парочка вошла внутрь. Лукерьян дом располагался в глубине сада, ветви деревьев которого почти скрывали жилище от посторонних глаз. В саду, если не считать двух коз белой масти, никого не было. К дому вела узкая тропинка выложенная туфом. В двери стучать не пришлось, скрипучие деревянные ступени крылечка подсказали хозяйке дома о незваных гостях и она, услышав их разноголосый скрип, готовно распахнула их настежь. Лишь на одно мгновение на лице у бабки проступило изумление, говорящее о том, что она уже ждала кого-то, а явился совсем другой, но быстро совладав с собой, расцвела в радостной и гостеприимной улыбке:

– Ой, Захарушка! – всплеснула она своими сухонькими ручками. – Вот уж не гадала, не чаяла! Проходите в дом, гости дорогие! Да не разувайтесь! В избе не мыто, не метено,

живу – свинья-свиньей! – радостно засуетилась она, приметив Ирию, выглядывающую, из-за плеча ангела.

– Да мы бабушка ненадолго. Вот гуляли, да решили к вам заскочить, – сказал Захария, проходя в чисто убранную горницу. – Вот, познакомьтесь, это Ирия, очень хорошая девушка! – представил он свою спутницу.

– Вижу, Захарушка, вижу! И впрямь хороша! Ну, здравствуй-здравствуй, красавица! Лукерья я буду. Или бабкой Лушей, зови, как тебе сподобней будет.

– А я просто Ирия, – без кокетства представилась та, во все глаза разглядывая обстановку гостиной, куда их привела хозяйка. Просторная гостиная напоминала Захарии 70-е годы прошлого столетия. Посредине комнаты, как это и было принято, стоял огромный круглый раздвижной стол с приставленными к нему стульями. Типичная стенка «горка» с выставленным напоказ хрусталем в серванте, раскладная софа в углу, пара кресел с деревянными подлокотниками, неизменный торшер с двумя полотняными абажурами, большой ковер на стене, напольные часы с кукушкой, и разумеется, псевдо хрустальная люстра с висюльками, все это окунало в так хорошо знакомый, уютный и любимый Захарией мир. Из этого ретро-великолепия выбивался только большой и «навороченный» визор в стенной нише.

– А мы к вам, бабушка, не с пустыми руками, – моргнула Ирия глазом своему спутнику, достающему из пакета платок, – вот, примите на доброе здоровье. Захария развер-

нул платок, и бережно накрыл им старушечьи плечи. Слезы неподдельного смущения и радости наполнили ее глаза, и она зашмыгала носом, как школьница, которую застукали за курением в туалете:

– Захарушка, Ирия, ну что вы?! Зачем же? Ангел! Ангел и есть! – лепетала бабка чуть не плача от несказанного счастья. Захария обнял старушку, и та благодарно уткнулась своим носом в его грудь. Затем отлипла от груди и сняв с себя подаренье, стала внимательно разглядывать ажурный рисунок.

– Хороша! Ишь, какая тонкая работа! Я бы так никогда не смогла. Мое вязанье простое – лицевыми петлями. И то сказать, не велико мастерство – носки, да шарфы вязать на круговых то спицах, а тут чую руку настоящего мастера своего дела.

Потом, нацепив на нос очки, висевшие у нее на груди, помяла зачем-то платок в руках и поднесла к самому носу, шумно втянув в себя воздух. Затем задумалась на секунду и опять уткнулась туда же. Захария с Ирией озабоченно переглянулись, не понимая бабкиных телодвижений.

– На «развале» покупали? – уже деловитом тоном поинтересовалась она. Гости, молча, кивнули. – У Машки, небось?

– Да, – подтвердил бабкину догадку Захария. – Она так себя называла. А как вы догадались?

– По запаху, Захарушка, – охотно ответила Лукерья. – Она ить, Машка эта, завсегда козью шерсть донником пересыпает, в отличие от остальных, пользующихся полынью, да ро-

машкой. Великая мастерица – не чета, мне. И ведь сколько раз просила я ее научить меня вязать «паутинку». Ни в какую не соглашалась. То-то удивится, когда я пройду перед ней, да в таком наряде?! – засмеялась старушка, опять накрывая свои плечи подарком.

Подошла к большому овальному зеркалу, висящему на двери платяного шкафа, и закрутилась перед ним, как столичная модница, то подбоченившись, то томно поводя плечами. И тут, вдруг ойкнув, повернулась к гостям:

– Ах, дура я старая, что же я кручусь тут, как девка?! А у самой гости стоят – не поены, не кормлены!

И срывая с себя дорогой подарок, опрометью бросилась на кухню, крича уже оттуда:

– Захарушка, Ирия стелите на стол скатерть, она в серванте лежит в самом низу, а я мигом.

Захария, кивком головы, передал эстафетную палочку команды девушке, а сам пошел вслед за Лукерьей.

– Баба Луш, – обратился он к ней с напускной строгостью, пока она возилась со «шкафом» стола заказов, – вы это прекратите практику кормить всяких за свой счет. Я же сказал, мы на минутку, просто гуляли и зашли.

Но бабка даже слушать его не стала, замахав руками:

– Скажешь тоже! Иль мы не русские люди, чтобы гостя дорогого не угостить?! Лучше помоги мне носить в гостиную.

– А ведь признайтесь, бабуль, кого-то вы ждали уже к себе?! – хитро улыбаясь, спросил он, у, разом, покрасневшей

от смущения пожилой женщины.

– Да кого же еще ждать, окромя проклятущего Онфимки?! Ведь чую носом, что дома сидит – окаянец, а глаз не кажет!

– Что, с самого четверга нет его? Вы же ждали его в тот вечер? – удивился Захария.

– Да вот, – неопределенно махнула она рукой.

– Послушайте, бабушка, раз уж такой случай подвернулся, а не сосватать ли нам вас за него? – лукавым лисом начал он опять смущать и без того мятежную душу старухи.

– Как это сосватать?! Так сразу?! – не то удивилась, не то возмутилась она.

– Ну да! А что тут такого? Чего волынку-то тянуть? Вы люди взрослые, самостоятельные. Знаете, друг друга много десятков лет, – уже всерьез загораясь идеей, пошел в наступление ангел.

– Да как же, так-то?! Просто пойти и сосватать? – испуганно начала бормотать бабка.

– Именно так! И никак иначе! Решительным штурмом, а то вы еще двести лет будете в переглядки играть! И про объединение участков не забывайте! – сказал он, как припечатал.

– Да куда уж тут? Разве забудешь такое? – низя глаза, прогнусавила Лукерья.

– Так! Объявляю диспозицию! Вы тут накрывайте пока на стол, а я до жениха сбегая. Чую, что все получится. У

меня в последнее время все получается, каким-то странным образом, – сказал он и метнулся в гостиную, где у накрытого уже стола стояла Ирия.

– Ирия! – скомандовал он. – Иди и помоги бабушке, а я скоро вернусь. Да вот возьми еще и ни в коем случае не давай ей оплачивать пиршество, – сунул он ей свою карточку.

– Ты куда?! – растерянно воскликнула она, но тот не вдаваясь в объяснения, уже выскочил на двор.

На дворе, вспомнив, что не спросил у бабки, с какой стороны от нее проживает потенциальный жених, покрутил головой и без труда определил направление, заметив пролом в заборе, а за ним довольно запущенный участок. К пролому и кинулся, поленившись обходить по улице. Нырнув в пролом, опрометью припустил к домику, видневшемуся среди зарослей сорной травы. Без стука ворвался в такое же запущенное, как и сад, жилище и тут же чуть не упал, поскользнувшись на арбузной корке, валявшейся на полу темной прихожей. Невольно чертыхнулся. В нос, как кулаком ударило стойким запахом сивухи вперемешку с табачным дымом. Невзирая на общественное порицание, дед отчаянно курил крепчайший самосад. Кое-как выбравшись из прихожей, зажимая пальцами нос, Захария ввалился комнату, из которой доносился какой-то стук. Интересная картина предстала перед ангельскими очами. Просторная, но скудно обставленная в плане мебели комната представляла собой нечто среднее между кельей монаха и алхимической лабораторией. На длинном,

грубо сколоченном столе рядами теснились колбы, реторты, перегонные кубы и целый набор измерительной аппаратуры, причем, довольно современной. В углу у окна примостилась узкая кровать с панцирной сеткой, по-сиротски застеленная серым покрывалом. Под столом, Захария не сразу то и приметил, выбиваясь диссонансом из общей картины, стоял новенький баян, сияя хромированными планками и белизной клавиш. На кровати сидел старик, с клочковатой, пегого цвета бородачкой, и орудовал молотком, прибывая резиновую набойку к деревянному протезу ноги, поставленному на табурет, стоящий возле кровати. Старик лишь мельком глянул, на неожиданного визитера, продолжая стучать молотком по дровяшке.

Обескураженный равнодушным приемом, ангел, полковник, кавалер, орденосеиц и лауреат в одном лице, неловко потоптавшись и кашлянув в кулак, брякнул первое, что пришло на ум:

– Здравсьте! Я – ангел. Вы жениться хотите?!

– На тебе что ли? – буркнул неприветливый хозяин, откладывая молоток в сторону и уставившись в сторону гостя.

– Зачем же на мне?! – обиделся обладатель целой кучи наград и званий. – Я имею в виду соседку вашу – Лукерью Матвееву.

– А тебе от какое дело и надоба в этом? – еще больше насутился старик.

– Вы наверно не поняли, – собравшись вновь с силами, но

при этом, продолжая про себя обкладывать того, трехэтажным, – меня зовут Захария. Я старый знакомый вашей соседки.

– Захария?! – восторженно вскрикнул старик, будто его облили живой водой. – Как же, как же! Знаю. Лушенька много говорила о вас.

Он попытался было встать с кровати, но на одной ноге это было делом проблематичным, да и гость, видя такую трудноту, замахал руками, давая понять, что показное чиновничье почтение в домашних условиях не совсем уместно. Поискав глазами, куда бы усадить визитера, и не найдя ничего, Онфим смахнул с табурета свой протез и указал на освободившееся место. Захария плюхнулся на табурет и продолжил:

– Баба Луша, вы уж извините, что вмешиваюсь в ваши отношения, говорила мне, что вы неоднократно высказывали намерение гм... связать, так сказать, узами брака ваши одинокие сердца...

– Да не то, чтобы узами, как говоришь, брака... Это вон пускай молодежь бракуется, а нам то уж куда?! – нерешительно покряхтел он, шаря под подушкой в поисках кيسета.

– То есть как это куда? – не понял Захария. – Вы что же собрались жить вне закона? Прелюбодействовать что ли?

– Какое там прелюбодейство?! Я уж и слово такое позабыл. Так бы, сойтись просто, да жить одним домом, чтоб не в одиночку значить, – доставая кiset и приличного размера кусок сельской многотиражки, проговорил он.

– Я все понимаю, – с сочувствием в голосе произнес ангел, – но форму, однако же, следует соблюсти. Хотя бы ради приличия, да и вообще...

Дед, насыпав в газету жменьку табака, стал ловко сворачивать громадную «козью ножку». Захария же продолжал гнуть свою линию:

– Так вот, я наслышанный о ваших безуспешных попытках в этом щекотливом деле готов содействовать принятию решения на основе консенсуса.

– Эх, ты загнул! – восхитился дед, щелкая зажигалкой. – Это она тебе сама значить сказала, что отказывала мне все время?

– Ну да! А что, разве не так?!

– Так, да не так! – выпуская дым и закашлявшись, проворчал Онфим. – Баба! Что с нее возьмешь? Николи всей правды не скажет, значить.

– Ну-ка, ну-ка, изложите свою версию, – чувствуя, что дело не такое простое, как казалось вначале, заинтересовался ангел.

– Все уж у нас было стоворено, еще почитай лет семьдесят назад. И заявление уж в ЗАГС подали, все чин чином, – окутался дымом старик, так, что его было почти не видно, – а только втемяшилось глупой бабе освятить брак церковным таинством.

– Пока не вижу ничего необычного, – пожал плечами полковник. – Многие так делают.

– А ты слухай дале. Вот и пошла она, значить, к попу. А тот и ну ее выпрашивать, что мол, да как. А потом и заявляет, значить, что никак не может совершить обряд.

– Как это не может?! – изумился Захария, неплохо разбирающийся в церковном правосудии.

– А так! Нельзя, говорит, ему жениться, потому как он уже дважды вдовый, а третий брак церковь воспрещает, значить. Во, как, а ты говоришь!

– Как же так случилось то? – сразу нахохлился Захария.

Старик поерзал на кровати, посопел. Раз пустил дым, затем еще раз, как бы собираясь с мыслями и окунаясь в не слишком приятные воспоминания.

– Первый раз женился я еще в царствование матушки императрицы Екатерины Ляксевны в семьдесят пятом годе. Красивая моя была Полюшка – глаз не отвесть. А коса у ей толще руки моей, едва не до пят. Тока-тока свадьбу отгуляли, как забрили меня, значить, в солдаты. А барыне нашей Измайловой уж больно завидно было глядеть на ейную косу. Вот и повелела она схватить мою любушку, да остричь, чтобы значить парик себе соорудить. Не пережила Полюшка позора эдакого, да и кинулась в омут. Я ж тем временем у Суворова Ляксандра Василича служил в полку драгунском. При Фокшанах ядром оторвало мне ногу. Лекарь полковой – Осип Давыдыч спас, храни его, значить, Господь. Списали меня, вчистую. Вернулся домой, долго горевал, а что поделать? Жить-то как-нибудь, все одно надо. Через года три со-

шелся с одной. Ефросиньей звали ее. Не старая ишшо была, но тоже вдовая. Хорошая была, тихая, да ласковая. Думал, хоть теперь заживем, как ни то. Ан не вышло. Детушек троих, одного за другим, ишшо во младенчестве Бог прибрал, а вскорости до Ефросиньи добрался – померла от нутрянной болести. Вот с тех самых годов я к горькой и пристрастился. А тут ужо и Лукерью встретил. У ней, ить тоже жизнь не сахар была, вот и подумал я, что нам по углам от жить, одиночество коротать? Так то.

– Да-а, – почесал в затылке ангел, – это конечно проблема с точки зрения церкви.

Однако чесание в затылке, как утверждал Винни-Пух, порой приводит к поразительным результатам. Так произошло и на этот раз. Почесывание затылка породило в мозгу ангела простую и одновременно оригинальную мысль: «Если есть запрет церкви на что либо, то в истории непременно должен найтись и прецедент его отмены. А кто вправе отменить запрет? Конечно же, верховная церковная власть. Кто на Земле олицетворял верховную власть? Патриарх осуществлял ее в перерывах между Вселенским либо Поместным Соборами. Так-так».

– Послушай меня, Онфим, – начал ангел, – а что если я попробую договориться с одним из наших патриархов о снятии с тебя запрета? Как ты на это посмотришь?

– Батюшка, ангел! – бухнулся тот, почти не раздумывая, на колени. – Век буду Бога молить! Яви такую милость! Ить

сопьюсь окончательно от жисти такой!

– Погоди бухаться в ноги! Еще вилами на воде писано. Посиди тихо, мне надо сделать один важный звонок.

Захария достал комтор, и быстро пролистав список абонентов, набрал нужный номер. Почти сразу на том конце прогудел сочный голос Гермогена:

– Я слушаю тебя, отче!

– Прости, сыне, что отвлекаю тебя от дел праведных, – с пафосом начал хитрую игру Захария.

– Я не занят отче, а вечерю будет служить сегодня Феогност.

– Это хорошо, сыне. Посему, прошу тебя, уделить толику времени для свершения в миру церковного подвига. Дело не мешкотное и требующее сугубого разбирательства, которое может затянуться весьма.

– И простой чернец и священник ризоносный одинаково должны беспрекословно являться к членам паствы церковной, для утешения и наушения.

– Тако же, сыне.

– Мантию одевать или рясы с куколем будет достаточно? – уже деловито осведомился Гермоген.

– Надень, – секунду поразмыслив, сказал Захария. – И это... вот еще что...

– Сколько? – спросил, не дожидаясь пояснений, на том конце сообразительный патриарх.

– Пару литров, думаю, хватит для затравки.

– Адрес?

– Выселки-27, Клубничный проезд, 5-я просека. Я встречу.

– С Богом!

– С Богом! – эхом отозвался Захария и отключился.

Связь была отчетливой, поэтому Онфим, сидящий на кровати, и почти не дышавший, слышал каждое слово. Сообразив, что разговаривать с патриархом в таком покровительственном тоне может ангел только очень высокого ранга, он поневоле воспрял духом и уже смотрел на него даже не как на своего спасителя, но как чуть ли не Мессию.

– Все слышал?! – обратился ангел к деду. Тот покивал по-добострастно. – Одевайся во все лучшее, что найдешь, и беги к бабке. Скажешь ей, что я пошел встречать патриарха. Скоро буду.

Затем вдруг остановился и неожиданно спросил:

– На баяне то играть умеешь?

– Неа.

– А зачем тогда он тебе?! – удивился Захария.

– Красивый! – с какой-то теплотой и детской наивностью в голосе проговорил старик.

– Тогда захвати и его с собой.

Выпалив эти рубленные фразы, Захария не мешкая, пустился на улицу. Идя скорым шагом по сельской улочке, услышал звонок комтора. Сначала подумал, что это патриарх перезванивает, чтобы уточнить детали, но поднеся ком-

тор к лицу, обнаружил ошибку в своем предположении. Звонил Гавриил. Вот уж от кого не ожидал звонка в этот предвечерний час.

– Здравствуй, Захария! – пророкотал архангел. Вид у него был такой растерянный и виноватый, что Захария испугался. Прежде всего, за себя. С таким видом начальство обычно сообщает своему любимому подчиненному о грядущем сокращении штатов.

– Здравия желаю, товарищ генерал-лейтенант! – по-уставному ответил он, внутренне приготовившись к самому неприятному.

– Ну что ты за человек такой?! – поморщилось начальство. – Удивляюсь, как это еще молоко не прокисает рядом с тобой?!

– Осмелюсь напомнить, товарищ генерал-лейтенант, я не являюсь человеком, – все так же сухо заметил Захария.

– Ладно. Оставим дискуссии. Я вот чего звоню, – тут он на миг остановился ища подходящие случаю слова, но не найдя, махнул рукой и с былой прямоотой начал высказываться. – Я тут всю ночь и весь день думал. Нехорошо мы вчера поговорили. Неправильно. Да и расстались тоже плохо. – Признаю, я был неправ, давая тебе, вполне обоснованный повод для обиды, – видно было, с каким трудом даются старому ангелу эти слова. Даже маленький экранчик комтора не смог скрыть эмоционального настроения шефа. Захария незаметно для Гавриила облегченно выдохнул. Гроза, которую он ждал

на свою голову, миновала. И если честно, то он и сам испытывал сильную неловкость от покаянных слов начальника.

– Да ладно, чего уж там... Проехали, как говорится, – почти панибратски ответил он. – В каком серпентарии не бывает чешуйчатых терок между герпентологами ?!

– Во-во, и я о том же, – обрадовано поддержал его шеф, вряд ли понимая слова, но ощущая примирительные интонации в голосе подчиненного, – может, встретимся, а? Ты где сейчас?

– Вообще-то я не в Городе, – начал Захария, но тут его осенила гениальная мысль. – Послушайте, шеф, а присоединяйтесь-ка вы к нам!

– Это куда? – несколько озадаченно спросил тот.

В двух словах, Захария на ходу объяснил причину своего неожиданного приглашения. Шеф был умным и поэтому сразу понял, что дело пахнет грандиозной выпивкой, а значит, его присутствие на данном мероприятии просто необходимо с какой стороны не смотри.

– С пустыми руками, вроде как-то неловко, тем более без приглашения...

– Да придумайте что-нибудь! – войдя в азарт, воскликнул полковник.

Шеф у себя там как-то осторожно оглянулся и извиняющее-просящим тоном спросил:

– А можно я Липочку возьму с собой, а то она и так уже обижается, что я никуда ее не беру?!

– Конечно же, можно, и даже нужно! – подхватил Захария, чем заслужил полный благодарности взгляд шефа.

– Добро, жди нас минут через десять, – сказал архангел и отключился.

Он уже подходил к перекрестку, где располагался телепорт, как в оранжевом круге появилась массивная фигура в зеленом архерейском облачении, держащая в руках дорожную сумку с торчащим из нее горлышком бутылки. На сельской улице виднелись только редкие прохожие, поэтому обошлись без церемоний.

– Вижу, принесли?! Это хорошо.

– Как и договаривались. Пойдемте? А по дороге расскажите, что за дело казуистическое.

– Давайте лучше я вам сейчас прямо тут все расскажу, потому что мне надо будет еще кое-кого встретить. Не возражаете подождать со мной?

– Ни в коем разе! А кого ждем?

– Начальство мое, – коротко бросил Захария.

– Да, неужто самого Гавриила?! – закрестился Гермоген, когда Захария утвердительно кивнул. – Вот благодать-то мне выпала!

– С супругой пожалуйет, – многозначительно пояснил полковник.

– Не мало ли я тогда взял? Может еще сбегать? – засомневался тот, тряхнув сумкой.

– Ничего. Если что, то там, на месте, целый спирт-комби-

нат, – успокоил он патриарха. – Правда, пошло еще то...

– Пустяки. Мы люди привычные, – усмехнулся священник и подмигнул ангелу. – Ну, давайте, вводите в курс дела.

Опять пришлось Захарии рассказывать нехитрую историю жизни Онфима и его провального сватовства. После окончания повествования, патриарх значительным жестом огладил свою пышную бороду, и как бы разговаривая сам с собой, произнес:

– Конечно, с одной стороны батюшка прав, исходя из канонов и заповедей православия, а с другой стороны... – он опять тряхнул сумкой с бутылкой и прислушавшись к бульканью закончил, – в общем, придумаем что-нибудь удобоваримое по ходу дела.

Только он произнес эти слова, как оранжевый круг вновь вспыхнул зарницей и из него вышли... Нет. Не вышли, а выплыли две фигуры. Одна из фигур принадлежала Гавриилу. Ослепительно белая, с золотой генеральской оторочкой того, полутораметровые парадные крылья, блистающие на свету серебром перьев, аграф, скрепляющий тогу и плащ, с переливающимся всеми цветами радуги драгоценным камнем посередине, все это должно было подчеркивать, что обладатель данного великолепия относится к ангелам наивысшего разряда. Держа сумку с таинственным содержимым, он, улыбаясь во весь рот, первым шагнул из круга. Не менее колоритной была и вторая фигура. Не потерявшая с годами свой классический греческий профиль, с подаренными вчера ян-

тарным колье и диадемой в густых волосах, одетая в небесного цвета легкую длинную тунику, опять же греческого образца, Олимпиада Дормидонтовна выглядела настоящей королевой. Видя такое великолепие, Гермоген едва не бухнулся в ноги к Гавриилу, но тот вовремя спохватился и удержал старика от подобного поступка, взяв его осторожно под локотки.

– Так, господа-товарищи! – командным голосом возвестил Захария. – Сейчас, все дружно шествуйте вот по этой улице до семнадцатого участка, там вас встретят, а я еще ненадолго задержусь, мне тут еще кое-кого надо встретить.

Когда троица немного отделилась, он поспешно набрал номер Ирии, чтобы предупредить ее о гостях, но ее комтор был отключен. Тогда он быстро пролистав список абонентов нашел бабкин номер. Та, хоть и не сразу, но отозвалась:

– Захарушка, ты куда пропал?! – услышал он тревожный голос Лукерьи.

– Потом, бабушка! Где там Ирия?! – нетерпеливо спросил он.

– Рядом стоит, а что стряслось?!

– Дайте ей комтор! – не стал вдаваться в объяснения ангел. Бабка беспрекословно подчинилась, чувствуя, что Захария сейчас является движущим механизмом чего-то важного и мешать ему ни в коем разе не стоит. Ирия взяла комтор, произнеся бессмертное во все времена слово: «Алло!»

– Ирия! – зачастил он. – К вам направляется делегация в

составе нашего шефа с женой и патриарха Гермогена, ты уж встретить их там!

– А ты, где сам?

– Я тут на перекрестке, мне еще кое-кого встретить надо. Я скоро.

– Хорошо, только ты все равно постарайся быстрее управиться.

– Постараюсь.

Порывшись в поясном кошельке, Захария извлек на свет визитку, оставленную ему Гумилевым. Глубоко вдохнув и так же глубоко выдохнув, набрал номер.

– Слушаю, – послышался старческий голос после непродолжительных гудков.

– Здравствуйте, Лев Николаевич, еще раз, это Захария вас беспокоит. Помните меня?

– Я еще не успел забыть вас, – ехидно заметил тот.

– Прошу прощения, за назойливость, но позвольте узнать, не заняты ли вы в данный момент?

– Да, в общем-то, нет. А вы что, желаете продолжить дискуссию?

– Нет. То есть, да, – совсем было запутался Захария. Наконец, кое-как справился с внутренними противоречиями и выпалил, – в общем, хочу пригласить вас на одно неформальное мероприятие, на котором, как мне кажется, могут быть найдены очень важные ответы на последние вызовы, что стоят перед нашими обществами.

– И что это за мероприятие? – без какого-то было энтузиазма поинтересовался ученый.

– Поводом для его проведения служит сватание одной немолодой пары.

– Голубчик, да в уме ли вы? Сугубо келейное торжество и я, тут как тут! – возмутился Гумилев.

– Да никакое оно не келейное! Соберутся почти незнакомые друг с другом люди, – возразил Захария. – Кстати, там будет ваш давний оппонент – патриарх Гермоген.

– Вы хотите использовать меня в своих целях?!

– Да, Лев Николаевич, хочу, – не стал отрицать очевидное ангел. – Но поверьте мне, не я а что-то или кто-то, упорно подсказывает мне, что эта встреча должна многое прояснить для всех нас.

– Право слово, вы ставите меня в неловкое положение, – начал сдавать позиции Гумилев.

– Я в этом положении нахожусь уже 4000 лет, – пробормотал собеседник.

– Я даже не знаю, что и дарить жениху с невестой, – с укором сказал ученый.

– Да, Боже мой, – едва не прорычал Захария. – Подарите женщине цветы, а мужчине, мундштук нормальный, а то он всю домашнюю обстановку попортил своими «козьими ножками».

– Ладно. Обождите, я скоро.

– Хорошо, но вы там скоренько давайте. Запомните ад-

рес: Клубничный проезд-27, 5-я просека. Я жду вас на перекрестке у телепорта.

Поговорив с Гумилевым, набрал номер Эзопа, который у него хранился еще со времен прошлых посещений его заведения.

– Эзоп, дружище! – воззвал он к нему, как только прекратились длинные гудки. – Не задавай глупых вопросов, а бросай все, хватай кувшин самого лучшего вина и дуй ко мне!

– А что случилось?

– Некогда объяснять, но дело очень важное, хоть и не формальное. К тому же ты знаешь, что у меня нет привычки, отвлекать по пустякам, – заявил ангел, тем самым развеивая последние сомнения ресторатора.

– Говори адрес.

Обрадовавшись, что хотя бы этого не пришлось долго уговаривать и объяснять что к чему, Захария назвал адрес. Несмотря на хромоту, Эзоп прибыл на место уже через пять минут, держа в руках громадную амфору литров на двенадцать. Захария, чтобы облегчить ношу приятелю, перехватил ее из рук, порядком уморившегося ресторатора, и взвалил ее себе на могучие плечи.

– Заведение закрыл? – спросил он у философа.

– Зачем? Я открыл погреб и сказал клиентам, что сегодня у нас день самообслуживания. Деньги пусть оставляют на стойке, – флегматично доложил он.

– А с меня, сколько за кувшин? – полюбопытствовал За-

хария.

– Сам сказал, чтобы я брал лучшее. Дорогое. Критское. Сорок восемь райалов. Ангел кивнул и свободной рукой полез в кошелек, висящий на поясе, откуда достал 50-ти райаловую купюру. Эзоп в этот раз не противился и без лишних слов взял деньги.

– Сдачи с собой нет, запишу, как переплату, – без тени юмора сообщил он.

Немного погодя, с пышным букетом белых роз появился и Гумилев. Кивнув Эзопу, напустился на ангела с упреками:

– Вы авантюрист, молодой человек! Но не это странное.

– А что? – потупил виноватый взор ангел.

– Странность заключается в том, что я почему-то вынужден подчиняться вашим безумным прихотям! – воскликнул ученый, потрясая букетом перед носом у «молодого человека», как тореро перед носом быка.

– Вы, Лев Николаевич, уж лучше доверьтесь и подчинитесь его безумствам, оно, ей-ей, того стоит, – засмеялся Эзоп.

– Так, – не слушая упреков ученого, распорядился ангел, – все в сборе? Тогда идемте быстрее. По дороге дам все необходимые пояснения.

Скорым шагом троица направилась вглубь улочки. Эзоп, несмотря на увечье, не отставал. Уже подходя к участку, спутники заметили суматоху и крики во дворе. Опасаясь нежелательного развития событий, Захария поспешил к до-

му. Опасения оказались напрасными. Суматоха и крики объяснялись тем, что архангелу в парадном облачении было тесновато в доме, поэтому стол из гостиной решили вытащить во двор, благо погода была хорошая, но упрямый предмет мебели не желал пролезать в узкий проем двери. Гавриил с Гермогеном так и эдак прилаживались, но ничего не получалось, а основной шум создавал громоподобный глас Олимпиады Дормидонтовны, руководящей этим процессом. Скинув с плеч амфору, Захария отстранил порядком запыхавшегося патриарха, велел тому не теряя времени, провести беседу с женихом по поводу возникших проблем. Сам же присел на корточки и заглянул под стол. Как он и предполагал, ножки стола были привинчены к столешнице болтами с «барашками». Пока он их откручивал, слышал, как за спиной, подошедшие знакомились с остальными гостями. Женщины гревели посудой на кухне.

– Тебе помочь? – спросила Ирия, возникая за его спиной.

– Не надо. А почему у тебя комтор отключен? Я тебе звонил.

– Ой, мамочки! – всполошилась она, поспешно доставая его из сумочки. – Я ведь как выключила его в церкви, так и забыла. Комтор, разделяя тревогу своей хозяйки, заверещал, информируя о пропущенных вызовах. Больше всего таких звонков было с комторов отца и матери. Девушка, не дожидаясь, когда грянет гроза, бесстрашно бросилась навстречу грядущей опасности, поспешно набирая отцовский

номер. Нелегкие переговоры с предками она решила провести, немного отойдя в сторону, поэтому, хоть у Захарии и был хороший слух он смог уловить лишь лепечущий оправдания голос Ирии. Закончив разговор, она подошла к уже управившемуся ангелу, сообщив тусклым голосом, что кажется, число незапланированных гостей сейчас увеличится как минимум на одну единицу. И штукой этой будет ее разъяренный папаша. Прикручивать ножки обратно взялись философы. Гавриил пошел в дом за стульями. В одной из комнат бабкиного дома, Гермоген, тихим рокочущим голосом наставлял жениха. Старшие из женщин раскладывали холодные закуски по тарелкам и салатницам. Бабка при этом сияла как новый пятиалтынный. Виданное ли дело, чтобы к ней, простой бабке-травнице, пришли в качестве сватов такие высокие персоны?! Восторгов и воспоминаний хватит с лихвой на всю оставшуюся жизнь, а жизни этой по уверениям Захарии было еще как минимум два десятка тысяч летов.

– Что сейчас буде-е-т?! – испуганно пискнула юная ангелица. – А от меня еще пахнет спиртным, к тому же. Понюхай. С этими словами она выдохнула теплый воздух в лицо Захарии.

– Все уже почти выветрилось, – успокоил он ее.

– Вообще-то, по науке, CH_3 ; CH_2 ; OH не должен никак влиять на силикаты, – жалобно простонала она, ища еще большей поддержки с его стороны.

– Однако же влияет, – со смехом возразил он ей. – Ты

лучше, вот что, перед тем как пить, в следующий раз, сначала выпей столовую ложку постного масла. Меньше захмелеешь.

– Ты что?! Целую столовую ложку?! Меня же завтра пронесет на работе! – с неподдельным ужасом сообщила девушка.

– Как знаешь, – пожал плечами опытный в этом деле ангел, – только это будет уже завтра и твоего позора, при умелой сноровке, никто не увидит, а если не послушаешь старика Захарию, то позора уж точно не миновать, ибо перепачкаешься сама и всех рядом сидящих, уже сегодня. Выбери.

Их диалог прервал появившийся в дверном проеме улыбающийся Гермоген.

– Ну, что там?! – набросился на него Захария с расспросами.

– Все благополучно разрешилось! – продолжая улыбаться, поведал пастырь. – Прещенье я отменил к вящей радости агнца сего.

– И каким же образом это у вас получилось, не нарушая каноны такое сотворить? – с еще большим любопытством поинтересовался ангел. – Хоть тело у этого «агнца» и изменилось, но душа то осталась прежней, а ведь брак – это единение душ, прежде всего.

– Все так, все так, – не стал спорить с въедливым ангелом старый патриарх, – но душа раба Божьего, в процессе перехода, от земного бытия к небесному, очистилась и обновилась. Так что, прежние его браки обнулились, как бы сами собой.

Произошло полное обнуление всей его прошлой жизни. Он сейчас являет собой белый и непорочный лист бумаги.

– Хм, – почесал подбородок Захария, – обнуление говорит-те?! А что?! Кажется неплохая мысль. И слово подходящее – круглое, да гладкое. Если мне еще когда-нибудь доведется побывать на Земле, непременно шепну кому-нибудь, из сильных мира того, о его применении где-либо. И где, этот, с позволения сказать, чистый лист, сейчас обретается?

– В доме. В дальней комнате я оставил его отбить сто поклонов, ради поднятия авторитета матери нашей – церкви и утишения плоти в чреслах, – торжественно провозгласил ба-тюшка, потирая руки и оглядывая, как на столе появляются все новые и новые закуски.

Неожиданно калитка с силой распахнулась от того что в нее буквально вихрем ворвался добрый молодец с молодой женщиной вцепившейся в него и приговаривающей:

– Евстафеюшка, не надо! Евстафеюшка, подожди!

– Ой! – испугалась Ирия и быстренько спряталась у Заха-рии за спиной.

– Это как понимать?! – набросился он на выглядывавшую из-за плеча Захарии дочь. – Комтор отключила и след про-стыл?! Ты что же творишь-то?! На меня тебе наплевать, так хоть бы о матери подумала! Мы все больницы и морги об-звонили уже!

– В Раю моргов нет, – пискнула Ирия, не решаясь выйти из-за укрытия.

– Да?! Ну ладно, – будто налетев на стену, сразу сдулся папаша.

– Евстафий, перестань, и так сам завелся и всех завел! – причитала супруга, теребя мужа за рукав.

– Помолчи, Аксинья! С тебя еще дома спрос будет! Воспитала дочь – того и гляди, что-нибудь натворит! Из дому уж выпустить нельзя, ни на мал час!

И словно только, что разглядев Захарию, переключился на него:

– А уж от тебя, полкан, я такого никак не ожидал! Ты же мне слово давал! – зло сощурившись, процедил спецназовец.

– Я вам, Евстафий Андреевич, обещал доставить дочь в целости и сохранности к одиннадцати вечера, и от своего слова не отказываюсь, так что, прошу вас взять себя в руки и не кричать на ребенка! Кстати, сколько лет вашей малышке? – твердым, как скала голосом ответил он разгневанному отцу.

– Семьдесят шесть, – сунулась мать вперед.

– Практически – грудной ребенок, – все так же без тени юмора констатировал Захария.

Все, кто находились рядом, быстро вникнув в суть происходящего, дружно засмеялись. Даже Аксинья – жена, и та разулыбалась. Смеялся и патриарх, которого Евстафий сразу узнал, так как сильно уважал и частенько ходил к нему на исповедь. Спецназовец, у которого с юмором был явный затык, лишь набычился, и засопел, бормоча:

– И что тут смешного?!

Тут на крыльце появился Гавриил, державший в каждой руке по стулу, и гаркнул во всю мощь грудной клетки:

– Что за шум, а драки нет?! Подполковник Литвинов, извольте объясниться!

Увидев высшее руководство ангельской службы, Литвинов невольно вытянулся по стойке «смирно» и, вспомнив бессмертный завет Петра Великого о том, что у подчиненного должен быть вид «бравый и придурковатый» отрапортовал:

– Товарищ генерал-лейтенант, находясь в свободное от несения службы время на прогулке с супругой, – кивнул в сторону засмущавшейся жены, – обнаружил скопление суетящихся граждан, верно оценив обстановку, решил вмешаться, дабы устранить беспорядок и оказать помощь нуждающимся.

– Ага! Ну, давай, присоединяйся и устраняй, – ухмыльнулся архангел. Все опять дружно заулыбались, а Евстафий, как будто ничего до этого и не было обратился к супруге:

– Ну, вот Ксюша, я же тебе говорил, чтобы ты не волновалась, все будет в порядке, а ты в панику ударилась! Не хорошо мать, не хорошо! Прямо подводишь меня, честное слово!

Теперь уже смеялись все. Громко и откровенно.

– Здравствуй, Асинья Антиповна! – поздоровался с ней Гавриил, бравировав знанием имен жен своих подчиненных.

– Здравствуйте, Гавриил! – поклонилась ему молодая

женщина.

– Ты, Антиповна, иди, помоги там нашим женщинам, а ты Евстафий поищи какую-нибудь приличную доску, а то и две, видишь, стульев на всех не хватает! – живо распорядился он.

– Так точно! – вскинулся подполковник.

Пошарив глазами в поисках какого-нибудь сарая, где по его мнению должны быть искомые доски и не найдя такового в пределах обозрения (бабкины козы жили в пристрое, находящемся с другой стороны дома), бравый спецназовец выбежал на улицу. Обратив внимание на дом, стоящий напротив, через дорогу, где находилось несколько подсобных помещений, он откашлявшись нажал кнопку звонка, расположенного на столбе возле незапертой калитки и вошел внутрь участка. Двухэтажный дом, в римском стиле – замкнутый четырехугольник с аркой прохода в атриум, казалось, был пуст. Евстафий решил войти в арку, надеясь покричать в окна глухим хозяевам, не откликающимся на звонок. Окна в таких домах выходили не на улицу, как у всех, а внутрь двора. Но кричать не пришлось. Во дворике, возле маленького фонтанчика за летним столиком сидели двое мужчин, один уже в зрелом возрасте и лысый, а другой молодой и в очках. Оба были одеты в фирменные спортивные костюмы фабрики «Большевичка», очень популярные в среде ангельских служащих. Они, сперва, не обратили внимания на гостя, ведя оживленную беседу о чем-то научном и прихлебывая чай из граненых стаканов советской эпохи. И лишь, когда он подо-

шел, чуть ли не вплотную к ним, они соизволили прервать свой диспут, не скрывая своего раздражения, из-за того, что им приходится отрываться от темы.

– Товарищи, не могли бы вы нас выручить? – начал подполковник, но тут же прервал сам себя, узнавая собеседников. Впрочем, собеседники всмотревшись, как следует в визитера, тоже признали его.

– А-а, подполковник Литвинов, если не врут мои подследоватые от старости глаза?! – воскликнул лысый.

– Он и есть, – поддакнул ему очкастый.

– Здравия желаю, товарищ генерал-майор! – поздоровался тот со старшим и кивнув младшему.

– Здравствуй-здравствуй, голубчик! – уже сменив маску раздражения на улыбку, ответил ему, как, наверное, уже все догадались, Герард Петрович Тацит – начальник отдела наблюдения и контроля. – Что привело тебя, мой мальчик, в наши палестины?!

– Да вот, мы тут вашу соседку, бабушку, сватаем...

– Да что вы говорите?! Такая милая старушка была, какой замечательный сыр я у нее всегда покупал и брынзу! И вот, на тебе! Решили ее испортить! – всплеснул руками историк. – Ну, хоть надеюсь не за этого прощельгу – Онфима?!

– Кажется за него. Я пока не уточнял, – сознался Евстафий.

– Ну, все, пропали мой сыр и брынза! – скривился тот, махнув сожалеющее рукой. – А собственно говоря, какое на-

ше место с коллегой на этом празднике жизни?

– Стульев у нас не хватает, – развел руками спецназовец, – вот послали меня у кого-нибудь занять на время, общество то собралось солидное, а присесть не на что.

– Стулья есть, дадим, – не стал жадничать Тацит, – Лев Михалыч, голубчик, ты там пошустрее будешь, сбегай в дом, принеси четыре стула из большой гостиной.

Пока Левушка бодренькой рысцой кинулся внутрь дома, ученый муж продолжил свои расспросы:

– А что, Евстафий Андреевич, говорите, общество собралось солидное?

– Да, – простодушно ответил подполковник, не привыкший темнить, – там и патриарх Гермоген, и полковник Захария, и сам Гавриил при всем параде, а еще кто-то из штатских, но тоже солидные все из себя.

– Захария, говоришь? – вскинул он почти безволосые свои брови.

– Так точно! Я вот мимо проходил с супругой, так они и меня позвали присоединиться.

– Может и нам тоже?! Не прогонят, если придем? – хитро прищурившись, спросил он.

– Я думаю, они будут только рады, – осклабился спецназовец.

– Тогда, давайте, сделаем так! Вы сейчас возьмете четыре стула, а мы, вслед за вами еще принесем парочку, ну и к столу что-нибудь.

Левушка быстро вернулся, держа в каждой руке по два стула, которые тут же и передал Литвинову. Когда тот вышел, Тацит, уже решивший все про себя, начал отдавать распоряжения своему ученику:

– Левушка, у нас с тобой появился замечательный случай поучаствовать в мероприятии, которое может пролить свет на все загадки последних дней. Или, по крайней мере, пронаблюдать за поведением основных действующих персонажей этого далеко не забавного детектива. Поэтому, ты, не считай за труд, сбегай еще за парой стульев, а я пока переоденусь и достану из погреба рейнское, которое мне недавно прислали земляки.

XXVII

Когда через пятнадцать минут в калитку к бабке вошли еще двое, она окончательно опешила. Ее постоянный клиент, которого она знала как тихого и покладистого одинокого райанца, с недавних пор мирно копошащегося у себя на грядках, оказался ангелом, да еще в генеральских чинах. И вот он в парадном облачении, с крыльями за спиной, стоит и отдувается от тяжелой амфоры с вином, которую он заботливо держал на плече. Тут было от чего загордиться. Онфим тоже поначалу робел, будто попал в самый центр волчьей свадьбы, но в отличие от бабки пришел в себя довольно скоро, видя, что гости не чинятся и не чванятся, а ведут себя

вполне адекватно обстановке. «Молодых» рассадили по разным концам разложенного стола и начали шоу с привычными славословиями, прибаутками, тостами и подарками. Захария занял место за столом поблизости от патриарха и ученого, так чтобы по возможности не пропустить ни единого слова из их возможного диалога, когда языки от выпитого будут наиболее развязаны. Ирия села рядом.

– Я позвонила Стане и пригласила ее тоже присоединиться к нам, – промурлыкала она ему в ухо, – она согласилась, как только кончит смену. А еще она обещала взять с собой гитару.

– Ты, умница, – так же тихо ответил он ей.

– Я тебя разорила почти на двести райалов, – прошептала она, тишком передавая карточку.

– Пустяки, зато посмотри какой стол? Я такого не встречал даже у Лукулла .

– А ты был у Лукулла?

– Нет. Поэтому и не встречал, – сказал он и тихонько засмеялся.

Первым взял слово патриарх Гермоген, который еще раз при свидетелях дал разрешение на совершение таинства бракосочетания и даже сам вызвался его провести в положенный срок. Свои слова он подкрепил бутылью церковного кагора, который по его мысли должен освятить пиршественное застолье. Все дружно поддержали его, подставив свои бокалы под струйку темно-красной жидкости, щедро разли-

ваемой старческой рукой. Затем слово взял Гавриил, который никогда не упускал случая побыть тамадой на мероприятиях подобного рода. Отметив заслуги жениха в области прикладной химии, он подарил ему целый набор всевозможных фильтров на основе графеновых нанотрубок, в надежде, что тот поставит свое экспериментаторство на более высокую ступень развития. Слезы благодарности и неподдельной радости брызнули из глаз доморощенного алхимика. Не стала отставать от своего супруга и Олимпиада Дормидонтовна, презентовавшая невесте громадных размеров флакон духов «Red Moscow. New Collection», чем привела Лукерью в состояние неопишуемого восторга. Цветисто выражаясь, поднес букет роз Гумилев. Жениху, как и велел Захария, достался наборный мундштук. Аксинья, когда-то успела обернуться и подарила бабке раритетное издание книги Елены Молоховец «Подарок молодым хозяйкам». Эзоп и Тацит с Вершининым отделились спиртным, но это никого не расстроило, наоборот, только подняло настроение. После обязательной торжественной части с положенными по такому случаю расспросами «невесты» о ее приданом, умении вести хозяйство и неумеренным восхвалением способностей «жениха», веселье приняло неформальный характер. Разговоры за столом уже пошли на отвлеченные темы. Кто-то из гостей вспоминал смешные случаи из жизни, женщины завели разговоры на бытовые темы, патриарх сначала пытался что-то поведать из апокрифов, но потом махнул рукой и приник к ста-

кану, в котором плескалось любимое вино Тацита. Гумилев пил умеренно, всем улыбался и вообще наслаждался созерцанием окружающего. Захария «грел» уши в сторону Гумилева и Гермогена, но было ясно, что гости еще не дошли до той стадии раскрепощения, когда можно начинать научные дискуссии. Захария пил умеренно и при этом следил, чтобы Ирия не потеряла контроль над собой, поэтому старался, как можно больше подсовывать ей всяческие закуски, которых тут было превеликое множество. В конце концов. Она не выдержала и тихонько начала возмущаться:

– Ты что мне все подсовываешь?! Я и так толстая! Хочешь меня еще больше раскормить?!

– Хочу, – не стал отпираться он.

– Зачем?! – недоуменно спросила она.

– Затем, что ты мне нравишься! И я в один прекрасный момент тоже хочу оказаться в роли деда Онфима.

– Но ведь я буду толстая и некрасивая?! – возразила она, явно желая получить комплимент в свой адрес.

– Вот и замечательно! – обрушил он ее планы, услышать что-нибудь приятное.

– Что ты такое говоришь?! – возмутилась она все так же шепотом.

– Все логично! Ты будешь толстая и некрасивая, но я все равно буду любить тебя, зато избавлюсь от конкурентов, – улыбнулся он ей светло и радостно, и от этой его улыбки ей стало так тепло и уютно, что захотелось, свернувшись кала-

чиком и устроившись у него на широкой груди, замурлыкать как котенок.

– Все-таки, какие же вы все скоты, мужики! – произнесла она и мазнула его в щеку своими мягкими губами.

Их игривый шепот прервал шеф обожающий руководить не только работой воинства сектора, но и досугом подчиненных. Захария не раз отмечал, что в роли массовика-затейника Гавриил чувствовал себя в самом наилучшем виде.

– Прошу минуточку внимания, дамы, господа, товарищи и их товарки! – громогласно пророкотал он, стуча вилкой по пустому стеклянному бокалу. – Позвольте представить вам проявление невероятной щедрости с моей стороны! Мои близкие знакомые знают, каких усилий над собой мне это стоило.

Стол притих в ожидании чего-то эксцентричного. А Гавриил, притворно охая и кряхтя, нагнулся к сумке, стоящей подле его ног и достал оттуда бутылку французского коньяка, вторую из тех, что подарил ему накануне Захария. Большинство из присутствующих, дружно, согласились, что произошло что-то совсем уж невероятное, что могло заставить их шефа расстаться с такой драгоценностью.

– Представляю вам раритетный и эксклюзивный «Реми Мартин». Хозяйка, – обратился он к бабке, – я давеча в серванте углядел у вас набор фужеров в форме тюльпана в количестве дюжины штук, не сочтите за труд, принесите, ибо такой напиток следует употреблять именно из посуды такой

формы, чтобы букет имел наивысшую концентрацию.

Бабку не надо было просить дважды, она резво вскочила и с быстротой молнии бросилась в дом за фужерами. А Гавриил меж тем продолжал витийствовать:

– Коньяки бренда «Реми Мартин» изготавливаются из винограда сортов Уни Блан и Фоль Бланш. Компания уже десятки лет сотрудничает с лучшими виноградниками Европейского Сектора, чтобы получать исключительно качественное сырье. Коньячный дом, которым в настоящее время руководит Этьен – внук легендарного Реми, выдвигает поставщикам самые жесткие требования к качеству каждой грозди. После сбора ягод из них выделяют сок и оставляют бродить. На производстве коньяк дважды дистиллируется в перегонных кубах, сделанных из меди. А для создания купажей отбираются только лучшие коньячные спирты. Напитки бродят в емкостях из лимузенского дуба, желуди которого были завезены с Земли с незапамятных времен. Эта порода дерева придает коньякам яркое ванильное послевкусие, которое и отличает все напитки этой фирмы.

Когда он закончил свой обзор, под аплодисменты присутствующих, бабушка уже успела расставить перед каждым гостем по фужеру. Откупорив бутылку, архангел опытным взором окинул сидящих. Потом перевел взгляд на бутылку, прикидывая про себя, по сколько разливать. Затем самолично стал обходить стол и наливать каждому строго отмерянную на глаз порцию. Себе налил в последнюю очередь.

– О! Точно, как в аптеке! – провозгласил он, поднимая пустую бутылку кверху и, опрокидывая ее горлышком вниз, показывая, что в ней ничего не осталось. И наставительно продолжил. – Пьем не торопясь, мелкими глотками, смакуя напиток.

Когда все выпили, Захария поинтересовался у Ирии:

– Ну и как тебе напиток династии Мартин?

– Действительно, чувствуется какой-то привкус дуба и пахнет желудями, – рассудительно заявила девушка.

Вместе с градусом напитка, повышалось и настроение присутствующих. Разговоры стали еще непринужденней. Всем было хорошо, и все хотели веселиться. Уловив эту тенденцию, архангел, не желая выпускать инициативу из своих крепких дланей, обратился уже к Онфиму:

– Онфиме! Да не вскакивай, как мячик, – махнул он рукой на деда, вскочившего с места при произнесении его имени. – Ты, я видел, баян с собой принес. Играешь?

– Никак нет, ваше архангельство! – все же вспорхнул старик. – Не умею. Принес баян, исключительно, ради антуражу.

– Ага. Стало быть так... А ну-ка, подай-ка его сюда, – велел архангел ему. – Давненько я не брал в руки сей инструмент, ну да ладно, чай не опозорюсь, а опозорюсь, так все свои, не выдадут.

С этими словами он бережно взял баян в руки и осторожно перекинул лямку за плечо, чтобы не помять крыло нена-

роком. Пробежал ловкими пальцами по планке сверху вниз и обратно, прислушался к звучанию. Убедившись, что инструмент не требует настройки, уселся поудобней и заиграл знаменитое «Под небом Парижа» для разогрева публики. И полились чарующие звуки волшебной музыки. Все притихли, как замороженные. Оказывается, Гавриил мастерски владел этим инструментом. Захария знал, что шеф умеет прилично играть на баяне, но чтобы так виртуозно, не подозревал. Его пальцы буквально порхали по клавишам. По лицам присутствующих, Захария понял, что не для него одного это стало откровением. С последними аккордами публика взорвалась овациями и криками восхищения. Было видно, что и самому Гавриилу это доставляло неслыханное наслаждение. Не давая овациям остыть, он опять пробежался по клавишам и анонсировал:

– А теперь, кто знает слова – подпевайте, кто не знает – не мешайте!

И с этими словами начал растягивать меха, извлекая из них всем хорошо известную песню.

Голос у архангела был хорошо поставленным и при всей своей громогласности и трубности оставался приятным на слух:

Спят курганы тёмные,
Солнцем опалённые,
И туманы белые
Ходят чередой.

И тут же смешанный хор дружно подхватил:

Через рощи шумные

И поля зелёные

Вышел в степь донецкую

Парень молодой .

Несмотря на то, что в этом разномастном обществе к земному XX веку имели непосредственное отношение только сам Захария и майор Вершинин, да и тот, не заставший послевоенный период, все хорошо знали эту песню. Всем были по сердцу ее душевные и простые слова. Когда отзвучали последние звуки, Гавриил откашлялся и уже обратился непосредственно к Захарии:

– Захария, я ведь знаю, что у тебя хороший голос, давай-ка спой мою любимую, ты же был краскомом , а я подыграю. Просьба шефа, высказанная даже в такой ненавязчивой манере, всегда сродни приказу, поэтому Захария не стал артачиться, а просто кивнул и дал Гавриилу отмашку, предупредив:

– Только эту песню тоже надо петь хором, поэтому я начну, а вы уж как-нибудь подхватывайте.

– Не бойсь! Не сомневайся! Подхватим! – послышалось со всех сторон.

А Гавриил уже начал музыкальное вступление. Дождавшись своей очереди, Захария залихватским тоном начал:

По долинам и по взгорьям

Шла дивизия вперед

Чтобы с боем взять Приморье -
Белой армии оплот .

И все присутствующие дружно повторили последние две строки:

Чтобы с боем взять Приморье -
Белой армии оплот.

Причем, пели все, включая патриарха Гермогена, которому по занимаемой должности не к лицу было распевать военные марши красных партизан, и Гумилева, у которого с советской властью были далеко не простые отношения в свое время. Пауза импровизированного концерта ангельской самодетельности была заполнена обильным смачиванием голосовых связок прекрасным вином из погреба Герарда Петровича. Отдав должное напитку, архангел голосом профессионального конференсье возвестил:

– Всем внимание! Танцевальная пауза! Под вальс «Амурские волны», кавалеры ангажируют дам! – при этом он подмигнул Захарии и еле заметно кивнул в сторону своей супруги.

Захария правильно понял своего шефа, и первым выйдя из-за стола, подошел к Олимпиаде Дормидонтовне, галантно предложив ей свою руку. Та от неожиданности вся зарделась, и пылливо посмотрела на мужа, но он только улыбнулся и еще раз подмигнул, на этот раз уже ей, одобряя и подбадривая. Несмотря на свои габариты, она совсем недурственно танцевала и глядя на то, как легко она двигается, другие то-

же начали вставать. Танцующих женщин, бабка, сославшись на радикулит и полное неумение танцевать, от такой чести отказалась, было всего две – Ирия и ее мама, но конфликта это не создало, так как танцующих мужчин, не считая самого Захарии, тоже было не очень много – всего четверо. Эзоп по причине хромоты, а Гермоген в соответствие с саном, не могли участвовать в танцах. Первыми подсуетились Левушка со своим шефом. Вершинину досталась Ирия, а его шефу – ее мама. Невозмутимому ученому и слегка обиженному Литвинову осталось только ждать своей очереди. Музыка смолкла, и Захария проводил на место раскрасневшуюся, но чрезвычайно довольную супругу шефа. В перерыве между танцами Захария тихонько подошел к Левушке и также тихо, почти на ухо, высказал просьбу, давно лелеемую им:

– Друзе, не откажи мне еще в одной просьбе...

– Ты же знаешь, Захар, все, что могу – все сделаю, – так же тихо ответил он.

– Выбери время на днях, узнай у своих, успели они уже прикрепить кого-нибудь к моей Инессе? И если уже прикрепили, то кого? Мне бы очень не хотелось, чтобы это был случайный выбор. Ты меня понимаешь?

– Не беспокойся, Захар, я все понимаю и все сделаю, как надо.

– Спасибо, друг, – сжал Захария руку Вершинина в знак благодарности и вернулся на свое место.

– О чем это вы там шушукались с Левушкой? – подозри-

тельно хмуря бровушки, спросила его Ирия, когда он усаживался рядом.

– Ничего особенного. Просто я сказал ему, что если он вздумает танцевать с тобой, то я его убью. И это будет первое умышленное убийство в Раю, совершенное с особой жестокостью и цинизмом, – ответил он ей, улыбаясь и было непонятно, шутит он или говорит всерьез.

– Я смотрю, ты ревнивый?! – как-то по-новому взглянула она на него.

– Ужасно! – подтвердил он ей.

Шеф, тем временем, отхлебнул немного из бокала, почесал переносицу, и крикнув растянул меха баяна. Неожиданно для всех, как гром среди ясного неба грянула, пробирающая до дрожи знакомая всей аудитории мелодия. При первых же звуках, все ангелы, как по команде вскочили со своих мест и вытянулись по струнке. Те, кто не принадлежали к ангельскому воинству, тоже невольно поддавшись общему настроению, начали привставать с мест, еще не понимая толком, что к чему. Это была всем знакомая мелодия «марша артиллеристов», однако слова у нее были совсем иными. Гавриил, растягивая меха баяна, и сам встал во весь свой немалый рост, ибо это был неофициальный гимн ангельского спецназа. Не сговариваясь, но очень дружно, до мурашек по коже, грянули:

Мы – ангелы! Мы воинство Господне!

Призванье наше всюду Богу помогать.

Спасать-спасать людей от жара преисподней,
И милосердье Божие повсюду насаждать.
А ну-ка, ангелы, расправь крыла!
Чтобы Земля родимая жила,
Чтоб жили матери, отцы,
Чтобы цвели везде сады,
Чтоб Божий глас летел во все концы!
Мы в бой идем не тесными рядами,
А в одиночку боремся с вселенским злом,
И каждый ангел знает точно, что за нами
Стоит незыблемым оплотом Райский Дом.
А ну-ка, ангелы, расправь крыла!
Чтобы Земля родимая жила
Чтоб жили матери, отцы,
Чтобы цвели везде сады
Чтоб Божий глас летел во все концы!
Нам не нужны ни сабли, ни мушкеты
С руками голыми идем мы в смертный бой
За то, чтоб не кончалась жизнь на всей планете
Готовы мы все как один пожертвовать собой.
А ну-ка, ангелы, расправь крыла!
Чтобы Земля родимая жила,
Чтоб жили матери, отцы,
Чтобы цвели везде сады,
Чтоб Божий глас летел во все концы!
И если вдруг падем в бою священном,

Пускай живые за столом помянут нас,
Чтоб в памяти у вас мы были незабвенны
И чистый пламень наших душ вовеки не погас.

А ну-ка, ангелы, расправь крыла!
Чтобы Земля родимая жила,
Чтоб жили матери, отцы,
Чтобы цвели везде сады,
Чтоб Божий глас летел во все концы!

Во время пения Захария заметил, как увлажнились глаза у стоящего неподалеку Литвинова.

– Это папина любимая песня, – прошептала Ирия, проследив за взглядом Захарии.

– Мне она тоже нравится, – ответил он, пожимая своей рукой ее запястье.

Никто не заметил, как отворилась калитка, пропуская внутрь двора еще одних гостей. Их заметили, когда они уже подошли совсем близко. Красивую высокую черноволосую девушку с цыганскими чертами лица в строгом английском костюме серого цвета, сопровождал невысокого роста молодой райанец плотного телосложения с приятными мягкими чертами лица, придерживавший левой рукой на плече гитару.

– Станка! – взвизгнула Ирия и радостно бросилась навстречу визитерам.

– Здравствуйте, люди хорошие! – поздоровалась Стана громким звонким голосом. – Мы слышали, что у вас тут ве-

селье! А какое веселье может быть хотя бы без одной цыганки?!

Все радостно загомонили, встречая новых гостей. Тут же поставили еще два стула, слегка ужимая пространство за столом. Ирия взяла на себя труд представить новых гостей.

– Это Стана! Моя лучшая подруга! Будущий спецназовец ангельского войска! – представила она ничуть не смутившуюся молодую цыганку собравшимся. – А это Сергей – муж Станы, научный сотрудник Института Головного Мозга. Представлять присутствующих не буду, я уже тебе рассказала о них по комтуру, в общем, ничего сложного, по ходу разберетесь.

Прежде чем занять места, Стана подошла к бабе Луше и достав из своей сумочки сверкнувшую в свете заходящего Ярила серебряную подкову, протянула ей со словами:

– Это подкова Счастья от цыганского коня – Цветного Коба, прибейте над входом в дом, и пусть счастье и любовь никогда не покидают его!

У бабы Луши задрожали губы и она ничего не ответила молодой женщине, только привлекла ее к себе и крепко обняла. Так они и стояли с полминуты, и никто не решался нарушить тишину объятий двух женщин нелегкой судьбы. Наконец объятия разжались и Гавриил, на правах тамады, рявкнул:

– Штрафную!

– Штрафную! Штрафную! – поддержали его все гости.

Откуда-то сразу нашли приличных размеров серебряный корец и щедро набулькали туда рейнского. Под смех и овации, новоприбывшие, приникнув к нему по очереди, быстро опорожнили содержимое. Опять все расселись, продолжив пиршество. Стана с мужем опять же без тени смущения налегли на угощения, видимо им не впервой было принимать участие в молодежных застольях, где все присутствующие мало знают друг друга, но это никак не мешает им и не сковывает. Через некоторое время, насытив первый аппетит, Стана взяла гитару и тут же все притихли. Удобно расположившись боком к столу, она, сделав несколько пробных аккордов чистым и мелодичным, как у всех исполнителей цыганских песен голосом, завела:

В жёлтый бубен солнца
Бьёт бродяга-ветер,
И не спится только
Донче на рассвете.
Вспомнила, как вечер
Бросил ей на плечи
Шаль с такой густою
Чёрной бахромою.
Ай, как много было
В этот вечер счастья!
Отчего же память
Сердце рвет на части?
Вспомнила, как звёзды

Гаснут ночью поздней,
Как прощалась молча
С лучшим парнем Донча.
И печаль катится
По гитарным струнам,
И не спится Донче
На заре безлунной.
Вспомнила, как радость
Шла с цыганкой рядом,
И не знала меры
Ни любви, ни веры .

На протяжении всей песни не раздалось ни единого вздоха или шороха, лишь одни женщины, по известной только им причине утирали выступившие из глаз слезы. Было видно, как песня настроила окружающих на минорный лад, поэтому желая как-то исправить данное положение Ирия встала, и подойдя к Стане, что-то прошептала ей на ухо. Та улыбнулась, кивнула и попросила мужа уступить Ирии свое место.

– Уважаемые хозяева и гости! – громко обратилась к поникшей компании Ирия. – Я вижу, что у вас упало настроение. Мы сейчас со Станой попробуем вам поднять настрой, спев одну песню. Если кто знает слова, то не стесняйтесь и подпевайте!

С ее последними словами слились первые аккорды знакомой многим песни из репертуара одной известной шведской поп-группы. Захария хорошо знал эту песню, поэтому ему

было интересно, как справится Ирия с высокими нотами в некоторых местах, тем более он еще ничего не знал о вокальных данных своей девушки. А она уже начала:

I don't wanna talk
About the things we've gone through
Though it's hurting me
Now it's history
I've played all my cards
And that's what you've done too
Nothing more to say
No more ace to play.

И тут вступила Стана, подхватывая, и они уже запели вдвоем:

The winner takes it all
The loser standing small
Beside the victory
That's her destiny

Многие из присутствующих довольно сносно знали английский, включая самого Захарию, и слова этой песни наверняка тоже, но не решились встревать в такой слаженный дуэт. Захарии очень понравилось, как исполнение Ирией этой песни, так и оригинальность музыкального сопровождения. Он никак не предполагал, что ее можно исполнять в сопровождении всего лишь одной гитары.

Немного отдохнувший Гавриил опять взял инициативу в свои руки и над столом опять раздались звуки вальса. На

этот раз это был «На сопках Маньчжурии». Вовремя сориентировавшись, Захария не стал «хлопать ушами» и первым подскочил к Ирии, протягивая свою руку для танца. Подсуетился и Литвинов, обхватывая талию своей супруги, чем опередил вездесущего и бодрого Тацита. Так как Сергей не стал принимать участия в танцах, Стана закружилась в вальсе с Левушкой. Танцуя с любимой, Захария все же упустил момент начала принципиального спора, которого он так долго ждал и который начался в его отсутствие. Выпитое вино и совместное пение не только раскрепостило двух непримиримых представителей противоположных лагерей, но и порядком развязало им языки. На личности не переходили, ибо обе стороны были достаточно воспитаны, чтобы избегать подобных эксцессов, однако спор завязался жаркий, что краем уха и отметил ангел. Он сначала подсадовал, что не ухватил самое начало, но затем успокоился, так как стороны пока еще не выдвигали новых аргументов в защиту своих позиций. Слушая ученые разговоры, Захария и не заметил, что является не единственным, кто внимательно прислушивается к спору ученых мужей. На противоположном от спорящих конце стола сидел муж Станы, и улыбаясь улыбкой старого учителя, наблюдающего за спором первоклассников, тихонько кивал головой своим мыслям, а не доводам сторон. Дождавшись, когда запал философствующих особ слегка иссякнет, он без излишних церемоний вмешался в разговор:

– Прошу меня великодушно простить за то, что вмешива-

юсь в вашу дискуссию, происходящую видимо уже не впервые, однако позволю себе вставить свои пять копеек, если не возражаете.

Стороны научного диспута, порядком утомленные повторением одних и тех же аргументов не стали возражать против появления третьего лица. Однако встретили его взглядами двух страусов, наблюдающих свысока за экспансивными выходками наглого воробья, ненароком вторгшегося на оспариваемую ими территорию. А «воробей» по-прежнему мягко улыбаясь, продолжал:

– Я внимательно слушал ваш диалог, уважаемые, и должен вам заявить: вы оба правы и неправы одновременно. Один из вас желает разбудить в землянах чувство милосердия. Другой уповает на «толчок», вызванный демонстрацией технических достижений нашей цивилизации. Оба вы ходите вокруг одного и того же места, но не замечаете его явных признаков. А именно, – тут он встал со своего места, и, обойдя стол, сел поближе к спорщикам, заняв место танцующего Захарии. – Вы не учитываете психо-физиологического фактора, связанного с этим. Обе ваши концепции призваны вызывать у людей эмоции, которые подвигли бы их к изменению образа жизни. А эмоции это то, что связано с корой головного мозга. Ваш покорный слуга, как раз и занимается этой проблематикой в институте имени Бехтерева.

Танец окончился, и Захария уступив свое место танцующего кавалера майору, поспешил, на правах зрителя, при-

соединиться к группе беседующих, подспудно чувствуя, что может извлечь из разговора определенную пользу. В позе каменного изваяния он занял место, сложив руки на груди, позади сидящих, боясь шевельнуться, чтобы не пропустить самое интересное. Дураков в этой компании не было. Большинство из гостей преследовало свои корыстные интересы. Архангел с супругой преследовали цель наладить отношения с Захарией, оказавшимся невольным фаворитом Самого. Супруги Литвиновы зорко следили за своей дочерью, гордясь ее выбором и одновременно опасаясь подвоха со стороны потенциального жениха. Парочка Гумилев-Гермоген наконец нашла возможность еще раз скрестить клинки в публичной дискуссии. Слава героев Конан Дойля не давала покоя еще одной «сладкой» парочке – Тациту и Вершинину, которые не спускали взоров с Захарии, не без оснований считая его узловым звеном недавней детективной истории. И только бабка Лукерья с дедом Онфимом наивно полагали, что вся эта суэта была посвящена исключительно их спонтанному сватовству. И вместе с тем, все собравшиеся не могли не чувствовать, что происходящее в данный момент способно повлиять на весь дальнейший уклад жизни обитателей Рая. Внешне все было как обычно. Общее застолье разбилось по «интересам». Женщины увлеченно обменивались опытом приготовления в домашних условиях того или иного деликатеса. Подполковник спецназа, пользуясь неформальной обстановкой уныло канючил у шефа новую антира-

диационную экипировку для служащих его батальона. Дед Онфим присоединился к группе Эзопа, Тацита и Вершинина, делясь опытом передового самогоноварения. Захария, в прежней позе продолжал «греть» свои уши в научной беседе, отчаянно сожалея о своей безграмотности в сфере общей физиологии.

А разговор, вернее монолог Сергея, продолжался:

– Опыты по изучению коры головного мозга, начатые академиком Владимиром Бехтеревым, не без успеха были продолжены его внучкой Натальей. Именно тогда и было предложено обратить внимание на сверхслабые электрические излучения долей головного мозга. Была разработана оригинальная система записи электрических потенциалов на уровне чуть ли не каждого нейрона. Попутно выяснилось, что электрические токи в коре головного мозга, вызванные посторонним раздражителем, имеют помимо всего прочего способность к формированию стойкого электромагнитного поля определенной конфигурации. Причем конфигурации отдельных долей участков головного мозга существенно отличаются друг от друга. Путем нехитрых опытов выяснилось, что за эмоциональную составляющую в поведении индивида играет участок вентромедиальной префронтальной коры. К этому выводу пришли после того, как выяснилось, что пациенты психоневрологических клиник с травмами именно этого участка головного мозга в своих действиях руководствуются исключительно логическими соображе-

ниями. Иными словами, в их поступках напрочь отсутствуют такие понятия, как «любовь», «жалость», «стыд» и прочее. Это те понятия, которые имеют эмоциональную окраску. Всегда считалось, что мораль и нравственность возникают из здравого осознания принятых в обществе поведенческих норм, из воспитанных с детства понятий о добре и зле. Однако в последние годы, земными учеными, в частности нашими коллегами из одноименного института, получен ряд доказательств, свидетельствующих о том, что моральные оценки имеют не только рациональную, но и эмоциональную природу. Например, различные нарушения в эмоциональной сфере часто сопровождаются изменениями представлений о морали; при решении задач, связанных с моральными оценками, возбуждаются отделы мозга, отвечающие за эмоции; наконец, поведенческие эксперименты показывают, что отношение людей к различным моральным дилеммам сильно зависит от эмоционального состояния. Ученые нашего института, в решении данной проблемы продвинулись значительно дальше, чем их земные коллеги. Начнем с того, что они решили детально сравнить кору головного мозга среднестатистического землянина и такого же райанца, неважно, «обращенного» или же «коренного». Каково же было наше удивление, когда обнаружилось существенное различие между ними именно на указанном участке коры головного мозга?! Оказалось, что у землян нейроны, находящиеся на данном участке головного мозга, находятся как-бы в

«спящем» состоянии. Они в отличие от аналогичного участка мозга райанцев слабо реагируют на внешние раздражители. Говоря простым языком, совесть среднестатистического землянина находится в состоянии анабиоза. Вот поэтому в Рай имеют шансы попасть только те, у кого этот участок головного мозга находится в «бодром» здравии. Но мы решили не останавливаться на констатации данного факта, а продвинуться еще дальше. Трудность заключалась в том, что мы не имели под руками настоящего головного мозга землянина. Его пришлось конструировать из клеточного материала, любезно предоставленного нам серафимами. Когда это удалось, мы получили полноценный образец для дальнейших экспериментов. И не морщите, пожалуйста, свои носы, уважаемые, – заметил он гримасы на лицах профессора и священника. – Наука, а тем более физиология подразумевает эксперименты над живыми организмами. Однако, предвосхищая ваше возмущение скажу, что при проведении опытов, мы, прежде всего отталкиваемся от гуманистических требований, предъявляемых к каждому эксперименту. Так вот, возвращаясь к сказанному, продолжу с вашего дозволения. Затем мы созвали группу добровольцев из числа наиболее «продвинутых» в плане моральных и в то же время волевых качеств райанцев для продолжения эксперимента. Мы сняли показания сверхмалых электрических импульсов с указанной части коры головного мозга каждого из них. И хотя этот участок занимает в мозгу сравнительно небольшой

объем, нам потребовалось задействовать всю мощь нашей вычислительной техники, чтобы зафиксировать и дешифровать электрические импульсы этого участка коры. После снятия показаний, на их основе, мы сделали усредненную матрицу конфигурации электрического поля. Промодулировав и усилив электрические сигналы в матрице, мы осуществили бесконтактное, то есть без всяких там шлемов и присосок, воздействие узконаправленным лучом на участок коры головного мозга изготовленного нами образца. И что вы думаете?! Результат оказался просто ошеломляющим! Короткого импульса в 0,24 секунды с расстояния приблизительно 20 метров, оказалось вполне достаточно, чтобы пробудить от анабиоза нейронные связи в указанном участке и получить ответный сигнал. Причем, самым примечательным в этом эксперименте является то, что после этого краткосрочного воздействия данный участок коры головного мозга уже не только не впадал в летаргию, отвечая на внешние раздражители, но и самостоятельно начинал излучать электрические импульсы без какого бы то ни было стимулирования и понукания. Я уверен, что если бы искусственно созданный нами мозг находился бы в теле человека, то мы непременно стали свидетелями радикальных изменений в его поведенческой составляющей.

Считая свою лекцию оконченной, Сергей с довольным видом откинулся на спинку стула, приглашая собеседников к дискуссии. Театральная пауза не была долгой. Лев Николае-

вич прервал ее скрипящим голосом:

– Спасибо вам, конечно, за очень содержательную лекцию о достижениях современной нейрофизики, однако, милейший, позвольте уточнить: какое отношение ваши частные экспериментаторские потуги имеют отношению к решению глобальной проблемы вырождения человечества?!

– То есть как это, какое?! – даже слегка растерялся тот от явного непонимания оппонентом сути проведенного эксперимента. – Самое, что ни на есть непосредственное! Просто я предлагаю к вашим вербальным увещаниям человечества добавить некоторую техническую составляющую. Компактная установка модуляции электрических полей сверхмалых величин прошла все тестовые испытания и готова к эксплуатации.

– Следует ли вас понимать так, что вы готовы осуществить насильственные действия в отношении землян? – едко спросил его Гумилев.

– О каком насилии идет речь?! – сделал изумленное лицо научный сотрудник института. – Разве можно в качестве насилия рассматривать действия матери пытающейся накормить малыша манной кашей против его воли?! Или если тот, например, отказывается вечером идти спать, и она шлепает его пониже спины для придачи ему векторального ускорения?! Степень всяческого насилия обуславливается, прежде всего, положительным эффектом от его применения.

– Не путайте естественный процесс воспитания еще нес-

формировавшегося индивида с насилием над уже состоявшимися личностями, – вставил Гермоген, чем заслужил одобрительный взгляд Гумилева.

– Да, неужто?! – с апломбом воскликнул Сергей. – А как, по-вашему, расценивать деятельность всей нашей службы ангелов-хранителей?! Насколько я в курсе, никто из людей не давал согласия на внедрение в их тела инородных существ!

– Хотите, я предскажу вам ваши действия по расширению программы экспериментов? – неожиданно предложил ученый.

– Попробуйте, – с интересом ответил ему Сергей.

– Следующим этапом, исходя из вашей логики, станет воздействие на другие участки коры головного мозга, отвечающие за интеллект и творческие способности, – со скоростью в голосе предположил он.

– А ведь верно! В самую точку попали! – хлопнув себя по коленке, воскликнул молодой экспериментатор. – Такие работы уже ведутся, причем, довольно успешно!

– Таким образом, – игнорируя его восторги, продолжал профессор, – вы заманиваете на создание идеального человека – homo perfectus, так сказать.

– Да. И что криминального вы в этом находите? – удивился тот.

– В общем-то ничего, за исключением того, что, во-первых, вы пытаетесь создать вместо человека с его свобо-

дой воли, программируемое существо, а во-вторых, вступа-ете в прямой конфликт со Всевышним, пытаясь отредакти-ровать его земные творения. Вам, что, слава докторов Фау-ста и Франкенштейна не дает спать спокойно по ночам? – нетерпеливо осведомился в свою очередь патриарх. Гумилев опять одобрительно посмотрел на своего недавнего идеоло-гического противника.

– Про Фауста ничего не могу сказать. Не знаю. Не знаком. А про Франкенштейна читал. Довольно забавное чтение. А почему вы думаете, что мы пытаемся создать антропоморф-ного робота?! Ничего подобного! Мы всего лишь стимули-руем развитие уже имеющихся у него качеств, только по ка-кой-то причине еще не использующихся. И потом, мы всего лишь задаем общие параметры и общую направленность, а уж внутри этого могут быть всяческие вариации, связанные с его свободой воли. Что же касается Всевышнего, то кто вам сказал, что он будет против того, чтобы мы ему немножеч-ко помогли?! Иначе, зачем ему было создавать Рай, как не в помощь себе?!

На этот раз у оппонентов не нашлось достойных аргу-ментов для возражения кроме невнятного бурчания по по-воду того, что «горе той цивилизации, в которой превали-руют техногенные устремления над морально-нравственны-ми устоями». Выждав еще какое-то время, молодой ученый встал, наклонил голову, как бы завершая диспут, и отпра-вился на свое место, где его уже ждала раскрасневшаяся от

танцев супруга. «Ну что ж, основную информацию для размышлений я уже получил, хоть и не из того источника, на который уповал. Ну, да и ладно! Какая разница, из какого колодца пить? Лишь бы вода была чистой» – подумал про себя Захария, занимая свое место за столом. К нему тотчас присоединилась Ирия.

– Ну что, закончили вы свои околонаучные разговоры? – полюбопытствовала она у него.

– Почему, околонаучные? – удивился тот.

– Потому, – ответила она и показала ему язык, в качестве решающего аргумента своей точки зрения. Эта детская непосредственность до крайности умилила его, пребывавшего до сего момента в серьезной сосредоточенности.

– Скажи, – глядя Захарии прямо в зрачки, спросила она, – а тебе со мной не скучно?

– Честно?!

– Разумеется! – нахмурила она брови.

– А разве может быть скучно с такой красивой и одновременно умной девушкой?! Ведь это же редчайшее сочетание качеств, что тут в Раю, что там – на Земле. А если серьезно, то я и отдыхаю с тобой, и заряжаюсь от тебя энергией. Тихая и послушная, как река средне-русской возвышенности женщина – не для меня. Со мной она сама скоро станет болотом и утянет в болото житейской обыденности меня самого, своими вечными бигудями и засаленным халатом. Мне больше по нраву женщины, как горные реки, низвергающие

свои струи со скал, яростные и непокорные, по каждому вопросу имеющие свое мнение, сами находящиеся в тонусе и держащие в тонусе своего партнера. Именно такой ты мне и кажешься, хотя, сначала, я и имел о тебе другое мнение. Напротив, это мне кажется, что тебе со мной скучновато.

– Почему ты так думаешь?! – искренне удивилась она.

– Все-таки разница в нашем с тобой возрасте весьма велика, – с сомнением предположил он.

– Разница в возрасте велика, когда ей восемнадцать, а ему пятьдесят лет. А после пятидесяти лет, когда основные жизненные навыки уже получены, возрастные грани нивелируются и уже не важно сколько лет разделяет людей, ничего радикально нового в жизнь друг друга они уже не привнесут.

– Ты серьезно так считаешь? – внимательно посмотрел он на нее.

– Абсолютно, – уверенно кивнула она. – К тому же, знаешь, я всегда считала для себя, что мужчина должен быть терпким, основательным и крепко настоящим...

– Прямо как коньяк, что мы давеча пили, – перебивая ее, улыбнулся Захария.

– Да. И к тому же немного дубоватым, – дополнила она, уже откровенно смеясь, своим чарующим смехом, слегка запрокидывая голову назад.

Вечер подходил к концу, зажигая на небосводе немногочисленные в этой части Галактики звезды. Гости еще немного поговорили на отвлеченные темы и стали понемногу соби-

раться по домам. Большинству из них в понедельник предстояло начинать новую рабочую неделю. Еще раз поблагодарив хлебосольных хозяев за гостеприимство и взяв с них твердое обещание пригласить на бракосочетание, гости стали разбредаться восвояси. Эзоп, Гумилев и Гермоген ушли вместе, поддерживая друг дружку, чтобы не упасть подобно кеглям из боулинга. Как две испанских каравеллы, отплыли домой Гавриил с женой. Стана с мужем скооперировалась с парочкой Тацит-Вершинин и тихонько умелись и не по домам, а, кажется на соседний участок. Растроганная усилиями Захарии по устройению ее личной жизни, бабка на прощанье приникла к его груди, как малый ребенок, бормоча между всхлипами:

– Захарушка! Соколик! Ангел ясный! Век не забуду!

– Это что, бабушка, угроза?! – засмеялся он над ее последними словами, крепко обнимая старуху.

– Что ты?! Что ты?! – отчаянно замахала она, отстраняясь от него, но не выдержала и тоже засмеялась тихим и слегка дребезжащим старческим смехом.

Уходили вчетвером. Захария пошел на принцип и не отпускал Ирию с родителями:

– Раз я обещал собственноручно доставить в целости и сохранности вашу дочь до подъезда к 23.00, так значит и будет! – безапелляционно заявил он.

Родители благосклонно и по достоинству оценили умеющего держать свое обещание полковника. И только Ирия по-

няла, что он просто ищет повод еще немного побыть в ее обществе. Уже у подъезда, пропустив вперед себя супругу, прощаясь, Евстафий протянул свою мозолистую руку Захарии:

– Ты, полкан, извини, если что не так! Сам понимать должен, что дочь у нас единственная. А в общем, ты, ничего! Молодец! В разведку с тобой идти можно. – В устах бывалого вояки, такие скупые слова, дорого стоили.

– Я не против! И в разведку, и еще куда, – многозначительно ответил он, пожимая протянутую руку.

– Ну, насчет, «еще куда» об этом мы с тобой потолкуем более обстоятельно. Время будет еще, – озорно подмигнул он Захарии, и уже обращаясь к дочери, добавил. – А ты егоза, долго тут не прохлаждайся, а то утром опять мать тебя не добудится.

Еще раз кивнул на прощание Захарии и развернувшись неслышной тенью исчез в темном проеме подъезда.

– Ладно. Давай и мы будем прощаться, – сказала со вздохом девушка, как только они остались одни во дворе. – Ты в отпуске, а мне с утра на работу.

– Знаешь, Ирия, что я хотел тебе сказать?!

– Догадываюсь. Ты хотел сказать, что никогда не забудешь этот день и вечер и что никогда раньше тебе не было так хорошо, как сейчас.

– Верно! Как ты догадалась? – удивился он.

– У тебя на лбу об этом написано, даже к цыганке не хо-

ди! – засмеялась она.

– Ирия! И еще... я хотел тебе сказать...

– Нет-нет! А вот этого говорить пока не надо! – возразила она и прикрыла на всякий случай его рот своей ладошкой.

– Но почему?! Такой вечер! Звезды!

– Вот поэтому и не надо! Боюсь умереть от счастья! Счастье, это эликсир, который нужно употреблять мелкими глоточками, и не сразу. Удовольствие надо уметь растягивать.

При этом она, как и в прошлый раз встала на цыпочки и поцеловала его в щеку:

– Это пока аванс, а зарплату получишь в конце! – засмеялась она опять и выскальзывая из его объятий юркой ящеркой шмыгнула вслед за отцом.

– Кажется, я действительно становлюсь богатым. За три дня получил уже полтора аванса! Даже боюсь представить, что будет дальше, – проговорил он с усмешкой самому себе.

XXVIII

Придя домой уже ближе к полуночи, Захария не торопясь принял душ, с удовольствием постояв под тугими струями. Ужинать не стал. Застолье в гостях было обильным, поэтому есть не хотелось. День сложился как никогда удачно. Была получена информация, которую можно преподнести в качестве методики по экстренному выправлению ситуации, как на Земле, так и здесь. Спать вроде не хотелось, да и душ сде-

лал свое дело, взбодрив и освежив голову, поэтому решил посмотреть визор. Не глядя ткнул пальцем в пульт управления. Это был «Домашний» телеканал, где преимущественно освещались вопросы домашнего быта и связанного с ним приусадебного хозяйства, количество которых значительно увеличилось в последние двести лет, благодаря внедрению передовых технологий по перемещению райанцев из суперполисных агломераций в обстановку натуральной природы. Передача называлась «Наш сад», что было естественным. Также естественным было и то, что ее вел бессменный Борис Попов, поседевший, постаревший, но все такой же неутомимый и работающий. Захария невольно восхитился этим человеком, его целостной натурой. «Ну, надо же! Он на Земле был на своем месте, и, оказавшись тут, не стал занимать ничьего чужого» – с уважением подумал он о нем. Не выпуская лопаты из рук, тот что-то вещал о пользе выращивания гибридных пород клубневых. Невольно подпадая под гипноз мерно журчащего голоса, Захария и сам не заметил, как погрузился в дремотное состояние, плавно перешедшее в устойчивый сон. Он и сам всегда удивлялся, почему телепередачи на сельскохозяйственную тему, что там, что тут, навевали на него сонливость. Когда проснулся время на часах, что висели на стене, было три часа и пятнадцать минут. Выключив визор, поплелся в спальню. Быстро раздевшись, рухнул в прохладу шелковой простыни. Спал привычно, без сновидений. На этот раз проспал до самого обеда. Вставать

не хотелось. В теле чувствовалась какая-то вялость и апатия ко всему. Протянул руку к прикроватной тумбочке, взял комтор. Автосекретарь доложил, что ни звонков, ни сообщений не поступало. Все же заставил себя встать и позавтракать, хоть время уже было обеденное. Уже через полчаса запытал, что и ел. Внутри ощущалось присутствие чего-то постороннего и даже чужеродного, как будто в глазок камеры осужденного непрерывно смотрит недобрый глаз надзирателя. За почти четырех тысячетнее существование, Захария научился предугадывать некоторые события. Вот и сейчас он чувствовал, что с ним непременно должно что-то произойти. И это чувство не ослабевало, а только усиливалось. Чтобы отогнать от себя тревожные ожидания, он даже хотел заняться чисткой карбюратора своей «ласточки», занятием до чрезвычайности муторным. Он уже совсем было собрался это сделать, и даже зашел в гараж, укоряя на ходу свою «шестерку» за то, что она тридцать лет простояла под открытым небом без видимых последствий, а тут проехала один раз по Городу и «закапризничала», выдавая неполное сгорание. Однако открыв капот, резко передумал, что-либо делать. Чистка карбюратора грозила затянуться часа на полтора, как минимум, а то, что он ожидал, могло случиться в любую минуту, и негоже было его встречать с перепачканными в масле руками. Решив отложить ремонтные дела в «долгий ящик», захлопнул капот и поднялся на второй этаж, в свой кабинет. Можно было конечно опять попробовать начать пи-

сать письмо Самому, но мысли путались и никак не хотели складываться в ясные и четкие предложения. В общем, все валилось из рук. Он уже начал всерьез беспокоиться по данному поводу, так как до сих пор с ним ничего подобного не происходило. А между тем, чувство тревоги все усиливалось и уже начинало припекать. Звонок комтора, как всегда, раздался неожиданно. Захарию даже подбросило в кресле от его резкого верещанья. Посмотрел на экран. Номер, с которого шел звонок, не определился. Это было очень странно. Он не мог припомнить себе, чтобы номер не определялся. «Что за шпионские игры?» – подумал он и не стал отвечать на вызов. Из принципа. Комтор не умолкал. Кто-то настойчиво напрашивался на разговор, но при этом не желал раскрывать свое инкогнито. Первым не выдержал Захария и нажал на кнопку приема вызова. То, что он увидел на экране, его порядком озадачило. Экран высветил серафима Егудиила. Его и без того вечно кислое выражение лица, как будто он только что обожрался лимонами, еще кривила гримаса плохо скрываемой ненависти.

– Слушаю вас, почтеннейший, – сказал Захария так, как будто ничего не заметил.

– Заставляешь себя ждать, – проскрежетал Егудиил на том конце.

– Я вообще-то не отвечаю на звонки без обратного адреса, – меланхоличным голосом ответил Захария.

– Слушай меня внимательно, баловень судьбы, – уже не

скрывая ярости, прошипел серафим, – завтра к 8.00 подойдешь в шлюзовую камеру № 3. Мы будем тебя там ждать.

– Что это значит?! Объясните толком! – тоже не скрывая раздражения, спросил ангел.

– Нам велено препроводить тебя к Самому.

– Ничего себе! – не удержал восклицания Захария. – А по какому вопросу вызывает?

– Там все узнаешь, – напустил тумана Егудиил.

– Хорошо. В каком виде мне предстать? В смысле, какая форма одежды должна быть на мне?

– Без разницы.

– Мое начальство в курсе? – поинтересовался он.

– Боишься?! – неприятно ощерился серафим.

– Вот еще! – проворчал полковник. – Просто не люблю играть в темные игры.

– И все-таки боишься! – ухмыльнулся шестикрыл. – Ну, оно и правильно!

– Вы не ответили, – холодно настоял на своем Захария.

– Сам доложишь, – буркнул серафим и выключился, не попрощавшись.

«Вот оно. Предчувствие меня не обмануло и на этот раз» – с удовлетворением подумал Захария, как-то уже и особо не удивляясь, вызову «наверх». Чего-то подобного он и ожидал, правда, не так скоро, а как реакцию на его докладную записку. Предстоящий визит к Самому его не страшил. Вины за собой он никакой не чувствовал, а значит и наказания последо-

вать не должно. Напротив, он четко понимал, что завтрашняя встреча расставит все точки в той непонятной детективной истории, сопровождавшей его возвращение. Жаль конечно, что докладную он так и не успел написать. Ну, ничего. Пользуясь счастливым случаем, он попытается изложить основные тезисы устно. «А шефу все-таки стоит позвонить, хотя бы из уважения к субординации» – подумал он и машинально набрал хорошо знакомый номер. Шеф испытывать терпенье не стал, поэтому ответил довольно быстро:

– Чего звонишь? Головка небось болит после вчерашнего? – с ходу спросил он, хитренько улыбаясь.

– Что, мы, безусые курсанты, чтобы у нас голова болела от пары кувшинов домашней настойки?! – делая обиженное лицо, ответил Захария.

– Что-нибудь случилось? – сразу насторожился Гавриил. Захария в очередной раз подивился его чутью опытного службиста.

– И да, и нет, – ответил Захария и тут же пояснил. – Это я к тому, что ничего в общем страшного не произошло, за исключением того, что меня завтра вызывают к Самому.

– Да ты, что?! – сразу выпучился на него архангел. – Ну-ка давай, с подробностями.

– Да, в общем-то, никаких особых подробностей и нет. Просто минуту назад мне позвонил Егудиил со скрытого номера и в приказном порядке велел завтра к восьми утра приехать к третьей шлюзовой камере для транспортировки мо-

ей скромной персоны на встречу со Всевышним. Вот, собственно говоря, и все.

– Нда-а, – протянул задумчиво Гавриил и запахнулся крыльями, словно ему разом стало зябко в своем уютном кабинете, – дело нетривиальное. Уж на что я!? А и то ни разу не был допущен до лицезрения! Общался только через серафимов. Даже не знаю, что и сказать. Грешков за собой никаких не упомнишь?

– Да какие грешки?! Там все чин по чину, служба наблюдения все фиксировала. Здесь тоже вроде еще пока не успел нагрешить.

– Ты вроде обещал докладную написать, чуть ли не на Его имя. Написал?

– Да когда?! – возмутился Захария. – Четыре дня не просыхал тут с вами! Какой уж тут, что-то писать, если каждый вечер до дому на бровях приползаю!?

– Ну да, ну да, – расплылся в ухмылке шеф.

– Так что, я вам доложил, а уж вы сами там... – не договорил он многозначительно.

– Ладно, считай, что доклад я у тебя принял. Ты там заранее-то не кипишуй. Я тут по своим каналам пошурю, если что надыбаю, то позвоню. Комтор не выключаю.

– Хорошо, – коротко согласился Захария.

– До связи, – пророкотал шеф, выключаясь.

Дальнейшее Захария помнил уже с трудом. Со стороны могло показаться, что он выполняет работу чисто механиче-

ски, на уровне рефлексов. Опять зашел в гараж. Снял колеса со своей машины, сложив их в стопку в углу. Слил масло. Бензин он слил еще позавчера. Тогда же снял и аккумулятор. Похлопав машину по капоту, закрыл гараж. Потом взял метлу и зачем-то стал подметать дорожки, ведущие к дому. Затем зашел в подсобку, где в специальном переносном ящичке лежали его слесарные инструменты, взял его и пошел в ванную. Разобрал кран с подкапывающей из него водой, вытащил каменную от старости прокладку, и, посопев, полез в шкаф, где хранились запасные сменные части водопроводной утвари. Порылся, в поисках нужной детали. Найдя, подходящую по размеру прокладку, приладил ее на место старой. Проверил. Удовлетворительно кивнув самому себе, вышел из ванной. Ужинать, по сути, не стал, заказав всего лишь пару бутербродов с красной икрой и зеленый чай. Достал из платяного шкафа темно-синий строгий костюм, который надевал всего лишь пару раз до этого. Аккуратно почистил его щеткой и положил на стул рядом с кроватью. Долго выбирал, подходящие случаю, галстук и рубашку. Наконец остановил свой выбор на светло-синей рубашке и темно-синем, в тон костюму, галстуке. Все это проделал на чистом автомате. Затем опять поднялся в кабинет. Сел в кресло, взял шариковую ручку и вытащил из стопки чистых листов, запроваженных в принтер, один, который и положил перед собой. Затем глубоко вздохнув, размашистым почерком написал заголовок: «Мои распоряжения, в случае, если не вернусь». «Идти

на подобную встречу надо так, как будто покупаешь билет в один конец» – без грусти и сожаления подумал он. Распоряжения адресовались бабке Лукерье. В них он указал, что если не вернется домой в течение года, то пусть она возьмет с его карточки, которую он тут оставляет, на помин его души, сколько сочтет нужным, оплату за уборку в доме из расчета на пятьсот лет вперед, а оставшиеся деньги и документы на дом с участком, передаст Ирии Литвиновой, проживающей по адресу: улица Циолковского 189...

– Блин! Номер-то ее квартиры я не знаю. Ну, да ладно. Бабка умная, чай найдет, – вслух проговорил он.

А еще написал в распоряжении, чтобы отдала Ирии конверт с письмом. Письмо он собрался написать тотчас же. Однако его погребальный настрой прервал звонок комтора. Захария невольно поморщился от того, что его оторвали от высоких мыслей, но комтор взял в руку. Это был Гавриил.

Вид и голос его были возбужденными и слегка напуганными:

– Слышь, Захария! Я тут позвонил Израэлю, ну, тому самому, который со мной тогда говорил насчет тебя. В общем, дело заворачивается нешуточное. Я прямо обалдел. У него вид был такой, словно его сутки напролет секли розгами, и не факт, что еще закончили. Он со мной не разговаривал, а почти лаял! Орал, будто бы это я сдал его со всеми потрохами! Не знаю, чем это может закончиться, но чувствую, что шуму будет много. Меня пока не трогают, но все равно, к

ответу потянут, чувствую. Так вот, брат! Я чего тебе звоню то?! Не надо тебе завтра появляться одному возле того шлюза. Мы с Ирией завтра туда подойдем минут, этак, без пяти до означенного срока.

– Вы полагаете, что возможна провокация с их стороны? Или же они попытаются меня устранить прямо там? Не надо бы Ирии в этом участвовать, – подобрался Захария, в предвкушении хорошей драки.

– Но-но! Ты не зарывайся там! Они все ж таки не разбойники с большой дороги, а ангелы, хоть и с прибабахом на всю голову, – одернул его шеф. – Драться, а тем более убивать никто там тебя не собирается! А вот испортить настроение, вылив на тебя кучу помоев, так это запросто, как на меня сейчас. А что касается девчонки, то ее брать надо обязательно.

– Но почему?!

– При женщине затевать скандал, они явно не захотят. К тому же ты знаешь уже ее характер. Ей палец в рот не клади. Случись какой эксцесс, она весь Рай на уши поставит. Да и не простит она меня, вовеки вечные, если я не возьму ее с собой.

– Ладно. Как скажете, шеф, – смиренно пролепетал полковник.

– Давай. Бывай. Спокойной тебе ночи, – ехидно пожелал архангел.

– Да уж спасибо! В самый раз мне теперь спокойно

уснуть, – саркастически уточнил Захария, перед тем как отключиться.

Решил заставить себя лечь пораньше, чтобы выспаться и встать с утра со свежей головой. Но, как назло, сна не было ни в одном глазу. Он крутился и так и сяк, но ничего не помогало. Наконец, решил прибегнуть к радикальному средству, выручавшему его уже не единожды. Включил лампу на прикроватной тумбочке, и пошарив в одном из ее выдвижных ящиков достал на свет «Справочник лекарственных растений, применяемых в народной медицине». В свое время, бабка Лукерья, принимавшая деятельное участие в составлении справочника презентовала ему один из авторских экземпляров вместе со своей дарственной надписью. Стал вдумчиво водить глазами по строкам, в тайне надеясь, что это монотонное занятие приведет его в состояние нирваны. Но не тут-то было. Он прочел главу о полезных свойствах Лимонника Дальневосточного, затем главу о Пустырнике. В обычных условиях прочтения одной главы вполне хватало, чтобы погрузиться в состояние сна, а тут приходится начинать знакомиться с полезными свойствами Ромашки Луговой. Взял с тумбочки наручные часы. Был уже третий час пополуночи. И тут вдруг неожиданно на комторе пропиликал звук входящего сообщения. Захария немедленно схватил комтор и поднес его к глазам. Он уже не удивился, что отправитель был неизвестен. Лихорадочно вскрыл послания от инкогнито. Послание было ошеломляющим: «Ты утомился сегодня или

нет?! Сам не спишь и мне не даешь! Будь проще и не заби-
вай голову глупостями!» Послание было странным. Кто мог
знать, что он не спит в этот час? Послание можно было бы
отнести к чьей-то не очень умной шутке, если бы не подпись
в конце. А подпись была более чем красноречивой: «Господь
Бог». Будто тяжелый камень свалился с плеч Захарии. Он
сразу понял, что это не может быть шуткой, поэтому улыб-
нулся, отложил справочник, выключил свет и немедленно
уснул, следуя предписанию.

Проснулся уже без пятнадцати семь утра. В теле чув-
ствовалась необычайная бодрость и свежесть, несмотря на
непродолжительный сон. Тщательно побрился и принял
душ. Так как, судя по всему, предстояло перемещение по
тоннелю, образованному роторным лучом, завтракать не
стал, во избежание желудочных неприятностей. Насвисты-
вая какой-то бравурный марш, потому что волнение как ру-
кой сняло после получения послания от Самого, стал оде-
ваться. Заготовленный с вечера костюм одевать не стал, сле-
дуя все той же рекомендации – быть проще. Надел серые
брюки свободного кроя и такую же серую рубашку. Галстук
надевать, тоже не стал. Белые носки и черные туфли завер-
шили обряд одевания. Никуда неспешающей походкой вышел
из дома. В вестибюле здания штаба шестого сектора ангель-
ского войска встретил Аверьяна. Коротко поздоровались, и
Захария уже собрался идти дальше, но тот задержал его за
рукав:

– Захария, – робко заглядывая полковнику в глаза, обратился Аверьян, – я тут после нашего с тобой разговора много думал. И знаешь, что решил?

– Откуда же мне знать?! Я ведь не Вольф Мессинг, – удивился он, разводя руки.

– Я решил, да ну его к бесу этот мой отдел. Никакой пользы, одно протираие штанин. Если я подам заявление на сдачу экзаменов по курсу ангелов-хранителей у меня его примут?

– Даже не знаю, – растерялся от неожиданности Захария. – А что это ты вдруг?

– Да я не вдруг. Я уже давненько об этом подумывал. А тут ты. С тобой вот поговорил и решился окончательно.

– Понятно, – не то, одобряя, не то, порицая, вымолвил полковник. – Своим, значит, решил помочь в трудную минуту?

– Вот-вот, именно, – обрадовался подсказке Аверьян.

– А с женой как? Посоветовался или поставишь перед фактом? – как бы невзначай поинтересовался Захария.

– А что жена?! – слегка насупился тот. – Не из полена же стругана, должна понять. Да и что я, не мужчина что ли?

– Мужчина-мужчина, – не стал оспаривать его слова Захария. И тут же перейдя на деловой тон, добавил. – Я не знаю, примет ли у тебя комиссия заявление, но если потребуется какая рекомендация, то можешь рассчитывать на меня.

– Спасибо, друже! Я как раз об этом и хотел тебя про-

силь! – расцвел в улыбке Аверьян и заторопился в раздевалку.

«А ведь все не так уж и плохо, – подумал про себя Захария, провожая взглядом, несколько грузноватую фигуру сослуживца. – Пока такие, как этот Аверьян, существуют, Раю ничего не угрожает».

Так, размышляя о судьбах райского общества, он и добрался до искомого шлюзового портала. Здесь у массивной металлической двери с надписью «шлюз №3» уже топтались Гавриил с Ирией.

Девушка тотчас же бросилась на грудь Захарии, ничуть не смущаясь присутствием шефа:

– Почему ты мне ничего вчера не сказал?! – даже не поприветвавшись, накинулась она на него.

– Не хотел беспокоить. Да и ведь ничего страшного не произошло. Ну вызвали и вызвали. Что тут такого? – беззлобно проворчал он, глядя ее по затылку. И уже обращаясь к Гавриилу, как бы извиняясь за неофициальную сцену, доложил. – Приветствую вас, товарищ генерал!

– Да уж, привет-привет, – с ухмылкой ответил архангел. – А я смотрю, ты вроде, как ни капли и не волнуешься!? Даже одеться поприличней, и то не удосужился. Скажут там, наверху, совсем, мол, Гавриил распустил своих подчиненных.

Объяснять простоту своего одеяния именно желанием «сверху» Захария не стал, потому что не хотел раскрывать свои особые связи, да и некогда это уже было делать, пото-

му что, как бы из ниоткуда, возникли две фигуры, закутанные в плащи. Хотя нет. Иллюзию «плащей» создавали плотно сомкнутые на груди крылья. Оба серафима были хорошо известны как самому Захарии, так и его спутникам. С одним из них вчера Захария имел непродолжительную, но малоприятную беседу. Казалось, что выражение лица Егудиила со вчерашнего вечера ничуть не изменилось. Лишь черты и без того острого лица серафима обозначились еще резче. Второго звали Варахаил. Он был более приземист и округл. Но в отличие от откровенно злого напарника выглядел вполне мирно и даже добродушно. Настолько добродушным, что даже подмигнул украдкой Захарии левым глазом. Это окончательно привело полковника в состояние благодушия и даже некоторой веселости.

– Что, Захария, без подмоги, никак?! – проскрипел противным голосом серафим.

– Это не подмога, а публика! – быстро нашелся тот с ответом.

– Я попросил бы вас без ненужных инсинуаций! – встрял Гавриил. – Выполняйте свое дело, Егудиил.

– Мне подсказывать не надо. Я свое дело хорошо знаю и без ваших указивок, – угрюмо процедил тот сквозь зубы.

– Мальчишки, не ссорьтесь! – встала между ними Ирия.

Варахаил, который в отличие от своих коллег не был снобом и всегда был не против того, чтобы посидеть в теплой компании за стаканчиком красненького или беленького,

не выдержал и прыснул откровенным смехом. Это несколько разрядило напряженную обстановку. В это время, дверь шлюзовой камеры автоматически открылась, открывая круглое в сечении помещение, сплошь увитое по стенам кабелями высокого напряжения.

– Идем, – сказал Варахаил, подойдя вплотную к Захарии и кладя ему на плечо руку.

– Мы будем ждать тебя! – крикнула Ирия вслед уходящей троице, прежде чем за ними закрылась дверь.

Затем было все, как и раньше, за исключением того, что Захария был не в голом виде. Он привычно присел на корточки, посильнее зажмурил глаза, а над ним простирая свои крылья, встали херувимы. Нестерпимо яркий свет ударил по глазам, даже сквозь замкнутые веки, пол под ногами загудел от напряжения в миллионы вольт. А дальше время и пространство, просто перестали иметь какое либо значение для него и его сопровождающих. Сколько так продолжалось – неизвестно, а только в себя Захария пришел когда увидел, что они стоят у входа в какой-то парк с незнакомыми для него исполинскими деревьями. То, что это место не было ни Землей, ни Раем, он понял сразу, как только задрал кверху голову. На темно-синем, ближе к фиолетовому небу сияло раскаленными лучами нестерпимо белое светило. Несмотря на белокапильное свечение, ощущения нестерпимой жары не было. Напротив, слегка веяло прохладой. И запах. Абсолютно ни на что не похожий запах. Захария не взялся бы

утверждать, что запах был ему неприятен, просто он был ни на что не похож, и это хоть и удивляло его, но отнюдь не пугало.

– Тебе туда, – кивнул Варахаил на тропинку из материала похожего на асфальт, но более гладкого, ведущую в глубину парка и чуть подтолкнул Захарию. – Никуда не сворачивай. Там тебя ждут. А мы будем ждать тебя здесь.

– Спасибо, – просто и без затей поблагодарил он своих провожатых, и, не оборачиваясь, двинулся в указанном направлении.

Парк был огромен. К удивлению Захарии, имевшего смутные представления о Чертогах Господних, парк не был пустынен. Откуда-то издалека доносились голоса детей, смех и крики. Кое-где виднелись влюбленные парочки, прогуливающиеся по таким же тропкам. На немногочисленных лавочках сидели молодые и пожилые женщины, многие из которых были с детскими колясками. «Вот тебе и Седьмое Небо! Все почти, как и у нас» – озадаченно подумал Захария, крутя головой. Того кто его ждал, Захария заметил еще издалека, потому как стала ощутимо падать температура окружающей среды. Он сидел один на лавочке, в спортивном костюме и белых кроссовках. Очки с затемненными стеклами, сразу напомнили Захарии «типа в белом костюме» суетящегося возле лежащей на тротуаре Инессы. Сейчас он не суетился, а сидел в расслабленной позе и смотрел на приближающегося к нему полковника. Чуть заметная улыбка тронула лицо Все-

вышнего. Уже подходя к лавочке, Захария слегка замедлил шаги, лихорадочно соображая на ходу о приличной и подобающей форме обращения к Создателю. Но вопрос решился сам собой. Всевышний поднялся ему навстречу и протянул руку для пожатия. Ростом он был примерно с него самого, только вот в плечах немного поу;же. На вид ему было где-то около тридцати с небольшим хвостиком. Хотя Захария по своему опыту знал, что этот «хвостик» запросто может оказаться и сотней тысяч лет, и даже миллионом, кто их небожителей знает? Ладонь Всевышнего тоже была немного у;же чем у ангела, но крепкой и ухватистой, что он сразу почувствовал, отвечая на рукопожатие. От исходящего холода кожа у ангела пошла мурашками и он пожалел, что так легко оделся на встречу. «Тут бы не помешал тулупчик или на худой конец ватничек» – пронеслась мысль в голове Захарии.

– Здравствуй, Захария, – нисколько не величаясь, поприветствовал Всевышний визитера. – Я – Господь. Нет-нет, не подумай чего. Господь, это мое собственное имя, данное мне маменькой при рождении и к слову «господин» оно не имеет никакого отношения. Так и зови меня.

– Хорошо, Господь, – согласился ангел, чувствуя, как постепенно скованность куда-то отступает.

– Ты не обижайся, что я назначил тебе встречу здесь, в этом парке, – сказал он, усаживаясь на лавочку и делая приглашительный жест ангелу. – Просто я каждое утро перед работой здесь делаю пробежки. А в дом не зову, потому как

маменька моя затеяла очередной ремонт, и теперь там, как после пожара.

– Это верно, – согласился ангел, – недаром говорят, что два ремонта равносильны одному пожару.

– И не говори, – вздохнул Господь. С этим, чисто обывательским вздохом последние преграды между ними рухнули. Захария еще раз подумал, как нелепо и смешно выглядит со стороны их парочка, где один разговаривает, как ни в чем не бывало, свободно расположившись на лавочке, а у другого во время разговора идет изо рта пар.

Он во все глаза смотрел на того, о встрече с которым еще вчера, даже и помыслить не мог в самых своих смелых мечтах, а сегодня он – рядовой, в общем-то, ангел, сидит с Творцом всего сущего, на лавочке и ведет незатейливые беседы на бытовые и приземленные темы. Тут было от чего закружиться голове. Господь, деликатно выдержал паузу, давая гостю, как следует рассмотреть себя, а затем продолжил:

– Я знаю, что тебя привели ко мне заботы о тех мирах, с которыми ты неразрывно связан. Поверь, эти вопросы заботят меня не меньше чем вас.

– Мы, твои создания из двух миров, как слепые в незнакомом лесу ищем и никак не можем найти к тебе дорогу. Мы смиренно просим тебя не оставлять нас в лесу, а протянуть своим детям руку и вывести к свету.

– Эка ты завернул, – восхищенно тряхнул головой Господь, – как поп с амвона. Надо же, как быстро вы люди учи-

теть подобострастию!

– Я – не человек, – робко заметил Захария.

– Как говорил один мой знакомый, бомжующий на Казанском вокзале в Москве: «Все мы – люди, все мы – человеки», – с усмешкой проговорил Бог.

– Но ведь мы действительно твои создания, по образу и подобию... – завел вновь свою шарманку Захария, но Господь быстро поставил его на место.

– Вот только не надо об этом! Знаю я вас. Все вы с этого начинаете. Сначала говорите: «Мы твои создания, Господи!» А заканчиваете одним и тем же: «... а значит, одень, обуь, и выведи нас в люди!» Скажу тебе честно, к созданию людей я абсолютно не причастен, по крайней мере, в том виде, в котором вы себе это представляете. Моим скромным желанием была всего лишь защита докторской диссертации, посвященной изучению так называемых «пороговых цивилизаций» основанных на сложных углеродных соединениях. Но на предзащите мою диссертацию «прокатили». Буквально, в прямом и переносном смысле. Черных шаров оказалось больше чем белых. Прокатили с формулировкой «Представленные материалы и выводы соискателем степени доктора биологических наук не нашли достаточно убедительного подтверждения на практике», – с явной обидой в голосе проговорил Господь.

– И как же теперь? Что будет с диссертацией и докторской степенью? – с участием спросил Захария.

– Да и шут с ней, с этой степенью. Так или иначе, но я ее получу в соответствии с принципом *doctor honoris causa*.

– Почетного доктора наук по совокупности заслуг, – машинально перевел Захария, знавший латынь с рождения.

– Члены комиссии просто не поняли, что дело дурацкой диссертацией просто уже не ограничивается. Мне уже хотелось не тупо констатировать, а разгадать загадку их саморазрушения, ну и выработать рецепты их спасения. Конечно, пришлось несколько вмешаться на генном уровне в конструкцию их тел. Для чего пришлось привлекать специалистов со стороны. Ну а дальше все пошло по накатанной, с лавинообразными изменениями, как в физиологической структуре *homo sapiens*, так и его высшей нервной деятельности. Поэтому, однажды начавшийся грандиозный эксперимент потребовал как соответствующего контроля, так и увеличения штата помощников. В результате чего и появились на свет вы. Вот вас-то как раз и можно с полным правом назвать нашим творением. Я говорю «нашим», ибо справедливости ради надо отметить, что к вашему созданию многие из нас приложили свои руки. Между вами и нами гораздо больше общего, чем между нами и людьми. Мы создали вас на основе нашей физиологии, разве, что, из материала попроще, чем мы сами.

– Выходит мы просто роботы? – как-то растерянно и обреченно воззрился он на Господя.

– Нет, конечно. Вы – искусственно созданные люди.

– А какая разница тогда между нами и роботами?

– Принципиальная. У роботов нет свободы воли. Их деятельность жестко регламентирована законами робототехники. Азимова почитывал? Там у него довольно толково все описано.

– Да. Но создав нас, вы оставили за собой безусловное право отдавать нам приказы, обязательные к исполнению, за невыполнение которых тут же следуют репрессалии, в том или ином виде.

– Да. Приказы. Как отдают их старшие по званию младшим. Да ты и сам сейчас опровергаешь свои мировоззрения.

– Каким образом?

– А таким, что ты сейчас сидишь тут со мной и пытаешься спорить. Где это видано, чтобы роботы спорили?!

– А ведь верно, – почесав затылок, несколько приободрился Захария.

– А ты, хоть полковник и кавалер, но я все ж таки для тебя генералиссимус, и ты обязан выполнять мои приказания, как старшего по званию, так и по выслуге лет. Вот женишься на Ирии и будешь еще выполнять и ее приказы, – уже явно съехидничал Всевышний.

– Ой, а откуда вы... хотя, что я говорю?! Вы же Всеведущий, – слегка пунцовея лицом от смущения, проговорил ангел.

– Ты мне эти библейские догмы оставь! – вспылил Господь. – Всеведущий... Вот сказал, так уж сказал. Да я, ес-

ли хочешь знать, о твоём существовании узнал всего месяц как, – слегка слукавил он. – Нет, ну формуляр на тебя, как и положено, был заведен с твоим рождением, но только я в него до недавних пор и не заглядывал даже. Вас, людей, на земле порядка семи миллиардов, да в Раю что-то около восьмисот миллионов. Мне что, за всеми за вами пригляд иметь, что ли прикажешь? Так ведь и рехнуться можно. Или ты думаешь, у меня других занятий нет, как за вами в общественной бане подглядывать?!

– А чем же тогда я своей скромной персоной так вас заинтересовал? – не удержался от любопытства Захария.

– Все просто, как коровье мычание. Примерно с месяц назад по вашему календарю, секретарша моя сообщает, я тогда был дома, что получено горячее молитвенное прошение от архангела Гавриила о ниспослании ему Божьей помощи во спасение. Естественно, что молитвы от ангелов такого чина имеют по их регистрации право приоритета при рассмотрении. Что, блин, думаю такое?! Чтобы архангел вопил, как щенок, придавивший ненароком лапку? Да никогда такого не происходило. Вот я и заинтересовался. Прибегаю, тапки роняя на ходу, подключаю аппаратуру и вижу всем известную картину под названием «Приплыли». Мои серафимы занимаются охмурением моего же архангела, и все это в обход меня, любимого! Каково!? Вот тут и всплыло твое имячко.

– Так значит это вы стояли за теми перипетиями с наездом джипа?

– Ой, только не притворяйся, что понял это лишь сию минуту! – погрозил ему пальцем Господь. – Со мной-то уж хитрить не надо. Ты это понял еще тогда, когда в первый раз просматривал запись с Т-сканера вместе с Левушкой. Просто тогда твоя догадка имела расплывчатые контуры, но твоего ума хватило еще тогда понять, что за этим делом стоят силы куда более мощные, чем это можно было себе представить.

– Но зачем им все это понадобилось?! Неужели же из-за глупого пророчества?! – воскликнул Захария, чувствуя, что сейчас получит исчерпывающий ответ на так долго мучавшие его вопросы.

– Так ли уж глупого? – подмигнул ему Бог. – Пока, во всяком случае, все складывается так, как ими и было предсказано.

– Но...

Но Господь не дал ему договорить:

– Тут, прежде всего, сыграл фактор банальной ревности серафимов. Ведь как было раньше? Передать прошение Всевышнему – к ним, выслушать волю Всевышнего – к ним, отправить ангела-хранителя на Землю – к ним, доставить нужные образцы и материалы с Земли – опять к ним, получить информацию о действиях ангела-хранителя – снова к ним. Они с самого начала осознавали свою крайнюю необходимость. Так не долго и забронзоветь. А тут еще и ореол таинственности вокруг их деятельности. Отсюда и берет истоки их снобизм и завышенная самооценка. Каюсь, сам вино-

ват, что вовремя не углядел за этим процессом. Но со временем оказалось, что и остальные райанцы не пальцем деланы. Изучив теорию ротонных тоннелей, вы изобрели механизмы их создания и управления, а потом пошли дальше и на использовании их сверхмалых колебательных процессов научились изготавливать сканирующую аппаратуру, следовательно, и в просьбах проследить за тем или иным процессом, отпала необходимость. Мощная вычислительная техника помогает вам моделировать примерные сроки жизни и формирующийся характер реципиентов, а значит и надобность в их предсказаниях постепенно сходит на нет. Что за ними остается? Консультационная тематика? Но это уже для них несolidно. Человечество в своем развитии зашло в глобальный тупик, а вместе с ним и Рай оказался на пороге стагнирующих процессов. И тут ты вылезашь со своими прожектками по спасению всего и вся. Вот они и почувствовали, что в их существовании вообще может отпасть всяческая необходимость.

– Да, но прожектки, как вы сказали, у меня в голове появились уже после возвращения. Значит, дар предвидения у них все же имеет место быть?

– А разве я это отрицал? – сделав удивленное лицо, произнес Господь. – Для тех, кто тысячелетиями привык шагать по дорогам времени и пространства, это не такое уж и большое чудо. Другое дело, как далеко заходит это предвидение. Представь себе человека, стоящего у развилки до-

рог. Он смотрит направо – видит дорогу, ведущую направо. Смотрит налево – видит дорогу, ведущую налево. Но как далеко он видит процессы, происходящие на этих дорогах, с учетом его роста? Метров на сто или двести. Не больше. Но дорога-то гораздо длиннее и эти метрами не ограничивается. А дальше – полная неизвестность. Вот их роста как раз и хватило, чтобы окинуть взором временную дорогу на несколько дней вперед.

– Аналогию я уловил, – задумчиво почесав подбородок, произнес ангел. – А вот, что касается прожектов, то, увы, подкачал. Прожекты остались в голове, я так и не успел выстроить из них стройную концепцию.

– Пустяки, – улыбнулся Господь, – ничего не осталось лежать втуне. Все это время, начиная с момента твоего прибытия, я был рядом с тобой. Был твоими глазами и ушами. Все запоминал. И скажу даже большее, многое из тех предложений, в выработке которых ты принимал участие, мне понравились, и мы пожалуй применим их на практике. Спасибо. Ты очень мне помог. Да что мне? Ты, в сущности, помог обоим мирам.

– Но как же вы все это проделали, а я даже и не заметил? Ведь вы только что говорили о свободе воли, – произнес Захария, упрямо не желая глотать сладкую конфету похвалы.

– Кажется, я переборщил в оценке твоих умственных способностей, – поморщился Создатель.

– Ты Устав ангельской службы хорошо ли знаешь? – пыт-

ливо глядя в глаза стеклами своих очков, спросил Господь.

– Ну да. В принципе, – неуверенно ответил ангел.

– А тот раздел Устава, что посвящен статуту наград? – вкрадчиво продолжил Бог.

– Эээ...

– Не эээ, а что там сказано про Большую Ангельскую Звезду?! Какими преференциями обладает ее кавалер, кроме бесплатного проезда в общественном транспорте?

– Ну-у, еще правом напрямую обращаться к Всевышнему по любому поводу без предварительной записи и участия посредников.

– Умнеешь, прямо на глазах! – хлопнул себя Бог по коленке и засмеялся.

– Не понял, – выдавил из себя Захария, при этом его лицо было настолько глупым, что Бог аж сплюнул с досады.

– Да, тьфу на тебя! Лучше бы ты был умным роботом, чем глупым человеком!

– Вы не поняли. Я хотел сказать, что, во-первых, еще не успел обратиться к вам, а во-вторых, наградили меня в пятницу, в то время, как по-вашим словам вы стали пастись в моей голове чуть ли не с самого прибытия.

– Во-первых, перестань мне «выкать», а то у меня возникает ощущение, что я тут не один с тобой. Во-вторых, напряги свои ячейки памяти, и вспомни какие перипетии, по словам твоего шефа, произошли с его ходатайством о твоём награждении. Ходатайство в обход службы доставки по-

чты, которой управляют серафимы, сразу оказалось у меня. Я, честно говоря, удивлен тому, что для Гавриила это стало новостью, ведь он также, как и ты является кавалером этой награды. Тут видимо, либо старику напрочь отбило память, либо он опять взялся хитрить и изворачиваться. С этим я еще разберусь. А теперь вспомни, когда ты сел за стол в своем кабинете и решил написать докладную на мое имя, какую фразу ты произнес, перед тем, как приступить к работе? – Господь замолчал, давая Захарии припомнить в подробностях первый вечер после своего возвращения.

– Вроде как «Господи Всемогуший и Всемиловивый Создатель наш», ну должен же я был написать какую-нибудь «шапку» к докладной?!

– Вот! – поднял Господь указательный палец. – Эта ключевая фраза, как раз и есть тот самый пароль, который соединяет меня напрямую с просящим. И одновременно она дает мне доступ к его мыслительным процессам, для получения и обмена информацией. Запомни это на будущее. А что касается твоих оскорбительных, с моей точки зрения, инсинуациях о том, что я якобы без спросу копошился в твоих мозгах, что противоречит свободе воли, которую я сам и декларировал, то скажу тебе одно: сам-то ты чем занимался на протяжении почти трех тысяч лет? Я в отличие от тебя, поступками реципиента не руководил, а просто воспользовался тобой как ретранслятором.

– Ладно, Господь, не обижайся ты на меня. Что взять с

глупого ангела, который три с лишним тысячи лет провел в боях и походах?! А?!

– Не обижайся, не обижайся, – проворчал Господь, но в его нотках Захария почувствовал что тот уже и без того почти не сердится. – Вот, все вы так! Сначала наговорите, сами не знаете чего, а потом бежите: «Прости нас, Господи!» Ладно. В следующий раз за такое, не посмотрю на твои раскачанные мышцы, врежу по фэйсу. Что-то мне в последнее время понравилось это делать...

– Договорились! – заулыбался Захария. – Ты прав, Господь. Глуп я, и потому вот уже который день маюсь в догадках, ну ладно, решили меня серафимы немного подставить, чтобы лишиться награды, а значит иметь право напрямую обращаться к тебе, но зачем они все это так усложнили?

– Тут в двух словах не объяснишь, – сразу как-то поскуцел лицом Создатель. – Ну да, ладно. Попробую, как смогу. Только учти, что я по профессии не темпоролог, а биолог, поэтому объясню, как сам все это понимаю. Время, вернее его событийная составляющая, подобна фракталу. Наглядным примером, которого может служить простая ветка дерева. Имея единую отправную точку, какого либо события, оно, это событие, постоянно разветвляется по головокружительной экспоненте. С каждым мгновением порождая отдельную и независимую реальность, которая имеет единое отправное прошлое, реперную точку, но постоянно разветвляясь, все больше и больше отличается от первоначально-

го события. К тому же само время достаточно аморфно и неустойчиво. С его течением отдельные событийные эпизоды деформируются, оплывают и растворяются в канве общей направленности. Серафимы, ввязываясь в это дело, что-то слышали об этом краем уха, но точно понять процессы времени так и не смогли. Не хватило ни ума, ни терпения. Они решили несколько изменить общий ход времени, чтобы предотвратить, предсказанное ими же самими событие. Знаешь, в середине XX века на Земле с расцветом фантастической литературы было очень модно писать о путешествиях в прошлое, о встречах со своими далекими пращурами или даже с самим собой для изменения нежелательного хода истории. Одно время даже была очень популярна дискуссия в околонуточных кругах на тему: что будет, если путешественник в прошлое нечаянно убьет своего дедушку? Довольно занимательное чтение, скажу я тебе. Ничего не будет. Причем, по двум причинам. Во-первых, как я уже сказал, время фрактально. А значит одновременно существуют миллиарды миллиардов дедушек, которых срочно требуется кокнуть обиженным наследникам, обойденным в завещании. Убийство одного дедушки в одном из фракталов ничего не даст. Время этого даже не ощутит. Во-вторых, если представить себе время в качестве реки, то сколько бы ты не мутил воду в его устье, вода на всем протяжении своего течения не замутилась. Мутить надо ближе к истоку. Однако, камень способный взбаламутить реку на всем ее протяжении должен быть

величиной сопоставимой с величиной русла реки в ее истоке. Иными словами, нужно убить миллиарды дедушек, причем как можно ближе к «кроне» событий, а не рубить ветки. Опять скажу, что серафимы о чем-то подобном подозревали, поэтому на всякий пожарный случай решили подстраховаться, продублировав это печальное событие еще девять раз. Но что такое девять раз по сравнению с миллиардами? Пшик. Я сел за руль того проклятого джипа всего один раз и то, лишь для того, чтобы документально зафиксировать это событие и иметь законный повод к твоему заслуженному награждению. А потом бросил все силы для того, чтобы удержать этот единственный момент от растворения, пока ты не спеша брел по коридорам, трепался с шефом и его секретаршей.

– Зачем?! – не удержался от восклицания Захария, хотя уже и сам догадывался.

– Затем, чтобы ты смог еще раз увидеться с дочерью. Она хорошая девчушка, и я верю, что из нее вырастет настоящий человек. Но опоздай ты еще хотя бы на полчаса, и даже моих возможностей не хватило бы для удержания в поле зрения именно этого маленького ручейка времени, ибо даже Юпитер уступает дорогу Хроносу. Эту временную точку уже не найдешь ни с какой бы то ни было могучей вычислительной техникой. Этот момент или уже растворился или просто затерялся. Осталась лишь запись на флэшке.

– Скажи, Господь, – страстно воскликнул ангел, не заме-

тив, как ухватил того за рукав, – мне ведь не почудилось, когда я увидел, что она говорит со мной и смотрит в мою сторону?! Неужели она, правда, видела меня?! И если «да», то, как такое возможно через такое расстояние и время?! Ответь, пожалуйста! Мне очень важно это знать!

– Да что ты в меня вцепился, словно клещ?! – отстраняя руку ангела от своего рукава, слегка смутился тот. Тут дело не менее сложное, чем предыдущее, почесал он свою переносицу.

– Прости меня, но я все время вижу перед собой ее глаза, – разжимая пальцы и прикрыв свои глаза, произнес Захария с болью.

– Понимаю, – с сочувствием произнес Бог, – я и сам побывал однажды в этой шкуре, там на Голгофе, и мне было гораздо хуже чем тебе. Вокруг твоей дочери столпились просто зеваки, а вокруг моего ребенка была толпа ревущая: «Распни, его!»

– Я помню, нам тогда не дали пробиться ближе к месту казни. Лишь Иосиф Аримоефский...

– Да-да, – перебил его Бог, кивая.

С минуту сидели, молча, вспоминая и переживая каждый свою личную трагедию. Две трагедии, разнесенные по времени объединили двух несчастных отцов. Первым нарушил молчание Господь:

– Я, конечно, постарался сделать все, чтобы ты смог на нее посмотреть. Ты же видел, как я расталкивал их, чтобы осво-

бодить просвет. А все, что произошло между вами, даже для меня до сих пор остается загадкой. Я видел, как она смотрела в твою сторону, но утверждать, что она видела что-то, тем более, тебя, не берусь, – беспомощно развел он руками. – По всем научным канонам этого быть просто не могло. Вы с ней находились в совершенно разных временных точках. Исходя из постулата о фрактальности времени, два события, имеющие единую отправную точку, не могут быть параллельны, а ведь параллельность событий является единственным критерием видимости параллельными мирами друг друга, потому что события, принадлежащие даже двум соседним фракталам, тотчас разлетаются навсегда в разные стороны. Но параллельных миров не бывает. А значит, и видеть она тебя никак не могла.

– Почему не бывает? – спросил, будто сморозил глупость Захария.

– Потому что, во-первых, Вселенная не дура, – разом окрысился Господь на ангела, – чтобы тратить ресурсы на дублирование одинаковых процессов. А процессы в параллельных мирах должны быть непременно одинаковыми до тождества. Ведь если в одном мире по этой вот лавочке ползет гусеница, а в другом – муравей, то это уже будут не параллельные миры. А во-вторых, в школе надо было лучше учиться...

– Куда уж еще лучше?! – обиделся Захария, который будучи во всех своих ипостасях старался хорошо учиться.

– А так! Из курса школьной геометрии известно, что две прямые, принадлежащие двум пересекающимся плоскостям не могут быть параллельными. Как раз тебе прямая аналогия с событиями принадлежащими разным потокам времени, не являющимися параллельными.

– Почему не могут?

Господь поглядел на него соображая, кто из них двоих все же бо;льший идиот. Решив про себя, что с ним все в порядке, уже с сочувствием посмотрел на собеседника. А тот, как ни в чем не бывало, тупо ждал от него ответа. И дождался:

– Потому что есть такая теорема!

– И что из того? – беззаботно ответил ангел. – Из каждого правила есть свои исключения, просто надо знать, где их найти.

– Ты хочешь сказать, что знаешь исключение из этой теоремы? – выпучился на него Господь.

– Ну да, – невозмутимо подтвердил тот.

– Откуда ты можешь знать исключение из этой теоремы, если даже я его не знаю?! – не на шутку вспылил Всевышний.

– Оттуда же откуда и ты – из школьной программы, – ничуть не смущаясь, поведал ангел.

– Если ты сейчас же, сию минуту не подтвердишь мне свои слова, то помяни меня, я надеру тебе уши, чтобы даже ночью они светились, как габаритные огни! – взвился Бог.

– Хорошо, – согласился Захария. – У тебя есть при себе клочок бумаги и карандаш?

– Мы уже миллион лет как отказались от производства бумаги. У нас оставляют мнемозаписи на кристаллах кварца, – скептически поморщился Господь.

Захария начал озирать окрестности в поисках чего-нибудь подходящего для демонстрации своих познаний в области геометрии. Долго искать не пришлось. Невдалеке от того места, где они сидели, находилась площадка присыпанная чем-то похожим на песок. Возможно, это он и был. Видимо парковые устроители собрались организовать что-то вроде детской песочницы, но по какой-то причине не завершили ее обустройство. Он глазами указал Богу направление на нее, а сам стал искать подходящий прутик, упавший с дерева. Поиски прутика тоже не затянулись, и он вскоре присоединился к Создателю. Подойдя к площадке, стал ногами разравнивать песок, ничуть не заботясь о том, что он может попасть в туфли. Бог также присоединился к нему, и уже через минуту площадка была готова.

– Представим себе две пересекающиеся плоскости, – начал он и принялся, как мог схематически изображать их на песке, водя по нему веткой. Получилось нечто вроде полуоткрытой книги. – Назовем их соответственно ; и ;. Проведем произвольные прямые, принадлежащие каждой из плоскостей. Для удобства восприятия назовем их соответственно А, принадлежащую плоскости ; и В, принадлежащую плоскости ;. Это выглядит так: А ; ;, В ; ;. Наша задача заключается в том, чтобы найти условия при которых прямая А

была бы параллельна B . Это выглядит так: $A \parallel B$. Для этого нам необходимо выбрать произвольно две точки на прямой A . Для удобства назовем их A_1 и A_2 . И соответственно две произвольные точки на прямой B . Для удобства назовем их B_1 и B_2 . В результате у нас получилось два отрезка A_1A_2 и B_1B_2 возможность параллелизации которых нам предстоит доказать при определенных условиях. Теперь соединим попарно точки A_1 с B_1 и A_2 с B_2 . Таким образом, у нас получилось еще два отрезка A_1B_1 и A_2B_2 . А если глядеть шире, то мы имеем четырехугольник $A_1A_2B_1B_2$. Четырехугольник, как мы видим, имеет неправильную форму. Для того, чтобы получить удовлетворяющий нас результат, необходимо применить правило параллелограмма, в котором все противоположные стороны параллельны друг другу и имеют одинаковую величину. В нашем случае этому удовлетворяют только два условия. Это когда отрезок $A_1B_1 \parallel A_2B_2$ и тот же самый отрезок $A_1B_1 = A_2B_2$. Однако эти стороны неправильного четырехугольника не удовлетворяют данного требования вследствие произвольности выбранных точек на прямой B . Следовательно, прямые A и B , принадлежащие своим плоскостям должны быть так расположены друг относительно друга, чтобы удовлетворить требованиям предъявляемым к «правилу параллелограмма, и соответственно точки B_1 и B_2 на прямой B должны быть выбраны так, чтобы отрезок $B_1B_2 = A_1A_2$, а четырехугольник $A_1B_1B_2A_2$ обрел черты свойственные параллелограмму. Соответственно,

если отрезок принадлежащий одной прямой параллелен отрезку принадлежащему другой, то и прямые будут параллельны. Только при соблюдении вышеперечисленных двух условий, когда отрезок $A_1B_1 \parallel A_2B_2$ и тот же самый отрезок $A_1B_1 = A_2B_2$, прямые A и B будут параллельны, а значит могут образовать третью плоскость γ , которой обе будут принадлежать и которая будет пересекать собой плоскости α и β . Других вариантов, удовлетворяющих первоначальному условию не имеется, в принципе.

Таким образом, заканчивая, скажу, что правило параллелограмма универсально и применимо во всех мирах и временах соответственно. Аплодисментов не надо. Dixi.

Бог походил вокруг схематичного изображения пересекающихся плоскостей, туда и сюда понаклонял голову, что-то прикидывая про себя, а потом, почесав затылок, нехотя признал:

– Да. Уел ты меня, уел. Ничего не скажешь. Так, пожалуй, придется со временем признать и существование параллельных Вселенных.

Затем развел руками, как бы еще раз признавая победу Захарии, и пошел, не оглядываясь назад по направлению к лавочке, на которой они только что сидели. Захария последовал за ним. Господь на ходу спросил:

– И откуда же у тебя такие познания?

– Я же говорю, что во всех школах неплохо учился. У ангелов прилежание в крови. Да и по последней специаль-

ности, артиллерист все-таки, а там одной арифметикой не обойтись.

– Да. Так вот, возвращаясь к твоей Инессе, – произнес Бог, опять усаживаясь на свое место, – как я и говорил, научного объяснения этому феномену у меня нет. Зато есть антинаучное.

– Какое?! – воскликнул Захария, жадно вытягивая шею в сторону говорящего.

– Любовь, – тихо и коротко ответил ему Господь.

– Что-что? – переспросил ангел, думая, что ослышался.

– Любовь, говорю, – повторил он тем же тоном. – Современная наука, пока еще отрицает, какую бы то ни было силу этого чувства. Однако, я верю, что не за горами тот момент, когда на нее обратят серьезное внимание и тогда начнут измерять ее вкривь и вкось, градуировать и присваивать степени. И меня, честно говоря, это пугает.

– Почему?!

– Потому что, когда для нее, ученые с большими степенями и невнятным произношением, установят шкалу и выведут постоянную, то она просто умрет. А пока, хоть это и антинаучно, но признаем шепотом, что она является единственной силой, способной пусть и не победить, но хотя бы противостоять беспощадному Хроносу. Во всяком случае, для тебя будет лучше, если ты будешь уверен в том, что она сумела разглядеть тебя сквозь время и пространство.

И все ж тебя я ищу по свету,

Опять тебя я ищу по свету,

Ищу тебя среди чужих

Пространств и веков , –

закончил он словами хорошо всем известной песни.

– Спасибо, – прошептал ангел и еще раз повторил уже громче, – спасибо за надежду. Но все же моя печаль, это только моя печаль, к обсуждению которой я надеюсь еще вернуться. А сейчас, пользуясь уникальным случаем, я хотел бы вернуться к основной проблеме, которую я так и не мог тебе ясно сформулировать.

– Говори, – подбодрил его Господь.

– Я хотел у тебя спросить: есть ли какая-то божественная формула, по которой людские души попадают в Рай? И если она есть, то нельзя ли как-нибудь ее подправить, чтобы, как можно больше людей попадало к нам в Рай? Это я говорю к тому, чтобы избежать крайнего сценария, предложенного мужем Станы. Да и вообще, интересно знать критерий, по которому они отбираются. Уж больно он не постоянен.

– Видишь ли, Захария, – тут Бог на несколько мгновений остановился, чтобы ясней сформулировать свой ответ, – я не открою тебе большого секрета в том, что признаюсь: НИКАКОЙ ФОРМУЛЫ БОГА НЕ СУЩЕСТВУЕТ. Тут чисто физические законы из раздела, посвященного механике, который проходят школьники в седьмом классе. Еще раз повторюсь – я не физик, поэтому попытаюсь объяснить, так как сам себе это представляю. Сущность людей, или по-иному

говоря, их души, состоят из кварков, встроенных в их организм и удерживаемых натяжением внутреннего электромагнитного поля, управляемого в свою очередь высшей нервной деятельностью человека. Из общеобразовательного курса физики, известного даже на Земле, мы знаем, что кварки являются фундаментальными частицами в, так называемой, Стандартной модели. Они обладают собственным электрическим зарядом, кратным $e/3$, и не наблюдаемы в свободном состоянии, но входящие в состав адронов (сильно взаимодействующих частиц, таких как протоны и нейтроны). Кварки представляются бесструктурными, точечными частицами, что давно проверено экспериментально вплоть до масштаба примерно 10-16 сантиметра, что примерно в 20 тысяч раз меньше размера протона. Даже на Земле ученые знают, о как минимум одиннадцати разных «сортах» кварков различающихся по «аромату» и «цвету». Светлые и с тонким запахом кварки обладают бо;льшим электрическим зарядом нежели темные и с тяжелым запахом, так называемые антикварки – античастицы с противоположными квантовыми числами. Каждому кварку соответствует свой антикварк. Кварки взаимодействуют друг другом, часто составляя цепочку из двух-трех, а то и большего их количества. Они участвуют в сильных, слабых, электромагнитных и гравитационных взаимодействиях. Сильные взаимодействия способны изменять его цвет, но не меняют аромат. Слабые, наоборот, не меняют цвет, но могут изменить аромат. Необыч-

ные свойства сильного взаимодействия приводят к тому, что одиночный кварк не может удалиться на какое-либо существенное расстояние от других кварков, а значит, кварки не могут наблюдаться в свободном виде. Поясню для наглядности. Когда человек спит, то его высшая нервная деятельность ослабевает, а значит и электрическое магнитное поле его тела тоже, но не исчезает полностью. Не имея возможности далеко отлучаться от тела, кварки как бы парят над ним. В это время человек во сне может ощущать некое парение и взгляд на самого себя со стороны. Поэтому сон иногда и называют «малой смертью». Когда же человек умирает по настоящему, то его высшая нервная деятельность исчезает, а вместе с ней и электромагнитное поле, удерживающее кварки в теле. Они получают свободу. Вот тут и начинается самое интересное. В общей своей составляющей, кварки имеют довольно внушительную массу – от нескольких десятых грамма, до трех, а то и пяти грамм. Это люди доказали, когда поставили эксперимент по взвешиванию в барокамере умирающих и уже мертвых. И сравнили полученные результаты. Еще раз напомним – кварки очень сильно взаимосвязаны друг с другом, даже если и не находятся в одной сцепке. Еще одно замечательное свойство кварков заключается в том, что они носят на себе отпечаток мыслей и поступков людей, совершенных ими в процессе жизни и никуда со временем не деваются. Этакая домовая книга человеческой судьбы, из которой не вырвешь страницу, и не исправишь, уже написанное, ко-

гда-то в ней. По глазам уже вижу, что догадался о дальнейшем. Да. Люди, ведущие, мягко скажем, несправедливый образ жизни, имеют в своем составе антикварки наиболее темных цветов с наиболее резкими запахами, но имеющих меньший заряд и бо;льшую массу. А значит подняться им значительно труднее, чем светлым. К тому же все плохие, с точки зрения общепринятой космической морали, человеческие поступки образуют из темных и дурно пахнущих антикварков более сложные цепочки, состоящие из двух-трех, а то и более антикварков, нежели светлые. Опять поясню на примере для наглядности. Когда школьник уступает место в автобусе престарелой бабушке, то его поступок прост и не имеет под собой никакой подоплеки. Совершая этот поступок почти на автомате, он меньше всего думает о том, что про него напишут в «Пионерской правде». Или солдат-ветеран, бросающийся на гранату, случайно выпавшую из рук неумелого первогодка, не имеет никаких «задних» или «передних» мыслей, как только спасти стоящих рядом сослуживцев, ценной своей жизни. Поступок прост и оценивается в один светлый кварк с сильным зарядом, но малой массой. В силу своего мощного заряда. Он способен вытащить за собой немалое количество своих «собратьев». А теперь рассмотрим другое дело. Племянник, убивший тетку из-за богатого наследства. Мотивов и подоплеки, хоть отбавляй. Тут тебе и само убийство, и корысть, и зависть, и желание возвыситься над другими, и, разумеется, страх разоблачения. Сколько я насчитал?

Пять мотивов. И это только навскидку. Значит, пять темных и вонючих антикварков, да еще и в сцепке друг с другом! Представляешь, сколько подобного «висело» на каком-нибудь Гитлере со своими подручными?! Да такие цепочки утянут на дно любое количество светлых кварков. Дело сепарирования и оседания кварков – небыстрое. Длится примерно сорок дней. Поэтому и считается, что сорок дней душа находится возле тела. Когда процесс заканчивается, то легкие светлые кварки, сбросившие с себя груз темных антикварков, имея сильный заряд, устремляются к верхним слоям атмосферы, к куполу Земли, которую по меткому выражению профессора Вернадского называют ноосферой. Там они и составляют энергоинформационное поле. Мы же со своей трубой ротонного тоннеля, всего лишь придаем светлым кваркам, тоже находящимся в сцепке, необходимое ускорение. Вот в принципе и все. Нет никакой формулы, никакого моего участия и театральных постановок с Последним Судом и прочей церковной дребеденью. Доступно?

– Вполне, – ошарашенно ответил ему ангел, с трудом приходя в себя от того, что услышал. – А дальше?

– Что дальше?! – не понял его вопроса Господь.

– Я хотел спросить, а что дальше происходит с темными антикварками?

– Да, ничего, – пожал плечами Бог. – Под своей естественной тяжестью они оседают на Землю. Электрический заряд, и без того слабенький затухает, а значит перестает удержи-

вать в сцепке свои кварки. Они распадаются. Затем идет распад уже самих кварков на ничего не значащие осколки и обрывки. В общем, мусор. Что происходит после неудачного химического опыта? Отрицательные его результаты записываются в журнал, дабы не повторять прежних ошибок, а остатки просто сливают в канализацию. Вот и все.

– Но как же так?! – почти прохрипел перехваченным голосом Захария. – Нас же с самого рождения учили, что мы призваны бороться за души людей с силами Ада. Что страшней его нет ничего на свете. И хоть никто из нас никогда этого Ада не видел и его представителями не встречался, все мы знали, что он есть и нам надо бороться с ним. А теперь, что же выходит? Ада нет? А с кем тогда бороться?!

– А что, собственно говоря, вам мешает и дальше бороться за души людей, хотя бы и при отсутствии Ада, как такового?! – всплеснул руками Господь. – Я вот, например, даже и не знаю, что страшней, выдуманный попами Ад, где все же есть какая-никакая жизнь, хоть и мучительная, или Эйнсоф – Великое Ничто, небытие, распад и забвение. Аж мороз по коже пробирает.

– А ведь и верно, – сказал ангел, немного приободряясь после недолгого раздумья. – И впрямь страшно делается, как представишь себе такое. Впрочем, понятие Ада, если на него смотреть, более расширенно, вполне укладывается в канву событий, описанных тобой. Это же какие муки страшные, осознавать грешнику свою полную дезинтеграцию?!

– Во-во! И я о том же, – поддержал его Всевышний.

– Господь, – обратился к Богу ангел после непродолжительной паузы, – позволь мне в связи с этим обратиться к тебе с еще одним вопросом?

– Слушаю, тебя, Захария, – ответил тот.

– Я сначала не хотел об этом спрашивать, считая вопрос не совсем этичным, но в сложившихся обстоятельствах

– Напомни-ка мне, ты за свои девяноста девять воплощений ни разу в тело дипломата не попадал, а то я что-то запамятовал? – перебил его Господь.

– Эээ... мне приходилось иногда вступать в переговоры на уровне представителей государств, – осторожно выразился полковник.

– Оно и видно. Ладно, не тяни кота за причинное место. Говори все как есть. Ведь именно для этого мы тут с тобой и сидим, – без обиняков заявил Создатель.

– Спасибо. Так вот о чем я хотел сказать. Вопрос с землянами, как я понимаю, ты взял на карандаш и я надеюсь, что он так или иначе будет решен, раз уж тебя заинтересовали представленные мною выкладки.

Бог согласно кивнул головой:

– Да. И в контексте этого, я думаю, что будет принято решение о корректировке в подготовке первой межзвездной экспедиции.

– Спасибо еще раз. Это было бы очень здорово – послать первую экспедицию не куда-нибудь, а на Землю наших пред-

ков и братьев. Но мне теперь хотелось бы прояснить и нашу, я имею в виду райскую судьбу. Что будет дальше с жителями Рая? У землян теперь появилась надежда на то, чтобы подняться на ступень выше в своем развитии. А мы? Что же будет с нами? Ведь не за горами то время, когда мы начнем умирать. А наше перерождение вроде как не предусмотрено...

– Я понял тебя, Захария. И я рад, что этот вопрос ты мне не задал с самого начала нашей встречи. Это значит, что судьба человечества и райанства, вопросы добра и зла для тебя имеют более высокий приоритет, нежели твоя собственная. Поверь, я очень сильно оценил твой поступок, – тут он вздохнул глубоко и тяжело, будто готовясь к чему-то очень важному, и продолжил. – Мы с тобой взрослые люди. Да-да, люди. И разница между нами не в телесном различии, а оно у нас не слишком велико, и не в том, что меня родила женщина, а тебя вырастили в прорбирке. Разница лишь в том, что я являюсь представителем чуть более развитой цивилизации, чем ваша. Мы – ваши создатели испытываем к вам чувства не только гордости за созданное нами с нуля общество, но еще и глубоко родительские, патерналистические чувства. Поэтому давай поговорим честно и откровенно, как отец с уже взрослым и все понимающим любимым сыном.

Длинная преамбула предстоящего диалога насторожила Захарию и он уже почти не чувствуя холода, попытался заглянуть в глаза Верховному Божеству, провозгласившему о

своём отцовстве, но в темных зеркальных очках не увидел ничего кроме слегка искаженного собственного лица. А Бог, вздохнув опять, продолжил:

– Начну издалека, переходя от общего к частному. На днях Высшим Советом, а именно он является в нашей цивилизации высшим распорядительным органом, – пояснил он сразу Захарии, – было приняты два очень важных решения. Первое касается Земли и землян. В виду малого количества представителей планеты Земля, способных преодолеть междивизиционную «пороговость», гарантирующую дальнейшее развитие всего земного общества, Высший Совет Сирианского Содружества Планет признал промежуточные итоги эксперимента неудовлетворяющими первоначальным требованиям и рекомендовал Филиалу Института Макротел Вселенной по Изучению Проблематики Пороговых Цивилизаций, продолжить работы в этом направлении до получения приемлемых результатов...

Тут Бог спохватился и немного смущенно проговорил, видя легкое недоумение в глазах внимательно слушающего собеседника:

– Совсем вылетело из головы. Я же не сказал тебе с самого начала, что мы находимся на планете Сирия, а не на каком-нибудь мифическом Седьмом Небе. Мы на планете, являющейся по сути столицей нашего Планетарного Содружества, в которое входит большое количество планет, преодолевших в свое время пресловутый цивилизационный порог.

По счастливому для меня обстоятельству Сирения еще и моя малая Родина, где я живу, работаю и с недавнего времени занимаю должность директора Филиала Института Макровселенной, как говорится, прошу любить и жаловать. Это я тебе к тому, чтобы ты не падал ниц передо мной как перед богом, а уважал меня хотя бы в силу моего должностного положения и одного из твоих создателей. То есть, видел во мне, прежде всего, отца и учителя. Так, на чем я остановился?!

– На решении Высшего Совета, – заботливо подсказал Захария.

– Ах, ну да. В этом плане, благодаря тебе, я думаю, дела в скором времени сдвинутся с мертвой точки. Второе решение Совета уже касается непосредственно Рая, или как у нас принято называть «Платформы № 17». Высший Совет решил признать создание «гибридной» цивилизации перспективным направлением в качестве промежуточной модели существования цивилизаций с различной базовой структурой. Было решено распространить этот опыт применительно к другим пороговым цивилизациям. Дальнейшее продолжение работ в плане усвершенствования механизма создания и развития подобных цивилизаций было опять же возложено на наши скромные и привыкшие к тяжести плечи. Так что, в этом контексте, за Рай беспокоиться не следует. Он без присмотра не останется. Разве что лично я, в силу появления дополнительных нагрузок, буду пореже вмешиваться в ваши дела, ну да и вы уже не дети, чтобы вам ежечас-

но меняли подгузники. Впрочем, формулу прямого обращения ко мне ты все же не забывай. Теперь перейдем непосредственно к райанцам, твоим соплеменникам. Тут дела обстоят несколько сложнее. Начну с малоприятного. «Природные» райанцы, то есть искусственно созданные ангелы, к которым относишься и ты, хоть и имеют приличные по земным меркам сроки существования, но все же имеют свои, как это не печально границы. И границы эти находятся где-то в районе от 22-х до 25-ти тысяч лет. Даже крепкий кремний за это время стирается и изнашивается. И с этим ничего не поделаешь. Для вас, «природных», обстоятельства осложняются еще и тем, что кварковая структура в вас при создании не была заложена. Вместо души, находящей свое отражение в кварках и антикварках, у вас машинная программа. Это одновременно плохо и хорошо. Плохо, потому что, к моменту физического прекращения функционала вашего организма, при отсутствии такого накопителя жизненного опыта, как кварк, вашей сущности некуда перемещаться. И в этом смысле, вам угрожает настоящая смерть, подобно тем, о которых мы только что говорили. Но не все настолько печально, как может показаться с первого взгляда. Мы, конечно, могли бы вам помочь, но ваша цивилизация уже достаточно развита, чтобы самой справиться с этой проблемой. Создание искусственной телесной оболочки, ничем не отличающейся от созданной естественным путем, для вас уже давно не секрет. Попыты с созданием функционирующего голов-

ного мозга идут вполне успешно, о чем ты узнал позавчера, к немалому своему удивлению. Не за горами то время, когда вы научитесь пересаживать сознание одних организмов с изношенными телами и мозгами в другие, более новые оболочки. Лет сто или двести и это уже перестанет быть животрепещущей проблемой. По крайней мере, для вас – «природных». Единственный минус, который я вижу во всем этом, заключается в том, что вы «природные» не сможете подняться на следующую ступень цивилизации, вследствие отсутствия кварковой составляющей. Но я не склонен считать это большой бедой для вас. Думаю, что в Раю, всегда и при любых обстоятельствах, найдется работенка и для вас. Вы станете подобием якоря, удерживающего своей ортодоксальностью вашу цивилизацию на плаву истории. Здоровый консерватизм, олицетворением которого вы будете являться еще никому никогда не мешал. Впрочем, не исключено, что вы за оставшиеся двадцать тысяч лет придумаете что-нибудь особенное, что нам сейчас даже и в голову не приходит. Должен признаться, что в отличие от нас, вы движетесь по пути прогресса семимильными шагами. Мы в этом плане являемся большими тугодумами, чем вы. Вот что значит симбиоз цивилизаций! Что же касается «местных» или как вы еще их называете «коренных» райанцев, рожденных от браков с «природными» и «обращенных», то тут все гораздо проще. И у тех и у других кварки имеются, и им беспокоиться не о чем. Мы сейчас усиленно работаем над созданием тоннеля,

подобного тому, что соединяет Землю и Рай, для перемещения уже райанцев на следующую ступень развития. Правда, принцип там будет несколько отличаться от прежнего. Если основной задачей Большого Ротонного Луча было придание ускорения и «одевание» кварков в оболочку из кремния, то задачей мюон-мезонного тоннеля помимо тех же самых функций по ускорению и «одеванию» в оболочку на основе радиоактивного нуклида кремния ^{32}Si , из которого, кстати, состою и я, является еще и функция отбора по качеству, над формулой которого мы с коллегами и работаем.

– Как это?! – удивился и обиделся Захария. – Опять отбора? По какому качеству?! Разве мы уже не прошли отбор? Или критерий для следующей ступени настолько велик, что не все райанцы подходят для этого?

– Не кипятись, Захария, – начал успокаивать его Господь. – Не все так однозначно. Я прекрасно понимаю, что райанцы своим существованием, пройдя кварковый фильтр, вполне себе доказали свою моральную чистоплотность. Но для следующей ступени развития этого может не хватить. Нужны дополнительные качества, усиливающие их позиции. Попробую пояснить на пальцах. Ваша цивилизация очень хорошая. Но она в настоящий момент находится в зоне риска. С одной стороны ей угрожает сваливание на предыдущую ступень, а с другой ей угрожает уничтожение от любого космического катаклизма. Вас, райанцев, слишком мало еще, да к тому же вы сосредоточены на одной планете. Это очень рискованно

и непродуктивно. Любой шальной метеорит размером чуть больше Эвереста, и все! Гибель планеты и в целом всей цивилизации. В вашем случае даже двух цивилизаций. Нужна разумная экспансия, освоение новых планет, рассосредоточение, дабы снизить риски случайного уничтожения. Ваших моральных качеств, для этого, явно недостаточно. Нужны дополнительные качества, способствующие выживанию, но не за счет и не в ущерб морали и нравственности.

– И какие, по-твоему, должны быть эти качества?

– Кварковый фильтр действовал от противного, отсеивая все негативные качества человека. А теперь нужен фильтр, как бы наоборот, выявляющий и развивающий созидательные качества. Такие например, как трудолюбие, жажда познания, жажда и стремление к прекрасному, способность к творчеству, стремление к мессианству, здоровый оптимизм, увеличение трудоспособности, находчивость, в конце концов...

– И что же, вы уже обладаете всеми этими качествами? – хитренько поинтересовался ангел.

– Нет, конечно, – не стал скрывать Бог. – Но ты сам прекрасно понимаешь, что плох тот учитель, который не воспитал ученика, способного превзойти его самого.

И улыбнулся.

– И как выглядит эта формула? – уже серьезно спросил он у Всевышнего.

– Ну, если не вдаваться в детали, то что-то похожее на

дробь, где в числителе будут качества, которые я уже перечислил, плюс еще какие-нибудь, которые я упустил, а в знаменатели пусть будут их антиподы. При делении дроби, если получаемое число будет равно единице или больше, значит, критерий соблюден. Но тут все же сохраняется опасность растерять то положительное в морали, что уже есть. Есть опасность постепенного появления хитрых, неутомимых, стремящихся овладеть новыми знаниями вопреки всему веселых покорителей космоса, с засученными рукавами немцев 41-го.

– Антиподы, это как!? – не сразу понял Захария, не обращая пока внимания на заявленные опасности.

– Элементарно. Антиподом трудолюбия является лень, жажде познаний апатичность, миссианству анахоретство, оптимизму, соответственно пессимизм, трудоспособности утомляемость, находчивости тугоумие. И так далее. Вот только не говори мне, что среди райанцев нет пессимистов, анахоретов и тяжкодумов, – предотвратил Господь, уже собравшегося ему что-то возразить Захарию.

– Есть, конечно, – вздохнул тот. – Только вот по какой шкале это все будет учитываться, как измерить и зафиксировать то же самое трудолюбие, в трудоднях, посвященных на общее благо?! Или лень. Как ее измерить и в каких единицах?

– В том-то и вся проблема, но мы над ней думаем. Думайте и вы.

– Формула слишком громоздка и предъявляемые требования слишком велики. Таким макаром на следующую ступень никто не заберется.

– Но ты согласен, что требования все же должны быть?

– Безусловно. Но формулу надо радикально упростить.

– Как?!

– Брать все перечисленные в числителе качества, но не все вместе, а по одному. И примерять их к каждому из абитуриентов. И если тот хотя бы по одному параметру подходит, то следующим этапом можно задуматься о знаменателе. Чтобы не возникло той опасности, о которой ты сейчас говорил, я предлагаю в качестве универсального знаменателя поставить «милосердие». Тем более, что оно уже присутствует в кварках «обращенных» и «местных», поэтому лишний раз голову ломать не надо над единицами измерения. Все уже измерено до нас. Получаем простую дробь. Только оценочный механизм деления совершенно другой приобретет вид. При делении числителя на знаменатель, если полученное число меньше единицы, значит, моральные качества в виде милосердия все же превалируют над жизненной активностью.

– А не будет ли отбор, слишком однобоким? – почесал в задумчивости затылок Господь. – Милосердные трудоголики, милосердные непоседы, милосердные весельчаки, милосердные ученые, милосердные выживальщики...

– В чем затык?! Разве это плохо? А насчет однобокости, то посмотри на Рай. «Природные» и «обращенные» в процессе

общения переняли друг у друга все недостающие качества. Уверяю тебя, что так будет и на следующем витке цивилизации. Человек – самое адаптивное разумное существо. Мне ли этого не знать.

– Ты второй раз за час удивляешь меня, – задумчиво проговорил Бог. – Мы обязательно подумаем над твоими предложениями.

– Или мы не дети твои?! – зарумянился Захария

– Дети, дети, – усмехнулся тот, подмигивая «отпрыску».

– Скажи, Господь! – вдруг неожиданно обратился он к Богу. – А так ли уж нам необходимо перебираться на новую ступень, если мы еще, как следует, не обжились на этой?

Господь не стал отвечать сразу. Он потер рукой гладко выбритый до синевы подбородок, как бы собираясь с мыслями, затем подался корпусом вперед и сложил руки на коленях, сцепив пальцы. Посидел немного в такой позе, а потом начал негромко:

– Понимаешь, Захария, – тут он опять остановился, и, как казалось, через силу продолжил, – все имеет свое начало и свой конец. Так происходит и с любой цивилизацией. Неважно как она развивалась, но конец обязательно будет. Я не говорю, что он непременно должен быть фатален. Нет. Но отсечка на каждом этапе развития обязательно присутствует. Это как промежуточный финиш в бесконечно долгой гонке. Та цивилизация, к которой принадлежу я, тоже подходит к своему завершающему этапу.

– Но как же... – вскинулся Захария, и ужас отобразился на его лице.

– Не перебивай, – спокойным и ровным голосом прервал его Господь. – Да. К завершающему этапу. Но разве я сказал, что он последний? Каждая цивилизация занимает во Вселенной свою нишу и переходит с одной ступени на другую в порядке живой очереди. Существует несколько таких ступеней. Человечество – низшая ее ступень, характеризуется тем, что ничего не знает о Законах Вселенной. Райанство, гибридная искусственная цивилизация – слудующая ступень, характеризуется тем, что пытается жить по Законам Вселенной, все еще имея о них смутные представления. Сиренианство – ступень еще чуть более высокая, на которой мы уже знаем о Законах Вселенной и живем в соответствии с ними. Придет время, и я чувствую, что оно придет уже скоро, когда нас позовут, и мы присоединимся к тем, кто пишет эти законы. Мы покинем этот уже освоенный нами клочок Галактики и возможно станем самой Вселенной или же переберемся в другие пространства. И нам жалко бросать начатое дело. Мы должны подготовить свою смену и передать ей ключи от нашей прежней квартиры. И мы хотим быть уверены в том, что передаем все это в надежные руки. Вам и землянам и возможно еще кому-то, кого успеем взрастить перед отбытием, предстоит занять наше место. Я не говорю, что это будет сейчас или в совсем скором времени. И у нас и у вас еще есть время подготовиться к смене караула.

– Я понял тебя, Господь. И мы постараемся не подвести своих родителей. Клянусь от себя и от пославших меня, приложить к этому все силы! – торжественно провозгласил Захария, встав по стойке «смирно», затем приложил ладонь к сердцу и склонил голову.

– Нам ничего другого не остается, как только надеяться на это. Ладно, вопросы еще есть?

– Есть. А можно не по теме? – замялся ангел от смущения.

– Выкладывай, – сказал Господь, опять небрежно откинувшись на спинку лавочки. Видно было, что ему и самому нравится участие в этом диалоге.

– Скажи, а почему тебя никак не изображают: ни на иконах, ни на портретах? Раньше я думал, что у тебя вообще нет никакого образа, вернее постоянного образа, а теперь вижу, что он есть и вполне осязаем. Так в чем причина?

– А как прикажешь меня изображать? В каком виде? В виде грозовой тучки, мечущей молнии? Или пылающего куста, цветы которого хорошо выводят бородавки? А может в том, который ты видишь сейчас? И на кого я буду похож в этом виде? На Слепого Пью из «Острова Сокровищ» или того хуже, на кота Базилио? – откровенно рассмеялся Господь.

– А если снять очки? – поспешил ляпнуть Захария.

– А ты этого точно хочешь? – уже как-то зловеще осведомился Всевышний.

– Н-не знаю, – с ноткой неуверенности ответил ангел.

– Ну, смотри, тогда, – и он вдруг неожиданно снял очки.

Ох, лучше бы он этого не делал. Глаза Бога были не то, чтобы неприятные, они были СТРАШНЫМИ. Захария сразу вспомнил, где он видел этот взгляд. Причем, совсем недавно. Это был взгляд Колобка. Тогда на него из из темного провала Тартара взглянула сама СМЕРТЬ. И сейчас бездонная темнота принесла с собой цепенящий ужас неотвратимой смерти. Захария не мог самостоятельно оторвать взгляд от этих глаз, которые ледяными пальцами вцепились ему в сердце и начали сжимать его. Бог не стал долго испытывать крепость духа Захарии, поэтому быстро водрузил очки на свое место. Весь процесс не занял более двух секунд, но Захарии показалось, что прошла целая вечность, прежде чем ужасное видение прекратилось.

– Так, значит, это ты был тогда? – сглатывая неожиданно подступивший комок к горлу и постепенно приходя в себя, спросил Захария.

– Да, – сказал Господь, сразу поняв, о чем идет речь.

– Теперь понятно, почему мне так холодно сидеть рядом... Могильный холод...

– Умный ты мужик, Захария, но изрядный дурак, при этом! – засмеялся Всевышний, чем окончательно привел в сознание своего собеседника. – Холод вокруг меня, вовсе не из-за этого. Просто, так срабатывает синхронизация временных потоков.

– Эээ...

– Что такое, по-твоему, есть время? – спросил Господь.

– Ну-у, река, текущая из будущего в прошлое, через нас, находящихся в ней в настоящем, – неуверенно протянул ангел.

– Образно. И где-то даже верно. Но все-таки ответить затруднительно, да?

– Да, – не стал спорить Захария.

– Если затрудняешься выразить какую-то величину, то попробуй это сделать через другие величины. Дано: время, скорость и расстояние. Выражай! – потребовал Бог тоном, не терпящим возражений.

– Ну-у, – опять начал тянуть волюнку ангел, – Расстояние разделить на скорость...

– Ничего делить не надо. Просто вырази, – уже чуть терпеливее проговорил он, как мать сыну – тихому троечнику.

– У меня в голове сплошной вакуум, – плаксивым тоном заявил Захария.

– Ладно, – вздохнул Бог. – Время, в широком понимании, есть скорость радиального распространения материи. Почему радиального? Потому что сразу по всем осям координат относительно горизонта событий. Уяснил?

Захария быстро-быстро закивал. А Бог продолжил:

– А что влияет на скорость?! Ну, хотя бы на скорость химических процессов?

– Катализатор? – робко предположил ангел.

– Да. А что может являться таким катализатором? – задал наводящий вопрос Господь.

– Ума не приложу, – нисколько не задумываясь, браво отрапортовал бестолковый Сын Божий.

– Тем-пе-ра-ту-ра! – по слогам, как первокласснику стал втемняшивать он и повторил. – Температура среды воздействия! С увеличением температуры, увеличивается скорость протекания реакции. В нашем случае, с увеличением температуры временные процессы убыстряются, и наоборот.

– Это что же... Выходит время в костре протекает быстрее чем в холодильнике, что ли?! – недоуменно пробормотал первоклассник-второгодник.

– В голове у тебя холодильник! – отмахнулся от него Бог. – Костер и холодильник влияют на скорость движения атомов, состоящих их протонов и нейтронов, то есть на величину самой материи, а не на ее положение. Время же, это не протоны с нейтронами, а кванты – связи между ними. Эти закрученные спиралевидно связи пронизывают собой всю материю и всю Вселенную, состоящую из нее, так как абсолютного вакуума не существует, за исключением твоей головы, – назидательно продекламировал Бог и для вящей убедительности постучал костяшками пальцев по лбу Захарии.

– Да уж, – не нашелся, что ответить на это Захария.

– А так как время, представляет из себя, помимо прочего, сложно сконструированную и закрученную спираль, то при нагреве или охлаждении ее, она, то раскручивается, то закручивается, тем самым убыстряя или замедляя свое течение. Когда вы научитесь изменять температуру внутри атом-

ных и межатомных связей, не трогая при этом сами атомы, вы овладеете временем. Или оно вами, но тут уж, как повезет. Мы с тобой находимся в разных потоках времени. Для меня – год, а для тебя – тысячелетие. Чтобы мне не выпасть из твоего времени, мне приходится тормозить свое, охлаждая квантовые связи. Ты же не можешь увеличить скорость своего, чтобы двигаться мне навстречу. Вот мне и приходится трудиться за нас двоих, поэтому тебе и зябко, тепличный ты мой.

– Ага! – поняв про себя что-то, произнес Захария. – Значит, аномальное изменение температуры окружающей среды это один из признаков твоего незримого присутствия?! Верно?!

– В принципе, да, – почесав нос, согласился Господь, посмотрев на своего собеседника более уважительно, чем минутой раньше. Затем неожиданно спросил. – Я все жду, когда ты обратишься ко мне с просьбой?

– Какой? – не понял ангел.

– А лично у тебя разве нет никакой просьбы ко мне?! – удивился Бог.

– Просьбы? – переспросил он Бога, а потом вдруг вспомнил и закивал головой. – Прости, Господь, со всеми этими вселенскими вопросами я и забыл, что хотел попросить у тебя разрешения на еще одну командировку. Внелимитную.

– Знаю-знаю, – проворчал Господь. – Это конечно не проблема. Но ты выбрал подходящего реципиента?

– Нет, – развел руки в стороны ангел. – Я хотел попросить тебя помочь мне в выборе.

– Я, честно сказать, до сегодняшнего утра еще был против этой затеи, – прямо и без выкрутасов ответил тот. – Но сейчас на эту проблему смотрю с другой стороны. В связи с этим клязным делом, которое возникло вокруг твоего возвращения, возникла острая необходимость устроить кое-кому показательные посещения по мягким местам. И тебе, в общем, не стоит находиться в эпицентре предстоящих разборок. Ты должен быть кристально чист и с надежным алиби в кармане. А есть ли алиби более надежное. Чем срочная командировка? Тем более у меня на тебя есть особые виды, по возвращении.

– Неужели предсказание серафимов...

– А хоть бы и так! – усмехнулся Господь краешком губ.

– Но мне этого совершенно не надо! – чуть не взмолился Захария.

– Поверь, дело отнюдь не в тебе, а в принципе. Неладно что-то в Датском королевстве. Нужно исправлять, пока проблема не укоренилась. Может возникнуть бунт, а ты сам знаешь, что это такое. В принципе, серафимов понять можно. И я их понимаю, поэтому найду им более достойное применение, если и не здесь, то в каком-нибудь ином мире, заботу о которых теперь возложили на наш филиал. Но показательную порку я устроить обязан, во избежание рецидива, ну и чтобы лишний раз напомнить о себе некоторым, поза-

бывшим страх Господний.

– Гавриила ты тоже накажешь? – спросил Захария, невольно жалея старика, вспомнив его с баяном в руках на последней вечеринке.

– Старый пройдоха сам себя наказал, пытаюсь усидеть сразу на двух стульях, да вот только седалища не хватило. Если на объединенном заседании секторальных коллегий будет принято решение об объединении некоторых секторов, то естественно поднимется вопрос в Объединенной Штабквартире ангельского воинства о новом командовании нового сектора. И если на этом заседании кто-то предложит в качестве командующего ангельским войском вновь образованного сектора кандидатуру не Гавриила, а кого-то иного, то я возражать не стану. А такой кандидат у меня уже есть. Для соискания места командующего ему всего лишь надо получить звание генерал-майора.

Захария густо покраснел.

– Высокое звание генерал-майора еще надо выслужить, – скромно заметил он, все прекрасно понимая.

– Присвоение генеральских чинов – моя прерогатива. Вот сделай еще одну ходку, а там будем разбираться. Значит, говоришь, реципиента не выбрал? – без всякого перехода орать спросил он.

– Нет.

– В качестве телохранителя от этой сумасшедшей бабищи, что числилась вашей с Кругловым женой, кого попало нельзя

подбирать, – вслух начал рассуждать Господь. – Во взрослого человека внедрить тебя не представляется возможным. Это грозит ему, в лучшем случае, сильнейшим нервным потрясением. В сверстника твоей Инессы – не имеет практического смысла. Какой телохранитель может быть из карапуза, только что вылезшего из детской коляски? Остается только...

– Ну?! – вытянул в нетерпении шею Захария.

– Остается только не человек.

– К-как это?! – офонарел Захария. – Робот что ли?!

– Почему же сразу робот? – смутился Господь. – А чем тебе Колобок не подходит?

– В собаку?! Животное?! – в ужасе воскликнул ангел.

– Да что ж ты так оскорбился-то, голубчик? – удивился реакции ангела Всевышний. – Мне, значит, твоему Богу и Отцу не зазорно в собаку перекидываться, а Его Величеству Захарии Первому, видишь ли, достоинство не позволяет! Каков ты гусь, однако?! Хорошего же генерала я себе воспитал! Ничего не скажешь!

– Собаку, говоришь? Да? – уже поникшим голосом переспросил он, все еще надеясь, на то, что это шутка.

– Ну да! Собака, как известно, самый лучший охранник. Да и живут они не долго – лет 10-12. А тебе больше и не надо. Довести дочь до совершеннолетия, а там уж она как-нибудь сама о себе позаботится. Ты и оглянуться не успеешь, как быстро пролетит время.

– А Оксанка меня домой не пустит, – предъявил Захария

свой последний аргумент.

– Куда денется, сука?! – зло ощерился Бог. – Как начнет опять свои молитвенные бдения, так я приду к ней в образе соответствующем и внушение сделаю! На всю жизнь запомнит!

– Ну, разве что так, – уже смирившись с участью стать «лучшим другом» человека пролепетал Захария.

– Вот и договорились! Все распоряжения на данный счет я сегодня пришлю в канцелярию, – со вздохом облегчения сказал Господь. – Если у тебя больше нет вопросов, то давай прощаться, а то мне уже тяжеловатно синхронизировать наши времена.

– Да-да, я понимаю. Конечно, – встал с лавки Захария, намереваясь откланяться.

– Давай, передавай привет всем своим. Особенно Ирии и Левушке.

– С Ирией все понятно, а почему Левушке-то? – спросил ангел. – Ведь он в тебя не верит.

– Зато я верю в него! – хохотнул Господь. – Да и вот еще что, пока не забыл. Ты когда вернешься, по моему времени это будет чуть больше недели, сразу посылай мне зов. И я тебя заберу.

– Куда? – округлил глаза ангел.

– Сюда. К себе. Снимать с тебя приобретенные животные инстинкты. А то, знаю я вас кобелей, сразу на Ирию набросишься. А мне за тебя краснеть перед ней потом.

– Благослови, Господь! – склонил Захария голову перед Всевышним, прежде чем удалиться.

– Преклони колено, сын мой, – на полном серьезе велел тот.

Захария тут же преклонил правое колено и опустил голову.

– Колена свои преклоняй только пред Богом своим, ибо он есть Отец твой и перед женой своей, ибо она есть Мать чадам твоим, а главу не опускай ни перед кем! Да будет так! – и с этими словами Господь поцеловал его лоб.

Эпилог

1

Где-то, через неделю.

В тамбуре, у шлюзовой камеры с надписью «№11» стояли трое: молодая и симпатичная девушка невысокого роста и светлыми волосами, забранными в «хвостик» на затылке, долговязый молодой мужчина с очками на носу, которые он поправлял ежеминутно и еще один довольно молодого вида атлетически сложенный мужчина с глазами стального цвета.

– Так что там насчет моей просьбы, Левушка? Ты не забыл? – обратился атлет к долговязому.

– Нет, конечно, все выяснил. Полгода назад, за твоей дочерью закрепили ангела-хранителя, вернее ангелицу. Младший лейтенант Алиме Абденнанова.

– Младший лейтенант?! – скептически сморщил лицо тот.

– Да. Ты не смотри, что она пока в невысоких чинах. Я узнавал, несмотря на молодость девчонка – молодец. Из «обращенных», профессиональная разведчица. Если уж она взялась, то можешь спать спокойно, она твою девочку не упустит. Будь у меня на Земле дочь, я непременно бы обратился именно к Алиме.

– Спасибо, Михалыч, – едва ли не впервые за время обратился атлет к Левушке по отчеству, – надеюсь, что твой оптимизм имеет прочную фундаментальную основу.

– Не сомневайся. И все же, Захар, может быть, ты передумаешь? Ну что тебе даст эта командировка? Ну, поживешь ты рядом с ней, лежа на половичке, ну, вырастет она, состарится, может даже и к нам попадет. Она уже будет совсем другой. Совсем не той, какой ты ее знаешь сейчас. И потом, как ты собираешься ее делить с Кругловым, который на нее, кстати, чисто биологически, имеет куда больше прав, чем ты?

– Несущественно, – отмахнулся тот, кого звали Захаром, – как-нибудь поделим. Сейчас – главное, быть рядом с ней, в наиболее сложные для нее времена. Ради меня она не жалела ни своего здоровья, ни жизни. Поверь, это дорогого стоит. Я желаю тебе найти такого же спутника. Впрочем, мне кажется, он у тебя уже есть, не так ли? – хитренько прищурился он, оглядывая Вершинина с ног до головы. Майор разом покраснел и принялся лепетать нечто невразумительное, типа, что все это не так, а если и так, не правильно понято, а он

белый и пушистый никому ничего такого не обещал, и вообще все это выдумки. Потом, спохватившись, что своими речами только отнимает время у той, для которой эти последние минуты на вес золота, резко заткнулся, и отвернувшись отошел в сторонку.

Захария придвинулся к девушке вплотную, взяв ее узенькие ладошки в свои руки, где они полностью и скрылись.

– Дорогая Ирия, – обратился он к ней и тут же запнулся на мгновенье, но потом справился с собой и продолжил, повторив сызнаова. – Дорогая Ирия! Я давно уже хотел тебе сказать, но все не решался. Да ты и сама уже, наверное, догадываешься, что я хотел сказать.

Ирия опустила голову с чуть подрагивающими от волнения ресницами, но ничего не сказала, отдав инициативу говорившему. Он понял это как ожидание его дальнейших слов, поэтому продолжил:

– Я хотел сказать, что за почти четыре тысячи лет не смог найти девушку, которая бы завладела моим сердцем так, как это сделала ты. Я хочу сказать тебе, что люблю тебя и прошу выйти за меня замуж...

– Ты считаешь, что сейчас самый подходящий момент для подобных признаний? – тихо спросила она, не поднимая головы.

– Другого момента, в ближайшие 10-12 лет, мне вряд ли удастся найти. Я хочу уйти в этот последний поход, зная, что на далеком-далеком берегу меня будет ждать та, для которой

я хоть немного не безразличен.

– Когда отец узнал, что ты опять отбываешь в командировку, чтобы спасти свою дочь, он сначала задумался, а потом сказал, что ты правильно все сделал. А высокие чувства всегда проверяются разлукой...

– У тебя умный отец.

– Да. Он так же говорит про тебя. И я понимаю его, когда он уходит и возвращается с очередного задания, а мать все свободное время стоит у окна и ждет, ждет, ждет.

– Десять-двенадцать лет пролетят незаметно, как один вздох...

– Лишь бы он был не последним, – перебила она его. – А я, как и моя мать жду тебя уже много-много лет, стоя у окна.

– Помнишь, я подарил тебе зажигалку и сказал, что она со смыслом?

– Конечно. Она всегда при мне теперь.

– Ты и сама догадываешься о ее смысле, но я все же скажу. Он, Стойкий и Оловянный, прошедший сквозь сражения и потери, и она прекрасная и воздушная, прыгнувшая к нему в пламя камина, сгорают в нем, превратившись в один кусочек оплавленного металла. Но это в сказке. А я хочу, чтобы у нас тобой было, как в этой зажигалке. Мы – горящие в пламени взаимной любви горя душой, не сгорали телом. И чтобы так длилось вечно. Твои руки обвивают мою шею, я мои твой тонкий стан.

– Ух, ты, как красиво! – выдохнула она, подняв к нему

свою голову.

– Тогда, скажи: согласна ли ты быть моей Прекрасной Ба-
лериной до конца моей жизни?

– Почему только твоей?! Нашей.

– Тогда, держи, – правильно поняв ее последние слова,
сказал он, доставая из нагрудного кармана маленькую коро-
бочку.

– Что это? Мне? – спросила она чуть кокетливо, но ушки
у нее при этом порозовели.

– Открой.

Девушка открыла коробочку. Там на бархатном язычке
подставки сияло, переливаясь всеми цветами радуги колеч-
ко.

– Обручальное?! – дрожащими губами спросила она.

– Нет. Заручальное.

– Как это? – недоуменно поинтересовалась она.

– У мамы спросишь. Она наверняка знает.

– Скажи сейчас. Ну, пожалуйста!

– Его со сватами посылает жених той, которую хочет взять
замуж. Если невеста не согласна выйти замуж, она возвра-
щает его жениху.

– А если согласна?!

– То надевает его на безымянный палец правой руки. А
когда выходит замуж, то меняет его, уже на обручальное.

Ирия не говоря ни слова надела кольцо на указанный За-
харией палец.

– Спасибо, – прошептал он ей в самое ухо. – Я хотел, чтобы ты меня провожала в звании официальной невесты.

С этими словами, он притянул ее еще ближе к себе и обнял, намереваясь завершить начатое, поцелуем. Она на целое мгновение расслабилась в его сильных руках и ноги ее стали подкашиваться от наступившего желания, но увидев в стороне маячившую долговязую фигуру, быстро опомнилась, зашептав:

– Что ты?! Пусти! При посторонних!? Он же все слышит! Мамочка моя, неудобно-то как!

– Он ничего не видит, – прошептал он ей опять в ухо. И уже отвернувшись, сказал громко и в сторону. – Посторонний, ты все слышишь?!

– Нет-нет, Захарушка, я ничего не слышу и уж тем более не вижу, целуйтесь себе на здоровье! – ответил посторонний и непричастный майор Вершинин.

Не дослушав толком слова постороннего, Захар впился губами в губы Ирии и не почувствовал на этот раз никакого сопротивления с ее стороны. Так они и стояли, боясь разомкнуть объятия, пока технический персонал шлюзовой камеры, в лице двух работников в специальной униформе не появился в проеме двери, собираясь устроить скандал за задержку в отправке очередного командировочного на Землю. Но, видя столь душещипательную сцену, только откашлялись, давая знать о своем присутствии.

– Можно я буду приходить с бабой Лушей по воскресе-

ням, чтобы помогать ей, убираться у тебя в доме? – спросила она, шмыгая носом и утирая ресницы.

– В нашем доме, – поправил он ее.

– В нашем, – эхом отозвалась она.

Когда дверь в шлюзовую закрылась, за уходящим Захарией, она еще долго стояла возле нее, уперевшись лбом в холод ее металлического покрытия.

2

Бабка Лукерья с утра возилась в саду. Не так давно, она в публичной библиотеке, ходить в которую всегда очень любила, отыскала эпохальный труд Ивана Мичурина «Материалы для выработки правил воспитания гибридных сеянцев при выводке новых сортов плодовых растений» и запала. Бабка никогда не слыла корыстным человеком, однако не была лишена чувства тщеславия. И поэтому рьяно принялась за деятельность, руководствуясь советами великого селекционера. Вынеся для себя главное, изучая его практику, она решила скрестить имеющиеся в ее саду вишни с яблонями, чая увидеть свое фото в газетах с вишнями размером в кулак. Она с упоением стругала ветки яблонь и приложив к месту струга такие же свежеструганные ветки вишни, а затем замазывала свое художество садовым варом. Время летело незаметно. Онфим еще спозаранок умелся в свою бывшую избенку, которую полностью переоборудовал под химическую лабор-

раторию. Приближался обед. Старуха, заканчивая свое дело, довольным взглядом окинула «историческое» место для будущих паломников от сельского хозяйства и журналистики, как вдруг откуда-то раздался оглушительный хлопок и из окон и дверей онфимовского домика повалил густой черный дым.

– Охти ж мне, Господи! – вскрикнула она перекрестясь и без промедления старческой рысцой метнулась на соседний участок (забор по обоюдному согласию был снесен несколько дней назад). Уже подбегая к дому увидела, как в дверной проем без двери, сорванной силой взрыва, на карачках, кашля и размазывая по слезящимся от едкого дыма глазам сажу, выполз Онфим.

– Никак бомбу ядреную смастерил окаянец! – подскочила она к еле живому жениху (свадьбу решили сыграть по возвращении Захарии).

– Н-нет, мать! – заикаясь и кашляя, но не теряя бодрости духа заявил экспериментатор у самого порога, опираясь на четыре кости. – Лексир! Лексир вечной жизни!

– Хосподи! И за что мне на старости лет такое наказание привалило! – кряхтя и охая жаловалась бабка, пытаясь взять деда подмышки и вытащить «алхимика» хотя бы на свежий воздух.

– Не то, не то, мать балакаешь! – не переставая кашлять и тереть глаза, возразил он ей. – Чтоб ты понимала! Химия – в ей же вся жизнь! Эх, тигилек слабоват оказался. Не расчи-

тан вишь на температуру выше 1100°С, не держит стабильность. Да и ускоритель элементарных частиц дерьмовый. Ясное дело – в комиссиинке брал. Оксид кремния понимаешь в реакции с простым углеродом да при облучении его изотопом того же 13С. Ты понимаешь, мать, что будет?

– Да где уж мне, старой! – все еще пытаюсь поднять его, пыхла «юная мичуринка».

– Суперкарборунд получится! Почти алмаз!

– И что с того? Что мне с этих алмазов?!

– Эх, ты! – разочарованно произнес дед, кое-как принимая полувертикальное положение. – Энтэ же практическое бессмертие!

– Бессмертие?! Да с тобой, я чую, что и до следующего пенсионера не доживу! – отмахнулась она от несостоявшегося нобелевского лауреата. – Ладно! Хватайся за меня, да пошли до хаты. Э! Э! Да ты где охальник, хватаешь-то! Ахти ж хулюган кобелячий! Во я тебе дам! Да, тьфу на тебя, не цепляйся к словам, ирод!

Однако же, несмотря на громы и молнии метаемые ей в его сторону, она, бережно обхватив за талию своего одноногого кавалера и подставив свое плечо, чтобы ему было легче опираться, потащила его домой. Наверное, оба они были счастливы в этот момент.

Гавриил стоял у окна своего кабинета и поливал из лейки свое любимое колючее детище. С самого утра в голове роились какие-то тревожные мысли. А тут, словно сзади торкнул кто. Он опустил невольно лейку и задумчиво уставился в окошко. «И зачем мне это все надо? К чему эта никому не нужная суета? Стаж для пенсии я уже давно себе выработал. Пенсия – не на много меньше зарплаты. Да и куда мне ее тратить? Детей у нас Липочкой, не предвидится. Жаль, конечно. Может прав Захария, когда говорил, что я прилип к этой должности и креслу? А может, ну его к дитятам собачьим, это место?! Махнуть на все рукой, да и рвануть в ангелы-хранители, как в молодости бывало! Впереди, как минимум, столько же лет, сколько и прожил, если врачи не врут. Может еще не поздно обрести в себе, что-то новое?! Об этом надо подумать, как следует» – думал архангел, глядя в оконную даль, а из наклоненной лейки тоненькими нитями брызг лилась вода на пол. Лилась и лилась себе, но ангел не замечал этого.

4

Вот уже целых пять минут майор Вершинин с роскошным букетом цветов наперевес, топтался и терзал кнопку звонка квартиры Милены, которая находилась в одном из небоскребов недавних новостроек. Он знал, что она здесь по тому, как моргнуло стекло ее дверного глазка. В Раю не принято, уходя

куда-то из дома, закрывать двери на ключ, но те, кто хотел по каким-то причинам побыть в одиночестве, иногда пользовались небольшими засовами. Она стояла, прислонившись к двери с обратной стороны. Стояла и слезы текли по ее щекам. А тот неистовствовал, пытаясь измором взять неприступную крепость квартиры и ее сердца:

– Милена, открой! Я знаю, что ты здесь! Миленочка, ну прости меня, пожалуйста! Милена, если ты мне сейчас не откроешь, я поменяю свой дом на квартиру в вашем подъезде и буду каждый день калошматить в твою дверь! – перешел он уже на явные угрозы. И вдруг совсем неожиданно. – Милена, хочешь, я встану перед тобой на колени?! А?!

И чуть погодя, совсем уже упавшим голосом, почти простонал:

– Милена, я люблю тебя...

А Милена в это время плакала и улыбалась. И волосы на ее макушке слегка шевелились как бы между прочим, сами собой. Она была первый раз в жизни по-настоящему счастлива, однако решила для профилактики еще немного потерзать и помучить свое прямое начальство, потому что была стопроцентной женщиной, а значит – немножко чертовкой. Только Левушка пока об этом ничего не знал.

– Ничего, скоро узнаешь. Вот женишься и узнаешь, – проговорил Господь тоном сытого кота, наблюдая сцену в прямом эфире на экране своего монитора.

Господь сидел в кресле своего просторного и светлого кабинета. Сидел и бесцельно перекидывал с места на место канцелярские принадлежности. Он заметно волновался. К нему сегодня после обеда должна прийти Мария. В последнее время она довольно часто приходила к нему. Видимо сил ее справиться со всеми бедами Земли и ее обитателей перестало хватать. Его всегда немного злил и обижал деловой тон их встреч. «Неужели она ни разу не может прийти просто так, а не по делу?!» – с раздражением и жалостью к самому себе думал он в такие моменты. Но сегодня ему почему-то казалось, что эта встреча будет особенной. Может что-то потихоньку сдвинулось с мертвой точки в их непростых отношениях? Может, выгоревшая поляна ее чувств к нему начала медленно и робко покрываться молодой зеленью? Сегодня должно что-то решиться. Он это чувствовал каждой клеточкой своего организма.

Хмурая девочка, возрастом около шести лет, стояла субботним утром во дворе, прислонившись к качелям спиной и угрюмо уткнувшись носом в землю. Дворовые дети, привыкшие с недавних пор к ее не совсем обычному виду, старались ее не задевать, занимаясь своими делами. Казалось

ничто в этом мире не способно поколебать ее суровый вид. Видно было, что мыслями она пребывала где-то очень далеко и все, что происходило вокруг, ее абсолютно не касалось. Вдруг из кустов, что росли неподалеку, послышалось какое-то шевеленье и прерывистое сопение, характерное для маленьких собак и щенков. Девочка повернула голову в сторону откуда доносились эти звуки. Через мгновение из кустов сначала показалась голова, а затем и туловище щенка настолько черной масти, что он скорее походил на живой кусок антрацита, нежели на собаку. Широко открыв пасть, словно улыбаясь старой подруге и подрагивая приподнятым хвостиком, он развалистой, но уверенной походкой бывалого моряка, спустившегося с трапа корабля, двинулся, как ни в чем не бывало, к ребенку. Девочка, сперва, не поверила своим глазам, поэтому и немного замешкалась на старте, но быстро пришла в себя и гиперзвуковой ракетой ринулась к нему навстречу. Встреча была бурной и радостной. Они визжали, обнимались и катались по траве минут пять. Девчушка захлебывалась от слез счастья, беспрестанно повторяя:

– Колобочек! Миленький! Нашелся! Как долго я тебя искала!

Тот тоже потягивал и повизгивал, разделяя с ней радость встречи, и одновременно оправдываясь, за непредвиденную задержку. С момента их последней встречи, которая произошла за несколько минут до трагических событий, он заметно стал крупнее и уже не выглядел таким неуклюжим, как

прежде. Когда первые эмоции от долгожданной встрече улеглись, Инесса взяла на руки своего «коллегу» по несчастью и заглянула ему в глаза. Ее взгляд был внимательным и изучающим. Щенок, в свою очередь безотрывно смотрел в глаза девочки, державшей его на своих руках, и казалось, тоже изучал ее. После игры в «гляделки», девочка уверенным тоном заявила:

– А ведь я ошиблась. Никакой ты не Колобок. У тебя взгляд, как у моего папки. Да. Верно. Я знала, папка, что ты вернешься ко мне. Я верила, что так будет. И ты пришел. Ты всегда обещал возвращаться ко мне, и вот вернулся, – говорила она уверенным голосом, крепче прижимая к себе горячее щенячье тело. – Но при других, я буду звать тебя Колобком. А то, что ты мой папка, не узнает никто. Это будет только наша с тобой тайна.

Она встала с травы, не выпуская его из рук, и пошла к дому решительным шагом. Колобок заворочался у нее на руках, и она неправильно истолковывая его телодвижения, спросила:

– Боишься, что она опять тебя выгонит? – с некоторых пор, слово «мама» она всячески старалась лишней раз не произносить. – Помнишь, как сам говорил: «Если нас больше одного, значит прорвемся». Нас двое, а она одна. Прорвемся.

«Молодец дочка, вся в меня пошла! Это тебе не кругловские гены. Это захарьина порода. Ну, что ж, начнем новую

жизнь. Теперь, Ксюха, держись! Только попробуй поднять руку на мою дочь, сразу руки искусаю. Р-р-р. Ну а если не достану, то уж за пятку, точно тяпну! Можешь не сомневаться» – подумал Колобок и лизнул Инессу прямо в нос, удобнее устраиваясь у нее на руках.

21.04.2020

Новокуйбышевск